А. БРИЛЛІАНТОВЪ.

ИМПЕРАТОРЪ КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ

и

миланскій эдиктъ 313 года.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, 3.
1916.

А. БРИЛЛІАНТОВЪ.

ИМПЕРАТОРЪ КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ

И

миланскій эдиктъ 313 года.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.
1916.

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе» 1914, 1915 и 1916 гг.

208457

Петроградъ, дозволено военной цензурой 8 мая 1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Значеніе произведеннаго Константиномъ В. переворота и заслуга Константина 1—4. Вопросы, возбуждаемые этимъ событіемъ 4—6. [Литература о Константинѣ 4—5].

Обращеніе Константина В. въ христіанство . . . . . 6—31

I. Отношеніе Константина къ христіанству и язычеству до 312 г. 6—10. Походъ на Максентія и обращеніе къ христіанскому Богу 10—12.—Чудесное видѣніе 12 [мнѣнія о немъ разныхъ авторовъ 12—14]. Сообщенія о походѣ Константина и чудесной помощи ему у Лактанція [вопросъ о формѣ монограммы на щитахъ 15—16], Евсевія въ „Церковной исторіи“, Евменія и Назарія 13—19. Разсказъ Константина у Евсевія въ „Жизни Константина“ о видѣніи креста и явленіи Христа во снѣ 19—22 [монограмма на лабарумѣ 21, лабарумъ 22—23]. Различіе событій, о которыхъ говорится у Евсевія и у Лактанція 23—27 [вопросъ о мѣстѣ видѣнія креста, по Евсевію, и достовѣрность разсказа Лактанція 25—26]. Отношеніе Константина къ видѣнію 27—28. [Сообщенія о видѣніи у Руфина, Сократа, Созомена, Ѳеодорита 26—28]. — Побѣда надъ Максентіемъ и изданіе миланскаго закона 28—31.

Вопросъ объ изданіи и подлинномъ видѣ миланскаго закона . 31—100

II. Сообщеніе Евсевія объ изданіи Константиномъ и Ликиніемъ закона, и Лактанція—о данномъ въ Никомидіи Ликиніемъ предиду письмѣ 31—33. Приводимый ими текстъ документа 34—42.

А) Исторія мнѣній объ этомъ документѣ и вообще о миланскомъ законѣ. а) До конца XIX вѣка. Мнѣніе объ изданіи эдикта въ Миланѣ въ 313 г. Баронія 42—43. Гипотеза о двухъ законахъ у Валуа, Валюза, Паджи, Тильмона 43—46. Отрицаніе тождества сохранившагося документа съ изданнымъ въ Миланѣ закономъ у Манси и Клинтона 46—47. Видоизмѣненіе Кеймомъ гипотезы о двухъ законахъ 47. Критика мнѣнія о двухъ законахъ у Гунцикера и Цана (и потомъ особенно Вильмейера) 48. б) Съ конца XIX вѣка. Отрицаніе Зеекомъ факта изданія миланскаго эдикта 49—50. Возраженія Гёрреса и предположеніе объ „архетипѣ“ закона; гипотеза Кривеллуччи о включеніи миланскаго постановленія въ письмо Ликинія и различныя попытки выдѣлить его оттуда Гюлле, Гуоткина, Де Баччи Венути, Галли, Батиффоля 50—56. Признаніе находящагося у Евсе-

Стр.

дія текста переводомъ самаго миланскаго закона или вообще документа, исходившаго отъ Константина, у Шесана и Виттига, Мартруа и Мориса 57—62. Отождествленіе Швартцемъ миланскаго закона вообще съ документомъ у Лактанція и Евсевія, безъ усвоенія особаго значенія разностямъ ихъ текстовъ 63—64. Признаніе Дюшеномъ и Бильмейеромъ лишь факта изданія закона, безъ попытокъ установить его подлинный видъ 64—65. [Мнѣнія въ русской литературѣ: Терновскій, Лебедевъ, Болотовъ 65].—в) Общіе итоги исторіи вопроса. Возможность неодинаковыхъ рѣшеній его и достижимость рѣшенія лишь болѣе или менѣе вѣроятнаго 65—67. Недостаточное вниманіе къ показаніямъ Евсевія и недостаточная обоснованность утвержденій Зеекка и авторовъ, пытающихся выдѣлить изъ письма Ликинія текстъ миланскаго закона 68—69. Преувеличеніе значенія разностей латинскаго и греческаго текста документа [замѣчанія о нѣкоторыхъ разностяхъ] и заслуга авторовъ, обращающихся къ даннымъ Евсевія 69—71. Разъясненія Швартца и возможный путь къ вѣроятному рѣшенію вопроса 68—72.

III. Б) Наиболѣе вѣроятное рѣшеніе вопроса.—Судьба приводимаго Евсевіемъ документа въ связи съ исторіей литературнаго преданія его „Церковной исторіи“ 72—73 [другіе 5 документовъ у Евсевія 72—73]. Предположеніе Швартца о рукописныхъ изданіяхъ исторіи Евсевія и о судьбѣ 6 документовъ, и критическія замѣчанія противъ него Лоудора 73—76. Вѣроятность помѣщенія Евсевіемъ документа послѣ IX книги уже въ 313—314 гг., перенесеніе потомъ въ X книгу въ 324 г. и затѣмъ исключеніе изъ нея, вѣроятно, въ 324—326 гг. самимъ же Евсевіемъ 76—81 [мотивъ исключенія въ BD—намѣреніе помѣстить въ особомъ приложеніи послѣ X книги; объясненіе происхожденія редакціи AT]E]R 78—81].—Сообщеніе Евсевія о присланіи Максимину Константиномъ и Ликиніемъ именно разсматриваемаго документа 81—82. Хронологическая трудность къ принятію этого сообщенія и ея устраненіе Швартцемъ и Лоудоромъ 82—84. Соображенія Де Баччи Венути о посланіи Максимину „проекта“ закона 84. Возможность для Евсевія знать о присылкѣ и получить самый документъ, составленный въ Миланѣ 84—87 [замѣчаніе о смыслѣ h. e. IX,9[a], 11—12; сообщенія въ V. C. 85—86]. Возможность составленія документа въ Миланѣ, какъ назначеннаго непосредственно для Иллирика, и отправленія его Максимину 87—93 [отношеніе Максимина къ христіанамъ 88—89; изданіе законовъ отъ имени всѣхъ правителей 90—91; соотвѣтствіе миланскому документу письма Максимина Савину 91—92]. Выводъ: греческій текстъ у Евсевія могъ быть переводомъ не „письма“ Ликинія, а присланнаго еще Максимину документа 93—94.—Замѣчанія о названіи миланскаго закона „эдиктомъ“ 95—99 [виды императорскихъ узаконеній и ихъ названія 95—97; употребленіе слова „эдиктъ“ въ широкомъ смыслѣ 98; адресаты указовъ 99]. Термины „рескриптъ“ и „мандатъ“ 99—100. [Употребляемыя въ самомъ документѣ названія, въ частности „sanctio“ 100—101].

Стр.

Вопросъ о юридическомъ смыслѣ и историческомъ значеніи миланскаго закона . . . . . 101—159

IV. Содержаніе закона: религіозная свобода и возвращеніе церковныхъ имуществъ христіанамъ 101—104. [Внѣшняя сторона его; сходство по началу съ письмами къ Христу и Элафію 103]. Вопросъ объ отношеніи его къ предыдущему положенію христіанъ и къ религіозной политикѣ христіанскихъ императоровъ 104—105.

А) Миланскій законъ съ точки зрѣнія его отношенія къ предыдущей эпохѣ.—Обычное мнѣніе о дарованіи чрезъ него христіанамъ религіозной свободы и корпоративныхъ правъ (Сантуччи) 105—107. Перенесеніе Зееккомъ этого значенія на эдиктъ Галерія 107. Мнѣніе Перуджи объ „источникахъ“ для миланскаго закона въ обычной практикѣ римскаго правительства и общемъ законодательствѣ 107—109. Мнѣніе Батиффоля о прецедентѣ его въ указѣ Александра Севера, подтвержденномъ затѣмъ Галліеномъ и Галеріемъ 109—111. — 1) Вопросъ о религіозной свободѣ. Христіанство какъ „недозволенная“ религія въ эпоху гоненій 112 — 113. Отношеніе къ христіанству Александра Севера 113 — 116 [необоснованность мнѣнія объ особомъ законѣ его въ пользу христіанъ 113—115]. Смыслъ распоряженія Галліена 116 — 117. Эдиктъ Галерія о свободѣ для христіанъ 117 — 118 [„parentes“ христіанъ 118—120] и ограниченія ея въ особой инструкціи 119—125 [изданіе ея Ликиніемъ, вѣроятно, въ видѣ рескрипта, и возможное соотвѣтствіе ей рескрипта Максимина городамъ; отсутствіе упоминанія о ней у Евсевія и Лактанція; вопросъ о ея адресатахъ 120—124]. Провозглашеніе полной свободы миланскимъ актомъ 126—126.—2) Вопросъ о правахъ общинъ. Фактическое владѣніе имуществами и непризнаніе юридической правоспособности христіанскихъ общинъ въ эпоху гоненій 126—127. Дѣйствительное значеніе для христіанъ института loca religiosa 127 [мѣста погребенія у христіанъ и случаи нарушенія ихъ неприкосновенности 127—128] и существованія въ имперіи „дозволенныхъ“ погребальныхъ коллегій 128 [виды коллегій; необоснованность мнѣнія о легализаціи христіанскихъ общинъ подъ видомъ погребальныхъ коллегій 128—130]. Значеніе по данному вопросу распоряженій Александра Севера и Галліена 129—131. Неопредѣленность эдикта Галерія и дополнительная къ нему инструкція 136—133 [разрѣшеніе въ эдиктѣ или строить храмы, или устроять богослужебныя собранія 131—133, въ инструкціи, можетъ быть—возвращеніе захваченныхъ казною храмовъ 133—134]. Возвращеніе имуществъ африканскимъ церквамъ письмомъ Анулину 131—135 [соотвѣтствіе его второй половинѣ миланскаго закона и отличія отъ него 135—138]. Открытое признаніе миланскимъ актомъ христіанскихъ общинъ корпораціями съ правами юридическихъ лицъ 135—141 [смыслъ термина corpus 138; corpus и ecclesiae, corpus и homines singuli въ миланскомъ актѣ 139—140; понятіе юридическаго лица въ приложеніи къ общинамъ и учрежденіямъ 141—142].—Общее значеніе миланскаго закона—для христіанъ и съ государственной точки зрѣнія 142—143.

Стр.

V. Б) Миланскій законъ съ точки зрѣнія отношенія его вообще къ религіозной политикѣ Константина и его преемниковъ.—Обычное прежде мнѣніе о провозглашеніи христіанства государственной религіей уже въ миланскомъ эдиктѣ (Лебедевъ) 143—145. Мнѣніе Рихтера объ устраненіи эдиктомъ понятія государственной религіи и установленіи паритета свободы 145—146. Мнѣніе Шультце объ оставленіи при Константинѣ язычества въ роли государственной религіи, но съ фактическимъ покровительствомъ Константина христіанству 146—148. Предположеніе Шесана о возведеніи христіанства на степень государственной религіи на ряду съ язычествомъ и о паритетѣ привилегированнаго положенія 148—151. Мнѣніе Де Баччи Венути объ обязательности монотеизма по миланскому закону, при свободѣ внѣшняго культа 151—153.—Вѣрность мнѣнія Рихтера о паритетѣ свободы по миланскому акту, и Шультце—о фактическомъ покровительствѣ императора церкви 153—154. Неправильность утвержденія о возведеніи чрезъ эдиктъ христіанства въ положеніе государственной религіи (Лебедевъ), хотя бы съ сохраненіемъ такого же значенія и за язычествомъ (Шсанъ) 154—157. Значеніе монотеизма въ миланскомъ актѣ 157—158. Отсутствіе упоминанія о сектахъ 158.—Необходимость обращенія къ другимъ даннымъ для выясненія религіозной политики Константина 159. [Замѣчаніе о выраженіи „vicarium postulent“ и греческомъ его переводѣ 159—162].

Религіозная политика Константина В. въ отношеніи къ христіанству и язычеству и выраженіе ея въ эдиктахъ 324—325 гг. 160—184

VI. Покровительство каѳолической церкви со времени обращенія въ христіанство и отношеніе къ язычеству до побѣды надъ Ликиніемъ 160—165 [законы объ аруспикахъ 164]. Гоненіе Ликинія 165—166. Эдиктъ Константина о христіанахъ послѣ побѣды надъ Ликиніемъ, соотвѣтствіе его миланскому закону и отличія отъ него 166—173 [вопросъ о подлинности и замѣчанія на доводы Батиффоля 167—171]. Обращеніе противъ язычества къ восточнымъ подданнымъ и его слѣдствія 173—176 [вопросъ объ изданіи закона, запрещавшаго жертвы 174—176]. Новый эдиктъ съ запрещеніемъ принудительныхъ мѣръ противъ язычниковъ и соотвѣтствіе его миланскому постановленію о религіозной свободѣ 176—181 [замѣчанія на возраженія Батиффоля противъ его подлинности 177—179]. Выраженіе религіозной политики Константина въ отношеніи къ христіанству и язычеству въ этихъ эдиктахъ 182. Строгія распоряженія противъ раздѣленій въ самой церкви 183—184 [указъ и письмо къ „еретикамъ“, вѣроятно 326 г. 183—184].

Значеніе заключеннаго при Константинѣ В. союза церкви и государства . . . . . 184—197

VII. Слѣдствія союза и разная ихъ оцѣнка 184—185. Точка зрѣнія Гиббона и мнѣніе его о вредѣ союза съ церковію для государства; замѣчанія Буассье 185—187. Осужденіе союза церкви съ государствомъ у Арнольда и его преувеличенія 187—188.—Неблагопріятныя для церкви слѣдствія союза: подчиненіе государ-

ству, отраженіе на религіозно-нравственномъ уровнѣ членовъ церкви и въ частности клира 188—190. Замѣчаніе о происхожденіи „цезаропапизма“ въ восточной церкви и о его дѣйствительномъ значеніи 190—191. Положительная сторона союза: содѣйствіе государства церкви въ осуществленіи ея цѣлей и вліяніе христіанскихъ идей на законодательство 191—194 [вопросъ о вліяніи христіанства на римское право въ новѣйшей литературѣ 192—193]. Значеніе экстенсивнаго распространенія христіанства 194.—Вопросъ объ отношеніи церкви и государства въ новое время на западѣ и положеніе дѣла на востокѣ 195—196. Взглядъ восточной церкви на Константина [почитаніе его на востокѣ] 196—197.

Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года [1]).

Какъ въ исторіи самой христіанской церкви, такъ и въ исторіи государственной жизни культурнаго человѣчества, едва ли можно указать еще другой моментъ, который могъ бы быть сопоставленъ, по очевидной для всѣхъ важности значенія и широтѣ слѣдствій, съ ознаменовавшимъ царствованіе Константина В. событіемъ, видимымъ торжествомъ при немъ религіи креста въ враждебномъ ей дотолѣ грекоримскомъ мірѣ, когда не только провозглашена была полная свобода для подвергавшейся ранѣе жестокимъ гоненіямъ со стороны государства христіанской церкви, но церковь была уже прямо принята государствомъ подъ его мощное покровительство.

Въ античномъ мірѣ государство съ его организаціею являлось высшею на землѣ для человѣка силою, участіе въ государственной жизни считалось высшимъ благомъ. Гарантируя для подданныхъ возможность мирнаго житія и пользованія благами культуры, оно требовало и безпрекословнаго за то подчиненія себѣ во всемъ. Все въ концѣ концовъ должно было служить его цѣлямъ. Всецѣло находилась въ его вѣдѣніи и считалась лишь функціею государственной жизни и религія; въ концѣ концовъ государство съ его абсолютизмомъ сдѣлало и само себя, на ряду съ унаслѣдованными отъ старины боже-

[1]) Въ основѣ настоящаго очерка лежитъ рѣчь, прочитанная съ сокращеніями въ торжественномъ засѣданіи Императорской Петроградской Духовной Академіи 14 сентября 1913 года по случаю 1600-лѣтняго юбилея торжества христіанства при Константинѣ В.

ствами, предметомъ религіознаго почитанія (культъ dea Roma, обоготвореніе императоровъ).

Когда съ пришествіемъ Христа открылось на землѣ царство не отъ міра сего, съ указаніемъ цѣли земной жизни за земными предѣлами, съ проповѣдью новаго ученія вмѣсто уже изжитыхъ религіозныхъ заблужденій и съ повелѣніемъ—Божіе воздавать Богу и лишь кесарево—Кесарю, на защиту языческой религіи и выступило государство. Борьба съ язычествомъ самимъ по себѣ, какъ религіознымъ заблужденіемъ, для христіанства не представила бы особой трудности. Но она приняла трагическій характеръ и потребовала кровавыхъ жертвъ отъ новой религіи на протяженіи первыхъ трехъ вѣковъ ея существованія потому, что въ дѣло вмѣшалось государство, объявило ея исповѣдниковъ не имѣющими права на существованіе въ своихъ предѣлахъ и приняло затѣмъ рѣшительныя мѣры къ ея уничтоженію.

Теперь, со времени Константина, отношенія правительственной власти къ христіанству совершенно измѣняются. Не только отмѣняются недавнія еще жестокія гоненія на христіанъ, но государство вступаетъ въ союзъ съ церковію, начинаетъ содѣйствовать ей въ осуществленіи ея задачъ всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами. Для церкви открывается самая широкая возможность развитія всѣхъ сторонъ ея жизни и дѣятельности, ея вліяніе можетъ теперь распространяться на всю область человѣческихъ отношеній, подлежавшихъ доселѣ лишь вѣдѣнію государства, христіанскіе принципы вносятся въ строй самой государственной жизни. Начинается новый періодъ въ жизни и церкви и государства, рѣзко отличающійся отъ предыдущаго; теперь создаются въ своей основѣ тѣ формы отношеній церкви и государства, которыя продолжаютъ существовать, именно на востокѣ, во все дальнѣйшее время.

Этотъ столь рѣшительный переворотъ соединяется съ именемъ императора Константина Великаго, является его дѣломъ. Утвержденіе ко времени появленія христіанства въ римскомъ государствѣ вмѣсто республики принципата, перешедшаго за тѣмъ въ обсолютную монархію, слѣлало носителемъ верховной власти единоличнаго правителя (который уже по своему желанію могъ избрать себѣ соправителей, какъ это сдѣлалъ Діоклетіанъ). Отъ воли единоличнаго правителя—или вмѣстѣ и отъ воли раздѣляющихъ съ нимъ власть соправителей—за-

висѣла въ послѣдней инстанціи и судьба христіанъ въ римскомъ государствѣ, и уже Евсевій не безъ основаній излагаетъ исторію христіанской церкви въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ по царствованіямъ языческихъ императоровъ. Уже первое гоненіе въ апостольскія времена въ Римѣ имѣло причиной злую волю одного изъ худшихъ кесарей на римскомъ тронѣ—Нерона. Императорскимъ рескриптомъ (Траяна) опредѣляется затѣмъ вообще безправное положеніе христіанъ въ имперіи, хотя государственная власть пока и не находитъ нужнымъ по своей иниціативѣ преслѣдовать христіанъ, считая ихъ хотя и вредною, но пока не опасною еще для государства сектою, и даже пытается частію оградить христіанъ отъ незакономѣрныхъ нападеній на нихъ толпы (Адріанъ). Предубѣжденіе противъ христіанъ одного изъ лучшихъ императоровъ, когда-либо занимавшихъ римскій престолъ, Марка Аврелія, дѣлаетъ особенно тяжелымъ и положеніе христіанъ въ государствѣ въ царствованіе именно этого императора. Отъ императоровъ исходятъ затѣмъ и систематическія гоненія на христіанъ, направленныя къ совершенному уничтоженію христіанства, гоненія въ собственномъ смыслѣ, поднимавшіяся начиная съ половины III в. (Декія, Валеріана, Діоклетіана), когда представители власти пришли къ убѣжденію въ серьезной опасности для государства отъ церкви, хотя въ массѣ языческаго общества прежнее враждебное отношеніе къ христіанамъ теперь стало уже смѣняться если не всегда дружелюбнымъ, то по крайней мѣрѣ нейтральнымъ отношеніемъ. Но императоры при личномъ благосклонномъ отношеніи къ христіанству могли болѣе или менѣе создавать для христіанъ и иное положеніе, и извѣстны примѣры такихъ императоровъ (Александръ Северъ, Филиппъ Аравитянинъ, Галліэнъ).

Трудно сказать, какія слѣдствія вызвала бы столь же рѣшительная реформа, какая была произведена Константиномъ, если бы она была предпринята въ значительно болѣе раннее время какимъ-либо изъ предшествовавшихъ императоровъ, не вызвала ли бы она тогда слишкомъ сильной реакціи со стороны язычества. Но несомнѣнно, что попытка такой реформы во вторую половину III в., когда стало измѣняться къ лучшему отношеніе языческаго общества къ христіанамъ, была уже возможна, но никѣмъ изъ правителей она не была сдѣлана. Авреліанъ, повидимому, носился даже съ широкимъ планомъ реставраціи язычества, и только смерть его (275) избавила христіанъ отъ

преслѣдованія. Діоклетіанъ свои политическія реформы сопроводилъ, уступая вліянію Галерія, безцѣльнымъ и вреднымъ даже и съ политической точки зрѣнія гоненіемъ на христіанъ.

Личную заслугу Константина составляетъ, такимъ образомъ, то, что именно онъ произвелъ смѣлый и неожиданный переворотъ. Вопросъ о побѣдѣ христіанства — по его внутренней силѣ—надъ язычествомъ былъ, разумѣется, лишь вопросомъ времени; христіанство, рано или поздно, такъ или иначе, утвердилось бы въ имперіи, если бы Константинъ въ свое время и не выступилъ его поборникомъ. Но Константинъ своимъ выступленіемъ и дѣятельностью ускорилъ, такъ сказать, ходъ исторіи въ нормальномъ направленіи и навсегда связалъ свое имя съ фактомъ рѣшительнаго торжества христіанской религіи въ языческомъ дотолѣ мірѣ. Исторія опредѣлила его значеніе, усвоивъ ему эпитетъ «великаго»; церковь восточная отнесла его къ лику святыхъ и именуетъ его «равноапостольнымъ».

Первый христіанскій императоръ нашелъ себѣ, какъ извѣстно, жизнеописателя въ лицѣ самого знаменитаго «отца церковной исторіи», Евсевія кесарійскаго, написавшаго по смерти Константина его біографію. Нельзя назвать время Константина и вообще бѣднымъ памятниками, которые могутъ служить источниками для исторіи этого времени. Тѣмъ не менѣе попытка воспроизвести наглядно и вмѣстѣ съ научною точностію исторію происшедшаго тогда великаго переворота встрѣчаетъ очень много неяснаго и спорнаго [1]).

---

[1]) Изъ весьма обширной старой (Baronius, Tillemont, Valois, Godefroy) и новой западной литературы о Константинѣ В. (ср. *J. Vogt*, Historia litteraria Constantini magni, plus centum et quinquaginta rerum Constantiniarum scriptores sistens. Hamburgi 1720. *Chevalier*, Bio-bibliographie, 1905². I. 1028—1035) можно указать въ особенности монографіи: *J. S. F. Manso*, Leben Constantins des Grossen. Bresslau 1817 (Wien 1819). *J. Burckhardt*, Die Zeit Constantin's des Grossen. (1853) Lpz. 1880² (1898³). *A. de Broglie*, Histoire du Christianisme — — au IV siècle. Paris 1855. *Th. Keim*, Der Uebertritt Constantins des Grossen zum Christenthum. Zürich 1862 (противъ Буркгардта,—съ весьма содержательными примѣчаніями въ концѣ). Статьи: *J. Wordsworth* въ Smith and Wace Dictionary of Christian Biography, I (1877), 623—649. *V. Schultze* въ Hauck's Real-Encycl. für protest. Theologie und Kirche, X (1901), 757—773 (съ указаніемъ литературы). Важное значеніе имѣютъ изслѣдованія *O. Seeck*'а, статьи и трудъ Geschichte des Untergangs der antiken Welt, и *E. Schwartz*'а, Zur Geschichte des Athanasius, IV, въ Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen.

Какъ обстоитъ въ данномъ случаѣ дѣло, можно видѣть, напр., изъ того, что хотя мы можемъ предположительно указать тѣ мѣсяцы года, когда состоялось въ Миланѣ законодательное постановленіе Константина и Ликинія о христіанской религіи, но точная дата столь важнаго акта, день, остается неизвѣстною. Не только, далѣе, спорнымъ является вопросъ о подлинномъ видѣ закона, но высказывается мнѣніе, что онъ вовсе и не былъ изданъ въ Миланѣ. Въ противоположность этому, другое мнѣніе предполагаетъ существованіе кромѣ «эдикта» 313 г. еще иного, болѣе ранняго, подобнаго же документа, изданнаго Константиномъ въ 312 г. въ Римѣ, или

Philol.-hist. Klasse, 1904, H. 5, и очеркъ Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Lpz. 1913. Не безъинтересенъ очеркъ *Tommaso De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913. Для константиновскаго времени вообще важенъ капитальный трудъ *J. Maurice*, Numismatique constantinienne. I—III. Paris 1908, 1911, 1912. Константина В., его религіозную политику и въ частности миланскій эдиктъ, имѣетъ своимъ предметомъ въ наибольшей части книга православнаго ученаго *V. Šesan*'а, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche seit Konstantin dem Grossen und bis zum Falle Konstantinopels. I. B. Czernowitz 1911; новая литература о Константинѣ (между прочимъ и русская) привлечена авторомъ къ дѣлу въ очень широкихъ размѣрахъ.—Изъ юбилейной литературы 1913 года нужно указать сборникъ, изданный подъ редакціею *F. J. Dölger*'а, Konstantin der Grosse und seine Zeit. Gesammelte Studien. Festgabe zum Konstantins-Jubiläum 1913 und zum goldenen Jubiläum von Mgr. Dr. A. de Waal. In Verbindung mit Freunden des deutschen Campo Santo in Rom. XIX. Supplementheft der Römischen Quartalschrift. Freiburg i. Br. 1913. Затѣмъ, юбилейные №№ журналовъ Roma e l'Oriente. Rivista criptoferratense per l'unione delle chiese, 1913, № 31, и Scuola cattolica, 1913, maio-giugno. Рядъ статей посвященъ Константину въ Civiltà cattolica за 1912 и 1913 гг. Появилось, кромѣ того, не мало разныхъ статей и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, также отдѣльныхъ брошюръ, на разныхъ языкахъ.—Прежняя русская литература о Константинѣ (главнымъ образомъ журнальныя статьи) указана у *Ф. Терновскаго*, Русская и иностранная библіографія по исторіи византійской церкви IV—IX вв. Кіевъ 1885. На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о Константинѣ можно находить, между прочимъ, въ трудахъ *А. П. Лебедева* (ср. Христ. Чт. 1912, № 7—8, 843—4), въ Лекціяхъ по исторіи древней церкви *В. В. Болотова*, II, III, Спб. 1910, 1913 См. также рѣчь *А. А. Спасскаго*, Обращеніе императора Константина В. въ христіанство, въ Богосл. Вѣстникѣ 1904, декабрь, и 1905, январь (и отдѣльно). Юбилею событія 313 года посвящена книжка Правосл. Собесѣдника, 1913, сентябрь, гдѣ, между прочимъ, *В. А. Керенскій* даетъ обширный указатель иностранной и русской литературы о Константинѣ (359—386).

можетъ быть, гдѣ-нибудь тоже въ верхней Италіи. Возбуждаютъ разныя недоумѣнія и сообщенія источниковъ о предшествовавшемъ обращенію Константина въ христіанство чудесномъ знаменіи, при несомнѣнности въ общемъ самаго факта. Если, такимъ образомъ, уже внѣшне-фактическая сторона дѣла имѣетъ много неяснаго, тѣмъ болѣе обнаруживается разногласій въ вопросахъ объ общихъ мотивахъ дѣйствій Константина въ данномъ случаѣ, о смыслѣ самаго изданнаго закона и о значеніи и слѣдствіяхъ созданнаго Константиномъ порядка вещей.

Я предложу здѣсь краткій очеркъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ произошелъ переворотъ, нашедшій выраженіе въ законодательномъ актѣ 313 года, приведу текстъ памятника, съ которымъ обычно соединяется прямо наименованіе «миланскаго эдикта», и коснусь кратко возбуждаемыхъ имъ вышеуказанныхъ вопросовъ.

I.

Явнымъ и рѣшительнымъ послѣдователемъ Христа и поборникомъ христіанской религіи Константинъ выступаетъ послѣ бывшаго ему видѣнія и побѣды затѣмъ надъ Максентіемъ въ 312 г. Для точнаго рѣшенія вопроса о мотивахъ и характерѣ совершившагося тогда обращенія его въ христіанство необходимо бы знать о предшествовавшихъ этому моменту его религіозныхъ воззрѣніяхъ и въ частности объ отношеніи его къ христіанству. Данныя для этого имѣются однако лишь скудныя и неопредѣленныя, и отсюда объясняется возможность неодинаковыхъ въ этомъ случаѣ мнѣній.

Изъ сообщенія Евсевія, что Константинъ послѣ видѣнія креста и явленія во снѣ Господа спрашивалъ христіанскихъ клириковъ, какой это Богъ явился ему и что означаетъ видѣнное знаменіе-крестъ [1]), можно, повидимому, дѣлать выводъ, что Константинъ не имѣлъ тогда еще и самыхъ элементарныхъ представленій о христіанствѣ. По Руфину, наоборотъ, онъ уже до войны съ Максентіемъ былъ покровителемъ христіанской религіи и почитателемъ истиннаго Бога, только не былъ крещенъ,—т. е. онъ былъ еще до 312 г. такимъ же христіаниномъ—оглашеннымъ, какимъ былъ и потомъ до послѣднихъ дней жизни, когда онъ принялъ крещеніе [2]). Заявле-

[1]) V. C. I, 32. [2]) H. e. IX, 9, 1.

ніе Руфина само по себѣ, безъ подтвержденія другими данными, конечно, не имѣетъ какого-либо важнаго значенія и представляетъ несомнѣнное преувеличеніе. Но едва ли можно признать вѣрнымъ и указанный выводъ изъ сообщенія Евсевія.

Нужно думать, что примѣръ и вліяніе отца, Константія Хлора, хотя не бывшаго христіаниномъ, но весьма расположеннаго къ христіанству, опредѣлили съ раннихъ уже лѣтъ такое же отношеніе къ христіанству и Константина. О годахъ дѣтства его нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и вопросъ о самомъ времени рожденія его возбуждаетъ недоумѣнія (по Евсевію, онъ родился въ 274 г., но Зеекъ хочетъ доказывать, что его рожденіе было около 288 г.). О матери его Еленѣ, столь впослѣдствіи содѣйствовавшей ему въ утвержденіи христіанства, Евсевій сообщаетъ, что она была обращена въ христіанство Константиномъ [1]). Сдѣланный въ 293 г. кесаремъ при западномъ августѣ Максиміанѣ, Константій долженъ былъ оставить Елену и вступить въ бракъ съ падчерицей послѣдняго, Ѳеодорой. Эта вторая супруга Константія, какъ нужно заключать изъ самаго ея имени, была христіанкой; на христіанство указываетъ и имя одной изъ дочерей отъ этого брака—Анастасія. Евсевій сообщаетъ, что при дворѣ Константія образовалась какъ бы «церковь Божія», при чемъ были тамъ и «служители Божіи», и онъ готовъ и самого Константія представить христіаниномъ [2]). Но нужно полагать, что на дѣлѣ религіозныя убѣжденія Константія сводились лишь—къ возвышенному, правда,—монотеизму, но не были еще христіанскими. Таковы же были, вѣроятно, въ то время и взгляды Константина. Когда открылось въ 303—4 г. гоненіе на христіанъ, Константій, чтобы не расходиться съ другими прави-

---

[1]) V. C. III, 47, *Heikel* p. 97: ὃν [Κωνσταντῖνον] — — μακαρίζειν ἄξιον, οὕτω μὲν αὐτὴν θεοσεβῆ καταστήσαντα οὐκ οὖσαν πρότερον, ὡς αὐτῷ δοκεῖν ἐκ πρώτης τῷ κοινῷ σωτῆρι μεμαθητεῦσθαι.

[2]) V. C. I, 17, p. 16: ὡς μηδὲν ἀποδεῖν ἐκκλησίας θεοῦ τὴν ἔνδον ἐν αὐτοῖς βασιλείοις συγκροτουμένην πληθύν, ᾗ συνῆσαν καὶ λειτουργοὶ θεοῦ. Между прочимъ, подобнымъ же образомъ характеризовалъ нѣкогда Діонисій александрійскій положеніе христіанъ при дворѣ Валеріана, сдѣлавшагося однако потомъ жестокимъ гонителемъ христіанства. Eus. h. e. VII, 10, 3: πᾶς τε ὁ οἶκος αὐτοῦ θεοσεβῶν πεπλήρωτο καὶ ἦν ἐκκλησία θεοῦ. Ср. слова Константина объ отцѣ, V. C. II, 49: ἐν πάσαις ταῖς ἑαυτοῦ πράξεσι τὸν σωτῆρα [al. πατέρα] θεὸν ἐπικαλούμενος. О Константіи ср. *Keim*, Der Uebertritt Constantins des Grossen zum Christenthum. Zürich 1862, S. 78—79.

телями, ограничился дозволеніемъ разрушить мѣста богослужебныхъ собраній христіанъ, но не дозволялъ затрогивать самихъ христіанъ [1]).

Тѣ годы, когда Константій Хлоръ былъ кесаремъ на западѣ (293—305), Константину собственно пришлось провести, въ качествѣ, повидимому, заложника, при дворѣ Діоклетіана въ Никомидіи. Съ отцомъ у него могли быть за это время лишь письменныя сношенія. Но живя и здѣсь, онъ могъ пріобрѣсти болѣе или менѣе близкое знакомство съ христіанствомъ. До гоненія 303 г. христіане пользовались въ имперіи de facto почти полною свободою; не мало было ихъ и на придворной службѣ. Христіанскую вѣру исповѣдывали, или были близки къ ней, даже супруга самого Діоклетіана Приска и дочь Валерія. Самъ Діоклетіанъ, хотя къ христіанству вовсе не былъ расположенъ, но какъ извѣстно, и гоненіе на христіанъ согласился поднять лишь уступая настойчивымъ требованіямъ своего кесаря и зятя Галерія. Маловѣроятно, чтобы, находясь въ такой обстановкѣ, Константинъ не обнаружилъ никакого интереса къ вопросу, въ чемъ состоятъ религіозныя убѣжденія христіанъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда на нихъ поднято было гоненіе и вопросъ о нихъ обсуждался при дворѣ [2]).

Къ своему отцу Константинъ прибылъ въ Галлію съ востока и могъ здѣсь вступить въ расположенную къ христіанству, частію прямо христіанскую сферу его двора, въ 305 г., когда, по сложеніи власти Діоклетіаномъ и Максиміаномъ, его отецъ сдѣлался (1 мая) августомъ запада, Галерій въ то же время—августомъ востока. Послѣ смерти Констанція, вскорѣ послѣдовавшей въ 306 г. 25 іюля, Константинъ, обойденный ранѣе Галеріемъ, подобно находившемуся въ Римѣ сыну Максиміана Максентію, при избраніи новыхъ кесарей (назначены были тогда Максиминъ Дайя для востока и Северъ для запада),—провозглашенъ былъ войскомъ прямо августомъ. Галерій вынужденъ былъ признать его хотя бы въ званіи кесаря, отказавшись признать въ томъ же достоинствѣ Максентія, и

---

[1]) Lact. de mort. pers. 15, 7. По Евсевію, h. e. VIII, 13, 13, онъ не разрушалъ и церквей.

[2]) О своихъ впечатлѣніяхъ отъ этого гоненія и о своемъ отношеніи къ гонителямъ Константинъ сообщаетъ въ своемъ περὶ τῆς πολυθέου πλάνης διάταγμα, Euseb. V. C. II, 49—52 (о Галеріи), ср. λόγος τῷ τῶν ἁγίων συλλόγῳ, 25 (о Діоклетіанѣ).

Константинъ вошелъ такимъ образомъ въ рядъ признанныхъ правителей имперіи.

По словамъ Лактанція, первымъ дѣломъ Константина, когда онъ принялъ власть, было—возвратить христіанамъ свободу богопочтенія: «это было первое распоряженіе его по возстановленію святой религіи» [1]). Повидимому, это сообщеніе указываетъ на формальную отмѣну Константиномъ для своей области эдикта о гоненіи на христіанъ, который нѣкогда долженъ былъ подписать и его отецъ, какъ одинъ изъ тетрарховъ. Но каково бы ни было при этомъ его дѣйствительное отношеніе къ языческому политеизму, внѣшнихъ связей съ языческой религіей онъ не порвалъ, и считался, напр., находящимся подъ особымъ покровительствомъ бога Аполлона; послѣдняго легко было сблизить съ богомъ солнца Миѳрою, почитаніе котораго было особенно распространено тогда въ войскѣ. Языческій риторъ Евменій въ обращенной къ Константину въ 310 г. въ Трирѣ рѣчи говоритъ о посѣщеніи императоромъ храма Аполлона и его богатыхъ дарахъ туда и выражаетъ желаніе, чтобы онъ посѣтилъ посвященныя Аполлону мѣста и въ родномъ городѣ Евменія, Отенѣ (Augustodunum), и поддержалъ своею щедростью находящіяся тамъ общественныя зданія и храмы, какъ сдѣлалъ онъ это для Трира [2]). Когда императоръ вскорѣ прибылъ туда, какъ сообщаетъ тотъ же риторъ въ рѣчи 311 г., на встрѣчу ему были вынесены изображенія всѣхъ почитавшихся тамъ боговъ [3]). При всемъ расположеніи къ христіанамъ, самъ онъ, очевидно, христіаниномъ тогда еще не былъ. Но нужно имѣть въ виду, что оказывать покровительство язычеству и принимать участіе въ языческихъ церемоніяхъ могло обязывать его уже внѣшнее положеніе, необходимость считаться съ языческими убѣжденіями своихъ подданныхъ и особенно войска. Вообще, при оцѣнкѣ подобныхъ фактовъ изъ періода жизни Константина до 312 г. нужно всегда помнить, что онъ и послѣ этого года, будучи уже

---

[1]) 24, 9.

[2]) Panegyr. VII, 21—22. *Baehrens* (1874), 21, p. 177 $_{9-10}$: Vidisti — — Apollinem t u u m. 22, 178: numinis t u i sedem, объ Аполлонѣ. Но 22, 178 $_{20}$, 23, 179 $_{1, 15}$, также въ VIII, 1, 180 $_{15}$, 7, 186 $_{12}$, 9, 187 $_{12}$, „numen tuum“ — о самомъ Константинѣ, котораго панегиристъ впрочемъ самого сопоставляетъ съ Аполлономъ, VII, 21. Ср. также о Константинѣ, VII, 22, 177 $_{28}$: praesentissimus hic deus.

[3]) Panegyr. VIII, 8.

вполнѣ убѣжденнымъ христіаниномъ, напр. не слагалъ съ себя званія pontifex maximus.

На востокѣ гоненія на христіанъ продолжались и послѣ 305 г., если безъ особой энергіи въ области самого Галерія, зато съ усиленной ревностью въ предѣлахъ владѣній его кесаря Максимина Дайи. Когда, пораженный тяжкою болѣзнію, Галерій въ 311 г., не задолго до смерти, издалъ въ Сердикѣ эдиктъ (въ Никомидіи онъ былъ опубликованъ 30 апрѣля) о вѣротерпимости по отношенію къ христіанамъ, подписанный также и Константиномъ и Ликиніемъ—нужно думать—и Максиминомъ, въ этомъ могло сказаться вліяніе Константина, или можетъ быть, какъ полагаетъ Швартцъ, даже прямое его воздѣйствіе [1]), хотя эдиктъ былъ составленъ именно въ духѣ Галерія: правительство не хочетъ здѣсь сознаваться въ своемъ несправедливомъ отношеніи къ христіанамъ въ прежнее время и самая свобода христіанъ въ будущемъ времени обставляется стѣснительными условіями [2]). Къ Максимину затѣмъ, который даже не опубликовалъ эдикта въ своихъ владѣніяхъ, ограничившись лишь устнымъ сообщеніемъ о его содержаніи своему префекту Савину, а потомъ, спустя шесть мѣсяцевъ, открылъ опять гоненія на христіанъ, Константинъ обращался съ энергичнымъ требованіемъ поступать согласно эдикту, и Максиминъ долженъ былъ нѣсколько умѣрить свой языческій фанатизмъ [3]).

Смерть Галерія (311 мая 5) вызвала столкновеніе и борьбу за власть между оставшимися правителями. Максиминъ вступилъ въ союзъ съ ранѣе уже враждебно настроеннымъ въ отношеніи къ Константину Максентіемъ, Константинъ завязалъ сношенія съ Ликиніемъ. Война съ Максентіемъ и союзъ съ Ликиніемъ являлись, повидимому, необходимостью для Константина, въ виду враждебныхъ отношеній къ нему Максентія,

---

[1]) *Schwartz*, Zur Gesch. des Athanasius, IV (1904), 528.

[2]) Объ этомъ эдиктѣ ср. *K. Bihlmeyer*, Das Toleranzedikt des Galerius von 311, въ Theol. Quartalschrift, XCIV, 1912, S. 411—427, 527—589. Бильмейеръ (583) не находитъ возможнымъ согласиться съ предположеніемъ Швартца о прямомъ воздѣйствіи Константина въ виду молчанія объ этомъ Лактанція.

[3]) Lact. de mort. pers. 37: Haec ille moliens Constantini litteris deterretur. dissimulavit ergo. Высказываютъ, впрочемъ, предположеніе (Hülle), что это сообщеніе Лактанція должно относиться ко времени уже послѣ побѣды Константина надъ Максентіемъ.

если онъ хотѣлъ сохранить за собою власть въ будущемъ [1]). По своей первоначальной задачѣ война, такимъ образомъ, не имѣла религіознаго характера. Правленіе Максентія въ Римѣ, опиравшагося на военную силу, преторіанцевъ, было, правда, таково, что сенатъ имѣлъ полное основаніе благодарить потомъ Константина за освобожденіе города отъ тиранна и его приспѣшниковъ. Но какъ прямо сообщаетъ Евсевій, утвердившись въ Римѣ (306), Максентій съ самаго уже начала прекратилъ гоненіе на христіанъ, чтобы расположить къ себѣ населеніе [2]); вѣроятно, имѣлъ при этомъ значеніе и примѣръ Константина. И если онъ вмѣшивался потомъ въ дѣла римской церкви (ссылка папъ Маркелла 309 и Евсевія 310), то поводомъ были безпорядки и волненія въ самой же этой церкви; папѣ Мильтіаду въ 311 г., имѣя, вѣроятно, въ виду эдиктъ Галерія, онъ возвратилъ даже конфискованное раньше церковное имущество [3]). Римскіе христіане, такимъ образомъ, можетъ быть, имѣли не болѣе побужденій стремиться къ освобожденію отъ тиранна, чѣмъ и другіе жители Рима; но и имъ не менѣе другихъ приходилось терпѣть отъ его тиранніи и необузданной распущенности, да и самое благосклонное отношеніе его къ нимъ, вызванное особыми соображеніями, не могло быть прочнымъ, при его чисто языческомъ настроеніи; союзъ его съ Максиминомъ во всякомъ случаѣ не предвѣщалъ христіанамъ ничего добраго. Въ дѣйствительности война очень скоро получила религіозный характеръ.

Предъ отправленіемъ Константина изъ Галліи въ походъ весною 312 г., если не самъ онъ, то окружавшія его лица, обра-

---

[1]) По Зосиму, II, 14, Максентій съ своей стороны уже замышлялъ войну съ Константиномъ; по Евсевію, h. e. IX, 9, 2, V. C. I, 26, Константинъ отправился въ походъ противъ Максентія, чтобы освободить Римъ отъ его тиранніи.

[2]) h. e. VIII, 14, 1: ἀρχόμενος μὲν τὴν καθ' ἡμᾶς πίστιν ἐπ' ἀρεσκείᾳ καὶ κολακείᾳ τοῦ δήμου Ῥωμαίων καθυπεκρίνατο ταύτῃ τε τοῖς ὑπηκόοις τὸν κατὰ Χριστιανῶν ἀνεῖναι προστάττει διωγμόν, εὐσέβειαν ἐπιμορφάζων.

[3]) *Schwartz*, IV, 530—532. Ср. объ отношеніи Максентія къ христіанамъ у *Tommaso De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913, p. 134—135, 310—311. Извѣстно, что когда карѳагенскій діаконъ Феликсъ затронулъ тиранна въ направленномъ противъ него памфлетѣ и епископъ Менсурій, взявшій его подъ свое покровительство, вызванъ былъ въ Римъ для отвѣта, Максентій удовлетворился его объясненіями и не нашелъ нужнымъ карать христіанъ (135).

щались, между прочимъ, и къ языческимъ гаруспиціямъ; предзнаменованія получились неблагопріятныя [1]). По обычнымъ соображеніямъ, дѣйствительно, трудно было ждать успѣха: Константинъ выступалъ въ походъ съ незначительнымъ войскомъ—около 25 тысячъ—противъ гораздо сильнѣйшаго противника [2]), находившагося къ тому же въ крѣпкихъ стѣнахъ Рима. Приближенные къ Константину лица изъ его войска считали предпріятіе его совершенно почти безнадежнымъ. Константинъ не обратилъ однако вниманія на гаруспиціи и на мнѣнія окружающихъ. Онъ рѣшилъ стать подъ покровительство Бога христіанъ и въ надеждѣ на Его содѣйствіе выступилъ на борьбу съ Максентіемъ.

Несомнѣнно, уже въ Галліи имѣло мѣсто то чудесное видѣніе, о которомъ впослѣдствіи самъ Константинъ разсказывалъ Евсевію кесарійскому. Оно именно и утвердило его рѣшимость возложить надежду въ предстоявшемъ походѣ на помощь христіанскаго Бога и заставило съ недовѣріемъ отнестись къ языческимъ предзнаменованіямъ. Къ другому уже моменту, нужно думать, относится обычно сопоставляемое съ разсказомъ объ этомъ событіи сообщеніе Лактанція.

Событіе это въ ученой литературѣ встрѣчало и встрѣчаетъ весьма разнообразное отношеніе со стороны историковъ, въ зависимости обычно отъ тѣхъ или иныхъ общихъ воззрѣній и религіозныхъ убѣжденій,—начиная отъ признанія чудеснаго факта во всей силѣ, какъ объективнаго явленія, продолжая попытками истолковать событіе какъ естественное само по себѣ явленіе, получившее, однако, характеръ чуда для Константина, съ его субъективной, такъ сказать, точки зрѣнія, и оканчивая совершенно отрицательнымъ отношеніемъ къ достовѣрности всѣхъ разсказовъ о фактѣ. Но какія бы при этомъ сужденія ни высказывались историками, какъ отраженіе ихъ общихъ воззрѣній и настроеній, — исходнымъ пунктомъ и основою для всякихъ выводовъ будутъ всегда оставаться тѣ показанія, какія сохранились о событіи отъ древности [3]).

[1]) Paneg, IX, 2.

[2]) По Зосиму, II, 15, у Константина было 90 тысячъ пѣхоты и 8 тысячъ конницы, у Максентія—170 тысячъ пѣхоты и 18 тысячъ конницы. По paneg. IX, 3, 5, Константинъ взялъ въ походъ только четвертую часть своего войска; число непріятельскаго войска указывается 100 тысячъ.

[3]) Еще Балюзъ, напр., жаловался въ своемъ изданіи De mortibus persecutorum Лактанція (1679) на отрицательное отношеніе къ разсказу о

Изъ христіанскихъ писателей о торжествѣ Константина надъ Максентіемъ разсказываютъ Лактанцій, въ сочиненіи De mortibus persecutorum, написанномъ, вѣроятно, во вторую по-

---

видѣніи креста Константиномъ у *Jac. Oiselius*, Thesaurus selectorum numismatum antiquorum (1677). Возраженія противъ этого разсказа были затѣмъ изложены *Chaussepié* въ дополненіи къ Bayle, Dictionnaire historique et critique, также Мосгеймомъ. Энциклопедисты повторили ихъ въ статьѣ о видѣніи Константина. Въ защиту достовѣрности сказанія писалъ особое сочиненіе аббатъ *J. B. Duvoisin*, Dissertation critique sur la vision de Constantin. Paris 1774. (Ср. *Carbone*, L'editto di Milano. 1913, p. 77). Объяснить естественнымъ способомъ явленіе креста Константину, не отвергая и дѣйствія въ этомъ случаѣ Промысла, пытался еще *J. A. Fabricius*, Dissertatio de cruce Constantini M., qua probatur eam fuisse phaenomenon in halone solari quo Deus usus sit ad Constantini M. animum promovendum. Hamburgi 1706 (перепечатывалось въ его Biblioth. graeca и въ патрологіи Миня съ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ).—Въ XIX—XX в. отрицательное отношеніе къ сказанію, какъ вымыслу или Евсевія, или самого Константина, заявляютъ очень многіе ученые, особенно протестантскіе, напр., Manso (1817), Burckhardt (1853, 1880), Boissier (1891), Seeck (1895, 1910: „natürlich erlogen"), Schwartz (1913), Tommaso De Bacci Venuti (1913); болѣе остороженъ въ своихъ сужденіяхъ Keim (1862). Объективное значеніе факта, какъ чуда, во всемъ объемѣ, изъ католическихъ авторовъ отстаиваютъ, напр., *A. Knöpfler*, Konstantins Kreuzesvision, въ Historisch-Politische Blätter, B. 141 (1908), S. 183—199 (ср. у Schrörs, 4: „die gründlichste Untersuchung"), и *F. Savio*, въ статьяхъ въ Civiltà cattolica (1913). Естественное явленіе усматриваетъ въ основѣ видѣнія Константина *F. X. Funk*, Konstantin der Grosse und das Christentum (въ Kirchengesch. Abh. u. Unters. II. Paderborn 1899) (надписи, по нему, на небѣ не могло быть). Гораздо рѣшительнѣе судитъ другой католическій ученый, *H. Schrörs*, Konstantins des Grossen Kreuzerscheinung. Eine kritische Untersuchung. Bonn 1913. Ставя вопросъ: чудо или иллюзія (Кар. 4. Wunder oder Illusion?) было видѣніе Константина, онъ увѣренно отвѣчаетъ, что это была именно лишь иллюзія, иллюзіей, или же галлюцинаціей, было и явленіе Константину Христа въ ночномъ видѣніи (S. 67): трудно предположить, чтобы Богъ отвѣтилъ чудомъ язычнику, обратившемуся съ молитвой къ солнцу (?!), и чтобы крестъ ему указанъ былъ какъ волшебное средство для цѣлей войны (S. 60—65, ср. Schaff, Zahn).—По отзыву J. Wordsworth'a (Smith and Wace, Dict. of Chr. Biogr. I, 647), у *J. H. Newmann*, Essay on Ecclesiastical Miracles, сказано, „можетъ быть, все, что можно сказать въ пользу Евсевія"; тутъ же приводятся, по вопросу о томъ, можно ли разсматривать видѣніе Константина, какъ чудо, соображенія Ньюмана, между прочимъ, объ умѣстности чуда въ данный моментъ въ виду исключительной исторической важности этого момента.—Изъ русскихъ ученыхъ *В. В. Болотовъ* въ своихъ лекціяхъ (1899), защищая Евсевія отъ обвиненій въ измышленіи, допускаетъ, что онъ не во всемъ вѣрно понялъ разсказъ Константина ему о видѣніи и могъ перетолковать его, чѣмъ и объясняются нѣко-

ловину 313 года [1]), чрезъ годъ послѣ событія, и Евсевій кесарійскій, въ IX книгѣ своей церковной исторіи, составленной можетъ быть въ то же время и во всякомъ случаѣ не позже 315 года [2]). Оба они жили на востокѣ [3]).

Живший въ Никомидіи Лактанцій имѣлъ возможность получить болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія о томъ, что происходило во время похода Константина, отъ лицъ, которыя въ 313 г. вскорѣ послѣ 30 апрѣля прибыли въ Никомидію съ Ликиніемъ и которыя передъ этимъ въ Миланѣ могли видѣться и съ самими участниками похода. Это, именно, повидимому, и должно придавать цѣнность его сообщеніямъ въ данномъ случаѣ.

Краткій разсказъ Лактанція сводится къ тому, что, непосредственно почти предъ рѣшившимъ дѣло сраженіемъ при мульвійскомъ мостѣ, когда приблизилось 27 октября, «Константинъ получилъ во время сна внушеніе изобразить на щи-

---

торыя недоразумѣнія въ его сообщеніи (Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1913, стр. 8—14). *А. А. Спасскій*, Обращеніе имп. Константина В. въ христіанство, 1905, принимая и эту защиту Евсевія и это мнѣніе о немъ, самъ съ своей стороны не находитъ возможнымъ рѣшить вопросъ: нужно ли принимать разсказъ Лактанція о ночномъ только видѣніи, или нужно довѣрять и сообщенію Константина Евсевію о предшествовавшемъ болѣе дивномъ явленіи знаменія на солнцѣ (стр. 37). Возраженія А. А. Спасскому сдѣланы были *А. П. Лебедевымъ*, Константинъ великій, первый христіанскій императоръ (Христ. Чт. 1912, іюнь и іюль—августъ).

[1]) *В. В. Болотовъ*, Отзывъ о сочиненіи проф. А. И. Садова „Древнехристіанскій церковный писатель Лактанцій (1895 г.)“, въ журналахъ Совѣта Спб. дух. Академіи за 1895/6 г., стр. 142 (отд. оттискъ 46): „начато вскорѣ послѣ 13 іюня 313 г. и къ концу 313 г. было уже закончено“.

[2]) *E. Schwartz*, Eusebius Kirchengeschichte. III (Einleitungen). Lpz. 1909, S. LVI—LIX, относитъ написаніе I—VIII книгъ исторіи Евсевія ко времени отъ начала 312 до лѣта 313 г., второе изданіе ея съ присоединеніемъ IX книги—къ 315, третье — съ X книгой — къ 317, четвертое — послѣ переворота 323 [324] года. *H. J. Lawlor*, Eusebiana. Essays on the ecclesiastical History of Eusebius, bishop of Caesarea. Oxford 1912 (ср. P. de Labriolle въ Bulletin d'ancienne litterature et d'archéologie chrétiennes, 1913, № 4, p. 314), полагаетъ, что I—VII книги написаны еще до эдикта Галерія 311 г., VIII—въ 311 г. отъ мая до ноября, IX—въ 313 послѣ іюня, изданіе съ X книгой вышло въ концѣ 324 или началѣ 325 г.

[3]) Тексты изъ Лактанція и Евсевія объ этомъ событіи имѣются, между прочимъ, въ *J. B. Aufhauser*, Konstantins Kreuzesvision in ausgewählten Texten. Bonn 1912.

тахъ небесное знаменіе Божіе» (caeleste signum Dei), и императоръ выполнилъ это повелѣніе, начертавъ на щитахъ воиновъ знакъ имени Христа такимъ именно образомъ, что онъ представлялъ подобіе буквы X, пересѣченной вертикальной линіей, верхній конецъ которой былъ или согнутъ (въ видѣ P), или прикрытъ другой, нѣсколько согнутой, линіей [1]).

О видѣніи Константиномъ «небеснаго знаменія» наяву, до сновидѣнія, Лактанцій не говоритъ; что хотѣлъ Лактанцій сказать выраженіемъ «caeleste signum», можно ли здѣсь усматривать указаніе на видѣніе креста на небѣ Константиномъ хотя бы во снѣ (какъ предполагалъ это Руфинъ), остается неяснымъ. Крестъ начертанъ былъ въ видѣ монограммы имени Христа, представлявшей соединеніе буквъ X и P, или же I и X. Изображеніе креста въ видѣ монограммы въ той или иной формѣ и было у христіанъ обычнымъ въ тѣ времена, и лишь съ начала V в. получаетъ распространеніе неприкровенное его изображеніе, замѣняя монограмму окончательно только уже въ VI [2]). Вполнѣ естественно поэтому, что Константинъ, по-

---

[1]) De mort. pers. 44, 4—6, *Brandt* (1897) p. 223: immineḃat dies quo Maxentius imperium ceperat, qui est a. d. sextum Kalendas Nouembres [= 27 октября], et quinquennalia terminaḃantur. commonitus est in quiete Constantinus, ut caeleste signum dei notaret in scutis atque ita proelium committeret. facit ut iussus est et transuersa X littera, summo capite circumflexo, Christum in scutis notat. quo signo armatus exercitus capit ferrum. О неправильныхъ показаніяхъ—27 октября вмѣсто 28 и quinquennalia вмѣсто шестилѣтія, ср. *Tillemont*, IV, 633—4.

[2]) Ср. *F. Piper* † (Hauck) Art. „Monogramm Christi“ въ RE³ XIII (1903), S. 368—9. Выраженіе Лактанція: „transuersa X littera, summo capite circumflexo“ здѣсь (S. 367) понимается, какъ „повернутая буква X (= +) съ согнутымъ верхнимъ концомъ“, такъ что должна получаться извѣстная монограмма имени Христа въ видѣ буквы P, пересѣкаемой горизонтальной линіей. Такъ понимаетъ эти слова и *P. Franchi de' Cavalieri*, Il labaro descritto da Eusebio, въ Studi romani, 1913, II—III, 161—188. Противъ такого пониманія возражаетъ *P. Batiffol* въ замѣткѣ объ этой статьѣ въ Bulletin d'ancienne littérature et d'arch. chrétiennes, 1913, № 4, 304. Батиффоль не допускаетъ, чтобы „summo capite circumflexo“ могло указывать на подобіе буквы P, а не просто лишь на прикрытіе вертикальной линіи еще другой согнутой линіей. Но, повидимому, нужно допустить и эту возможность, тѣмъ болѣе, что монограмма послѣдняго вида (съ вертикальной линіей, надъ которой находится другая изогнутая линія), повидимому, вообще на изображеніяхъ не встрѣчается, и упоминаемый у Батиффоля знакъ на монетахъ, чеканенныхъ въ 317 г. въ Siscia, представляетъ X, пересѣченное вертикальной линіей лишь съ утолщеніемъ или точкой на верхнемъ концѣ ея. *Maurice*, II, p. L, впро-

лучивъ внушеніе начертать знакъ креста, повелѣваетъ изобразить именно монограмму.

Отъ кого и какимъ образомъ получилъ Евсевій сообщаемыя имъ въ церковной исторіи свѣдѣнія о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ, неизвѣстно. Но живя на отдаленномъ востокѣ, онъ, если даже писалъ нѣсколько позже Лактанція, едва ли могъ быть тогда освѣдомленъ во всемъ относительно западныхъ происшествій лучше, нежели латинскій, находившійся въ Никомидіи, риторъ. Поэтому, если онъ не упоминаетъ въ исторіи не только о небесномъ знаменіи, но и объ откровеніи Константину во снѣ и монограммѣ на щитахъ, это само по себѣ еще не свидѣтельствуетъ о недостовѣрности этихъ фактовъ. Повидимому, онъ не имѣлъ случая собрать къ данному моменту, когда онъ писалъ IX книгу исторіи, точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ войны Константина съ Максентіемъ, о которой могли ходить тогда разные разсказы на западѣ и на востокѣ.

Евсевій говоритъ въ своей исторіи только о призваніи Константиномъ, при отправленіи въ походъ, на помощь «небеснаго Бога и Слова Его, Самого Спасителя всѣхъ Іисуса Христа», о троекратномъ успѣхѣ императора, возложившаго надежду на Бога, при взятіи находившихся подъ властію Максентія городовъ на пути въ Римъ, наконецъ, объ оказанной ему явно чудесной помощи въ гибели тиранна, котораго «самъ Богъ какъ бы какими-то цѣпями» извлекъ изъ стѣнъ Рима и который погибъ въ водахъ Тибра, какъ нѣкогда фараонъ въ Чермномъ морѣ [1]). О полученной божественной

чемъ, полагаетъ, что и Лактанцій говоритъ прямо объ этой послѣдней формѣ монограммы. Что касается выраженія „caeleste signum", то по Краусу, это выраженіе могло обозначать крестъ и помимо какого-либо отношенія къ видѣнію креста Константиномъ. *F. X. Kraus*, Art. „Kreuz" въ его Real-Encycl. der christl. Alterthümer. II. Fr. i. Br. 1886, S. 226. Но въ Lact. div. inst. IV, 27 (написано въ 304—311) употребляется лишь выраженіе immortale signum. У Павлина нольскаго, ер. 32, caeleste signum могло явиться уже подъ вліяніемъ Лактанція. Встрѣчается оно также у P. Optatianus Porfyrius (ок. 325—6), по *Wordsworth* въ Dict. of. Chr. Biography I, 647. По Батиффолю (304), „небесное" есть лишь синонимъ „возвышеннаго", „славнаго".

[1]) Н. е. IX, 9, 2. 4, *Schwartz* (1908) p. 828: —— Κωνσταντῖνος τῶν ἐπὶ Ῥώμης κατατορραννουμένων φειδὼ λαβών, θεὸν οὐράνιον τόν τε τούτου λόγον, αὐτὸν δὴ τῶν πάντων σωτῆρα Ἰησοῦν Χριστόν, σύμμαχον δι εὐχῶν ἐπικαλεσάμενος, πρόειστν πανστρατιᾷ, Ῥωμαίοις τὰ τῆς ἐκ προγόνων ἐλευθερίας προμνώμενος. —— Εἶτ'

помощи Константинъ открыто заявилъ, тотчасъ же повелѣлъ изображать себя съ знаменіемъ креста въ правой рукѣ (τοῦ σωτηρίου τρόπαιον πάθους), а на своей статуѣ, поставленной тогда въ Римѣ на форумѣ тоже съ спасительнымъ знаменіемъ (τὸ σωτήριον σημεῖον) въ правой рукѣ, повелѣлъ сдѣлать надпись: «симъ спасительнымъ знаменіемъ (τῷ σωτηριώδει σημείῳ), истиннымъ доказательствомъ мужества (ἀνδρείας=virtutis) я освободилъ вашъ городъ, избавивъ отъ ига тиранна, и возстановилъ, давъ свободу, и сенатъ и народъ римскій въ прежней славѣ и блескѣ» [1]). Если и предположить, что какіе-либо слухи о видѣніи или о сновидѣніи Константина, дошли и до Кесаріи, то, очевидно, нужно думать, что Евсевій не придалъ имъ тогда особаго значенія и, какъ точный историкъ, затруднился внести ихъ въ свой трудъ именно потому, что не имѣлъ средствъ убѣдиться въ ихъ достовѣрности, а ограничился лишь такими несомнѣнными данными, какъ фактъ поставленія статуи императора съ крестомъ въ рукѣ и приведенная надпись на ней.

На западѣ свѣдѣнія о побѣдѣ Константина изъ его современниковъ сохранили лишь западные языческіе писатели, галльскій панегиристъ, обращавшійся къ Константину съ рѣчью въ 313 году,—вѣроятно, упомянутый уже выше Евменій [2]),—и другой риторъ, Назарій, выступавшій съ панегирикомъ Константину въ 321 году.

Первый изъ нихъ, панегиристъ 313 года, говоря о сверхъестественной помощи Константину, употребляетъ лишь общія, довольно неопредѣленныя выраженія, обращаясь иногда какъ бы за разъясненіемъ съ вопросами къ самому Константину. Походъ Константина, вопреки совѣтамъ приближенныхъ лицъ и показаніямъ гаруспицій, и успѣхъ его ораторъ хочетъ объяснить особымъ внушеніемъ и покровительствомъ Константину верховнаго Божества, которое его лишь удостоиваетъ своихъ откровеній, предоставивъ заботу о другихъ людяхъ

ὡς μὴ τοῦ τυράννου γάριν Ῥωμαίοις πολεμεῖν ἀναγκάζοιτο, θεὸς αὐτὸς δεσμοῖς τισιν ὥσπερ τὸν τύραννον πορρωτάτω πυλῶν ἐξέλκει.

[1]) IX, 9, 10—11. Въ V. C. I, 40, то же съ нѣкоторыми дополненіями: φωνῇ τε μεγάλῃ καὶ στήλαις ἅπασιν ἀνθρώποις τὸ σωτήριον ἀνεκήρυττε σημεῖον; о видѣ креста въ рукѣ статуи: ὑψηλὸν δόρυ σταυροῦ σχήματι.

[2]) Съ Евменіемъ отождествляютъ его Seeckъ и В. В. Болотовъ. Объ особенностяхъ paneg. IX въ сравненіи съ paneg. X (Назарія) ср. *W. S. Teuffel*, Geschichte der römischen Literatur. 6 Aufl. neu bearbeitet von W. Kroll und F. Skutsch. III. Lpz. 1913, S. 214.

низшимъ богамъ; увѣренный въ обѣщанной свыше Божествомъ побѣдѣ, Константинъ и выступилъ съ столь небольшимъ войскомъ противъ имѣвшаго всѣ видимыя преимущества врага. Что Константину оказалъ помощь именно христіанскій Богъ, этого риторъ язычникъ, конечно, не говоритъ. Къ разсказамъ въ христіанскомъ духѣ о чудесномъ событіи и о побѣдѣ силою креста, хотя бы они и были ему извѣстны, онъ, оставаясь язычникомъ, долженъ былъ отнестись отрицательно, и восхваляя императора, съ своей языческой точки зрѣнія долженъ былъ объяснять его успѣхъ [1]).

Другой риторъ, Назарій, передаетъ разсказъ о божественномъ содѣйствіи Константину, какъ его можно было слышать, по его словамъ, всюду въ Галліи. Видны были посланныя съ неба войска съ наводившими страхъ своимъ сіяніемъ щитами и оружіемъ и слышны были голоса: «къ Константину направляемся, къ Константину идемъ на помощь»; вождемъ ихъ, думаетъ самъ авторъ, былъ отецъ императора Константій. Назарій заявляетъ о полной своей вѣрѣ въ это чудо, подобнаго которому не можетъ представить и славящаяся своею святостью древность. Божественная сила, непріязненный къ Максентію Богъ, побудилъ послѣдняго выйти съ войскомъ изъ Рима для сраженія съ Константиномъ. Во время битвы небесное войско должно было, предполагаетъ авторъ, стоять конечно съ Константиномъ, ограждая его, такъ какъ онъ шелъ впереди всѣхъ, не боясь опасности. О какомъ-либо видѣніи или откровеніи самому Константину здѣсь не говорится. Нѣтъ ничего и о начертаніи какихъ-либо знаковъ на щитахъ или о лабарумѣ, говорится лишь о сіяніи драгоцѣнныхъ камней на шлемѣ

[1]) Panegyr. IX, 2, *Bährens* (1874) p. 193—4: quisnam te d e u s, quae tam praesens hortata est maiestas ut, omnibus fere tuis comitibus et ducibus non solum tacite mussantibus, sed etiam aperte timentibus, contra consilia hominum, contra haruspicum monita ipse per temet liberandae urbis tempus venisse sentires? habes profecto aliquod cum illa m e n t e d i u i n a, Constantine, secretum, quae delegata nostri dis minoribus cura uni se tibi dignatur ostendere. 3, p. 194: uix enim quarta parte exercitus contra centum milia armatorum hostium Alpes transgressus es, ut appareret penitus considerantibus (id quod nos fugit tui amore trepidantes) non dubiam te, sed p r o m i s s a m d i u i n i t u s petere uictoriam. 4, 195: dic, quaeso, quid in consilio nisi d i u i n u m n u m e n habuisti? 196: in tam diversa causarum ratione d i u i n o c o n s i l i o, imperator, hoc est tuo, non militum multitudinem, sed partium merita numerasti. О понятіяхъ, какія этотъ авторъ имѣлъ о высшемъ Божествѣ, ср. 26, p. 212.

императора и о блескѣ золота на его щитѣ и оружіи. Несомнѣнные факты съ христіанскимъ характеромъ въ языческой традиціи были, такимъ образомъ, опущены [1]). Нужно думать, что языческій риторъ сообщаетъ здѣсь, какъ самъ онъ говоритъ, тотъ разсказъ о чудесной помощи Константину, который именно и вращался тогда въ языческомъ еще въ преобладающей массѣ населеніи Галліи, причемъ дополняетъ его частію и собственными догадками (о Константіи, какъ вождѣ небеснаго войска, о томъ, что войско это было близъ Константина во время сраженія).

Всѣ писавшіе о событіи въ ближайшее къ нему время авторы, и христіанскіе и языческіе, такимъ образомъ, говорятъ о божественной помощи Константину. Но лишь Лактанцій говоритъ о внушеніи Константину во снѣ изобразить крестъ на щитахъ воиновъ. Евсевій или оказался менѣе освѣдомленнымъ касательно того, что̀ было съ Константиномъ, или же скептически отнесся къ дошедшимъ до него слухамъ. Отъ язычниковъ риторовъ едва ли и можно ожидать большаго въ сравненіи съ тѣмъ, что они сообщаютъ, при ихъ языческой точкѣ зрѣнія.

Самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что касалось лично Константина, могъ, конечно, сообщить въ данномъ случаѣ самъ Константинъ. Когда Евсевій впослѣдствіи сдѣлался близкимъ къ нему человѣкомъ, онъ, повидимому, обратился къ нему съ особымъ вопросомъ объ этомъ предметѣ, и въ «Жизни Константина», написанной уже по

---

[1]) Panegyr. X, 14, p. 223—4: In ore denique est omnium Galliarum exercitus uisos qui se diuinitus missos prae se ferebant. — — flagrabant uerendum nescio quid umbones coruscі et caelestium armorum lux terribilis ardebat: tales enim uenerant ut tui crederentur. haec ipsorum sermocinatio, hoc inter audientes serebant: Constantinum petimus, Constantino imus auxilio. — — ducebat hos, credo, Constantius pater qui terrarum triumphis altiori tibi cesserat, [dum] divinas expeditiones iam diuus agitabat. 15, p. 225: credimus facta [= чудо, о которомъ разсказываютъ анналы] qui maiora nunc sensimus. — — stat argumento duplici fides nixa: sic Constantinus iuuari meruit, sic debuit Roma seruari. 27, p. 234: illum [Максентія] — — ex assuetis latebris uis d i u i n i t a t i s excussit. 28, p. 234: — — nisi animum [Максентія] iam metu deuium i n f e s t i o r d e u s et perendi maturitas perpulisset. 29, 235: quem tenuisse locum caelestis exercitus dicam? quamquam illos non arbitror stetisse nisi tecum. difficillimam enim pugnae partem tibi deligis. — — fulget nobilis galea et cornsca luce gemmarum diuinum uerticem monstrat. auro clipeus, auro arma colluceut.

смерти императора († 337), передалъ слышанное отъ него. Замѣчаніе, которое онъ предпосылаетъ своему разсказу, что «не легко было бы принять» столь чудесный фактъ, какъ θεοσημία, если бы самъ императоръ даже съ клятвою не завѣрилъ его дѣйствительность, едва ли не имѣетъ цѣлію прежде всего оправдать допущенное имъ въ исторіи умолчаніе о столь важномъ фактѣ, или даже можетъ быть проявленный нѣкогда скепсисъ къ слухамъ о немъ, показавшимся ему не вполнѣ достовѣрными.

По этому позднѣйшему, но основанному на словахъ самого Константина, повѣствованію Евсевія, когда императоръ, сравнивая несчастный конецъ правителей, служившихъ многимъ богамъ, и благополучное царствованіе своего отца, чтителя Бога всяческихъ, обратился къ этому Богу съ молитвою— явить ему Себя и оказать помощь, онъ получилъ удивительнѣйшее знаменіе отъ Бога (θεοσημία τις ἐπιφαίνεται παραδοξοτάτη). «Въ полуденные часы, когда солнце уже склонялось къ западу, онъ, по его словамъ, увидѣлъ собственными очами на небѣ находившееся надъ солнцемъ знаменіе креста, составленное изъ свѣта, съ надписью: „симъ побѣждай“. Это зрѣлище поразило и его и всѣхъ тѣхъ воиновъ, которые сопровождали его однажды въ пути и сдѣлались свидѣтелями чуда». Когда Константинъ въ недоумѣніи размышлялъ о значеніи видѣнія, ночью «во снѣ ему явился Христосъ Божій съ явленнымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ подобіе видѣннаго на небѣ знаменія, употреблять его для защиты при нападеніяхъ враговъ» [1]). Утромъ Константинъ, сообщивъ близкимъ къ нему

[1]) V. C. I, 27 — 29. 28, *Heikel* p. 21: εὐχομένῳ δὲ ταῦτα καὶ λιπαρῶς κετεύοντι τῷ βασιλεῖ θεοσημία τις ἐπιφαίνεται παραδοξοτάτη, ἣν τάχα μὲν [ἂν] ἄλλου λέγοντος οὐ ῥᾴδιον ἦν ἀποδέξασθαι, αὐτοῦ δὲ τοῦ νικητοῦ βασιλέως τοῖς τὴν γραφὴν διηγουμένοις ἡμῖν μακροῖς ὕστερον χρόνοις, ὅτε ἠξιώθημεν τῆς αὐτοῦ γνώσεώς τε καὶ ὁμιλίας, ἐξαγγείλαντος ὅρκοις τε πιστωσαμένου τὸν λόγον, τίς ἂν ἀμφιβάλοι μὴ οὐχὶ πιστεῦσαι τῷ διηγήματι; μάλιστα δ' ὅτε καὶ ὁ μετὰ ταῦτα χρόνος ἀληθῆ τῷ λόγῳ παρέσχε τὴν μαρτυρίαν. ἀμφὶ μεσημβρινὰς ἥλιου ὥρας, ἤδη τῆς ἡμέρας ἀποκλινούσης, αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ἰδεῖν ἔφη ἐν αὐτῷ οὐρανῷ ὑπερκείμενον τοῦ ἡλίου σταυροῦ τρόπαιον ἐκ φωτὸς συνιστάμενον, γραφὴν τε αὐτῷ συνῆφθαι λέγουσαν· τούτῳ νίκα. θάμβος δ' ἐπὶ τῷ θεάματι κρατῆσαι αὐτόν τε καὶ τὸ στρατιωτικὸν ἅπαν, ὃ δὴ σταλλομένῳ ποι πορείαν συνείπετό τε καὶ θεωρὸν ἐγίνετο τοῦ θεάματος. 29: Καὶ δὴ διαπορεῖν πρὸς ἑαυτὸν ἔλεγε, τί ποτε εἴη τὸ φάσμα. Ἐνθυμουμένῳ δ' αὐτῷ καὶ ἐπὶ πολὺ λογιζομένῳ νὺξ ἐπῆλε καταλαβοῦσα. Ἔνθα δὴ ὑπνοῦντι αὐτῷ τὸν Χριστὸν τοῦ θεοῦ σὺν τῷ φανέντι κατ' οὐρανὸν σημείῳ ὀφθῆναί τε καὶ παρακελεύσασθαι, μίμημα ποιησάμενον τοῦ κατ' οὐρανὸν ὀφθέντος σημείου τούτῳ πρὸς τὰς τῶν πολεμίων συμβολὰς ἀλεξήματι χρῆσθαι.

людямъ о ночномъ откровеніи и получивъ отъ христіанскихъ учителей наставленіе о явившемся ему Богѣ—Христѣ, какъ единородномъ Сынѣ Божіемъ, и о крестѣ, какъ знаменіи побѣды Его надъ смертью, для чего Онъ и нисходилъ на землю, приказалъ устроить знамя въ видѣ креста. Оно состояло, какъ видѣлъ его въ послѣдующее время Евсевій, изъ древка (δόρυ) и поперечнаго бруска (κέρας ἐγκάρσιον, πλάγιον), къ которому прикрѣпленъ былъ платъ (ὀθόνη), украшенный драгоцѣнными камнями и золотомъ; подъ этимъ платомъ находилось золотое изображеніе императора и сыновей его; на верхнемъ концѣ древка, кромѣ того, помѣщена была окруженная вѣнкомъ изъ драгоцѣнныхъ камней и золота монограмма имени Христа, начертаніе которой императоръ потомъ носилъ всегда и на своемъ шлемѣ. Монограмма имѣла видъ соединенныхъ вмѣстѣ буквъ X и P [1]). Наученный христіанскими учителями и прежде всего уже самымъ видѣніемъ, Константинъ пожелалъ послѣ того внимать чтенію божественныхъ писаній (т. е. сталъ присутствовать при христіанскомъ богослуженіи на положеніи оглашеннаго—«слушающаго»), и приблизивъ къ себѣ «іереевъ Божіихъ», считалъ своимъ долгомъ всячески чтить явившагося ему Бога. Затѣмъ, утвердившись въ благихъ на Него надеждахъ, онъ и устремился противъ тиранна, занялъ послѣ троекратнаго пораженія его войскъ большую часть Италіи и приблизился къ Риму. Далѣе Евсевій сообщаетъ о гибели Максентія и о прославленіи Константиномъ силы креста по вступленіи въ Римъ, о статуѣ съ крестообразнымъ копьемъ въ рукѣ и о надписи на ней [2]).

---

[1]) I, 30—31. 31, p. 22: τῆς σωτηρίου ἐπηγορίας τὸ σύμβολον, δύο στοιχεῖα τὸ Χριστοῦ παραδηλοῦντα ὄνομα διὰ τῶν πρώτων ὑπεσήμαινον χαρακτήρων, χιαζομένου τοῦ ῥῶ κατὰ τὸ μεσαίτατον. Выраженіе χιαζομένου должно означать, что къ буквѣ P присоединена буква X такъ, что линіями, составляющими послѣднюю, P пересѣкается посрединѣ, κατὰ τὸ μεσαίτατον, и получается извѣстная монограмма имени Христа. Но возможно, кажется, пониманіе χιαζομένου и въ смыслѣ указанія просто на пересѣченіе P одною лишь линіею посрединѣ, такъ что сама буква P дѣлается чрезъ это подобною болѣе или менѣе буквѣ X. Такъ склоненъ былъ понимать слова Евсевія о монограммѣ еще *Tillemont*, Hist. des empereurs. IV (1732), p. 127. Heikel слова „διὰ τῶν πρώτων ὑπεσήμαινον χαρακτήρων“ считаетъ вставкою. На монетахъ константиновскаго времени засвидѣтельствованъ однако для лабарума первый видъ монограммы.

[2]) I, 32, 37—40. Что выраженіе 32, p. 22: καὶ αὐτὸς δ' ἤδη τοῖς ἐνθέοις ἀναγνώσμασι προσέχειν ἠξίου, указываетъ на включеніе императора въ разрядъ „слушающихъ“, на это обращаетъ вниманіе *Schwartz*, Kaiser Constantin, 68. Cp. Dölger, 439; Schrörs, 33.

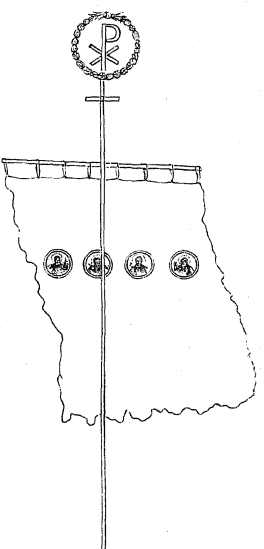
Таковъ разсказъ Евсевія. Если Христосъ повелѣваетъ Константину устроить подобіе видѣннаго знаменія—креста, Константинъ же устрояетъ не крестъ, а знамя съ монограммой Христова имени, такъ называемый labarum, то въ этомъ едва ли нужно усматривать какое-либо несоотвѣтствіе того, что сдѣлано было Константиномъ, полученному повелѣнію, или несообразность въ передачѣ Евсевія [1]). Изображеніе креста въ неприкровенномъ видѣ, какъ было выше замѣчено, вообще не было въ употребленіи у христіанъ до начала V вѣка. Устроенное указаннымъ образомъ знамя и могло быть понято, какъ подобіе креста. Извѣстно, что ранѣе апологеты (Минуцій Феликсъ, Тертулліанъ) усматривали символъ креста и въ языческихъ знаменахъ; увѣнчивавшее labarum имя Христа въ видѣ монограммы, которая и сама по себѣ въ то же время означала крестъ, должно было теперь указывать ясно для христіанъ на этотъ заключавшійся здѣсь христіанскій символъ. [2]).

---

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи, III, 13. *Спасскій*, 31—33. Что въ рукѣ статуи Константина былъ не лабарумъ (у Руфина: vexillum dominicae crucis), ср. *Batiffol*, l. c. 303, *В. В. Болотовъ*, III, 10.

[2]) Названіе знамени labarum встрѣчается въ латинскомъ переводѣ Acta Archelai 51, 9 (первой половины IV в.), у Амвросія (ep. 40), у Пруденція (in Symmachum). Въ Vita Constantini Евсевія оно имѣется лишь въ надписаніи 31 главы I книги: Ἔκφρασις σταυροειδοῦς σημείου, ὅπερ νῦν Ῥωμαῖοι λάβαρον καλοῦσιν. У Григорія Назіанзина оно передается въ формѣ λάβαρον (in Jul. III), такъ же у Созомена (I, 4). Происхожденіе этого слова неясно. Григорій сопоставляетъ его съ латинскимъ labor. У *H. Stevenson* въ Kraus, Real-Encyclopädie der christl. Alterthümer, II. Fr. i. Br. 1886, S. 262, указывается, что у басковъ „labarra" и нынѣ означаетъ знамя. *B. Schremmer*, Labarum und Steinaxt. Tübingen 1911, сопоставляетъ это слово съ лидійскимъ λάβρυς = πέλεκυς, и думаетъ, что это было названіе для знака, сходнаго съ монограммой (изображеніе обоюдоострой сѣкиры), употреблявшагося будто бы въ войскахъ еще ранѣе. *Maurice*, I, CV—CVII, II, LIX—LX, 331—2, 506—513, полагаетъ, что лабарумъ былъ устроенъ только въ 317 г., такъ какъ на монетахъ (326 г.) встрѣчается лабарумъ съ изображеніями трехъ лицъ, между тѣмъ именно лишь въ 317 г. 1 марта два сына Константина, Криспъ и Константинъ, были возведены въ достоинство кесарей и могли быть изображены на лабарумѣ. Съ Морисомъ соглашается и *Batiffol*, l. c. 262. Но это соображеніе не является убѣдительнымъ, потому что Евсевій даетъ описаніе деталей лабарума, какъ онъ видѣлъ его уже въ позднѣйшее время, и первоначально могло быть, напр., изображеніе только одного Константина. Между прочимъ, судя по монетамъ 326 г. (Maurice, II, 506), изображеніе правителей находилось на самомъ платѣ. Такъ и думаетъ Морисъ (ср. также помѣщаемый здѣсь рисунокъ

Евсевій не говоритъ прямо, гдѣ и когда было разсказанное ему Константиномъ событіе. Но предполагая, что разныя подробности въ его сообщеніи имѣютъ основу въ разсказѣ самого же императора, необходимо придти къ выводу, что оно было не непосредственно предъ битвою съ Максентіемъ и даже вообще не во время похода, а еще до выступленія изъ Галліи. Призваніе Константиномъ «изъяснителей словесъ» христіанскаго Бога — Христа, для наученія о Христѣ и Его символѣ—крестѣ, заявленіе о желаніи вступить въ число «слушающихъ» чтеніе писаній, приближеніе къ себѣ «іереевъ Божіихъ», все это могло быть еще въ Галліи, но не во время похода въ Италію и тѣмъ болѣе не наканунѣ битвы. Весь вообще ходъ повѣствованія Евсевія въ данномъ случаѣ ясно показываетъ, что, по нему, чудесное событіе имѣло мѣсто именно въ Галліи. Не довѣрять Евсевію, или предполагать, будто онъ, разсуждая съ императоромъ, совсѣмъ и не интересовался вопросомъ, гдѣ и когда было описываемое происшествіе, мы не имѣемъ основаній.



Но такъ какъ, съ другой стороны, и Лактанцій съ совершенною опредѣленностью говоритъ о начертаніи монограммы имени Христа на щитахъ, въ силу полученнаго Константиномъ во снѣ внушенія, непосредственно предъ сраженіемъ съ

изъ Лекцій *В. В. Болотова*, III, 11, представляющій воспроизведеніе рисунка самого В. В. Болотова). Но еще *Tillemont*, IV, 126, обращалъ вниманіе на то, что, по описанію Евсевія, эти изображенія, повидимому, должны находиться не на платѣ, а прикрѣплены къ древку особо. Ср. также напр. *Schaff*, KG², 461. Такъ именно понимаетъ устройство лабарума и *Franchi de' Cavalieri*, l. c. (Batiffol, 301).

Максентіемъ, и скептическое отношеніе къ его разсказу, въ виду возможности для него полученія болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній указаннымъ путемъ, также нужно признать несправедливымъ, то остается сдѣлать выводъ, что онъ говоритъ не о томъ фактѣ, о которомъ разсказывалъ Евсевію Константинъ, а о другомъ, относящемся къ позднѣйшему моменту. Если Константинъ еще въ Галліи пришелъ къ рѣшимости опереться на помощь христіанскаго Бога, тамъ устроенъ былъ для него лабарумъ, и уже въ первыхъ побѣдахъ надъ непріятелемъ онъ могъ усматривать божественное содѣйствіе себѣ, то это не исключало для него необходимости внушать увѣренность въ побѣдѣ при содѣйствіи высшей силы и въ своихъ воинахъ и поддерживать эту увѣренность въ дальнѣйшее время. Но самымъ критическимъ моментомъ въ его предпріятіи было именно предстоявшее ему предъ стѣнами Рима сраженіе съ Максентіемъ. Неудивительно, что именно непосредственно предъ этою опасною минутою, имѣя уже при себѣ лабарумъ, онъ прибѣгнулъ для воодушевленія своихъ воиновъ еще и къ той мѣрѣ, о которой сообщаетъ Лактанцій. Вопросъ можетъ возникать въ этомъ случаѣ развѣ лишь о томъ, было ли «внушеніе во снѣ», о которомъ говоритъ Лактанцій, новымъ внушеніемъ, или же Константинъ дѣйствовалъ руководясь бывшимъ еще ранѣе въ Галліи сновидѣніемъ, касавшимся только лабарума и монограммы на немъ, и теперь по собственной иниціативѣ повелѣлъ изобразить монограмму и на щитахъ,—но въ передачѣ у Лактанція это бывшее еще ранѣе сновидѣніе оказалось поставленнымъ въ непосредственную близость къ этому распоряженію относительно щитовъ. Но нѣтъ рѣшительныхъ основаній и въ этомъ случаѣ отступать отъ буквальнаго смысла его разсказа [1]).

[1]) Вопросъ о томъ, гдѣ и когда было видѣніе Константину, съ давнихъ поръ рѣшается неодинаково. Такъ, Бароній и Тильльмонъ высказывались за Галлію, Валюзъ и Паджи за Италію. Особо важное значеніе онъ получаетъ потому, что въ связи съ нимъ обычно рѣшаютъ вопросъ о самой достовѣрности двухъ имѣющихся столь несходныхъ сказаній о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ—Лактанція и Евсевія,—то довѣряя одному изъ нихъ, то другому, то заподозрѣвая или совсѣмъ отрицая достовѣрность обоихъ. Въ дѣйствительности еще *Тильльмонъ* (IV, 632, cf. 128), съ свойственными ему внимательнымъ отношеніемъ къ источникамъ и вѣрностью сужденія, отмѣтилъ, что изъ текста Евсевія никоимъ образомъ нельзя вынести убѣжденія, будто онъ полагалъ видѣніе бывшимъ уже наканунѣ гибели Максентія, и поэтому нужно или

Такимъ образомъ, если обычно обращаетъ на себя особое вниманіе видимое несогласіе разсказа Евсевія съ сообщеніемъ Лактанція и является одной изъ причинъ скептическаго отно-

---

допустить, что кто-либо, или Евсевій, или Лактанцій, ошибается, или же признать, что это—двѣ совершенно различныя исторіи; самъ Тильмонъ не видитъ никакихъ препятствій къ принятію послѣдняго мнѣнія.—Въ литературѣ новѣйшаго времени попытка доказать, что видѣніе было подъ стѣнами Рима (хотя бы и не наканунѣ сраженія съ Максентіемъ, какъ говоритъ Лактанцій), сдѣлана въ довольно длинномъ разсужденіи *Sesan*'омъ (340—348). — Обстоятельное разъясненіе, что это было—по Евсевію—еще предъ походомъ, въ Галліи, можно читать въ изслѣдованіи *Schrörs*'а (29—35). Но отстаивая достовѣрность разсказа Евсевія, Schrörs въ то же время пытается (14—19, 36—37) безъ всякой нужды всячески, per fas et nefas, дискредитировать сообщеніе Лактанція, какъ совершенно будто бы легендарное (хотя, нужно замѣтить, изслѣдованіями послѣдняго времени устанавливается значеніе вообще показаній Лактанція, какъ историческаго источника, ср. *Bihlmeyer* въ Theol. Quartalschrift, 1912, 427). Между прочимъ, Schrörs (18—19) полагаетъ, что принятіе Лактанціемъ „басни“ о явленіи Ликинію, предъ его сраженіемъ съ Максиміномъ 30 апрѣля, ангела, сообщившаго ему особую молитву (c. 46: „tunc proxima nocte Licinio quiescente adsistit angelus dei monens“ etc.), роняетъ цѣну и параллельнаго извѣстія о Константинѣ (c. 44). Но можно, наоборотъ, думать, что весь разсказъ у Лактанція о побѣдѣ Ликинія надъ Максиміномъ, идущій, очевидно, съ своими подробностями, отъ участниковъ похода Ликинія, подтверждаетъ болѣе или менѣе достовѣрность сообщеній Лактанція и о войнѣ Константина. Дѣло въ данномъ случаѣ вовсе не въ томъ, что язычнику Ликинію не могъ явиться ангелъ и сообщить молитву, не заключавшую притомъ ничего специфически христіанскаго и составленную въ духѣ лишь самаго неопредѣленнаго монотеизма („summe, sancte deus“), но въ томъ, что Лактанцій приводитъ буквально — конечно неизмышленный имъ — самый текстъ продиктованной Ликиніемъ нотарію молитвы и съ совершенно правдоподобной конкретностью описываетъ дальнѣйшія происшествія („scribuntur haec in libellis pluribus et per praepositos tribunosque mittuntur, ut suos quisque milites doceat“ etc.). Явленіе во снѣ ангела и Христа могли засвидѣтельствовать только сами Ликиній и Константинъ, и никакой провѣркѣ ихъ увѣренія не могли подлежать уже и въ то время. Но какъ бы ни относиться къ ихъ увѣреніямъ, нѣтъ основаній отвергать чисто внѣшніе факты, фактъ изданія особой молитвы Ликиніемъ и фактъ распоряженія Константина о монограммѣ на щитахъ (Schrörs, 17, преувеличиваетъ техническія трудности при выполненіи этого распоряженія). При этомъ, что касается вопроса о разсказѣ самаго Ликинія о явленіи ему ангела, то если не признавать по отношенію къ нему „визіонерства“ (о его языческомъ суевѣрномъ настроеніи въ послѣдующее время ср. V. C. II, 4), почему не допустить со стороны хитраго старика и намѣреннаго измышленія? И если для Константина Schrörs не хотѣлъ бы допускать еще второго сновидѣнія, какъ другого чуда (37), то

шенія къ достовѣрности этихъ сказаній, то въ дѣйствительности это различіе можно объяснить именно тѣмъ, что эти авторы не только имѣютъ разные источники для своихъ повѣствованій, но и говорятъ о двухъ разныхъ фактахъ, бывшихъ въ разное время. Лактанцій говоритъ о монограммѣ на щитахъ солдатъ, но умалчиваетъ о лабарумѣ; Евсевій, наоборотъ, говоритъ только о лабарумѣ и не упоминаетъ о монограммѣ на щитахъ. Но Евсевій передаетъ слышанное отъ самого Константина, для Лактанція же источникомъ послужили извѣстія, шедшія, можетъ быть, лишь отъ офицеровъ, или и просто рядовыхъ воиновъ—участниковъ похода Константина. У Константина и Евсевія рѣчь была именно о видѣніи Константину въ Галліи и только объ этомъ событіи разсказывалъ Евсевію Константинъ. Для Константина лично интересъ вообще сосредоточивался именно на лабарумѣ. Но помимо устройства лабарума могло быть сдѣлано еще и распоряженіе о начертаніи монограммы, какъ христіанскаго знака, на щитахъ непосредственно предъ битвой съ Максентіемъ [1]). Объ этой подробности Константинъ не сообщилъ Евсевію, такъ какъ она относилась уже къ дальнѣйшему времени. Но въ памяти и начальниковъ отрядовъ, и каждаго отдѣльнаго солдата, она должна была въ свое время отпечатлѣться тверже, чѣмъ фактъ устройства царскаго знамени [2]).

онъ могъ бы для этого случая вспомнить то, что сказано у него же вообще о „визіонерствѣ“ Константина и „мистическомъ настроеніи (Zug), которое могло при случаѣ возвышаться до религіозной экзальтаціи“ (52—58, 57; ср. *Keim*, Uebertritt, 89).—Достовѣрными признаетъ и разсказъ Евсевія о видѣніи креста и явленіи Спасителя во снѣ Константину еще въ Галліи, и разсказъ Лактанція о начертаніи монограммы на щитахъ предъ сраженіемъ, *F. Savio*, La guerra di Costantino contro Massenzio e le apparizioni miracolose della Croce e del Salvatore, въ Civiltà cattolica, 1913, II, 27—8. Лактанцій, по нему, неправильно лишь перенесъ бывшее въ Галліи чудесное событіе—откровеніе, о которомъ онъ зналъ лишь по неопредѣленнымъ слухамъ, въ Италію (Schrörs, 37₁, совершенно въ обратномъ смыслѣ передаетъ мнѣніе Savio, когда говоритъ о двухъ — по Savio — различныхъ видѣніяхъ въ чудеснымъ характеромъ).

[1]) Если признавать, что по Лактанцію монограмма на щитахъ имѣла одинъ видъ, по Евсевію же монограмма на лабарумѣ оказывается уже иного вида, то и это обстоятельство едва ли должно возбуждать какія-либо недоумѣнія. Въ употребленіи были обѣ формы ея, какъ это могли разъяснить Константину христіанскіе учители, и обѣ могли быть поэтому примѣнены въ разныхъ случаяхъ.

[2]) Изъ болѣе позднихъ писателей Руфинъ въ своемъ переводѣ исторіи Евсевія на латинскій языкъ (403—410) замѣняетъ краткое со-

Что Константинъ самъ не находилъ нужнымъ въ свое время выступать съ открытымъ разъясненіемъ, въ чемъ состояло бывшее ему видѣніе и какъ онъ самъ понимаетъ его, и пре-

---

общеніе Евсевія, IX, 9, 1—3, своимъ совершенно особымъ разсказомъ (ed. *Mommsen*, p. 827. 829). Когда императоръ выступилъ въ походъ, онъ былъ уже (erat quidem iam tunc), по Руфину, покровителемъ христіанской религіи и почитателемъ истиннаго Бога, только не получилъ еще крещенія. Во время похода онъ въ смущеніи размышлялъ о предстоящей войнѣ и часто поднималъ очи къ небу, прося божественной себѣ помощи, и онъ „видитъ во снѣ на небѣ, въ восточной части, знаменіе креста, сіяющее огненнымъ блескомъ (cum — — iter ageret — —, videt per soporem ad orientis partem in caelo signum crucis igneo fulgore rutilare). Когда онъ былъ устрашенъ такимъ видѣніемъ и смущенъ необычайностью зрѣлища, онъ видитъ вблизи себя ангеловъ, обращающихся къ нему съ словами: „Константинъ, τούτῳ νίκα“, т. е. „симъ побѣждай“ (adstare sibi videt angelos dicentes: „Constantine, τούτῳ νίκα“, quod est: in hoc vince). Тогда, ободренный и увѣренный уже въ побѣдѣ, онъ знаменуетъ на своемъ челѣ видѣнное имъ на небѣ знаменіе креста (signum crucis quod in caelo viderat, in sua fronte designat); и такимъ образомъ, призванный къ вѣрѣ съ неба (caelitus), онъ, мнѣ кажется, не ниже того, кому также съ неба (de caelo) было сказано: *Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня? Я Іисусъ Назорей* (Дѣян. 22, 7. 8), съ тѣмъ лишь различіемъ, что онъ призывается не какъ еще преслѣдователь, но какъ уже послѣдователь. Поэтому знаменіе, которое было явлено ему на небѣ, онъ дѣлаетъ образцомъ при устройствѣ военныхъ знаменъ, и такъ называемый лабарумъ устрояетъ въ видѣ креста Господня (signum — — in militaria vexilla transformat ac labarum, quem dicunt, in speciem crucis dominicae exaptat), и такимъ образомъ, снабженный оружіемъ и знаменами религіи, выступаетъ противъ оружія нечестивыхъ. Но сверхъ того передаютъ, что и въ правой своей рукѣ онъ имѣлъ сдѣланное изъ золота знаменіе креста (sed et in dextera sua manu signum nihilominus crucis ex auro fabrefactum habuisse perhibetur)“. Дальнѣйшее изложеніе, о гибели Максентія, о вступленіи Константина въ Римъ, о статуѣ съ крестомъ въ рукѣ и надписью (832: ubi imagines sibi ob honorem triumphanti senatus erexit, vexillum dominicae crucis in dextera sua iubet depingi et subter adscribi. etc.) въ общемъ соотвѣтствуетъ тексту Евсевія. Неизвѣстно, откуда Лактанцій заимствовалъ данныя, частію несогласныя съ сообщеніями Лактанція и Евсевія въ „Жизни Константина“ и потому довѣрія не заслуживающія, частію лишь дополняющія ихъ (о видѣніи креста на небѣ во снѣ, объ ангелахъ, о начертаніи на челѣ крестнаго знаменія, о крестѣ въ рукѣ Константина).—У Филосторгія въ церковной исторіи (425—433) сообщалось, что знаменіе креста явилось на востокѣ и занимало большое пространство, было образовано изъ поразительнаго сіянія и окружено надписью изъ звѣздъ, расположенныхъ въ видѣ радуги и составившихъ слова (на латинскомъ языкѣ): „симъ побѣждай“. I, 6, *Bidez* (1913) p. 7, ap. Photium: τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον κατὰ ἀνατολὰς ἐπὶ μήκιστον ὤφθη διῆκον, αἴγλης αὐτὸν καταπληττούσης διατυπου-

доставлялъ обращаться въ языческой средѣ, можетъ быть, и христіанской, разнымъ легендамъ по этому поводу и лишь въ позднѣйшія уже времена сообщилъ о немъ подробнѣе напр. Евсевію, какъ особо приближенному къ нему лицу, это можетъ находить объясненіе въ томъ, что событіе это имѣло особое значеніе лично для самого императора; убѣдить язычниковъ открытымъ разсказомъ о немъ, какъ чудѣ, разумѣется, не было возможно, и для императора, въ его тогдашнемъ положеніи въ языческой средѣ, было, можетъ быть, даже удобнѣе окружить этотъ фактъ болѣе или менѣе таинственностью [1]).

Успѣшныя, хотя потребовавшія не мало искусства и усилій. военныя дѣйствія въ сѣверной Италіи должны были болѣе или менѣе ободрить смѣлаго полководца и его воиновъ. Но главная трудность борьбы была еще впереди, при приближе-

---

μένης, καὶ ἀστέρων αὐτὸν κύκλῳ περιθεόντων ἴριδος τρόπῳ καὶ πρὸς γραμμάτων χαρακτῆρα ῥυθμιζομένων· τὰ δὲ ἄρα Ῥωμαίων ἔλεγε φωνῇ· „ἐν τούτῳ νίκα“. Сообщеніе и Руфина и Филосторгія, что знаменіе креста видимо было на восточной сторонѣ неба, очевидно, несогласно съ извѣстіемъ у Евсевія, что Константинъ видѣлъ его вскорѣ послѣ полудня надъ солнцемъ (ὑπερκείμενον τοῦ ἡλίου). Въ Artemii Passio, 45, Іоанна родосскаго (до X в.), пользовавшагося исторіей Филосторгія, этой несообразности уже нѣтъ (*Bidez*, 7). Артемій, по этому памятнику, между прочимъ, заявляетъ въ своей рѣчи къ Юліану Отступнику, что и онъ, какъ участникъ похода, видѣлъ знаменіе, и въ войскѣ Юліана имѣется много и другихъ свидѣтелей его.—Сократъ, I, 2, повторяетъ вообще разсказъ Евсевія въ „Жизни Константина“. Но ср. I, 2, 4, *Hussey*, I, p. 5: εἶδεν ἐν τῷ οὐρανῷ στύλον φωτὸς σταυροειδῆ, ἐν ᾧ γράμματα ἦν λέγοντα, Ἐν τούτῳ νίκα. Знамя Константина, по Сократу, хранилось и въ его времена во дворцѣ (*I*, 2, 7).—Созоменъ, I, 3, сначала приводитъ сообщеніе Руфина (не называя его имени) о видѣніи Константиномъ знаменія креста во снѣ и обращенныхъ къ нему словахъ ангеловъ. *Hussey*, I, p. 23: ὄναρ εἶδε τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον ἐν τῷ οὐρανῷ σελαγίζον. Τεθηπότι δὲ αὐτῷ πρὸς τὴν ὄψιν, παραστάντες ἥδεσι ἄγγελοι, ὦ Κωνσταντῖνε, ἔφησαν, ἐν τούτῳ νίκα. Но вслѣдъ затѣмъ онъ передаетъ съ подробностью и разсказъ Евсевія о видѣніи креста наяву и о явленіи ночью во снѣ Христа, и самъ не высказывается прямо ни за то, ни за другое повѣствованіе.—У Θеодорита, I, 2, имѣется лишь общее замѣчаніе о призваніи Константина свыше, подобно ап. Павлу.

[1]) Ср. соображенія у *Schrörs*'а, 68—9. Константинъ, по Евсевію, послѣ сновидѣнія только друзьямъ разсказываетъ тайну (I, 30: τοῖς φίλοις ἐξηγόρευε τὸ ἀπόῤῥητον) и обращается за разъясненіями къ христіанскимъ учителямъ. Τὸ στρατιωτικὸν ἅπαν у Евсевія I, 28, не означаетъ непремѣнно все войско, а очевидно лишь свиту, отрядъ, сопутствовавшій императору при какомъ-то переходѣ (στελλομένῳ ποι πορείαν) въ Галліи. Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи, III, 12. *Schrörs*, 30.

ніи къ Риму. Все сдѣланное доселѣ имѣло очень мало значенія, пока Максентій имѣлъ въ своихъ рукахъ Римъ и держался въ немъ, такъ какъ Константинъ не располагалъ нужными для осады силами и, кромѣ того, осаду Максентій, въ виду сдѣланныхъ запасовъ, могъ выдерживать очень долго. Благодаря пассивному способу сопротивленія, не выходя изъ Рима, онъ уже ранѣе одержалъ верхъ сначала надъ Северомъ, потомъ надъ Галеріемъ. И въ данномъ случаѣ болѣе всего можно было бояться того, что онъ, если и вышлетъ часть своихъ силъ для сраженія, самъ однако, какъ онъ дѣлалъ это прежде, будетъ пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ въ укрѣпленномъ городѣ.

Максентій, бывшій, не смотря на прекращеніе имъ гоненія на христіанъ, ревностнымъ язычникомъ и постоянно прежде обращавшійся къ языческимъ гадателямъ, и теперь рѣшился ввѣрить свою судьбу тѣмъ же руководителямъ и дѣйствовать по ихъ указанію. Оба противника, такимъ образомъ, искали помощи въ религіи, одинъ обращался къ Богу христіанъ, другой хотѣлъ найти поддержку для себя въ язычествѣ. Побѣда одного изъ нихъ должна была быть какъ бы свидѣтельствомъ истинности той религіи, которой онъ держался.

Сивиллины книги дали Максентію отвѣтъ, что въ день вступленія его во власть (28 октября) погибнетъ врагъ римлянъ. Въ сновидѣніи онъ, кромѣ того, получилъ внушеніе оставить мѣсто своего тогдашняго жительства, такъ что 26 числа онъ изъ дворца перешелъ въ частный домъ. Чтобы оправдать предсказаніе о гибели врага римлянъ, т. е., какъ думалъ Максентій, Константина, и уничтожить его, въ означенный день онъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ и прежнимъ собственнымъ намѣреніямъ, вышелъ съ войскомъ изъ Рима, при Мульвійскомъ мостѣ перевелъ его чрезъ Тибръ и повелъ къ Rubra Saxa противъ Константина по Фламиніевой дорогѣ между Тибромъ и рядомъ холмовъ. Константинъ искуснымъ маневромъ немедленно обошелъ непріятеля, пришелъ къ Мульвійскому мосту, такъ что войско Максентія оказалось запертымъ въ тѣснинѣ, и далъ рѣшительное сраженіе при самомъ неудобномъ положеніи для непріятеля, который долженъ былъ обратиться тыломъ къ Тибру, при чемъ задніе ряды были тѣснимы въ бурную рѣку при малѣйшемъ отступленіи переднихъ [1]). Побѣда была самая бле-

[1]) Ср. *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I³. Berlin 1910. S. 131—134. Нѣсколько иначе представляетъ ходъ сраженія

стящая; самъ Максентій погибъ въ Тибрѣ, подобно фараону съ его воинствомъ, по сравненію Евсевія.

И самъ Константинъ и его современники приписывали эту побѣду божественной помощи. Сенатъ воздвигъ чрезъ нѣсколько лѣтъ (315) въ честь Константина арку за то, что онъ «внушеніемъ Божества (instinctu Divinitatis) и величіемъ духа» освободилъ государство отъ тиранна.

Пробывъ въ Римѣ лишь недолгое время, Константинъ отправился въ Миланъ [1]). Сюда прибылъ и Ликиній, союзъ котораго съ Константиномъ скрѣпленъ былъ отпразднованнымъ здѣсь бракомъ его съ сестрою Константина Констанціею. Приглашенъ былъ въ Миланъ по случаю этого торжества и Діоклетіанъ изъ его уединенія въ Салонѣ въ Далматіи, но, ссылаясь на старость, отказался пріѣхать. Во время пребыванія августовъ въ Миланѣ, продолжавшагося не далѣе апрѣля, послѣ взаимнаго совѣщанія, сдѣлано было законодательное постановленіе, которымъ опредѣлялось положеніе христіанъ въ имперіи. Можетъ быть, еще ранѣе этого Константинъ обращался къ проконсулу Африки Анулину съ рескриптомъ о возвращеніи христіанамъ («каѳолической церкви») отобранныхъ у нихъ ранѣе имуществъ.

Увѣдомленіе о побѣдѣ надъ Максентіемъ и новый законъ посланы были и Максимину. Но тотъ вовсе не былъ расположенъ принять его и въ рескриптѣ своему префекту съ одобреніемъ отзывался о попыткахъ Діоклетіана и Максиміана такъ или иначе привлечь къ почитанію боговъ отступниковъ-христіанъ, только признавалъ, что нужно дѣлать это безъ жестокихъ мѣръ, къ которымъ однако и самъ постоянно обращался. Вскорѣ онъ напалъ на владѣнія Ликинія, осадивъ Византію. Послѣдовавшая затѣмъ война съ нимъ Ликинія являлась дальнѣйшимъ продолженіемъ борьбы двухъ религій. Ликиній распространялъ даже въ войскѣ предъ битвою особую молитву къ высочайшему Богу, какъ открытую ему, по сообщенію Лак-

---

K. R. von Landmann, Konstantin der Grosse als Feldherr, въ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей Dölger'a, S. 147—150.

[1]) Обычно полагаютъ, что Константинъ оставался въ Римѣ до 1 января, до провозглашенія его и Ликинія консулами. *P. Batiffol*, Les étapes de la conversion de Constantin, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'arch. chrétiennes, 1913, № 4. 241, изъ словъ Лактанція (c. 45): „hieme proxima Mediolanum concessit“ дѣлаетъ выводъ, что онъ отправился изъ Рима еще до 1 января.

танція, во снѣ ангеломъ. 30 апрѣля Максиминъ потерпѣлъ пораженіе въ мѣстности Campus Serenus. И въ бывшихъ его владѣніяхъ послѣ этого вошло въ силу опубликованное въ Никомидіи 13 іюня Ликиніемъ миланское постановленіе. Самъ Максиминъ, казнивъ предсказывавшихъ ему побѣду жрецовъ и приицателей, теперь поспѣшилъ тоже издать указъ о полной свободѣ для христіанъ и даже о возвращеніи имъ отобранныхъ имуществъ. Но попытка его продолжать борьбу съ Ликиніемъ не могла имѣть успѣха, и вскорѣ самъ онъ погибъ.

Вѣрнымъ принятому подъ вліяніемъ Константина и провозглашенному на востокѣ закону не оказался потомъ, какъ извѣстно, и Ликиній, по воззрѣніямъ и настроенію всегда остававшійся язычникомъ. Константину, поэтому, и съ нимъ затѣмъ пришлось вступить въ борьбу за свободу и права христіанства, и только съ утвержденіемъ потомъ въ 324 г. власти Константина и въ восточной половинѣ имперіи могли найти всюду осуществленіе провозглашенные въ Миланѣ въ 313 г. принципы.

II.

Въ своемъ подлинномъ первоначальномъ видѣ, на латинскомъ языкѣ, миланское постановленіе не дошло до насъ. Въ источникахъ не указываются прямо ни точная дата этого акта, ни ближайшія обстоятельства его изданія. Данныя источниковъ частію таковы, что нѣкоторымъ ученымъ даютъ поводъ отрицать даже вообще фактъ обнародованія особаго закона о христіанахъ въ Миланѣ.

Законъ этотъ не вошелъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, въ составленное при Ѳеодосіи II собраніе законовъ, такъ наз. «Codex Theodosianus» (438) [1]. Сообщеніе о законѣ Константина и Ликинія въ пользу христіанъ имѣется у Евсевія; у него же и у Лактанція приводится документъ, который обычно прежде былъ отождествляемъ непосредственно съ «миланскимъ эдиктомъ», но который теперь вызываетъ споры и является предметомъ различныхъ мнѣній.

---

[1]) Ср. о способѣ составленія кодекса, не на основаніи главнымъ образомъ византійскаго дворцоваго архива, а на основаніи разныхъ провинціальныхъ архивовъ и частныхъ собраній, и о неполнотѣ его, напр., замѣчанія у *G. Löschke*, Zwei kirchengeschichtliche Entwürfe (II. Quellenkunde der alten Kirchengeschichte). Tübingen 1913, S. 52—55.

Евсевій въ послѣднихъ главахъ IX книги своей исторіи, вслѣдъ за разсказомъ о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ и поставленіи въ Римѣ статуи Константина съ крестомъ въ рукѣ и надписью, сообщаетъ лишь, что Константинъ и Ликиній, послѣ полученныхъ ими отъ Бога милостей, «оба согласно и единомысленно начертываютъ совершеннѣйшій и обстоятельнѣйшій законъ въ пользу христіанъ» и посылаютъ этотъ законъ, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о чудесномъ содѣйствіи имъ Бога и о побѣдѣ надъ тиранномъ, Максимину, еще не обнаружившему открыто непріязненнаго отношенія къ нимъ. Но самаго текста этого «закона» Евсевій здѣсь не даетъ и не говоритъ, гдѣ именно и когда онъ былъ изданъ; не упоминаетъ онъ и вообще о пребываніи правителей въ Миланѣ [1]). Онъ приводитъ лишь въ этомъ мѣстѣ рескриптъ Максимина префекту Савину, изданный имъ вмѣсто согласія съ закономъ Константина и Ликинія, и замѣчаетъ, что рескриптъ этотъ встрѣченъ былъ христіанами съ недовѣріемъ, и въ дѣйствительности онъ не разрѣшалъ христіанамъ ни устраивать собранія, ни строить церкви и т. п., тогда какъ Константинъ и Ликиній предъявляли къ Максимину требованія относительно этого и сами въ подвластной имъ области разрѣшали это чрезъ особыя распоряженія и законы [2]). Еще далѣе, послѣ краткаго разсказа о столкновеніи Максимина съ Ликиніемъ и пораженіи его, приводится у него эдиктъ Максимина о полной свободѣ христіанъ, изданный имъ не задолго до смерти [3]).

---

[1]) Eus. h. e. IX, 9, 12, *Schwartz* 832: καὶ δὴ ἐπὶ τούτοις αὐτός τε Κωνσταντῖνος καὶ σὺν αὐτῷ Δικίννιος, οὔπω τότε ἐφ' ἧν ὕστερον ἐκπέπτωκεν μανίαν τὴν διάνοιαν ἐκτραπείς, θεὸν τὸν τῶν ἁγαθῶν ἁπάντων αὐτοῖς αἴτιον εὐμενίσαντες, ἄμφω μίᾳ βουλῇ καὶ γνώμῃ νόμον ὑπὲρ Χριστιανῶν τελεώτατον πληρέστατα διατυποῦνται, καὶ τῶν πεπραγμένων εἰς αὐτοὺς ἐκ θεοῦ τὰ παράδοξα τά τε τῆς κατὰ τοῦ τυράννου νίκης καὶ τὸν νόμον αὐτὸν Μαξιμίνῳ, τῶν ἐπ' ἀνατολῆς ἐθνῶν ἔτι δυναστεύοντι φιλίαν τε πρὸς αὐτοὺς ὁποκοριζομένῳ, διαπέμπονται. ὃ δ' οἷα τύραννος περιαλγὴς ἐφ' οἷς ἔγνω γεγενημένοις, εἶτα μὴ δοκεῖν ἑτέροις εἶξαι βουλόμενος μηδ' αὖ παρεκθέσθαι τὸ κελευσθὲν δέει τῶν προστεταχότων ὡς ἂν ἐξ ἰδίας αὐθεντίας τοῖς ὑπ' αὐτὸν ἡγεμόσιν τοῦτο πρῶτον ὑπὲρ Χριστιανῶν ἐπάναγκες διαχαράττει τὸ γράμμα.

[2]) IX 9ª, 11—12, 838: [τὸ γράμμα Μαξιμίνα] οὐ μὴν συνόδους ἐπικελεῦον ποιεῖσθαι οὐδ' οἴκους ἐκκλησιῶν οἰκοδομεῖν οὐδ' ἄλλο τι τῶν ἡμῖν συνήθων διαπράττεσθαι. Καίτοι γε ταῦθ' οἱ τῆς εἰρήνης καὶ εὐσεβείας προήγοροι αὐτῷ τε ἐπιτρέπειν ἐπεστάλκεσαν καὶ τοῖς ὑπ' αὐτοὺς ἅπασιν διὰ προγραμμάτων καὶ νόμων συγχεχωρήκεσαν.

[3]) IX, 10, 6—11.

Но въ срединѣ X книги у Евсевія, въ рядѣ рукописей его исторіи, находится собраніе переведенныхъ съ латинскаго языка на греческій документовъ и во главѣ ихъ стоитъ—подъ заглавіемъ: «Копія императорскихъ постановленій, переведенныхъ съ римскаго языка» — написанный отъ имени Константина и Ликинія указъ къ необозначенному ни по имени, ни по должности представителю магистрата, который долженъ позаботиться о приведеніи во всеобщую извѣстность и о точномъ выполненіи того, что постановили оба прибывшіе въ Миланъ правителя о полной религіозной свободѣ для христіанъ и для всѣхъ другихъ и о возвращеніи христіанской церкви отнятыхъ ранѣе во время гоненій имуществъ [1]). Какъ полагаетъ Э. Швартцъ, первоначально все это собраніе документовъ составляло приложеніе къ IX книгѣ, но когда потомъ присоединена была еще X книга, оно было помѣщено въ ней, вслѣдъ за похвальнымъ словомъ самого Евсевія къ Павлину тирскому по случаю построенія въ Тирѣ храма, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ изданіи исторіи было опущено [2]).

Лактанцій, въ сочиненіи De mortibus persecutorum, хотя говоритъ о пребываніи Константина и Ликинія въ Миланѣ, но самъ съ своей стороны не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній объ изданіи ими тамъ закона о христіанахъ, упоминая лишь о бракѣ Ликинія съ сестрою Константина Констанціею [3]). Но далѣе, разсказавъ о побѣдѣ Ликинія надъ Максиминомъ и вступленіи Ликинія въ Никомидію, онъ даетъ латинскій текстъ, вполнѣ соотвѣтствующій въ цѣломъ греческому тексту упомянутаго документа у Евсевія, лишь безъ того начала, какое имѣется въ послѣднемъ. Этотъ документъ онъ обозначаетъ, какъ указъ («письмо», litterae), данный Ликиніемъ въ Никомидіи президу 13 іюня 313 года [4]).

---

[1]) X, 5, 1—14. 5, 1, 883: Φέρε δή, λοιπὸν καὶ τῶν βασιλικῶν διατάξεων Κωνσταντίνου καὶ Λικιννίου τὰς ἐκ τῆς Ῥωμαίων φωνῆς μεταληφθείσας ἑρμηνείας παραθώμεθα. [Далѣе заглавіе:] Ἀντίγραφον βασιλικῶν διατάξεων ἐκ ῥωμαϊκῆς γλώττης μεταληφθεισῶν.

[2]) *E. Schwartz*, Eusebius Kirchengeschichte. III (Einleitungen). Lpz. 1909, S. LVIII.

[3]) Lact. de mort. pers. 45, 1, *Brandt* 225: Constantinus rebus in urbe compositis hieme proxima Mediolanum conecessit. eodem Licinius aduenit, ut acciperet uxorem.

[4]) 48, 1, 228: Licinius uero accepta exercitus parte ac distributa traiecit exercitum in Bithyniam paucis post pugnam diebus et Nicomediam ingres-

Къ разъясненію вопроса объ этомъ памятникѣ, въ связи съ установленіемъ степени достовѣрности и подлиннаго смысла сообщенія Евсевія о «законѣ» Константина и Ликинія, сводится рѣшеніе вопросовъ о содержаніи и самомъ существованіи эдикта.

Находимый у Лактанція и Евсевія документъ гласитъ такимъ образомъ [1]):

---

sus gratiam deo, cuius auxilio uicerat, retulit ac die Iduum Iuniarum Constantino atque ipso ter consulibus de restituenda ecclesia huius modi litteras ad praesidem datas proponi iussit. Вслѣдъ за приведеннымъ затѣмъ текстомъ документа сообщается, 48, 13, 233: His litteris propositis etiam uerbo hortatus est, ut conueniencula <in> statum pristinum redderentur. Sic ab euersa ecclesia usque ad restitutam fuerunt anni decem, menses plus minus quattuor.

[1]) Сочиненіе Лактанція De mortibus persecutorum сохранилось въ единственной рукописи Paris. 2627 (= Colbert. 1297) s. XI, и текстъ ея даетъ вообще широкій просторъ для конъектуръ. Уже въ editio princeps *Baluze* (1679) долженъ былъ внести въ печатный текстъ немало исправленій въ сравненіи съ рукописью. Новѣйшій издатель, *S. Brandt* (въ Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Vol. XXVII. 1897), латинскій текстъ документа въ 48 главѣ исправлялъ и дополнялъ на основаніи греческаго текста Евсевія и далъ такимъ образомъ смѣшанный текстъ. Поэтому, Батиффоль, напр., находитъ болѣе удобнымъ въ своей статьѣ о миланскомъ эдиктѣ въ Bulletin d' ancienne littérature et d' archéologie chrétiennes, 1913, № 4, 244 — 247, помѣстить текстъ Балюза, указывая предлагаемыя Брандтомъ чтенія лишь подъ строкою. Представляется тѣмъ болѣе необходимымъ поступить такъ въ виду выдвинутой въ новѣйшее время гипотезы объ особомъ значеніи различія текстовъ Евсевія и Лактанція. Кромѣ чтеній Брандта, подъ строкою въ настоящемъ случаѣ приводятся также нѣкоторыя чтенія рукописи изъ даннаго у Брандта аппарата (безъ особой сиглы) и конъектуры по поводу трудныхъ мѣстъ разныхъ ученыхъ.—Критически установленный текстъ церковной исторіи Евсевія имѣется теперь въ изданіи *E. Schwartz*'а (въ Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Eusebius Werke, B. II. Th. I [1—5 книги] 1903. II [6—10 книги] 1908). Документы въ X, 5—7 отсутствуютъ въ BDΛΣ (= Paris. 1431, Paris. 1433, лат. перев. Руфина, сирійскій перев.) и находятся въ ATERM (= Paris. 1430, Laurent. 70, 7, Laurent. 70, 20, Mosqu. 50, Marcian. 338). Текстъ документа X, 5, 2—14, представляетъ рядъ мѣстъ, частію неправильно и неудобопонятно переданныхъ самимъ переводчикомъ, частію искаженныхъ, можетъ быть, въ послѣдующее время. Подъ строкой указываются болѣе важные варіанты рукописей изъ изданія Швартца (1 — первая рука, c и r — древніе и позднѣйшіе корректоры, m — слова на полѣ) и замѣчанія (большею частію Швартца же) по поводу неясныхъ мѣстъ

«Уже ранѣе, полагая, что свободы въ религіи стѣснять не должно, что, напротивъ, нужно предоставить право заботиться о божественныхъ предметахъ уму и волѣ каждаго по собственному его произволенію, повелѣли мы и христіанамъ соблюдать вѣру согласно избранной ими религіи. Но такъ какъ въ томъ указѣ, которымъ предоставлялось имъ такое право, были на дѣлѣ при этомъ еще поставлены многія различныя условія, то, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ скоро потомъ встрѣтили препятствія къ такому соблюденію.

текста.—Цифры на поляхъ означаютъ общепринятое въ изданіяхъ дѣленіе латинскаго и греческаго текстовъ на параграфы. Различія между тѣмъ и другимъ текстомъ (недостающія въ другомъ текстѣ или несоотвѣтствующія тому или другому выраженію въ немъ мѣста) отмѣчаются, насколько это было возможно и удобно, курсивомъ въ латинскомъ текстѣ и разрядкой въ греческомъ. То же значеніе имѣютъ курсивъ и разрядка въ русскомъ переводѣ текста, имѣющагося и у Евсевія и у Лактанція.

Lact. de mort. pers. 48, 2 — 12, *Baluze* 41—43 (cf. *Brandt* 228—233) [1]):

Euseb. h. e. X, 5, 2—14, *Schwartz* 883—887: Ἤδη μὲν πάλαι [1] σκοποῦντες 2
τὴν ἐλευθερίαν τῆς θρησκείας οὐκ ἀρνητέαν
εἶναι, ἀλλ' ἑνὸς ἑκάστου τῇ διανοίᾳ καὶ τῇ
βουλήσει ἐξουσίαν δοτέον τοῦ τὰ θεῖα πράγ-
ματα τιμελεῖν κατὰ τὴν αὐτοῦ προαίρεσιν
ἕκαστον, κεκελεύκειμεν. 2 τοῖς τε Χρι-
στιανοῖς τῆς αἱρέσεως καὶ τῆς θρησκείας
τῆς ἑαυτῶν τὴν πίστιν φυλάττειν· ἀλλ' 5
ἐπειδὴ πολλαὶ [3] καὶ διάφοροι αἱρέσεις ἐν
ἐκείνῃ τῇ ἀντιγραφῇ, ἐν ᾗ τοῖς αὐτοῖς
συνεχωρήθη ἡ τοιαύτη ἐξουσία, ἐδόκουν
προστεθεῖσθαι σαφῶς [4], τυχὸν ἴσως τινὲς

---

[1] При воспроизведеніи текста Балюза, j и v замѣнены, согласно съ изданіемъ Брандта, чрезъ i и u. Въ § 4 вмѣсто conditionibus поставлено правильное condicionibus, какъ у Брандта, въ §§ 8, 10 вмѣсто quantocyus—quantocius. Въ § 7_6 правильнымъ чтеніемъ является, конечно, aliqui, въ § 9_3—quam.

[1] AT^1, πολλὰ TrERM, T^{cm} уничтожено

[2] по предположенію Швартца, здѣсь что-то утрачено въ текстѣ; по *Duchesne*, Hist. anc. de l'Egl., II, 35_2, если не предполагать утраты здѣсь нѣсколькихъ словъ, латинскій оригиналъ могъ имѣть такой видъ: unumquemque iusseramus, non exceptis christianis, sententiae et religionis propriae fiduciam servare

[3] ATcERM, καὶ πάλαι T^1

[4] ἀσαφῶς TrR

Когда мы прибыли благополучно въ Медіоланъ, я—Константинъ Августъ, и я—Лициній Августъ, и подвергли обсужденію все, что̀ относилось къ общественной пользѣ и благополучію, то въ ряду прочаго, что̀ казалось намъ для многихъ людей [*греч.*: всѣхъ] полезнымъ, въ особенности признали мы нужнымъ сдѣлать постановленіе, направленное къ поддержанію страха и благоговѣнія къ Божеству, именно, даровать и христіанамъ и всѣмъ свободу слѣдовать той религіи, какой̀ каждый пожелаетъ, дабы находящееся на небесахъ Божество [*греч.*: дабы Божество, каково бы Оно ни было, и что̀ вообще находится

---

2 Cum feliciter tam ego [1] Constantinus Augustus quam etiam ego Licinius Augustus apud Mediolanum conuenissemus, atque uniuersa quae ad commoda et securitatem publicam pertinerent in tractatu haberemus, haec inter cetera quae uidebamus pluribus *hominibus* profutura, uel in primis ordinanda esse credidimus [2] quibus diuinitatis reuerentia contineba-
3 tur, ut daremus et Christianis et omnibus liberam potestatem sequendi [3] religionem quam quisque uoluisset, quod [4] quidem diuinitas [5] *in sede caelesti* nobis atque omnibus qui sub potestate nostra sunt constituti placatum *ac propitium* [6] possit existere. Itaque

[1] ego quam
[2] credimus
[3] sequenti
[4] *Baudri*: quo
[5] *Br.* quo quicquid <est> diuinitatis
[6] *Graeuius etc.*: placata ac propitia

αὐτῶν μετ' ὀλίγον ἀπό τῆς τοιαύτης παραφυλάξεως ἀπεκρούοντο [1].

2 Ὁπότε εὐτυχῶς ἐγὼ Κωνσταντῖνος ὁ 4
Αὔγουστος κἀγὼ Λικίννιος ὁ Αὔγουστος ἐν τῇ Μεδιολάνῳ ἐληλύθειμεν καὶ πάντα ὅσα πρὸς τὸ λυσιτελὲς καὶ τὸ χρήσιμον τῷ κοινῷ διέφερεν, ἐν ζητήσει ἔσχομεν, ταῦτα μεταξὺ τῶν λοιπῶν ἅτινα ἐδόκει ἐν πολλοῖς ἅπασιν [2] ἐπωφελῆ εἶναι, μᾶλλον δὲ ἐν πρώτοις διατάξαι ἐδογματίσαμεν, οἷς ἡ πρὸς τὸ θεῖον αἰδώς τε καὶ τὸ σέβας ἐνείχετο, τοῦτ' ἔστιν, ὅπως δῶμεν καὶ τοῖς Χριστιανοῖς καὶ πᾶσιν ἐλευθέραν αἵρεσιν τοῦ ἀκολουθεῖν τῇ θρησκείᾳ ᾗ ἂν βουληθῶσιν, ὅπως ὅ τί ποτέ ἐστιν θειότητος [3]
καὶ οὐρανίου πράγματος, ἡμῖν καὶ πᾶσι τοῖς ὑπὸ τὴν ἡμετέραν ἐξουσίαν διάγουσιν εὐμενὲς εἶναι δυνηθῇ. τοίνυν 5
3 ταύτην τὴν [ἡμετέραν] βούλησιν [4]

[1] ТсERM, ἀνεκρούοντο АТ[1]. У Баронія переведено repulsi sunt, у Валуа destiterunt, Батиффоль предлагаетъ, какъ болѣе вѣрный переводъ, inhibebantur

[2] переводчикъ читалъ omnibus вмѣсто hominibus

[3] TER, θειότητος M, θειότης A. Переводчикъ какъ будто читалъ вмѣсто divinitas in sede caelesti—divinitatis et rei caelestis, какъ предполагаетъ *Toinard* (ср. у Брандта)

[4] TERM, τὴν βούλησιν τὴν ἡμετέραν A

на небѣ] могло быть милостиво *и благосклонно* къ намъ и ко всѣмъ находящимся подъ нашею властію. Итакъ мы постановили, руководясь здравымъ и правильнѣйшимъ разсужденіемъ, принять такое рѣшеніе, чтобы никого вообще не лишать свободы

(*лат.*:), соблюдаетъ ли кто вѣру христіанъ, или слѣдуетъ

(*греч.*:) слѣдовать и держаться соблюдаемой у христіанъ вѣры, и чтобы каждому дана была свобода слѣдовать

той религіи, какую самъ считаетъ наилучшею для себя, дабы *верховное* Божество, *почитаемое нами по свободному убѣжденію*, могло проявлять во всемъ обычную милость и благоволеніе къ намъ.

Посему надлежитъ *твоей чести* (dicationem) *знать*, что намъ угодно было, чтобы по устраненіи всѣхъ совершенно ограниченій, которыя можно было усматривать въ данномъ тебѣ (ad officium

Эту волю нашу надлежало изложить письменно (ἀντιγράψαι=въ законодательномъ актѣ, рескриптѣ), чтобы по устраненіи всѣхъ совершенно ограниченій, которыя содержались въ посланномъ твоей чести (καθοσίωσιν) ранѣе

---

hoc consilio [1] salubri [2] ac rectissima ratione inemdum esse credidimus, ut nulli omnino facultatem abnegandam putaremus qui uel observationi Christianorum uel ei religioni mentem suam dederet [4] quam ipse sibi aptissimam esse sentiret, ut possit nobis *summa* diuinitas, *cuius religioni liberis mentibus obsequimur*, in omnibus solitum [5] fauorem [6] suum beneuolentiamque praestare.

4 *Quare scire dicationem tuam* conuenit placuisse nobis ut amotis omnibus omnino condicionibus quae prius scriptis ad officium tuum datis

ὑγιεινῷ καὶ ἀρθοτάτῳ λογισμῷ ἐδογματίσαμεν, ὅπως μηδενὶ παντελῶς ἐξουσία ἀρνητέα ᾖ τοῦ ἀκολουθεῖν καὶ αἱρεῖσθαι τὴν τῶν Χριστιανῶν παραφύλαξιν ἢ θρησκείαν ἑκάστῳ τε ἐξουσία δοθείη τοῦ διδόναι ἑαυτοῦ τὴν διάνοιαν ἐν ἐκείνῃ τῇ θρησκείᾳ [1], ἣν αὐτὸς ἑαυτῷ ἁρμόζειν νομίζει, ὅπως ἡμῖν δυνηθῇ τὸ θεῖον ἐν πᾶσι τὴν ἔθιμον σπουδὴν καὶ καλοκἀγαθίαν παρέχειν.

"Ατινα οὕτως ἀρέσκειν ἡμῖν ἀντιγράψαι ἀκόλουθον ἦν, ἵν' ἀφαιρεθεισῶν παντελῶς τῶν αἱρέσεων, αἵτινες τοῖς προτέροις ἡμῶν γράμμασι τοῖς πρὸς τὴν σὴν 6

---

[1] *Br.* consilium
[2] salubria
[3] *Schwartz*: quin
[4] *Br.* dederat
[5] solita
[6] feruorem

[1] τοῦ ἀκολουθεῖν — — θρησκείᾳ, по Швартцу, искажено диттографіями и поправками

tuum) ранѣе указъ (scriptis) касательно христіанъ,

нашемъ указѣ (γράμμασι) касательно христіанъ и которыя казались весьма недобрыми и несообразными съ нашею кротостью, — чтобы это было устранено, и нынѣ каждый изъ желающихъ содержать религію христіанъ могъ дѣлать это свободно и безпрепятственно, безъ всякаго для себя стѣсненія *и затрудненія*. Объявить это со всею обстоятельностью твоей попечительности мы признали нужнымъ, дабы ты зналъ, что мы христіанамъ даровали право свободнаго и неограниченнаго содержанія своей религіи. Видя же, что имъ это позволено нами, твоя честь (dicatio, καθοσίωσις) пойметъ, что и другимъ также предоставлена, ради спокойствія нашего времени, подобная же полная свобода въ соблюденіи

---

super Christianorum *nomine* uidebantur, nunc [1] *cauere* [2] ac simpliciter unusquisque eorum, qui eandem obseruandae religioni [3] Christianorum gerunt uoluntatem, citra ullam [4] inquietudinem *ac molestiam* sui id ipsum obseruare contendant. Quae sollicitudini tuae plenissime [5] significanda esse credidimus, quo scires nos liberam atque absolutam colendae religionis suae facultatem hisdem [6] Christianis dedisse. Quod cum hisdem a nobis indultum esse peruideas, *intelligit* dicatio tua etiam aliis religionis suae uel obseruantiae potestatem similiter apertam et liberam pro quiete temporis nostri esse concessam [7], ut

καθοσίωσιν ἀποσταλεῖσι περὶ τῶν Χριστιανῶν ἐνείχοντο καὶ ἄτινα πάνυ σκαιὰ καὶ τῆς ἡμετέρας πραότητος ἀλλότρια εἶναι ἐδόκει, ταῦτα ὑφαιρεθῇ καὶ [1] νῦν ἐλευθέρως καὶ ἁπλῶς [2] ἕκαστος αὐτῶν τῶν [3] τὴν αὐτὴν προαίρεσιν ἐσχηκότων τοῦ φυλάττειν τὴν τῶν Χριστιανῶν θρησκείαν ἄνευ τινὸς ὀχλήσεως τοῦτο αὐτὸ παραφυλάττοι. ἄτινα τῇ σῇ ἐπιμελείᾳ πληρέστατα δηλῶσαι 7 ἐδογματίσαμεν, ὅπως εἰδείης ἡμᾶς ἐλευθέραν καὶ ἀπολελυμένην ἐξουσίαν τοῦ τιμᾶν 6 λεῖν τὴν ἑαυτῶν θρησκείαν τοῖς αὐτοῖς Χριστιανοῖς δεδωκέναι. ὅπερ ἐπειδὴ ἀπο- 8 λελυμένως αὐτοῖς ὑφ' ἡμῶν δεδωρῆσθαι θεωρεῖ ἡ σὴ καθοσίωσις καὶ ἑτέροις δεδόσθαι ἐξουσίαν τοῖς βουλομένοις [4] τοῦ

---

[1] *Br.* nomine <continebantur, et quae prorsus sinistra et a nostra clementia aliena esse> uidebantur, <ea remoueantur, et> nunc

[2] *Br.* libere

[3] *Br.* religionis

[4] illam

[5] plenissima

[6] *Br.* isdem; такъ вездѣ и далѣе

[7] concessa

[1] καὶ ἄτινα—εἶναι и ταῦτα ὑφαιρεθῇ καὶ Швартцъ считаетъ интерполяціей

[2] RM, γρ ἁπλῶς TomE[1m], ἁπλανῶς AT[1]E[1]

[3] TER, αὐτῶν M, τῶν A

[4] ὅπερ и далѣе, по Швартцу, испорчено; нужно или писать θεωρεῖς, <συνορᾷς>, или зачеркнуть въ дальнѣйшемъ ὅπερ и γίνεσθαι

своей религіи, такъ что каждый имѣетъ право свободно избрать и почитать то, что̀ ему угодно; это нами постановлено съ тою цѣлію, чтобы не казалось, что нами нанесенъ какой-либо ущербъ какому бы то ни было культу или религіи [*лат. текстъ испорченъ*].

Кромѣ сего относительно христіанъ мы постановляемъ [*лат.: рѣшили* постановить], чтобы тѣ мѣста, въ которыхъ прежде они обычно имѣли собранія и о которыхъ въ предшествующемъ указѣ къ твоей чести (officium, καθοσίωσις) было сдѣлано извѣстное [*греч.*: иное] постановленіе, если они окажутся купленными въ предыдущее время какими-либо лицами, или у казны, или у кого другого, эти лица немедленно и безъ колебаній возвратили бы христіанамъ безденежно и безъ тре-

in colenda [1] quod quisque diligeret [2], habeat liberam facultatem, quas... honori neque cuiquam religioni aut aliquid a nobis [3].

7 Atque hoc insuper in persona Christianorum statuendum esse *censuimus*, quod si eadem loca ad quae antea conuenire consueuerant [4], de quibus etiam datis ad officium tuum litteris *certa* antehac [5] forma fuerat comprehensa, priore tempore aliquid [6] uel a fisco nostro uel ab alio quocumque uidentur esse mercati, eadem Christianis sine pecunia et sine ulla pretii petitione, postposita omni frustratione atque

μετέρχεσθαι τὴν παρατήρησιν καὶ θρησκείαν ἑαυτῶν, ὅπερ ἀκολούθως τῇ ἡσυχίᾳ τῶν ἡμετέρων καιρῶν γίνεσθαι φανερόν ἐστιν, ὅπως ἐξουσίαν ἕκαστος ἔχῃ τοῦ αἱρεῖσθαι καὶ τιμελεῖν ὁποίαν [1] ὃν βούλητα [τὸ θεῖον] [2]. τοῦτο δὲ ὑφ' ἡμῶν γέγονεν, ὅπως μηδεμιᾷ τιμῇ μηδὲ θρησκείᾳ τινὶ μεμειῶσθαί τι ὑφ' ἡμῶν δοκοίη.

Καὶ τοῦτο δὲ πρὸς τοῖς λοιποῖς εἰς τὸ 9
πρόσωπον τῶν Χριστιανῶν δογματίζομεν, ἵνα τοὺς τόπους αὐτῶν, εἰς οὓς τὸ πρότερον συνέρχεσθαι ἔθος ἦν αὐτοῖς, περὶ ὧν καὶ τοῖς πρότερον δοθεῖσιν πρὸς τὴν σὴν καθοσίωσιν γράμμασιν τύπος ἕτερος ἦν ὡρισμένος τῷ προτέρῳ χρόνῳ, [ἐν'] [3] εἴ τινες ἢ παρὰ τοῦ ταμείου τοῦ ἡμετέρου ἢ παρά τινος ἑτέρου φαίνοιντο ἠγορακότες, τούτους τοῖς αὐτοῖς Χριστιανοῖς ἄνευ ἀργυρίου καὶ ἄνευ τινὸς ἀπαιτήσεως τῆς

[1] *Br.* colendo
[2] *Br.* delegerit
[3] По Брандту, въ рукописи стоитъ quia honori (безъ пробѣла). *Lenglet*: quia <nolumus detrahi> honori neque cuiquam religioni aliquid a nobis. *Br.* facultatem. <quod a nobis factum est, ut neque cuiquam> honori neque cuiquam religioni <detractum> aliquid a nobis <uideatur>
[4] *Br.* consuerant
[5] ante ac
[6] *Br.* aliqui

[1] ὁποίαν Schwartz, ὁποῖα T¹ER, ὁποία Tr, ὅποι M, ὁποῖον A
[2] τὸ θεῖον ERM, θεῖον AT¹, θρησκεία τιμᾶν τὸ θεῖον Tr, ошибочная прибавка, по Шварцу
[3] τῷ προτέρῳ χρόνῳ, по Шварцу, ошибочно присоединено къ относительному предложенію; ἐν' Шварцъ вычеркиваетъ согласно Лактанціи.

бованія какой-либо платы; равно и получившіе эти мѣста въ даръ пусть возможно скорѣе отдадутъ (ихъ) христіанамъ. При этомъ и тѣ, которые купили эти мѣста, и тѣ которые получили въ даръ, если будутъ искать чего-либо отъ нашего благоволенія,

(*лат.*:) пусть просятъ соотвѣтствующаго вознагражденія (vicarium postulent),

(*греч.*): пусть обратятся къ мѣстному епарху (προσέλθωσι τῷ ἐπὶ τόπων ἐπάρχῳ δικάζοντι),

дабы и они по нашей милости не остались безъ удовлетворенія. Все это должно быть передано при твоемъ содѣйствіи обществу (corpori, σώματι) христіанъ немедленно, безъ всякаго отлагательства.

И такъ какъ извѣстно, что христіане имѣли во владѣніи

8 ambiguitate, restituant. Qui etiam dono fuerunt consecuti, eadem similiter hisdem Christianis quantocius reddant, etiam [1] uel hi qui emerunt, uel qui dono erunt [2] consecuti, si putauerint [3] de nostra beneuolentia [4] aliquid, *Vicarium postulent*, quo et ipsis per nostram clementiam consulatur. Quae omnia corpori Christianorum protinus per intercessionem tuam ac sine mora tradi oportebit.

9 Et quoniam iidem Christiani non

[1] *Diaz*: et iam. *Schwartz*: ut iam

[2] donauerunt. *Br.* dono fuerunt

[3] *Br.* petiuerint. *Columbus*: si putauerint, de nostra beniuolentia aliquid uicarium postulent. *Diaz*: si optauerint de nostra beneuolentia aliquid uicarium, postulent

[4] *Br.* beniuolentia; такъ и въ другихъ случаяхъ

τιμῆς, ὑπερτεθείσης [δίχα] [1] πάσης ἀμελείας καὶ ἀμφιβολίας, ἀποκαταστήσωσι, καὶ εἴ τινες [2] κατὰ δῶρον τυγχάνουσιν εἰληφότες, τοὺς αὐτοὺς τόπους ὅπως ἢ [3] τοῖς αὐτοῖς Χριστιανοῖς τὴν ταχίστην ἀποκαταστήσωσιν οὕτως ὡς ἢ [4] οἱ ἠγορακότες τοὺς αὐτοὺς τόπους ἢ οἱ κατὰ δωρεὰν εἰληφότες αἰτῶσί τι παρὰ τῆς ἡμετέρας καλοκἀγαθίας προσέλθωσι τῷ ἐπὶ τόπων ἐπάρχῳ δικάζοντι [5], ὅπως καὶ αὐτῶν διὰ τῆς ἡμετέρας χρηστότητος πρόνοια γένηται. ἅπαντα πάντα τῷ σώματι τῷ [6] τῶν Χριστιανῶν παρ' αὐτὰ διὰ τῆς σῆς σπουδῆς ἄνευ τινὸς παρολκῆς παραδίδοσθαι δεήσει.

Καὶ ἐπειδὴ οἱ αὐτοὶ Χριστιανοὶ οὐ 11

[1] въ скобкахъ у Швартца, какъ вычеркнутое еще у Lowth (ср. Лактанцій)

[2] καὶ εἴ τινες — — γένηται, по Швартцу, несвободный отъ недоразумѣній переводъ не можетъ быть исправленъ съ очевидностію

[3] TcE, ὅπως ἢ M, ὅπως εἰ A, ἢ ὅπως ἢ TrR, вѣроятно ошибочная прибавка, по Швартцу

[4] οὕτως ὡς ἢ M, οὕτως ὡσεὶ TER, οὕτως ἢ A. Повидимому, лучше было бы принять чтеніе οὕτως ὡς εἰ

[5] недоразумѣніе въ переводѣ, по Швартцу

[6] σωματίῳ ATER, σώματι M

не эти только мѣста, гдѣ они обычно собирались, но и другія, составлявшія собственность не отдѣльныхъ лицъ, но общества ихъ, (*лат.*:) т. е. *церквей* (*греч.*:) т. е. христіанъ, все это въ силу закона, который мы выше опредѣлили, ты прикажешь отдать христіанамъ, т. е. обществу и собраніямъ ихъ, безъ какого-либо *колебанія или* прекословія, съ соблюденіемъ именно вышеуказаннаго правила, чтобы тѣ, которые безплатно возвратятъ ихъ, надѣялись получить вознагражденіе отъ нашей доброты.

Во всемъ этомъ ты обязанъ оказать вышеназванному обществу христіанъ всевозможное содѣйствіе, чтобы повелѣніе наше выполнено было въ самомъ скоромъ времени, дабы и въ этомъ выразилось попеченіе нашей милости объ общественномъ спокойствіи. И тогда въ виду этого, какъ было выше замѣчено, божественное къ намъ благоволеніе, въ столь вели-

---

in ea [1] loca tantum ad quae conuenire consueuerunt [2], sed alia etiam habuisse noscuntur ad ius corporis eorum, id est *Ecclesiarum*, non hominum singulorum, pertinentia, ea omnia lege qua [3] superius comprehendimus citra ullam prorsus *ambiguitatem uel* controversiam hisdem Christianis id est corpori et conuenticulis eorum reddi iubebis, supradicta scilicet ratione seruata, ut ii qui eadem sine pretio, sicut diximus, restituerint [4], indemnitatem de nostra benevolentia sperent.

In quibus omnibus supradicto corpori Christianorum intercessionem tuam efficacissimam exhibere debebis, ut praeceptum nostrum quantocius compleatur, quo etiam in hoc per clementiam nostram quieti publicae consulatur. hactenus fiet ut sicut superius comprehensum est, diuinus iuxta

μόνον ἐκείνους εἰς οὓς συνέρχεσθαι ἔθος εἶχον, ἀλλὰ καὶ ἑτέρους τόπους ἐσχηκέναι γινώσκονται διαφέροντας οὐ πρὸς ἕκαστον αὐτῶν, ἀλλὰ πρὸς τὸ δίκαιον τοῦ αὐτῶν σώματος, τοῦτ' ἔστιν τῶν Χριστιανῶν, ταῦτα πάντα ἐπὶ τῷ νόμῳ ὃν προειρήκαμεν, δίχα παντελῶς [1] τινος ἀμφισβητήσεως τοῖς αὐτοῖς Χριστιανοῖς, τοῦτ' ἔστιν τῷ σώματι [αὐτῶν] [2] καὶ τῇ συνόδῳ [ἑκάστῳ] [2] αὐτῶν, ἀποκαταστῆναι [3] κελεύσεις, τοῦ προειρημένου λογισμοῦ δηλαδὴ φυλαχθέντος, ὅπως αὐτοὶ οἵτινες τοὺς αὐτοὺς ἄνευ τιμῆς, καθὼς προειρήκαμεν, ἀποκαθιστῶσι, τὸ ἀζήμιον τὸ ἑαυτῶν παρὰ τῆς ἡμετέρας καλοκαγαθίας ἐλπίζοιεν.

'Εν οἷς πᾶσιν τῷ προειρημένῳ σώματι 12
τῶν Χριστιανῶν τὴν σπουδὴν δυνατώτατα παρασχεῖν ὀφείλεις, ὅπως τὸ ἡμέτερον κέλευσμα τὴν ταχίστην παραπληρωθῇ, ὅπως καὶ ἐν τούτῳ διὰ τῆς ἡμετέρας χρηστότητος πρόνοια γένηται τῆς κοινῆς καὶ δημοσίας ἡσυχίας. τούτῳ γὰρ τῷ 13
λογισμῷ, καθὼς καὶ προείρηται, ἡ θεία

---

[1] *Br.* non [in] ea
[2] *Br.* consuerunt
[3] *Br.* quam
[4] *Br.* restituant

[1] Schwegler (Лакт. prorsus), παντελοῦς въ рукописяхъ
[2] вычеркиваетъ Швартцъ, по Лактанцію
[3] ἀποκατασταθῆναι Швартцъ

кой мѣрѣ уже испытанное нами, пребудетъ всегда, *содѣйствуя нашимъ успѣхамъ и общему благополучію.*

А чтобы этотъ милостивый законъ нашъ могъ сдѣлаться всѣмъ извѣстнымъ, написанное здѣсь ты долженъ въ своемъ публичномъ объявленіи выставить всюду и довести до всеобщаго свѣдѣнія, дабы этотъ законъ нашей милости ни для кого не оставался въ неизвѣстности».

Въ ученой литературѣ вопросъ объ этомъ памятникѣ и вообще вопросъ о миланскомъ эдиктѣ имѣетъ уже довольно длинную исторію, и съ давнихъ поръ высказываемы были въ этомъ случаѣ различныя мнѣнія. О сущности вопроса и разныхъ его рѣшеніяхъ можетъ дать понятіе краткій очеркъ этой исторіи въ главнѣйшихъ ея фактахъ, съ обозрѣніемъ высказанныхъ и въ самое послѣднее время мнѣній.

Не знавшій еще значительно позже найденнаго и изданнаго сочиненія Лактанція De mortibus persecutorum, Бароній въ своихъ Анналахъ (1590) могъ привести этотъ документъ только въ переводѣ съ греческаго текста Евсевія. Заглавіе у Евсевія: «Ἀντίγραφον βασιλικῶν διατάξεων», Бароній переводитъ: «Imperatoriorum edictorum exemplar», и называетъ обычно всюду документъ «эдиктомъ». Изданъ «эдиктъ» былъ, по нему, собственно Константиномъ, Ликиній же, какъ язычникъ, лишь уступая Константину согласился на его изданіе

nos fauor, quem in tantis sumus rebus experti, per omne tempus *prospere successibus nostris cum beatitudine publica* perseueret.

12 Ut autem huius sanctionis [1] beniuolentiae nostrae forma ad omnium possit peruenire notitiam, prolata programmate [2] tuo haec scripta et ubique proponere et ad omnium scientiam te perferre conueniet, ut huius benivolentiae nostrae sanctio latere non possit.

σπουδὴ περὶ ἡμᾶς, ἧς ἐν πολλοῖς ἤδη πράγμασιν ἀπεπειράθημεν, διὰ παντὸς τοῦ χρόνου βεβαίως διαμεῖναι [1].

"Ινα δὲ ταύτης τῆς ἡμετέρας νομοθε- 14
σίας καὶ τῆς καλοκἀγαθίας ὁ ὅρος [2] πρὸς γνῶσιν πάντων ἐνεχθῆναι δυνηθῇ, προταχθέντα [3] τοῦ σοῦ προστάγματος ταῦτα τὰ [4] ὑφ' ἡμῶν γραφέντα πανταχοῦ προὔθεναι καὶ εἰς γνῶσιν πάντων ἀγαγεῖν ἀκόλουθόν ἐστιν, ὅπως ταύτης τῆς ἡμετέρας καλοκἀγαθίας ἡ νομοθεσία μηδένα λαθεῖν δυνηθῇ.

[1] *Br.* sanctionis <et>

[2] praelata programate. *Heumann:* prolato. *Mommsen:* praelata programmati

[1] ATE, διαμένει M, διαμείνῃ TrR

[2] ταύτης—ὅρος, по Швартцу, неправильный переводъ

[3] M, προσταχθέντα TE, προαχθέντος TrR

[4] ATr, опущено въ T[1]ERM.

(«edictum per Constantinum elicitum a Licinio»), хотя и Константинъ долженъ былъ въ свою очередь сдѣлать ему уступку, когда провозгласилъ свободу и для язычниковъ. Этотъ эдиктъ у Баронія не отличается, отъ «закона», который былъ посланъ, по Евсевію, къ Максимину [1]). Такъ какъ для того, чтобы измѣнить положеніе христіанъ на востокѣ, требовалось согласіе и Максимина, то послано было къ нему особое письмо отъ имени Константина и Ликинія. Максиминъ тогда адресовалъ свой рескриптъ Савину. Такъ какъ это, по Баронію, было въ 313 г., то изданный въ слѣдующемъ году эдиктъ Максимина и смерть его онъ относитъ уже къ 314 году [2]).

До появленія въ печати сочиненія Лактанція вышло и изданіе исторіи Евсевія Валуа (Valesius), съ высоко цѣнными примѣчаніями издателя (1659) [3]). На основаніи находимыхъ у Евсевія же данныхъ, Валуа, въ отличіе отъ Баронія, признаетъ существованіе уже двухъ законовъ Константина и Ликинія: одного—изданнаго въ Римѣ въ 312 г. и немедленно посланнаго Максимину, другого—изданнаго въ Миланѣ въ 313 г. Оба были адресованы къ префектамъ преторіи [4]). Первый лишь упоминается у Евсевія и не дошелъ до насъ. Въ немъ, по предположенію Валуа, говорилось о возвращеніи христіанамъ богослужебныхъ мѣстъ, но не было сказано о вознагражденіи за это лишавшихся ихъ владѣльцевъ (подобно тому какъ нѣтъ ничего объ этомъ въ позднѣйшемъ эдиктѣ Максимина). Отсюда явилась необходимость въ дополнительныхъ разъясненіяхъ, данныхъ во второмъ законѣ [5]). Сверхъ того, въ первомъ провозглашеніе свободы для христіанъ (каѳоликовъ) казалось стѣсненіемъ для всѣхъ державшихся иныхъ

[1]) *C. Baronii* Annales ecclesiastici. a. 313, 5—7. T. III. 1887, p. 565—6. Между прочимъ, въ Магдебургскихъ центуріяхъ (Centuria IV. Basileae 1560, c. 62) документъ былъ озаглавленъ: „Exemplum constitutionis imperialis Constantini et Licinii“ (но далѣе встрѣчается о другихъ документахъ, с. 67, „alia exempla edictorum“).

[2]) 313, 12, p. 567, 314, 2, p. 586.

[3]) Ср. отзывъ *Schwartz*'а въ Einleitungen, S. XLIV: Durch gesundes Urteil, präcise Knappheit und eine antiquarisch-historische Gelehrsamkeit von seltenem Umfang gehören sie zu dem Besten was je von Erklärungen zu einem antiken Schriftsteller geschrieben ist. Тутъ же отзывъ совершенно другого характера о комментаріяхъ въ изданіяхъ исторіи Евсевія Гейнихена (1827, 1868). Между прочимъ, примѣчанія Валуа и Гейнихена изданы особо, какъ приложеніе къ изданію *Burton*'а: Eusebii Pamphili historiae ecclesiasticae libri decem. Annotationes variorum. T. I—II. Oxonii 1842.

[4]) X, 5, 6. [5]) X, 5, 7.

религіозныхъ убѣжденій (язычниковъ, еретиковъ). Во второмъ устраняется различеніе между церковію и иномыслящими и всѣмъ одинаково предоставляется въ отношеніи религіи свобода. Такъ Валуа пытался истолковать выраженіе въ греческомъ текстѣ документа у Евсевія (§ 6) «ἀφαιρεθεισῶν παντελῶς τῶν αἱρέσεων» [1]). Между прочимъ, опредѣляя въ одномъ случаѣ различіе между epistolae и edicta императоровъ [2]), Валуа въ отношеніи къ законодательнымъ актамъ Константина и Ликинія 312 и 313 г. употребляетъ лишь выраженія общаго характера — constitutio, lex. Письмо Максимина Савину онъ относитъ къ 312 г., дальнѣйшій его эдиктъ—къ 313.

Когда наконецъ Балюзъ издалъ впервые De mortibus persecutorum Лактанція (1679) [3]) съ латинскимъ текстомъ документа, даннаго Ликиніемъ въ Никомидіи президу, онъ увидѣлъ въ немъ подлинный текстъ изданнаго въ Миланѣ эдикта. Дата у Лактанція указываетъ лишь моментъ обнародованія «эдикта» въ Никомидіи по повелѣнію Ликинія; но изданъ онъ былъ ранѣе. Лактанцій сообщилъ именно первоначальный текстъ документа (latine, ut editae primo sunt), хотя онъ и опустилъ предисловіе къ нему, сохраненное Евсевіемъ. Латинскій текстъ, между прочимъ, далъ теперь возможность Балюзу уяснить значеніе столь затруднявшаго ранѣе ученыхъ выраженія αἱρέσεις въ переводѣ у Евсевія; оказалось, что оно употреблено для передачи латинскаго condiciones. Ссылаясь на Валуа, Балюзъ также предполагаетъ существованіе другого закона Константина и Ликинія, изданнаго вскорѣ послѣ пораженія Максентія [4]). По вопросу объ опубликованіи эдикта

---

[1]) X, 5, 3. 9. Hic est sensus hujus constitutionis, quem non sine magno labore expiscati sumus,—замѣчаетъ Валуа въ заключеніе своего толкованія.

[2]) IX, 10, 7: inter epistolas et edicta imperatorum hoc praecipuum discrimen est, quod epistolae quidem nomen eorum ad quos missae sunt, adscriptum habent, cum edicta omnes generaliter alloquantur. Et edicta quidem publice proponuntur, epistolae vero offeruntur eis ad quos missae sunt, ut legitur in gestis purgationis Caeciliani pag. 28. nec proponi solent, nisi nominatim additum sit in fine epistolae: *proponatur*. Denique in epistolis nomen duntaxat imperatoris cum paucissimis titulis praefigitur, in edictis vero omnes tituli, nullo omisso, diligenter et ambitiose ponuntur.

[3]) De mortibus persecutorum напечатано было въ первый разъ въ *St. Baluzius*, Miscellaneorum liber secundus. Paris 1679, p. 1—46, примѣчанія p. 347—463. Примѣчанія перепечатаны, во главѣ комментаріевъ другихъ авторовъ на это сочиненіе Лактанція (Columbus, Toinardus, Cuperus, Baudri, Le Nourry—dissertatio), въ 7 томѣ латинской патрологіи Миня.

[4]) Migne, ss. l. t. 7, c. 373—4. „Maximinum“ 374A здѣсь въ перепечаткѣ у Миня недосмотръ вмѣсто „Maxentium“.

чрезъ президa Балюзъ потомъ высказывался въ письмѣ къ Діазу (1683), по поводу заявленія послѣдняго, что «vicarium postulent» въ документѣ (§ 8) не можетъ указывать на должностное лицо—викарія діэцеза (какъ понялъ это мѣсто въ своемъ переводѣ еще Евсевій, введшій въ заблужденіе и Балюза), а означаетъ просто «возмѣщеніе» (res vicaria),—такъ какъ если документъ адресованъ былъ президу, то ему, а не викарію, должны были быть предоставлены и полномочія относительно вознагражденія владѣльцевъ за возвращенное христіанамъ имущество. Балюзъ замѣчаетъ, что въ эдиктахъ съ общегосударственнымъ значеніемъ (edicta generalia) пишутся обычно имена префектовъ преторіи; когда же Ликиній обратился съ указаннымъ документомъ къ президу, имя послѣдняго, нужно думать, и не было поставлено въ немъ. Подъ общимъ названіемъ «президa» у Лактанція могъ разумѣться и викарій понтійскаго діэцеза; если же это былъ лишь подчиненный ему consularis Виѳиніи, то авторитетъ и особыя полномочія, и въ случаѣ обнародованія эдикта въ Никомидіи чрезъ посредство послѣдняго, могли быть сохранены всетаки за викаріемъ [1]).

Замѣчаніями Валуа руководился Паджи въ своихъ поправкахъ и дополненіяхъ къ Баронію (1689) [2]). Но онъ могъ уже теперь воспользоваться и данными изъ сочиненія Лактанція. И онъ, вслѣдъ за Валуа, различаетъ два закона Константина и Ликинія: 312 г. — изданный вѣроятно въ Римѣ и до насъ не дошедшій, и 313 г.—разъяснившій предыдущій законъ въ вопросѣ о сектахъ [3]). Этотъ послѣдній законъ былъ обнародованъ Ликиніемъ въ Никомидіи, какъ это видно изъ Лактанція, лишь 13 іюня; но составленъ и изданъ онъ былъ въ Миланѣ приблизительно въ мартѣ [4]). Смѣшеніе двухъ этихъ «эдиктовъ» составляетъ ошибку Баронія. Паджи оба закона называетъ «эдиктами», замѣчая, что онъ при этомъ не дѣлаетъ различія между «письмомъ» и «эдиктомъ» [5]).—То же въ общемъ мнѣніе и ту же терминологію можно встрѣтить у Тилльмона

---

[1]) Migne, s. l. t. 7, c. 379—381.

[2]) *A. Pagius*, Critica historico-chronologica in Annales ecclesiasticos C. Baronii. 1689. Критика Паджи, начиная съ изданія Анналовъ Баронія, сдѣланнаго Манси (1738—59), помѣщается въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ Анналовъ вслѣдъ за изложеніемъ Баронія.

[3]) a. 312, 10, 313, 2. T. III, 1887, p. 559, 578.

[4]) 314, 8, p. 610.

[5]) 314, 9, p. 611: Epistolam autem et edictum hic non distinguo.

въ его «Исторіи императоровъ» (1697). Первый эдиктъ изданъ былъ Константиномъ вмѣстѣ съ Ликиніемъ вскорѣ по вступленіи Константина въ Римъ (въ ноябрѣ 312 г.). Въ Миланѣ былъ составленъ другой эдиктъ, обнародованный потомъ Ликиніемъ въ Никомидіи [1]).

Такимъ образомъ, вмѣсто одного эдикта, какъ полагалъ Баронія,—теперь признавали два, и въ документѣ у Лактанція и Евсевія видѣли второй—миланскій эдиктъ.

Критически отнесся къ этому мнѣнію Манси въ своемъ изданіи Анналовъ Баронія и замѣчаній на нихъ Паджи (1738—1759). Усматривая у Паджи (не совсѣмъ вѣрно и съ допущеніемъ промаховъ съ своей стороны) спутанность въ разсужденіи объ эдиктахъ Константина и Ликинія, онъ излагаетъ въ примѣчаніи свой взглядъ на дѣло. Манси признаетъ фактъ изданія, неизвѣстно гдѣ, вскорѣ послѣ побѣды Константина надъ Максентіемъ, закона въ пользу христіанъ (constitutio absolutissima pro Christianis), отправленнаго къ Максимину. Но былъ ли изданъ еще особый законъ Константиномъ и Ликиніемъ въ Миланѣ, это кажется для него недостаточно яснымъ ((mihi non satis liquet). Правители, повидимому, постановили лишь въ Миланѣ, что изданный ими ранѣе законъ, какъ возбуждавшій какія-то недоразумѣнія, долженъ быть разъясненъ, и Ликиній, по прибытіи на востокъ, соотвѣтственно этому, и повелѣлъ обнародовать свой обращенный къ президу указъ (litteras). Изъ упоминанія въ немъ о прежде изданномъ отъ имени обоихъ императоровъ въ пользу христіанъ закона (312 г. послѣ пораженія Максентія) и дальнѣйшихъ словъ: «когда мы прибыли въ Медіоланъ, то между прочимъ — мы нашли нужнымъ постановить слѣдующее», открывается—или, что въ Миланѣ вовсе не былъ изданъ эдиктъ объ этомъ предметѣ, а только постановлено, чтобы онъ былъ изданъ (и это, очевидно, и было осуществлено чрезъ никомидійскій указъ Ликинія),—или, что миланское опредѣленіе есть иное въ сравненіи съ обнародованнымъ въ Никомидіи, такъ какъ никомидійскій документъ сообщаетъ о томъ, что уже было постановлено въ Миланѣ [2]).

---

[1]) *Tillemont*, Histoire des empereurs. T. IV. Venise 1732, p. 140, 154.

[2]) *Baronii* Annales eccl. a. 312, 10. T. III, 1887, p. 559: His verbis patet vel nullum datum fuisse hac de re edictum Mediolani, sed tantum statutum fuisse ut illud daretur; vel decretum Mediolanense aliud esse ab

Соображенія Манси, повидимому, не обратили на себя особаго вниманія, и историки продолжали говорить о двухъ эдиктахъ, отождествляя съ миланскимъ эдиктомъ документъ, приводимый у Лактанція и Евсевія [1]). Англійскій ученый Клинтонъ (1844) отмѣчалъ, правда, мимоходомъ, ошибочность мнѣнія Паджи объ изданіи эдикта именно въ Миланѣ, но и эта замѣтка прошла, кажется, безслѣдною [2]).

Съ нѣсколько особымъ мнѣніемъ объ эдиктахъ Константина и Ликинія, нашедшимъ послѣдователей, выступилъ, между прочимъ, Кеймъ (1852, 1862). По нему, Константинъ и Ликиній издали эдиктъ о христіанахъ въ 312 г. не послѣ пораженія Максентія, а еще весною или лѣтомъ этого года, одновременно съ обрученіемъ Ликинія и сестры Константина, Констанціи, какъ дополненіе къ эдикту Галерія 311 г. Въ послѣднемъ лишь обѣщалось подробное опредѣленіе условій даруемой христіанамъ свободы; новый законъ и былъ выполненіемъ этого обѣщанія, и въ немъ именно были изложены тѣ ограниченія (запрещеніе пропаганды христіанства и стѣсненіе сектъ), которыя отмѣнены затѣмъ миланскимъ эдиктомъ 313 г. Но у Евсевія, по Кейму, въ IX, 9 подъ присланнымъ въ 312 г. Максиміну эдиктомъ разумѣется не что иное, какъ миланскій эдиктъ 313 г. (X, 5), и допущена такимъ образомъ путаница въ хронологіи. Объ эдиктѣ же, изданномъ весною или лѣтомъ 312 г., Евсевій умалчиваетъ [3]).

---

eo quod Nicomediae promulgatum fuit: hoc Nicomediense enim ea refert, quae Mediolani constituta fuerant.

[1]) *J. L. Mosheim*, De rebus Christianorum ante Constantinum Magnum commentarii. Helmstadii 1753, p. 959; также Institutionum historiae ecclesiasticae antiquae et recentioris libri IV. Helmstadii 1755, p. 144. *Ch. Lebeau* Histoire du Bas-Empire. Nouv. éd. par M. de Saint-Martin. T. I. Paris 1824 (1 éd. 1757), p. 123. *J. M. Schröckh*, KG² V (1783), 86. *Manso* (1819), 75—76. *Gieseler*, KG⁴ I, 1 (1844), 266—7. *Neander*, KG⁴ III (1864), 17—18. *Burckhardt* (1880), 352. Рядъ другихъ авторовъ указанъ у *Bihlmeyer*'а въ Theol. Quartalschrift, 1914, S. 76—7 (между прочимъ—Planck, Döllinger, Lasaulx, Broglie, Aubé, Richter, Duruy-Hertzberg, Boissier).

[2]) *H. F. Clinton*, Fasti Romani. I. Oxford 1844, p. 366: Pagi quoted by Heinichen ad Euseb. l. c. erroneously supposes that the edict was published at Milan. Мнѣніе Паджи у Клинтона приводится по примѣчанію Heinichen'а къ исторіи Евсевія, X, 5, 2. Гейниченъ, между прочимъ, невѣрно сообщаетъ здѣсь, будто Паджи и „эдиктъ", упоминаемый у Евсевія въ IX, 9, признаетъ изданнымъ въ Миланѣ же.

[3]) *Th. Keim*, Die römischen Toleranzedikte für das Christenthum (311—313) und ihr geschichtlicher Werth, въ Theolog. Jahrbücher, XI, 1852,

Мнѣнію о двухъ эдиктахъ Константина и Ликинія въ обоихъ его видахъ, какъ оно высказано было и Валуа и Кеймомъ, въ концѣ 60-хъ годовъ и въ дальнѣйшее время было противопоставлено нѣкоторыми учеными (Гунцикеръ 1868, Цанъ 1876, и другіе) то естественное соображеніе, что въ отмѣненномъ закономъ 313 г. предыдущемъ ограничительномъ законѣ (ἀντιγραφή въ § 3 греческаго текста, γράμματα въ § 6) нѣтъ никакой необходимости усматривать особое постановленіе самихъ же Константина и Ликинія: имѣются въ виду здѣсь и отмѣняются ограничительныя условія для христіанъ въ дополнительномъ письмѣ къ извѣстному эдикту Галерія 311 г., изданномъ отъ имени не только Галерія, но и Константина и Ликинія. Это предположеніе было потомъ принято многими изслѣдователями. Въ новѣйшее время обстоятельный разборъ мнѣній Валуа и Кейма далъ Бильмейеръ [1]).

S. 217—251. Ср. *его же*, Der Uebertritt Constantins des Grossen zum Christenthum. Zürich 1862, S. 16—18, 81—84. *Bihlmeyer* въ Theol. Quartalschrift, 1914, S. 91, указываетъ, что сходное съ гипотезой Кейма мнѣніе высказалъ еще ранѣе *Othmar Rauscher*, Geschichte der christl. Kirche. II (1829) 207 f. Съ Кеймомъ согласились напр., *Baur*, KG[3] I (1863, 1 Aufl. 1853), 456—9; *J. Wordsworth* [не W. M. Sinclair, какъ отмѣчено у Bihlmeyer'a] въ Dict. of Chr. Biogr. I (1877), 627, 638. Другіе авторы указаны у Bihlmeyer'a (Reumont, Seidl, Möhler, Kraus, Hergenröther, Heinichen, Görres [1877], Şesan). *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. II. Спб. 1910, стр. 162—3 (издано по литографированнымъ курсамъ 1884/5 и 1898/9 г.), также держался мнѣнія о двухъ эдиктахъ—312 и 313 г., близкаго къ мнѣнію Кейма. Мнѣніе Кейма о времени перваго „эдикта", 312 г., принялъ и *А. П. Лебедевъ*, Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ В. Спб. 1904[2], 282—3, 294.

[1]) *K. Bihlmeyer*, Das angebliche Toleranzedikt Konstantins von 312. Mit Beiträgen zur Mailänder Konstitution (313), въ Theol. Quartalschrift, XCVI, 1914, S. 65—100, 198—224. Кромѣ *O. Hunziker*, Zur Regierung und Christenverfolgung des Kaisers Diokletianus und seiner Nachfolger 303—313, въ Büdinger's Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte. II. Leipzig 1868, S. 246, и *Th. Zahn*, Konstantin der Grosse und die Kirche. Hannover 1876, S. 34 f. (перепечатывалось въ Th. Zahn, Skizzen aus dem Leben der Alten Kirche), Бильмейеръ (215) перечисляетъ еще цѣлый рядъ авторовъ, которые держатся того же, обосновываемаго имъ самимъ мнѣнія, что закономъ 313 г. отмѣнялись изданныя еще при Галеріи ограниченія (Harnack, Mason, Uhlhorn, Antoniades, Hilgenfeld, Görres [1886], Bolser, Allard, Möller-Schubert, Schwartz, Workmann, Schnyder, Funk, Krüger, Wittig). Другіе ученые, тоже отвергая гипотезу о двухъ эдиктахъ, полагаютъ, что подъ отмѣняемымъ въ законѣ 313 г. постановле-

Но если, такимъ образомъ, устранялся, какъ не существовавшій на дѣлѣ, эдиктъ Константина и Ликинія 312 г., то на ряду съ этимъ выдвинуто было опять въ новое время мнѣніе, отрицавшее существованіе и эдикта 313 года.

Въ 1891 г.. въ то время какъ, между прочимъ, Буассье заявлялъ, что миланскій эдиктъ «есть одинъ изъ тѣхъ документовъ древней исторіи, которыми мы обладаемъ несомнѣнно въ ихъ цѣлости» [1]), извѣстный изслѣдователь константиновской эпохи, Зеекк, независимо, повидимому, отъ указаній Манси и Клинтона, въ небольшой статьѣ подъ заглавіемъ: «Такъ называемый миланскій эдиктъ», обратилъ опять особое вниманіе на то обстоятельство, что документъ, находящійся у Лактанція, есть именно не болѣе лишь какъ письмо Ликинія виѳинскому президу [2]). Считая и документъ у Евсевія переводомъ также Ликиніева письма, которое послано было и въ Палестину, гдѣ жилъ Евсевій, Зеекк выступилъ съ рѣшительно заявленнымъ мнѣніемъ, что и существовало на дѣлѣ только именно это никомидійское письмо Ликинія. Значеніе оно имѣло мѣстное, лишь для востока: имъ отмѣнялись тѣ ограниченія, которыми со стороны Максимина парализовано было въ его области значеніе эдикта Галерія. Въ заглавіи его, тѣмъ не менѣе, должно было стоять, по предположенію Зеекка, будто бы, не только имя самого Ликинія и имя Константина, но также и имя Максимина, такъ какъ хотя онъ и былъ разбитъ Ликиніемъ 30 апрѣля, но безъ согласія Константина не могъ еще быть объявленъ лишеннымъ престола. Такимъ образомъ, какъ формулируетъ свое мнѣніе самъ

ніемъ нужно разумѣть извѣстное письмо Максимина Савину 312 г. и, можетъ быть, письмо Савина 311 г. (Seeck, Hülle, Carassai, ср. разборъ у Bihlmeyer'a, 205—213), или что ἀντιγραφή въ § 3 есть эдиктъ Галерія, но γράμματα въ § 6—указы Максимина (Linsenmayer, Duchesne, Gwatkin, ср. у Bihlmeyer'a, 213—214; того же мнѣнія держится De Bacci Venuti), или, наконецъ, что это суть инструкціи, данныя Ликиніемъ правителямъ своихъ провинцій раньше, въ 311—313 гг. (Batiffol, въ Bulletin d'ancienne littér. et d'archéol. chrétiennes, 1914, 249).

[1]) *G. Boissier*, La fin du paganisme. I. Paris 1891, p. 50 (первоначально было напечатано въ Revue des deux mondes, 1887, t. LXXXII, 521): „C'est donc l'un des documents de l' histoire ancienne que nous sommes le plus sûrs de posséder dans leur intégrité".

[2]) *O. Seeck*, Das sogenannte Edikt von Mailand, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte, XII, 1891, S. 381—386.

Зеекъ, обычно называемый «миланскимъ эдиктомъ» документъ «во-первыхъ, вовсе не есть эдиктъ, во-вторыхъ, изданъ не въ Миланѣ, въ третьихъ, не Константиномъ, и въ четвертыхъ, не устанавливаетъ юридической вѣротерпимости, которою христіане давно уже пользовались, для всего государства, но содержаніе его имѣетъ гораздо болѣе ограниченное значеніе» [1]). Изданнаго въ Миланѣ Константиномъ и Ликиніемъ эдикта о христіанахъ съ общимъ значеніемъ вовсе не было. Въ 312 г. со стороны Константина были лишь посланы письма Максимину [2]).

Въ результатѣ получалось, что Константинъ не издавалъ никакого общаго закона въ пользу христіанъ; былъ лишь раньше изданъ эдиктъ Галеріемъ въ 311 г.,—а для востока затѣмъ въ 313 г. издано еще адресованное къ мѣстнымъ властямъ узаконеніе Ликинія.

На защиту существованія эдикта Константина 313 г. противъ Зеекка немедленно выступилъ Гёрресъ (1892), съ давнихъ поръ занимавшійся исторіей гоненій на христіанъ, въ частности эпохи Діоклетіана [3]). Онъ, между прочимъ, вполнѣ справедливо отмѣтилъ, что документъ 313 г. вообще даетъ христіанамъ на дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ эдиктъ Галерія 311 г., и что исходить это новое узаконеніе во всякомъ случаѣ должно, въ концѣ концовъ, отъ Константина, а не отъ Ликинія съ его языческимъ по существу настроеніемъ. Но отстаивая фактъ изданія эдикта въ Миланѣ, Гёрресъ призналъ, что сохранился у Лактанція и Евсевія именно лишь документъ, изданный Ликиніемъ, а «архетипъ» эдикта, древнѣйшая первоначальная форма его, тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ обнародованъ Константиномъ и Ликиніемъ въ 313 г. («въ началѣ марта») для префектовъ преторіи, не дошелъ до насъ. Какихъ-либо соображеній по вопросу объ отношеніи имѣющихся у Лактанція и Евсевія текстовъ къ предполагаемому «архетипу» авторъ не высказываетъ. Между тѣмъ, очевидно, къ этому вопросу должна была сводиться, при такой постановкѣ дѣла, дальнѣйшая задача изслѣдованія.

---

[1]) 381.

[2]) *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I. 3 Aufl. Berlin 1910, S. 147.

[3]) Eine Bestreitung des Edicts von Mailand durch O. Seeck. Kritisch beleuchtet von *Fr. Görres*, въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, XXXV, 1892, S. 282—295.

Итальянскій историкъ Кривеллуччи, въ то же время (1892), въ самомъ текстѣ Ликиніева рескрипта находилъ указаніе на способъ его происхожденія: ненужныя повторенія въ немъ свидѣтельствуютъ, что онъ есть передѣлка миланскаго документа, компиляція изъ него, произведенная такимъ образомъ, что къ тексту послѣдняго присоединены мѣста, имѣющія отношеніе къ «рескриптамъ» Максимина [1]). Въ миланскомъ законѣ содержались, по его мнѣнію, опредѣленія какъ о религіозной свободѣ, такъ и о возвращеніи христіанамъ отнятыхъ храмовъ и имущества [2]).

Попытку выполнить указанную задачу и опредѣлить болѣе или менѣе точно отношеніе сохранившагося рескрипта къ его «архетипу» представилъ Гюлле (1895), въ своемъ изслѣдованіи о толерантныхъ указахъ римскихъ императоровъ въ пользу христіанства [3]). Соглашаясь съ Зеекком въ томъ, что дошедшій до насъ документъ въ цѣломъ не есть эдиктъ, что онъ получилъ начало не въ Миланѣ и не отъ Константина, а есть никомидійскій рескриптъ Ликинія, онъ, однако, думаетъ, что въ этомъ рескриптѣ не только указывается на изданіе въ Миланѣ правителями особаго закона, именно эдикта, но и его содержаніе, даже, можетъ быть, буквально и вполнѣ, передается въ томъ мѣстѣ рескрипта, гдѣ дѣлается упоминаніе о миланскомъ постановленіи. Именно, изъ эдикта онъ считаетъ заимствованными слова послѣ hoc consilium ineundum esse credidimus: «ut nulli omnino — — benevolentiamque praestare» (§ 3). Все

---

[1]) *A. Crivellucci*, L'editto di Milano, въ Studi storici. I. Pisa 1892, p. 250: [rescritto liciniano] „fosse piuttosto una rifusione, una rabberciatura di quello di Milano, cioè quello stesso coll' aggiunta dei luoghi che accennano ai rescritti di Massimino". Приведено у *De Bacci Venuti*, 323. Какъ представитель подобнаго же мнѣнія, здѣсь указывается еще *C. Carassai*, La politica religiosa di Costantino il Grande, въ Archivio storico della Società Romana di Storia patria, XXIV, 1901, p. 102—103. Кривеллуччи признавалъ сначала (въ книгѣ Della fede storica di Eusebio nella vita di Costantino. Livorno 1888, p. 123 s., у *Sesan'*а, 149) эдикты и Галерія, и миланскій, намѣренно искаженными (adulterati) Евсевіемъ, потомъ, въ отзывѣ о книгѣ Буассье, присоединился къ отрицательному мнѣнію Зеекка, но очень скоро затѣмъ призналъ, что „миланскій эдиктъ, хотя съ ограниченнымъ значеніемъ, существовалъ". Ср. *G. L. Perugi*, Storia di una controversia, въ Roma e l'Oriente, 1913, № 35—36, p. 7—12.

[2]) Ср. у *Hülle*, 98_2.

[3]) *H. Hülle*, Die Toleranzerlasse römischer Kaiser für das Christentum bis zum Jahre 313. Berlin 1895. S. 80—103.

прочее до этихъ словъ и послѣ составляетъ рескриптъ Ликинія [1]). Въ той части, гдѣ говорится о возвращеніи христіанамъ конфискованныхъ имуществъ, этотъ Ликиніевъ рескриптъ имѣетъ соотвѣтствіе въ рескриптѣ Константина проконсулу Анулину [2]). Съ Зееккомъ Гюлле соглашается и въ томъ, что имя Максимина, не смотря на его борьбу съ Ликиніемъ, стояло въ заглавіи рескрипта; упоминаемый въ рескриптѣ другой рескриптъ (ἀντιγραφή), содержавшій ограниченія для исповѣдниковъ христіанской религіи, есть письмо Максимина къ Савину [3]). Въ сообщеніи Евсевія о посланіи «совершеннѣйшаго» закона о христіанахъ Константиномъ и Ликиніемъ Максимину сразу послѣ пораженія Максентія Гюлле видитъ, подобно Кейму, ошибку Евсевія: миланскій эдиктъ 313 г. у Евсевія оказывается существующимъ уже въ 312 г. На дѣлѣ было лишь посольство или письма со стороны Константина къ Максимину, послѣ чего тотъ, въ концѣ 312 года, и написалъ свой рескриптъ Савину [4]). Къ Гюлле присоединился, напр., Шультце [5]).

Близко къ Гюлле въ рѣшеніи вопроса о томъ, что нужно считать въ письмѣ Ликинія заимствованнымъ изъ миланскаго эдикта, стоитъ англійскій историкъ Гуоткинъ (1909) [6]). Но онъ уже нѣсколько расширяетъ объемъ предполагаемаго заимствованія и высказываетъ мнѣніе, что «сущность» эдикта воспроизводится вообще въ начальномъ отдѣлѣ текста документа у Лактанція: «Cum feliciter — — praestare» (§ 2, 3), а не заключается лишь въ словахъ «ut nulli — — praestare» (§ 3). Письмо Ликинія начинается собственно съ Quare (§ 4). На существованіе эдикта указываетъ, какъ онъ думаетъ, употребленное Евсевіемъ въ заглавіи приведеннаго у него документа выраженіе «τῶν ἀντίγραφον βασιλικῶν διατάξεων (= эдиктъ, по Гуоткину)». Но въ дѣйствительности Евсевій даетъ подъ этимъ заглавіемъ лишь litterae Licinii, рескриптъ Ликинія, который приводится и у Лактанція и въ которомъ Ликиній воспроиз-

---

[1]) 97. [2]) 103. [3]) 94—5. [4]) 63—7.

[5]) *V. Schultze* въ Hauck's RE³X (1901), S. 763. Въ отзывѣ о книгѣ Sesan'a въ Theol. Literaturblatt, 1912, S. 295, онъ называетъ лишь вопросъ „труднымъ“ и еще ожидающимъ разъясненія.

[6]) *H. M. Gwatkin*, Early Church History to A. D. 313. II. London 1909, p. 357—360. Введеніе у Евсевія Гуоткинъ, очевидно, относитъ къ рескрипту Ликинія, такъ какъ подъ упоминаемымъ въ немъ ἀντιγραφή онъ разумѣетъ изданный Максиминомъ рескриптъ (357).

водитъ эдиктъ и предписываетъ привести его въ исполненіе. Но такая «подмѣна» (substitution) естественна. Максиминъ, конечно, не опубликовалъ эдикта на востокѣ, гдѣ жили Лактанцій и Евсевій; весьма вѣроятно, что и Ликиній не позаботился опубликовать его тамъ снова. А въ такомъ случаѣ онъ былъ для нихъ, такъ сказать, представленъ чрезъ рескриптъ Ликинія, который они и даютъ. Рескрипту Ликинія на востокѣ соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени на западѣ рескриптъ Константина проконсулу Африки Анулину.

Съ мнѣніемъ, что мы имѣемъ дѣло у Лактанція и Евсевія лишь съ «рескриптомъ» Ликинія, но въ этотъ рескриптъ включенъ такъ или иначе текстъ и миланскаго постановленія, согласились въ послѣднее время (1913) итальянскіе ученые, Де Баччи Венути и Галли, и французскій ученый, аббатъ Батиффоль, но въ способѣ выдѣленія искомаго текста изъ текста рескрипта они расходятся какъ съ Гюлле и Гуоткиномъ, такъ и между собою.

Де Баччи Венути [1]) не только не ограничиваетъ заимствованнаго, по его предположенію, изъ миланскаго эдикта текста въ рескриптѣ Ликинія лишь указываемымъ у Гюлле мѣстомъ, но идетъ далѣе и Гуоткина. Введеніе къ документу у Евсевія онъ считаетъ принадлежащимъ къ рескрипту Ликинія. Но все начало текста у Лактанція «Cum feliciter — — praestare» (§ 2, 3) относится имъ, подобно Гуоткину, къ эдикту. Съ Quare (§ 4) тонъ законодательнаго акта измѣняется, и начинается изложеніе Ликинія, обращенное къ магистрату. Но въ эдиктъ входили, по нему, далѣе, и слова о возвращеніи богослужебныхъ зданій христіанамъ: «Atque hoc — — consulatur» (§ 7, 8), за исключеніемъ фразы «de quibus etiam datis ad officium tuum litteris certa antehac forma fuerat comprehensa» (въ § 7). Онъ находитъ затѣмъ возможнымъ и изъ дальнѣйшаго текста удержать для эдикта еще слова: «Hactenus fiet — — perseveret» (§ 11), бывшія, по его предположенію, заключеніемъ эдикта [2]). Если въ рескриптѣ Ликинія говорится о прежнихъ ограничительныхъ условіяхъ для религіозной свободы христіанъ, то

[1]) *T. De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913, p. 303—339: Appendice intorno alla esistenza e al valore storico dell' editto di Milano.

[2]) 318—323.

имѣется въ виду не какой-либо законъ самихъ же Константина и Ликинія, но эдиктъ Галерія и толкованіе, данное ему Максиминомъ [1]). Проектъ миланскаго закона, извѣщеніе о намѣреніи издать его, были посланы и Максимину. Объ этомъ именно и сообщаетъ Евсевій въ IX, 9, 12. Когда же Максиминъ отказался подписать его и обратился вмѣсто того съ своимъ рескриптомъ къ Савину, Константинъ и Ликиній въ мартѣ обнародовали эдиктъ отъ своего имени. Самаго эдикта Максиминъ не имѣлъ у себя и точно содержанія его не зналъ; этимъ объясняются нѣкоторые разности въ его собственномъ послѣдующемъ эдиктѣ отъ миланскаго эдикта: онъ не дѣлаетъ, напр., различія, говоря о возвращеніи имущества христіанамъ, между церковнымъ имуществомъ и собственностью частныхъ лицъ, что могло находиться въ миланскомъ эдиктѣ и было повторено Ликиніемъ въ его рескриптѣ. Тѣмъ болѣе нельзя думать, что онъ подписалъ этотъ документъ, такъ какъ тогда онъ долженъ бы въ своемъ послѣднемъ эдиктѣ дать христіанамъ еще что-нибудь большее, а не оставаться въ предѣлахъ Ликиніева рескрипта. Изложенное представленіе о ходѣ дѣлъ должно, по автору, подтверждать правдивость сообщеній Евсевія [2]).

Еще болѣе расширяетъ предполагаемый сохранившійся въ рескриптѣ текстъ эдикта Галли [3]). Повторяя частію разсужденія Де Баччи Венути, кромѣ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя отнесены къ эдикту у этого автора, онъ признаетъ относящимся къ нему и приведенное только у Евсевія введеніе и отдѣлъ «Et quoniam — — sperent» (§ 9); въ послѣднемъ нужно лишь признать при этомъ слова «reddi jubebis» (обращеніе во второмъ лицѣ къ магистрату) замѣняющими какое-либо другое бывшее сначала въ эдиктѣ выраженіе, можетъ быть, «reddantur» [4]). Согласно этой реконструкціи, очевидно, большая часть текста письма Ликинія (почти $^2/_3$) является вос-

[1]) 320—321. [2]) 323—328.

[3]) *E. Galli*, L'Editto di Milano del 313, въ La Scuola cattolica, XLI, ser. V, vol. II, 1913, maggio e giugno, p. 39—73.

[4]) 62—67. Галли, между прочимъ, указываетъ (65) для предполагаемаго „reddantur“ аналогію въ „restituantur“ въ концѣ § 7 письма Ликинія; но по Брандту (232), въ рукописи стоитъ „restituant“, и невѣрно нѣкоторые издатели (Le Nourry, Dübner, Fritsche) читаютъ здѣсь „restituantur“. Для гипотезы Галли, впрочемъ, это не имѣетъ особаго значенія.

произведеніемъ эдикта, и прибавленнымъ къ послѣднему оказывается сравнительно лишь немногое (§ 4—6, 10 и 12, и по нѣскольку строкъ въ 7 и 8, въ цѣломъ немного болѣе 1/3 всего документа по числу строкъ).

Напротивъ, Батиффоль, которому извѣстна и статья Галли, не находитъ нужнымъ въ такой степени увеличивать объемъ того, что въ рескриптѣ можно считать взятымъ изъ эдикта, и предлагаетъ свой особый опытъ реконструкціи [1]). Признавая всю трудность отдѣлить съ увѣренностью текстъ эдикта отъ сопровождающаго его «комментарія» или «глоссы» самого Ликинія, онъ полагаетъ, что къ эдикту съ вѣроятностью можно относить прежде всего слова о сдѣланномъ въ Миланѣ постановленіи касательно религіозной свободы. Но въ отличіе отъ Гюлле, такими словами онъ считаетъ лишь начальную тираду латинскаго текста у Лактанція: «Cum feliciter — — possit existere» (§ 2). Въ слѣдующей тирадѣ: Itaque hoc consilio — — credidimus, ut nulli — — praestare (§ 3,=эдиктъ по Гюлле) онъ видитъ уже лишь тавтологическую глоссу къ указанному тексту; дальнѣйшее (Quare — — a nobis, § 4—6) есть инструкція Ликинія магистрату. Но подобно Де Баччи и Галли, къ эдикту же онъ относитъ, далѣе, и постановленіе о возвращеніи христіанамъ богослужебныхъ зданій: «Atque hoc — — clementiam consulatur» (§ 7, 8); лишь замѣчаніе здѣсь: de quibus — — comprehensa (§ 7), нужно считать глоссою. Все дальнѣйшее (Quae omnia въ § 8, до конца), равно и сохраненное у Евсевія начало, принадлежитъ къ рескрипту Ликинія [2]). Эдиктъ изданъ былъ въ Миланѣ въ началѣ 313 г., не позже февраля [3]), и былъ сообщенъ Максимину; изданный потомъ самимъ Максиминомъ эдиктъ и отражаетъ на себѣ несомнѣнно стремленіе приспособиться къ миланскому эдикту [4]).

---

[1]) *P. Batiffol*, Les étapes de la conversion de Constantin. II. L'édit de Milan, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, 1913, № 4, 241—264.

[2]) 243—247. Относительно отдѣла „Et quoniam — — sperent“ (§ 9) Батиффоль (246$_3$) не находитъ возможнымъ согласиться съ Галли, такъ какъ здѣсь, помимо произвольности предположенія Галли о чтеніи „reddantur“, слова „lege quam superius comprehendimus“ должны, по Батиффолю, указывать на эдиктъ; кромѣ того, здѣсь вводятся выраженія corpus christianorum съ синонимами ecclesiae и conventicula, тогда какъ эдиктъ употребляетъ лишь названіе christiani.

[3]) 242, 251. [4]) 249.

Батиффоль, такимъ образомъ, съ довѣріемъ относится къ извѣстію Евсевія объ отправленіи къ Максимину закона о христіанахъ, и думаетъ, что это было уже въ 313 г. Упоминаемыя въ рескриптѣ прежнія ограниченія для христіанъ находились въ прежнихъ инструкціяхъ Ликинія правителямъ его провинцій [1]).

Исходнымъ пунктомъ въ указанныхъ попыткахъ реконструкціи подлиннаго вида миланскаго эдикта является фактъ наименованія имѣющагося у Лактанція документа «письмомъ» (litterae) Ликинія къ президу и упоминаніе въ то же время въ этомъ письмѣ о состоявшемся въ Миланѣ узаконеніи обоихъ западныхъ правителей, которое во всякомъ случаѣ должно было лежать въ основѣ этого письма (§ 2: haec — — ordinanda esse credidimus [рукоп.: credimus]). Руководящія указанія при выдѣленіи изъ него предполагаемаго текста миланскаго эдикта думаютъ находить, главнымъ образомъ, въ неодинаковомъ характерѣ изложенія въ разныхъ мѣстахъ документа, отличая въ немъ отъ выраженія законодательной воли въ общей формѣ повелительныя формулы и заявленія, прямо обращенныя къ магистрату (§ 4: quare scire dicationem tuam convenit, placuisse nobis etc., § 8 кон.: quae omnia corpori Christianorum protinus per intercessionem tuam ac sine mora tradi oportebit etc.), и объясняя повтореніе одинаковыхъ мыслей въ разной лишь формѣ присоединеніемъ къ тексту первоначальнаго миланскаго закона тавтологическихъ глоссъ въ письмѣ Ликинія. Результаты получились довольно разнообразные: то видятъ подлинный текстъ эдикта лишь въ нѣсколькихъ строкахъ письма, то отождествляютъ съ нимъ большую часть письма [2]).

---

[1]) 249. Между прочимъ, въ подтвержденіе существованія изданнаго Константиномъ и Ликиніемъ закона о христіанахъ Батиффоль указываетъ (250) на слова карѳагенскаго проконсула Эліана при допросѣ Ингентія 15 февраля 314 г. (по дѣлу донатистовъ): Константинъ и Ликиній ita pietatem Christianis exhibere dignantur, ut disciplinam corrumpi nolint etc. Acta purgationis Felicis, ed. Ziwsa, p. 203.

[2]) Результаты могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ. Съ текстомъ эдикта отождествляютъ §§ письма Ликинія:

Hülle:			3 (съ ut nulli)				
Gwatkin:		2	3				
De Bacci Venuti:		2	3	7 (безъ de quibus — comprehensa)		8 (до quae omnia)	11
Galli:	введеніе у Евсевія	2	3	7	(тоже)	8 (тоже)	9–11
Batiffol:		2		7	(тоже)	8 (тоже)	

Но оставался въ силѣ и тотъ фактъ, что у Евсевія этотъ же по существу документъ называется не письмомъ или рескриптомъ Ликинія, а именно «закономъ» (διατάξεις νόμος) Константина и Ликинія, и что при всемъ соотвѣтствіи въ общемъ греческаго перевода этого документа у Евсевія латинскому тексту у Лактанція, греческій текстъ имѣетъ совсѣмъ отсутствующее у Лактанція введеніе и, сверхъ того, представляетъ такія особенности въ частностяхъ, которыя могутъ давать основаніе видѣть въ бывшемъ подъ руками Евсевія латинскомъ оригиналѣ особую редакцію. Останавливая вниманіе на этой сторонѣ дѣла, можно было придти къ инымъ въ сравненіи съ указанными выше выводамъ.

Этимъ путемъ пошелъ и попытался весьма обстоятельно аргументировать свое особое мнѣніе о миланскомъ эдиктѣ православный ученый, профессоръ черновицкаго университета Шесанъ, въ своей книгѣ «Церковь и государство въ римско-византійскомъ государствѣ отъ Константина В. до паденія Константинополя. Т. I.» (1911) [1]). Анализъ разностей между латинскимъ текстомъ Лактанція и греческимъ Евсевія, произведенный уже Гюлле, который, однако, не сдѣлалъ изъ него надлежащихъ выводовъ, показываетъ, по автору, что греческій текстъ не есть переводъ съ никомидійскаго рескрипта Ликинія. Но нельзя допустить и вообще, чтобы онъ былъ переводомъ съ какой-либо иной формы Ликиніева рескрипта, такъ какъ президъ Виѳиніи, конечно, не былъ уполномоченъ издавать рескриптъ въ измѣненномъ видѣ для неподвластной ему къ тому же провинціи—Палестины, и для самого Ликинія нельзя указать поводовъ посылать рескриптъ въ Палестину именно въ такомъ измѣненномъ видѣ [2]). Это есть именно миланскій эдиктъ, только переведенный на греческій языкъ. Такъ смотритъ на этотъ документъ самъ Евсевій, и мы не можемъ не довѣрять ему. Если эдиктъ существовалъ, то невѣроятно, чтобы Евсевій не интересовался имъ и чтобы онъ не могъ получить копіи его даже и къ тому времени, когда

[1]) *V. Sesan*, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche. I. B. Die Religionspolitik der christlich-römischer Kaiser von Konstantin d. Gr. bis Theodosius d. Gr. (313—380). Czernovitz 1911. S. 128—237: Über den Bestand, den Text und den Inhalt des Mailänder Ediktes. О текстѣ— S. 168—216.

[2]) 168—181.

онъ писалъ X книгу своей исторіи,—хотя впослѣдствіи, при Юліанѣ Отступникѣ, документъ этотъ могъ быть уничтоженъ въ константинопольскомъ архивѣ и не вошелъ въ кодексъ Ѳеодосія. Не въ IX, а въ X книгѣ Евсевій помѣстилъ его потому, что ко времени написанія лишь этой книги (324) документъ находился у него въ рукахъ. Рескриптъ Ликинія онъ не помѣстилъ именно потому, что это есть не болѣе какъ копія эдикта [1]).

Что у Евсевія мы имѣемъ изданный въ Миланѣ эдиктъ, это можно видѣть изъ самаго сличенія документа у Евсевія съ документомъ у Лактанція. За это говоритъ уже прежде всего названіе документа у Евсевія постановленіемъ (διατάξεις—constitutio = νόμος — edictum), а не «письмомъ» (litterae) лишь, какъ именуется онъ у Лактанція. Далѣе, введеніе въ документъ не могло бы быть опущено Лактанціемъ, если бы оно было и въ никомидійскомъ рескриптѣ, такъ какъ это было бы искаженіемъ съ его стороны всѣмъ извѣстнаго документа; не могло оно быть прибавлено и Ликиніемъ или кѣмъ-либо другимъ въ предполагаемомъ палестинскомъ рескриптѣ, такъ какъ непонятна цѣль такой прибавки; но въ миланскомъ законѣ оно было вполнѣ умѣстно, и его могъ опустить лишь самъ Ликиній въ своемъ рескриптѣ. Наконецъ, разныя характерныя особенности въ текстахъ греческомъ и латинскомъ становятся понятными именно при томъ предположеніи, что греческій переводъ сдѣланъ съ первоначальнаго текста эдикта, а текстъ у Лактанція есть уже послѣдующее воспроизведеніе эдикта съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, присутствіе въ греческомъ и опущеніе въ латинскомъ текстѣ, при упоминаніи о прежнемъ указѣ съ ограничительными для свободы христіанъ условіями, которыя теперь отмѣняются, наименованія указа «нашимъ» (§ 6: ἐν προτέροις ἡμῶν γράμμασι, въ латинскомъ просто prius scriptis) можетъ быть легко объясняемо тѣмъ, что лишь Константинъ могъ говорить такъ по отношенію къ своей области, такъ какъ, по мнѣнію автора, онъ еще въ 312 г., находясь во время похода противъ Максентія въ верхней Италіи, и именно—тоже въ Миланѣ [2]), издалъ такой указъ, на востокѣ же Ликиній могъ имѣть въ виду въ данномъ случаѣ лишь прежнія распоряженія о христіанахъ Максимина. Также и нелестная характеристика этого указа, находящаяся тоже

[1]) 181—9. [2]) 358—359.

лишь въ греческомъ текстѣ (πάνυ σκαιὰ καὶ τῆς ἡμετέρας πραότητος ἀλλότρια), понятна именно лишь въ устахъ искренно расположеннаго къ христіанству Константина, а не Ликинія, который поэтому и опустилъ ее въ своемъ рескриптѣ. Въ этомъ же смыслѣ объясняются и нѣкоторыя другія особенности греческаго текста. На вопросъ, почему у Евсевія нѣтъ обычнаго для такихъ документовъ заглавія съ перечисленіемъ именъ правителей, авторъ отвѣчаетъ предположеніемъ, что въ оригиналѣ стояли имена всѣхъ трехъ правителей, но имена подвергавшихся потомъ осужденію правителей были устраняемы изъ такихъ документовъ (сначала Максимина, уже въ 313, впослѣдствіи и Ликинія), и поэтому заглавіе не приводится у Евсевія [1]).

Что касается рескрипта Ликинія у Лактанція, то это есть лишь сокращенная копія эдикта, видоизмѣненнаго, но весьма въ общемъ незначительно, примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, при обнародованіи въ Никомидіи. Такъ, начало введенія, содержавшее мотивировку миланскаго совѣщанія и постановленія, опущено, и оставлено въ качествѣ введенія указаніе только на самое это совѣщаніе. Слова: «Quare scire dicationem tuam convenit» (§ 4)—чему нѣтъ соотвѣтствія въ текстѣ у Евсевія—составляютъ весьма хорошій переходъ къ дальнѣйшему изложенію и придаютъ документу видъ какъ бы собственнаго рескрипта Ликинія. Но весь документъ производитъ впечатлѣніе цѣльности; авторъ протестуетъ противъ попытки Гюлле различить въ немъ разнородныя части. Ликиній «скопировалъ» лишь миланское постановленіе, а не издалъ самостоятельнаго изложенія закона о христіанахъ потому, что въ противномъ случаѣ законъ этотъ исходилъ бы отъ него, между тѣмъ какъ Ликиній вовсе не питалъ самъ и тогда особаго расположенія къ христіанамъ; повторяя лишь миланское постановленіе, онъ какъ бы слагаетъ съ себя отвѣтственность за него предъ язычниками, на которыхъ онъ потомъ и опирался въ своей борьбѣ съ Константиномъ. Притомъ миланскій документъ былъ намѣренно изложенъ Константиномъ въ такой формѣ, что Ликиній безъ ущерба для своего самолюбія могъ воспроизвести его. Наконецъ, нужно имѣть въ виду, что это былъ законъ, который долженъ былъ имѣть значеніе для всей имперіи [2]).

[1]) 189—207. [2]) 207—216.

Такимъ образомъ, авторъ весьма подробно обосновываетъ свой тезисъ, предусматривая разныя возможныя противъ него возраженія.

Къ одинаковому выводу съ Шесаномъ, независимо отъ него, пришелъ католическій ученый Виттигъ (1913), которому книга Шесана сдѣлалась, по его словамъ, извѣстной уже послѣ того, какъ онъ собственнымъ изслѣдованіемъ установилъ тѣ же положенія [1]). Виттигъ идетъ въ общемъ тѣмъ же путемъ сравненія текста Евсевія и Лактанція, внося при этомъ нѣкоторыя поправки къ утвержденіямъ Шесана. Онъ отвергаетъ принимаемое Шесаномъ вслѣдъ за многими другими учеными мнѣніе объ изданіи будто бы самимъ Константиномъ еще въ 312 г. особаго указа о вѣротерпимости съ какими-то, однако, ограниченіями для христіанъ. Миланское постановленіе направлено было само по себѣ къ отмѣнѣ ограниченій, сопровождавшихъ законъ Галерія. Это и имѣется въ виду при упоминаніи объ ἀντιγραφή во введеніи къ документу, читаемомъ у Евсевія. Но такъ какъ законъ Галерія Максиминомъ въ его владѣніяхъ не былъ въ дѣйствительности обнародованъ, то въ рескриптѣ Ликинія, назначавшемся именно для подвластной прежде Максимину области, это введеніе и опущено. Дальнѣйшія же упоминанія миланскаго документа о прежнихъ ограниченіяхъ для христіанъ въ никомидійскомъ рескриптѣ могли быть сохранены, такъ какъ они могли быть отнесены къ стѣснительнымъ мѣрамъ противъ христіанъ со стороны Максимина; этимъ и объясняется опущеніе слова ἡμῶν Ликиніемъ [2]). Названіе миланскаго постановленія «эдиктомъ» Виттигъ съ своей стороны находитъ неправильнымъ, потому что этотъ актъ не имѣлъ формы императорскаго эдикта въ собственномъ смыслѣ, а появился въ видѣ рескрипта къ префектамъ преторіи. Эдиктомъ онъ оказывался, такъ сказать, уже въ низшей инстанціи, когда объявляли его къ общему свѣдѣнію низшіе начальники. Авторъ называетъ его поэтому миланскимъ «рескриптомъ» [3]).

Между прочимъ, Виттигъ, какъ и Шесанъ, вслѣдъ за Гюлле признаетъ, что при всей достовѣрности въ общемъ извѣстія

---

[1]) *J. Wittig*, Das Toleranzreskript von Mailand 313, въ юбилейномъ изданіи F. J. Dölger, Konstantin der Grosse und seine Zeit. Fr. i. Br. 1913, S. 40—65.

[2]) 56—7, 64. [3]) 62—3.

Евсевія объ изданіи «совершеннѣйшаго» закона въ пользу христіанъ Константиномъ и Ликиніемъ, Евсевіемъ допущенъ анахронизмъ, когда онъ говоритъ объ отправленіи миланскаго закона, изданнаго не ранѣе января 313 г., къ Максимину и объ изданіи затѣмъ послѣднимъ рескрипта Савину. Въ дѣйствительности Максимину было послано лишь извѣщеніе о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ [1]).

Съ изложеннымъ мнѣніемъ Шесана и Виттига совпадаетъ по существу мнѣніе Мартруа (1914), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что онъ прилагаетъ къ документамъ у Лактанція и Евсевія терминъ «мандатъ», а не «эдиктъ» и не «рескриптъ» [2]). Въ посланіяхъ съ этимъ именемъ, содержащихъ тѣ или иныя инструкціи государей къ властямъ, какъ и въ рескриптахъ, излагается сначала мотивъ узаконенія, потомъ слѣдуетъ самая инструкція, и наконецъ, предписаніе объ опубликованіи узаконенія. Нѣтъ никакой необходимости признавать, подобно Батиффолю, еще особый эдиктъ, изданный въ Миланѣ предъ этимъ посланіемъ. Въ послѣднемъ во всякомъ случаѣ должна бы находиться прямая ссылка на него, между тѣмъ тамъ мотивируется необходимость вообще излагаемаго далѣе узаконенія. Вообще, никакихъ слѣдовъ существованія этого ненужнаго эдикта нѣтъ, имѣются лишь два неодинаково редактированныя посланія съ тождественнымъ по существу содержаніемъ, одно, вышедшее изъ канцеляріи Ликинія, у Лактанція, другое—изъ канцеляріи Константина, въ греческомъ переводѣ у Евсевія. Если въ текстѣ ихъ замѣчаются повторенія, это указываетъ не на объединеніе въ немъ съ изданнымъ ранѣе закономъ комментаріевъ къ этому закону императорской канцеляріи, какъ думаетъ Батиффоль, но объясняется самымъ способомъ происхожденія императорскихъ законовъ, когда къ формулированному рѣшенію императора и его совѣта въ «экспедиціи» потомъ подставлялись мотивы; плохой стиль и повторенія составляютъ принадлежность и другихъ конституцій Константина. Религіозная свобода дарована была, такимъ образомъ, въ Миланѣ чрезъ простую инструкцію магистратамъ безъ объявленія правъ въ эдиктѣ.

Согласенъ съ тѣмъ же мнѣніемъ, въ вопросѣ о значеніи

---

[1] *Sesan*, 166—7. *Wittig*, 52—3.

[2]) *F. Martroye*, A propos de „l'édit de Milan", въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, IV, 1914, № 1, p. 47—52.

разностей редакцій документовъ у Лактанція и Евсевія, и Морисъ (1911, 1914) [1]). И по нему, это различіе объясняется происхожденіемъ одного изъ нихъ отъ Ликинія, другого отъ Константина. Именно, въ самомъ уже Миланѣ, по его предположенію, были редактированы письма и Константина и Ликинія, которыя они потомъ разослали правителямъ своихъ областей. Litterae Licinii для его области и находимъ у Лактанція, тогда какъ Евсевій приводитъ litterae Constantini для запада. Отсюда и объясняется разность текстовъ ихъ, и между прочимъ—отсутствіе въ письмѣ Ликинія введенія, которое было въ общемъ для обоихъ императоровъ проектѣ письма и выражало намѣреніе установить религіозную свободу безъ какихъ-либо ограниченій (une intention absolue de liberté religieuse), но Ликиніемъ устранено, чтобы не затрогивать городскихъ муниципалитетовъ и правителей провинцій на востокѣ, преслѣдовавшихъ христіанъ при Максиминѣ. Морисъ, правда, думаетъ, что написанію этихъ посланій предшествовало въ Миланѣ изданіе еще особаго закона (νόμος, πρόγραμμα), на основаніи котораго были затѣмъ изложены сохранившіяся письма. Но въ отличіе отъ Гюлле и другихъ ученыхъ, которые видятъ и у Лактанція и у Евсевія лишь разныя формы рескрипта Ликинія, онъ полагаетъ, что у Евсевія мы во всякомъ случаѣ имѣемъ документъ, идущій отъ самого Константина, хотя это не есть самый миланскій эдиктъ и сохранился онъ только въ греческомъ переводѣ [2]).

---

[1]) *J. Maurice*, Numismatique Constantinienne. T. II. Paris 1911, p. LI—LV. *Его же*, Note sur le préambule placé par Eusèbe en tête de l'Édit de Milan, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, IV, 1914, № 1, p. 45—47.

[2]) Среднее, повидимому, положеніе между мнѣніями Мартруа и Мориса занимаетъ въ сущности мнѣніе *W. Schnyder'a* въ статьѣ: Die Anerkennung der christlichen Kirche von seiten des römischen Staates unter Konstantin dem Grossen. 1913 (=Beilage zum Jahresbericht der kantonalen höheren Lehranstalten in Luzern 1913/13), S. 28, судя по передачѣ у Вильмейера въ Theol. Quartalschrift, 1914, 69 (рекомендующаго эту статью, какъ „recht lesenswerte Abhandlung"). По Вильмейеру, Шнидеръ считаетъ тезисъ Шесана и Виттига не доказаннымъ и самъ думаетъ, что разность текстовъ Евсевія и Лактанція объясняется лучше всего предположеніемъ, что въ Миланѣ состоялся (vereinbart wurde) не формальный законъ, а только протоколъ, который каждый изъ правителей въ своей области редактировалъ особо предъ публикаціей. Еще раньше Шнидеромъ была напечатана статья: L'Editto di Milano ed i recenti studi critici che lo riguardano, въ Atti della Pontificia Accademia dei N. Lincei, 1903, ser. II, t. VII, p. 149 s.

Отстаивать существованіе изданнаго въ Миланѣ закона о христіанахъ и признавать, что мы имѣемъ и нынѣ текстъ его, вполнѣ, однако, можно было, и не придавая различію редакцій помѣщеннаго у Евсевія и Лактанція документа такого важнаго значенія, какое усматриваютъ въ немъ представители только что изложеннаго мнѣнія. Именно, можно было опереться въ этомъ случаѣ на самое показаніе Евсевія въ его исторіи объ изданіи Константиномъ и Ликиніемъ этого закона и отправленіи его къ Максимину, и отождествить его съ тѣмъ или другимъ видомъ сохранившагося текста.

На этой точкѣ зрѣнія и стоитъ извѣстный издатель исторіи Евсевія Швартцъ (1904, 1913) [1]. По его мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ достовѣрности указаннаго сообщенія Евсевія (IX, 9, 12): императоры дѣйствительно издали въ Миланѣ «конституцію» о христіанахъ, устанавливавшую для послѣднихъ restitutio in integrum и возвращеніе конфискованныхъ ранѣе имуществъ, и отправили ее Максимину. Максиминъ не подписалъ ея, и Ликиній самъ уже потомъ объявилъ ее по вступленіи въ Никомидію. Лактанцій сообщаетъ ее именно по выставленному тогда въ Никомидіи экземпляру, у Евсевія дается переводъ, сдѣланный съ одного изъ экземпляровъ, разосланныхъ затѣмъ ко всѣмъ правителямъ провинцій. Въ заслугу Зеекку нужно поставить, что онъ устранилъ «вульгарное» названіе этой конституціи «миланскимъ эдиктомъ о вѣротерпимости (Toleranzedikt)». Въ переводѣ текстъ искаженъ по мѣстамъ интерполяціями (напр. въ § 6), которыя принадлежатъ не Константину и, вѣроятно, не Евсевію, а тому лицу, которому Евсевій былъ обязанъ этимъ переводомъ; отсюда, излюбленный пріемъ—исправлять латинскій текстъ по греческому переводу у Евсевія, на дѣлѣ приводилъ лишь къ немалой порчѣ текста. Введеніе къ документу у Евсевія нужно, однако, признать подлиннымъ. Упоминаемыя въ этомъ введеніи стѣсненія для христіанъ, которымъ христіане ранѣе подвергались, относятся здѣсь на счетъ ограниченій, сопровождавшихъ эдиктъ Галерія 311 г., но на дѣлѣ здѣсь должны были имѣться въ виду отношенія къ

[1] *E. Schwartz*, Zur Geschichte des Athanasius, IV, въ Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1904, H. 5, S. 533—535. *Его же*, Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Berlin 1913, S. 72—74.

христіанамъ Максимина, и допускается, такимъ образомъ, неправда, для которой подобные правительственные указы обычно имѣютъ свои основанія.

На ряду со всѣми этими предположеніями, что не только существовалъ написанный въ Миланѣ законодательный документъ, какую бы онъ ни имѣлъ форму и какъ бы ни назывался, но что мы и имѣемъ его сохранившимся доселѣ, или, по крайней мѣрѣ, можемъ возстановить текстъ его съ приблизительной точностію, нѣкоторыми учеными высказывается и теперь лишь то общее мнѣніе, что если такой документъ, или вообще документъ идущій отъ Константина и основанный на миланскомъ соглашеніи, и былъ, онъ до насъ не дошелъ, и мы можемъ судить только о его содержаніи по письму Ликинія, въ разныхъ редакціяхъ приведенному у Лактанція и Евсевія.

Въ этомъ смыслѣ высказывается, напр., Дюшенъ въ своей исторіи древней церкви (1907) [1]). Опубликованный Ликиніемъ въ Никомидіи отъ имени обоихъ императоровъ «эдиктъ», у Лактанція приведенный на латинскомъ языкѣ безъ введенія, у Евсевія на греческомъ языкѣ, но въ полномъ видѣ, исходилъ непосредственно отъ Ликинія и былъ адресованъ, безъ сомнѣнія, префекту преторіи востока, который долженъ былъ затѣмъ объявить его и сообщить правителямъ провинцій и другимъ магистратамъ. Для запада и для Иллирика, въ силу миланскаго договора, еще ранѣе былъ обнародованъ (Константиномъ) другой «эдиктъ», но онъ не сохранился, и о содержаніи его мы можемъ заключать только на основаніи соотвѣтствующаго восточнаго документа. Одного общаго закона, изданнаго вмѣстѣ Константиномъ и Ликиніемъ, Дюшенъ, очевидно, не предполагаетъ; выраженіе «эдиктъ» нужно понимать у него, повидимому, въ широкомъ значеніи.

«Обычнаго» воззрѣнія, что Лактанцій и Евсевій передаютъ одинъ и тотъ же восточный текстъ «декрета» о вѣротерпимости, считаетъ правильнымъ держаться Бильмейеръ (1914) [2]). Но, по нему, этотъ документъ воспроизводитъ су-

---

[1]) *L. Duchesne*, Histoire ancienne de l'église. II. Paris 1907, p. 35—39 (русск. переводъ, М. 1914, стр. 23—26). Къ Дюшену присоединяется, напр., *C. Carbone*, L'Editto di Milano da chi e perchè? Macerata 1913, p. 100.

[2]) *K. Bihlmeyer*, Das angebliche Toleranzedikt Konstantins von 312. Mit Beiträgen zur Mailänder Konstitution (313), въ Theol. Quartalschrift, XCVI, 1914, S. 67—69. Не соглашаясь съ гипотезой Шесана и Виттига, Бильмейеръ объщаетъ представить со временемъ обстоятельный раз-

щественное содержаніе первоначальнаго миланскаго указа, который до насъ не дошелъ. Этотъ не сохранившійся законъ имѣлъ, нужно думать, форму рескрипта, и если выражаться точно, то не слѣдуетъ говорить о миланскомъ «эдиктѣ»; самъ Бильмейеръ предпочитаетъ, поэтому, употреблять въ данномъ случаѣ болѣе общее выраженіе—миланская «конституція» [1]).

Изъ сдѣланнаго обзора исторіи вопроса видно, что предлагались и предлагаются весьма неодинаковыя рѣшенія его. Характерно при этомъ, что защитники самаго новаго по времени предположенія, что у Евсевія дано именно само миланское постановленіе, но только въ греческомъ переводѣ, возвращаются собственно къ мнѣнію Баронія и Валуа, высказанному въ самомъ еще началѣ исторіи вопроса, когда извѣстна была только исторія Евсевія. Открытіе сочиненія Лактанція

боръ этой гипотезы. Вопросъ, по нему, касается здѣсь прежде всего критики текста (ist in erster Linie eine textkritische), но именно эта сторона дѣла и представляетъ у Шесана значительные недочеты, не смотря на ученость и остроуміе, примѣненныя въ высокой мѣрѣ къ обоснованію имъ своего тезиса.

[1]) Въ русской литературѣ мнѣніе, что миланскій эдиктъ „не дошелъ до насъ, но содержаніе заключеннаго между обоими государями соглашенія извѣстно для насъ изъ сохраненнаго у Лактанція позднѣйшаго указа Ликиніева“, было высказано у *Ф. А. Терновскаго*, Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ 1883, стр. 11. *А. П. Лебедевъ*, Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ В. Спб. 1904³, стр. 297—9, непосредственно отождествляетъ, повидимому, съ эдиктомъ текстъ у Лактанція. *В. В. Болотовъ*, какъ видно изъ курса 1884/5 г. и литографированныхъ записей его лекцій 1898/9 г., признавая, кромѣ миланскаго эдикта 313 г., еще эдиктъ 312 г., считалъ первый сохранившимся сполна въ переводѣ Евсевія. Лекціи по исторіи древней церкви. II. Спб. 1910, стр. 162—163. (На стр., 163 слова: „Часть его—въ Миланѣ“, отъ 4 до 9 строки сверху, должны быть вычеркнуты; въ записяхъ допущена была явная путаница, оставшаяся, къ сожалѣнію, неустраненною и въ печатномъ изданіи). Въ лекціяхъ 1899/1900 г., говоря что „шумъ открытія“ Зеекка, будто никакого миланскаго эдикта не было,—„весьма дешеваго свойства“, В. В. Болотовъ поясняетъ: „эдиктъ сохранился лишь въ видѣ litterae ad praesidem (Bithyniae) datae; дѣло касается лишь формы эдикта, а никакъ не его содержанія. И конечно, въ такомъ же видѣ получили litterae и всѣ президы, а не одинъ виѳинскій“. Лекціи, III, Спб. 1913, стр. 104. Очевидно, признается лишь незначительное измѣненіе документа со стороны формы, но въ какомъ именно видѣ онъ могъ быть изданъ въ Миланѣ, не разъясняется.

дало потомъ поводъ издателю его, Балюзу, отожествить именно латинскій текстъ документа у Лактанція непосредственно съ миланскимъ эдиктомъ, и это мнѣніе сдѣлалось общераспространеннымъ. Но уже Манси, руководясь данными Лактанція, въ видѣ дилеммы, высказалъ мнѣніе, что или изданнаго въ Миланѣ эдикта вовсе не было, или же онъ не сохранился и имѣлъ иной видъ въ сравненіи съ приведеннымъ у Лактанція (и Евсевія) документомъ (Манси, однако, при этомъ признаетъ, что законъ о христіанахъ во всякомъ случаѣ былъ уже изданъ гдѣ-то ранѣе Константиномъ и Ликиніемъ). Въ новое время въ отрицательномъ смыслѣ и высказался рѣшительно Зеекъ. Но рядъ другихъ ученыхъ, напротивъ, считаютъ миланскій законъ лишь утраченнымъ, и нѣкоторые изъ нихъ пытаются такъ или иначе возстановить его (Гюлле, Де Баччи Венути, Галли, Батиффоль). Представители же новѣйшаго мнѣнія (Шесанъ, Виттигъ) думаютъ, что утраченъ лишь латинскій подлинникъ документа, но его первоначальному виду соотвѣтствуетъ имѣющійся греческій переводъ. Швартцъ, очевидно, примыкаетъ болѣе или менѣе къ традиціонному мнѣнію, высказанному еще Балюзомъ.

Нужно признать, что при настоящемъ положеніи дѣла, при тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, въ общемъ не являются сами по себѣ безусловно невозможными рѣшенія всѣхъ главныхъ отмѣченныхъ выше типовъ.

Не невозможно, прежде всего, что въ Миланѣ состоялось лишь устное соглашеніе между Константиномъ и Ликиніемъ относительно религіозной свободы и возстановленія имущественныхъ правъ христіанъ, письменное же распоряженіе предоставлялось уже сдѣлать потомъ каждому изъ нихъ особо для своей области, т. е. что эдикта, или вообще какого-либо письменнаго постановленія, въ Миланѣ императорами не было издано.

Но, съ другой стороны, также возможно и нисколько не менѣе вѣроятно, что результаты переговоровъ въ Миланѣ были тогда же формулированы въ императорскомъ совѣтѣ и затѣмъ канцеляріи въ видѣ законодательнаго акта въ собственномъ смыслѣ, или хотя бы только въ «протоколѣ» (Шнидеръ). Въ такомъ случаѣ тѣ письма, съ которыми Константинъ и Ликиній потомъ обращались къ правителямъ своихъ областей для приведенія сдѣланнаго постановленія въ исполненіе, должны были точно воспроизводить содержаніе этого акта и,

быть можетъ, даже букву его. Отсюда естественными являются попытки извлечь изъ сохранившагося у Лактанція и Евсевія документа мѣста, относящіяся на долю предполагаемаго миланскаго опредѣленія.

Но отсюда, далѣе, уже возможенъ переходъ и къ тому мнѣнію, что въ Миланѣ получилъ начало и весь вообще документъ, который у Евсевія приводится въ цѣльномъ видѣ, у Лактанція—съ опущеніемъ введенія,—называть ли этотъ документъ эдиктомъ, или рескриптомъ, или мандатомъ, или, наконецъ, лишь вообще конституціей. При этомъ полный текстъ у Евсевія можетъ быть возводимъ къ первоначальной миланской редакціи, особенности же текста у Лактанція могутъ быть объясняемы произведенными Ликиніемъ измѣненіями; или же, разностямъ текстовъ у Евсевія и Лактанція можно не придавать особаго значенія и объяснять ихъ особой судьбой привезеннаго на востокъ именно Ликиніемъ документа.

Уже самое разнообразіе мнѣній и взаимная критика, которой подвергаютъ другъ друга ихъ авторы, показываютъ, какъ трудно въ настоящемъ случаѣ обосновать съ достаточной степенью убѣдительности какое-либо изъ этихъ мнѣній, какъ наиболѣе вѣроятное. Неопредѣленность и недостаточность данныхъ заставляетъ здѣсь прибѣгать на каждомъ шагу къ предположеніямъ, которыя сами еще требуютъ обоснованія и на ряду съ которыми могутъ быть поставлены другія, не менѣе правдоподобныя [1]). Тѣ или другіе факты, на которые обращаютъ вниманіе разные ученые, аргументируя свои мнѣнія, сами по себѣ могутъ быть вѣрны, но изъ нихъ дѣлаются иногда слишкомъ уже опредѣленные и категоричные выводы. Очевидно, наиболѣе вѣроятною гипотезою при такихъ условіяхъ нужно будетъ признать ту, которая болѣе другихъ считается со всею совокупностью находимыхъ въ источникахъ историческихъ данныхъ.

[1]) Для примѣра можно указать, что въ то время, какъ Де Баччи Венути (327) думаетъ, что миланскій эдиктъ Константина и Ликинія не былъ извѣстенъ въ своемъ подлинномъ видѣ Максимину, и этимъ объясняются нѣкоторыя разности въ содержаніи эдикта самого Максимина въ сравненіи съ миланскимъ, Батиффоль, наоборотъ, считаетъ несомнѣннымъ вліяніе послѣдняго на Максиминовъ эдиктъ (249: est incontestable ment une adaptation de l'édit de Milan). Или, въ то время, какъ Шесанъ (197, 209) полагаетъ, что Ликиній, какъ язычникъ, не находилъ возможнымъ допустить въ своемъ указѣ даже въ примѣненіи къ Максимину слова въ § 6 греческаго текста: καὶ ἅτινα πάνυ σαφῶς κτλ., Батиффоль (249) думаетъ, что онъ могъ примѣнить ихъ и къ себѣ.

Что у Лактанція приведено лишь письмо Ликинія, это не подлежитъ никакому спору, и заслуга Зеекка состоитъ въ томъ, что онъ въ новое время обратилъ должное вниманіе на это обстоятельство. Но самъ онъ идетъ слишкомъ далеко въ своихъ утвержденіяхъ, когда полагаетъ, что все достовѣрное здѣсь сводится исключительно къ факту изданія Ликиніемъ въ Никомидіи этого документа, и что Ликинія всецѣло и исключительно мы должны считать его авторомъ, иначе говоря, что и существовало только это изданное Ликиніемъ письмо, и за нимъ не скрывается никакой другой документъ, который могъ бы лежать въ его основѣ, или былъ бы воспроизведенъ въ немъ, и который былъ составленъ ранѣе именно въ Миланѣ. При такомъ утвержденіи слишкомъ мало придается значенія даннымъ въ исторіи Евсевія, прежде всего—его прямому заявленію, что Константиномъ и Ликиніемъ не только былъ составленъ законъ о христіанахъ, но и отправленъ Максимину. И во всякомъ случаѣ, на самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что основное содержаніе «письма» Ликинія должно быть возводимо не къ Ликинію, а именно къ Константину, хотя бы даже относительно этого содержанія въ Миланѣ въ свое время состоялось одно лишь устное соглашеніе между нимъ и Ликиніемъ. Попытка Зеекка совсѣмъ какъ бы устранить Константина отъ участія въ происхожденіи этого документа и умалить значеніе послѣдняго, какъ не прибавившаго будто бы ничего новаго къ тому, что дано было уже эдиктомъ Галерія, отзывается уже очевидной тенденціозностью и явно несправедлива, какъ показалъ это Гёррес.

Но признавая, что уже въ Миланѣ воля законодателей могла найти письменное выраженіе, приходится дѣлать выборъ между дальнѣйшими указанными выше гипотезами, или же остановиться на выводѣ, что хотя содержаніе миланскаго постановленія отразилось въ имѣющемся у насъ документѣ, но текстъ его, или текстъ хотя бы основаннаго на немъ указа самого Константина, намъ неизвѣстенъ.

Первая изъ этихъ гипотезъ, что дошедшее до насъ письмо Ликинія у Лактанція и соотвѣтствующій ему документъ у Евсевія представляютъ объединеніе буквальныхъ выписокъ изъ текста первоначальнаго миланскаго постановленія съ собственными комментаріями и инструкціями Ликинія, утверждается лишь на анализѣ текста сохранившагося документа. Но для выдѣленія изъ этого документа частей, относящихся къ предпола-

гаемому несохранившемуся эдикту, не смотря на остроумныя догадки сторонниковъ этого мнѣнія, нѣтъ вполнѣ ясныхъ и съ несомнѣнностью рѣшающихъ дѣло признаковъ, и разные авторы производятъ это разграниченіе неодинаково. И всѣ тѣ мѣста въ документѣ, которыя имѣютъ видъ толкованій и инструкцій, разъясняющихъ извѣстныя общія положенія, и въ которыхъ дѣлается обращеніе къ магистрату, могли находиться уже въ составленномъ въ Миланѣ постановленіи, если допустить, что оно написано было тамъ уже въ видѣ обращеннаго къ префекту преторіи закона. Повторенія и недостатки изложенія свойственны и другимъ законодательнымъ документамъ того времени, какъ указываетъ на это Мартруа. И по отношенію къ данному документу нельзя отвергать, что, не смотря на повторенія, весь онъ имѣетъ характеръ цѣльности. Очевидно, идя намѣчаемымъ авторами этой гипотезы путемъ, къ рѣшительнымъ результатамъ придти невозможно. Нужно замѣтить, сверхъ того, что сосредоточивая вниманіе на самомъ документѣ, и эта гипотеза, подобно отрицательному мнѣнію Зеекка, утверждающагося на показаніи Лактанція, слишкомъ мало считается съ данными Евсевія.

Другая гипотеза, что у Евсевія сохранился переводъ миланскаго документа въ его первоначальномъ видѣ, а письмо Ликинія у Лактанція есть уже идущая отъ Ликинія особая редакція этого документа, исходнымъ пунктомъ и основаніемъ для себя имѣетъ, кромѣ названія у Евсевія этого документа, отличія въ приводимомъ Евсевіемъ текстѣ его въ сравненіи съ текстомъ Лактанція. Нельзя не видѣть, что сторонниками этого мнѣнія такимъ отличіямъ придается въ общемъ слишкомъ уже преувеличенное значеніе. Въ дѣйствительности, и у Евсевія, вслѣдствіе недоразумѣній переводчика и частію позднѣйшихъ измѣненій со стороны переписчиковъ, и у Лактанція, въ виду неудовлетворительности единственной сохранившейся рукописи, тексты дошли до насъ въ видѣ настолько несовершенномъ въ частностяхъ, что дѣлать на основаніи ихъ вполнѣ категоричные выводы было бы неосторожно [1]). Возможно, что

[1]) У Евсевія, напр., въ одномъ мѣстѣ латинское hominibus (§ 2) переведено чрезъ ἅπασιν, потому что было, очевидно, прочитано вмѣсто него omnibus, certa forma (§ 7)—чрезъ τόπος ἕτερος, т. е. caetera forma. Что касается латинскаго текста у Лактанція, то, напр., для конца § 6 писецъ кольбертинской рукописи, или другой, болѣе ранней, отъ которой она ведетъ начало, имѣлъ, повидимому, въ томъ оригиналѣ, откуда онъ

въ § 6, и слово, соотвѣтствующее греческому ἡμῶν, которому усвояется столь важное значеніе Шесаномъ и Виттигомъ, и фраза, соотвѣтствующая греческому ἐνείχοντο καὶ ἅτινα πάνυ σκιαὶ —— εἶναι, были и въ латинскомъ текстѣ Лактанція (§ 4), но выпали изъ него по недосмотру переписчиковъ [1]). Съ другой стороны, если въ томъ же § 6 греческаго текста начальная фраза не соотвѣтствуетъ латинскому тексту, который представляетъ «очень хорошее» введеніе къ дальнѣйшему изложенію въ письмѣ Ликинія, то на дѣлѣ и это можетъ объясняться не передѣлкой Ликиніемъ первоначальнаго соотвѣтствовавшаго греческому тексту латинскаго текста, а недоразумѣніемъ греческаго переводчика [2]). Если за какимъ указаніемъ разности

списывалъ, совершенно неудовлетворительный, неразборчивый или стершійся текстъ, такъ что долженъ былъ скопировать лишь отрывочныя слова. Между прочимъ, въ концѣ § 2, въ фразѣ: quod quidem diuinitas — — placatum ac propitium possit existere, чтеніе placatum ac propitium едва ли должно быть исправляемо на вполнѣ, повидимому, естественное placata ac propitia, въ виду того, что это чтеніе, при своей явной несообразности въ имѣющемся нынѣ латинскомъ текстѣ, тѣмъ не менѣе поддерживается греческимъ εὐμενές, хотя бы греческій текстъ въ данномъ мѣстѣ въ другихъ отношеніяхъ самъ основывался на недоразумѣніяхъ (οὐρανίου πράγματος).

[1]) Для отдѣльнаго слова, предполагаемаго „nostris", это вполнѣ возможно, особенно въ томъ случаѣ, если оно было написано въ сокращенномъ видѣ. Но и цѣлая фраза легко могла выпасть въ виду ὁμοιοτέλευτον предполагаемаго „contine*bantur*" (= ἐνείχοντο) и uide*bantur* (ἐδόκει), причемъ ταῦτα ὑφαιρεθῇ καὶ въ греческомъ могло быть пояснительною вставкою переводчика; возможно и то, что какой-либо переписчикъ латинскаго текста и здѣсь имѣлъ неразборчивое мѣсто въ оригиналѣ, какъ въ концѣ § 6, но могъ здѣсь опустить его безъ особаго нарушенія смысла цѣлаго, при чемъ однако сaнее естественнѣе замѣнить соотвѣтствующимъ греческому ἐλευθέρως—libere.

[2]) Предполагая, что латинскій текстъ, находившійся предъ глазами переводчика, написанъ былъ не вполнѣ отчетливо, можетъ быть, съ разными сиглами и аббревіатурами, появленіе вмѣсто quare scire dicationem tuam conueniℓ placuisse nobis въ греческомъ переводѣ словъ ἅτινα οὕτως ἀρέσκειν ἡμῖν ἀντιγράψαι ἀκόλουθον ἦν можно, повидимому, объяснять тѣмъ, что вмѣсто quare scire переводчикъ прочиталъ qua[e] resc[r]i[be]re; появилось ли οὕτως вмѣсто dicationem tuam вслѣдствіе какого-либо графическаго недоразумѣнія, или переводчикъ вынужденъ былъ опустить dicationem tuam, какъ затруднившее его при его неправильномъ пониманіи этого мѣста и показавшееся излишнимъ (далѣе сразу же слѣдуетъ въ текстѣ ad officium tuum, πρὸς τὴν σὴν καθοσίωσιν, но у Евсевія и dicatio § 6, и officium § 4, 7, передается чрезъ καθοσίωσις), а οὕτως поставилъ самъ для поясненія текста, трудно сказать. Примѣры латинскихъ

редакцій документа у Евсевія и Лактанція можно признать особую важность, то это относительно факта нахожденія у Евсевія особаго введенія къ документу; объяснять его отсутствіе у Лактанція намѣреннымъ опущеніемъ со стороны Лактанція можно, но это объясненіе весьма мало вѣроятно [1]). Но безусловнаго рѣшающаго значенія и это указаніе не можетъ имѣть. Нельзя дѣлать твердыхъ выводовъ и изъ неопредѣленнаго самого по себѣ названія документа у Евсевія «постановленіемъ» или «закономъ» (διατάξεις, νόμος).

Заслуга представителей разсматриваемаго мнѣнія заключается во всякомъ случаѣ въ томъ, что они снова поставили на видъ особое значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ Евсевія и находимыхъ у него данныхъ. Если Зеекъ выступалъ съ своимъ мнѣніемъ, опираясь на Лактанція и игнорируя Евсевія, если сторонники мнѣнія о включеніи миланскаго закона въ письмо Ликинія хотѣли утверждаться на анализѣ изложенія этого послѣдняго документа, то теперь выдвинутъ былъ опять на сцену, какъ особый источникъ свѣдѣній, и Евсевій. Аргументація на основаніи особенностей самаго документа, приведеннаго у Евсевія, къ которой прибѣгаютъ защитники этого мнѣнія, правда, сама по себѣ вполнѣ прочныхъ доводовъ не представляетъ (за исключеніемъ развѣ лишь, какъ сказано выше, указанія на введеніе въ документѣ). Но уже самымъ обращеніемъ къ Евсевію открывается единственно, повидимому, возможный нынѣ, при имѣющихся данныхъ, путь хотя бы къ вѣроятному болѣе или менѣе рѣшенію труднаго вопроса.

сиглъ изъ рукописи юридическаго содержанія, ватиканскаго палимпсеста IV—V в. (cod. Vat. 5766), можно видѣть въ приложеніи къ изданію Bethmann-Hollweg'a (1833) въ Corpus juris romani antejustiniani находящихся въ ней такъ наз. Vaticana fragmenta.

[1]) Лактанцій опускаетъ имена и длинные титулы правителей, когда приводитъ эдиктъ Галерія (c. 34), въ отличіе отъ Евсевія, гдѣ имѣется и это такъ наз. inscriptio документа (h. e. VIII, 17, 3), но это вполнѣ понятно въ его сочиненіи De mortibus persecutorum. Но едва ли можно допустить, чтобы онъ по какимъ-либо литературнымъ мотивамъ, стремясь къ краткости и какому-то предполагаемому риторическому эффекту, какъ полагаетъ, напр., Батиффоль (248), рѣшился урѣзать начало самаго изложенія въ столь важномъ документѣ, какъ обнародованный Ликиніемъ законъ о христіанахъ. Слишкомъ радикальнымъ, хотя не безусловно невозможнымъ теоретически, было бы и предположеніе о какомъ-либо случайномъ пропускѣ введенія къ документу въ позднѣйшее время, при переписке сочиненія Лактанція. Батиффоль признаетъ, что введеніе у Евсевія составляетъ трудную для рѣшенія загадку.

Но при этомъ на первомъ планѣ должно стоять не изслѣдованіе особенностей текста документа у Евсевія въ сравненіи съ Лактанціемъ,—такъ какъ оно, по указанной причинѣ, не имѣетъ вполнѣ твердой почвы для себя,—а разъясненіе вопросовъ, съ одной стороны, вообще о положеніи и судьбѣ документа въ церковной исторіи Евсевія, и съ другой, въ связи съ этимъ, о сообщеніи Евсевія, что Константинъ и Ликиній послали свой «совершеннѣйшій законъ» о христіанахъ Максимину. Сторонниками указаннаго мнѣнія эти вопросы особо не разсматриваются, для второго вопроса предполагается у нихъ рѣшеніе, для Евсевія не вполнѣ благопріятное. Между тѣмъ пересмотръ этихъ вопросовъ могъ бы, кажется, дать болѣе твердое обоснованіе мнѣнію, нежели соображенія относительно разностей текстовъ. Въ этомъ случаѣ получаютъ особое значеніе установленные Шварцемъ факты относительно рукописнаго преданія исторіи Евсевія, и съ другой стороны, его мнѣніе о достовѣрности указаннаго извѣстія Евсевія. Но разъясненія Шварца сами въ нѣкоторыхъ пунктахъ требуютъ поправокъ, и возможно нѣсколько иное въ частностяхъ представленіе дѣла, нежели какое предлагается имъ.

III.

У Евсевія документъ находится въ X книгѣ его исторіи, и за нимъ слѣдуютъ еще пять документовъ, которые всѣ западнаго происхожденія и имѣютъ, въ частности, отношеніе къ африканской церкви (хотя два изъ нихъ адресованы итальянскимъ епископамъ). Все это собраніе документовъ, написанныхъ первоначально на латинскомъ языкѣ и переведенныхъ кѣмъ-то для Евсевія, если не имъ самимъ, на греческій, имѣется только въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (ATERM) исторіи Евсевія, въ другихъ (BDΣΛ) его нѣтъ [1]).

[1]) X, 5—7 (въ ATERM): 1) Ἀντίγραφον βασιλικῶν διατάξεων ἐκ ῥωμαϊκῆς γλώττης μεταληφθεισῶν—разсматриваемый документъ. 2) Ἀντίγραφον ἑτέρας βασιλικῆς διατάξεως ἣν αὐθις πεποίηται, μόνῃ τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ τὴν ὡρεὰν δεδόσθαι ὑποσημηνάμενος—постановленіе, обращенное къ проконсулу Африки Анулину, о возвращеніи церквамъ конфискованныхъ имуществъ. 3) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς σύνοδον ἐπισκόπων ἐπὶ Ῥώμης κελεύει γενέσθαι ὑπὲρ τῆς τῶν ἐκκλησιῶν ἑνώσεως τε καὶ ὁμονοίας—письмо Милтіада епископу Ῥωμαίων καὶ Μίρωνι о назначаемомъ въ Римѣ соборѣ по дѣлу донатистовъ. 4) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς προστάττει δευτέραν γενέσθαι σύνοδον ὑπὲρ τοῦ πᾶσαν τῶν ἐπισκόπων περιελεῖν διχοστασίαν—письмо Χρήστῳ ἐπισκόπῳ Συρακουσίων съ приглашеніемъ на соборъ въ Арль

Возникаютъ вопросы: когда эти латинскіе документы сдѣлались извѣстны Евсевію и откуда получены имъ? Почему въ однѣхъ рукописяхъ они имѣются, въ другихъ ихъ не оказывается? Отвѣтъ на эти вопросы связанъ съ выясненіемъ исторіи «литературнаго преданія» труда Евсевія, именно — вопроса о разныхъ изданіяхъ его, сдѣланныхъ еще самимъ авторомъ. Возможность поставить на болѣе или менѣе твердую почву ихъ обсужденіе открылась лишь со времени выхода въ свѣтъ изданія исторіи Евсевія Швартца. Самъ Швартцъ во введеніи къ изданію предложилъ опытъ уясненія данныхъ, какія представляетъ собранный имъ весьма обширный и сложный рукописный матеріалъ.

По мнѣнію Швартца [1]), всѣ шесть документовъ, нынѣ находящіеся въ X книгѣ, составляли первоначально прибавленіе къ IX книгѣ во второмъ изданіи исторіи, которое состояло

къ 1 августа 314 г. по тому же дѣлу. 5) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς χρήματα ταῖς ἐκκλησίαις δωρεῖται—письмо Каикиліанѣ ἐπισκόπῳ Χαρταγένης съ увѣдомленіемъ о предоставленіи африканскимъ церквамъ денежныхъ средствъ и съ разрѣшеніемъ Кекиліану обращаться къ свѣтскимъ властямъ для противодѣйствія пропагандѣ донатистовъ. 6) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς τοὺς προεστῶτας τῶν ἐκκλησιῶν πάσης ἀπολελῦσθαι τῆς περὶ τὰ πολιτικὰ λειτουργίας προστάττει—письмо Анулину объ освобожденіи клира каѳолической церкви отъ повинностей. Для 1 и 2 документа употребляется названіе διάταξις, для 3—5—ἐπιστολή, какъ бы въ соотвѣтствіе намѣчаемымъ въ X, 2, 2 νομοθεσίαι и ἐπισκόποις γράμματα; но и 6 называется тоже ἐπιστολή, между тѣмъ онъ адресованъ Анулину и по формѣ ничѣмъ не отличается отъ 2. Предшествующее всему собранію документовъ замѣчаніе: Φέρε δή, λοιπὸν καὶ τῶν βασιλικῶν διατάξεων Κωνσταντίνου καὶ Δικιννίου τὰς ἐκ τῆς Ῥωμαίων φωνῆς μεταληφθείσας ἑρμηνείας παραθώρεθα, очевидно, относится собственно лишь къ первому документу, который одинъ только принадлежитъ вмѣстѣ Константину и Ликинію и въ дальнѣйшемъ заглавіи котораго употреблено также множественное число διατάξεων, но можетъ частію относиться и къ 2, также и къ 6. Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе при заглавіи перваго документа, въ отличіе отъ всѣхъ дальнѣйшихъ, указанія на его содержаніе. Возможно, что это заглавіе и фраза Φέρε — — παραθώρεθα взяты Евсевіемъ въ X книгу изъ предыдущаго изданія исторіи, изъ IX книги, безъ особыхъ измѣненій, какъ онъ имѣетъ обыкновеніе это дѣлать. Въ заглавіи второго документа, открывающаго рядъ принадлежащихъ одному Константину памятниковъ, какъ бы намѣренно отмѣчается (ἑτέρας — — ἣν αὖθις πεποίηται), что и первый главнымъ виновникомъ имѣетъ Константина (если читать и не ἑτέρας AM, а ἕτερον TER). Нужно, однако, замѣтить, что въ R читается здѣсь πεποίηνται, въ ATER—ὑποσημηνάμενοι.

[1]) *E. Schwartz*, Eusebius Kirchengeschichte. III (Einleitungen). Lpz. 1909, S. XLVIII, LIII—LIV, LVI—LIX.

только изъ девяти книгъ (первое — изъ восьми). Упоминаемое въ концѣ IX книги, въ первоначальномъ ея видѣ, «законодательство» (νομοθεσία) Константина и Ликинія въ пользу христіанъ [1]) должно было относиться именно къ этому собранію документовъ, которое являлось такимъ же завершеніемъ исторіи, какимъ былъ ранѣе, въ первомъ ея изданіи (312—313 г.), заключающій VIII книгу эдиктъ Галерія о вѣротерпимости. Это второе изданіе Швартцъ относитъ къ 315 г., между прочимъ, именно потому, что одинъ изъ документовъ собранія, письмо къ епископу сиракузскому Христу, былъ написанъ уже въ 314 г., и въ то же время Константинъ и Ликиній въ этой книгѣ представляются находящимися въ мирѣ между собою, тогда какъ осенью 314 г. возникла война между ними и миръ установился лишь къ 315 г. [2]). Вскорѣ, въ 317 г., Евсевій снова издалъ исторію, прибавивъ къ девяти книгамъ еще X-ю, куда вошла его рѣчь Павлину тирскому, и послѣ этой рѣчи уже теперь помѣщены были указанные документы. Послѣ пораженія Ликинія въ 323 г., въ дальнѣйшемъ новомъ изданіи, присоединенъ былъ къ X книгѣ еще разсказъ о Ликиніи и его низверженіи (X, 8—9), но damnatio memoriae Ликинія въ то же время заставило Евсевія устранить изъ нее документы, во главѣ которыхъ стоялъ документъ съ именемъ и Ликинія, равно какъ сдѣланы были разныя измѣненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго текста исторіи, касавшихся Ликинія. Это послѣднее изданіе мы имѣемъ въ тѣхъ рукописяхъ, гдѣ нѣтъ этихъ документовъ (BDΣ[A], но измѣненія текста сдѣланы и въ M, гдѣ эти документы имѣются). Предыдущаго изданія, гдѣ находились документы, мы не имѣемъ (во всѣхъ рукописяхъ есть, напр., и разсказъ о пораженіи Ликинія), но кто-то уже послѣ Евсевія внесъ изъ него дополненія въ указанное послѣднее изданіе, и эту редакцію представляютъ рукописи (ATER) съ документами и нѣкоторыми особенностями въ текстѣ, въ частности, въ мѣстахъ, гдѣ рѣчь

[1]) Въ первоначальной редакціи, сохраненной въ ATERM, IX книга, содержавшая разсказъ о торжествѣ Константина и Ликинія надъ Максентіемъ и Максиминомъ, имѣла такое заключеніе (IX, 11, 8, *Schwartz* 852): οὕτω δῆτα τῶν δυσσεβῶν ἐκκαθαρθέντων, μόνοις ἐφυλάττετο τὰ τῆς προσηκούσης βασιλείας βέβαιά τε καὶ ἀνεπίφθονα Κωνσταντίνῳ καὶ Λικιννίῳ οἱ τῶν πρόσθεν ἁπάντων ἐκκαθάραντες τοῦ βίου τὴν θεοσέβειαν, τῶν ἐκ θεοῦ πρυτανευθέντων ἀγαθῶν αὐτοῖς ἡσθημένως τὸ φιλάρετον καὶ θεοφιλὲς τό τε πρὸς τὸ θεῖον εὐσεβὲς καὶ εὐχάριστον διὰ τῆς ὑπὲρ Χριστιανῶν ἐνεδείξαντο νομοθεσίας.

[2]) LVIII.

идетъ о Ликиніи, отличающими ее отъ послѣдняго изданія самого Евсевія.

Критическія замѣчанія на эти выводы Швартца сдѣлалъ англійскій ученый Лоулоръ [1]). Онъ отвергаетъ гипотезу о двухъ изданіяхъ X книги самого Евсевія: было лишь одно изданіе ея, 324 или 325 г. Указаніе на damnatio memoriae Ликинія вовсе не объясняетъ, напр., почему выброшенъ не первый лишь изъ шести документовъ, въ которомъ только и находится имя Ликинія, но и другіе пять, принадлежащіе одному Константину. Евсевій и не могъ самъ опустить всѣ эти документы, потому что во всѣхъ рукописяхъ читается мѣсто съ указаніемъ на эти документы, какъ прямо входившіе въ самый планъ X книги [2]). Похвалы Ликинію, наконецъ, все-таки остались въ тирской рѣчи Евсевія. Лоулоръ самъ думаетъ, что нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ и опущеніе документовъ (BDΣ[Λ]) сдѣланы были уже послѣ Евсевія, хотя еще въ IV в. [3]). Предшествовавшимъ изданію 324 или 325 г. было, такимъ образомъ, изданіе изъ 9 книгъ, и его Лоулоръ относитъ къ концу 313 или началу 314 г. Въ вопросѣ о времени и способѣ происхожденія IX и X книги исторіи Евсевія Лоулоръ возвращается въ сущности къ тому мнѣнію, которое было высказываемо и раньше [4]). Но онъ соглашается съ Швартцемъ, что уже къ изданію, состоявшему изъ девяти книгъ, Евсевіемъ въ свое время былъ присоединенъ и находящійся нынѣ въ X книгѣ документъ съ именемъ Константина и Ликинія—миланскій эдиктъ, но именно только одинъ этотъ документъ, а не всѣ 6, помѣщенные потомъ въ X книгѣ, какъ думаетъ Швартцъ. Единственное число νομοθεσία у Евсевія и указы-

---

[1]) *H. J. Lawlor*, Eusebiana. Essays on the Ecclesiastical History of Eusebius Bishop of Caesarea. Oxford 1912, p. 243—291: The earlier forms of the Ecclesiastical History.

[2]) X, 2, 2, *Schwartz* 860: ἀλλὰ καὶ βασιλεῖς οἱ ἀνωτάτω συνεχέσι ταῖς ὑπὲρ Χριστιανῶν νομοθεσίαις τὰ τῆς ἐκ θεοῦ μεγαλοδωρεᾶς ἡμῖν εἰς μακρὸν ἔτι καὶ μεῖζον ἐκράτυνον, ἐφοίτα δὲ καὶ εἰς πρόσωπον ἐπισκόποις βασιλέως γράμματα καὶ τιμαὶ καὶ χρημάτων δόσεις· ὧν οὐκ ἀπὸ τρόπου γένοιτ' ἂν κατὰ τὸν προσήκοντα καιρὸν τοῦ λόγου, ὥσπερ ἐν ἱερᾷ στήλῃ, τῇδε τῇ βίβλῳ τὰς φωνὰς ἐκ τῆς Ῥωμαίων ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα γλῶσσαν μεταληφθείσας ἐγχαράξαι, ὡς ἂν καὶ τοῖς μεθ' ἡμᾶς ἅπασιν φέροιντο διὰ μνήμης.

[3]) 243—255.

[4]) Лоулоръ указываетъ (255) на Westcott'a и Lightfoot'a. То же въ данномъ случаѣ мнѣніе проводитъ и *A. Harnack*, Die Chronologie der altchristlicher Litteratur bis Eusebius. B. II. Lpz. 1904, S. 114—5.

ваетъ, по Лоулору, на одинъ лишь законъ, такъ какъ множественное νομοθεσίαι прилагается у него къ ряду законовъ (X, 2, 2); νομοθεσία, далѣе, усвояется Константину и Ликинію вмѣстѣ, а это приложимо къ одному только первому документу въ собраніи X книги; наконецъ, νομοθεσία дважды употреблено въ самомъ же миланскомъ законѣ (X, 5, 14) [1]). Очевидно, такъ какъ одинъ изъ дальнѣйшихъ документовъ, письмо Христу, могъ явиться уже только около половины 314 г., то при предположеніи, что IX книга написана была еще въ 313 или въ началѣ 314 г., и нельзя допустить, что въ ней было собраніе всѣхъ дальнѣйшихъ документовъ.

Въ общемъ, замѣчанія Лоулора нельзя не признать вполнѣ убѣдительными. Нѣтъ въ дѣйствительности никакихъ препятствій думать, что IX книга была написана уже вскорѣ послѣ пораженія Максимина, въ 313 или въ началѣ 314 г. [2]), и именно законодательный актъ о полной религіозной свободѣ для христіанъ, исходилъ ли онъ непосредственно отъ Константина и Ликинія вмѣстѣ, или только отъ Ликинія, былъ вполнѣ естественнымъ завершеніемъ ея, подобно тому, какъ эдиктъ Галерія завершалъ VIII книгу. Такъ какъ Ликиній въ то время былъ покровителемъ христіанъ и ничто не предвѣщало его будущаго отпаденія, то если бы находящійся у Евсевія и у Лактанція документъ былъ даже не болѣе какъ его письмомъ, основаннымъ на предварительномъ соглашеніи съ Константиномъ въ Миланѣ, и Евсевій зналъ это, онъ и тогда могъ бы помѣстить этотъ документъ въ концѣ IX книги своей исторіи въ виду его особо важнаго значенія. Прямыхъ документальныхъ доказательствъ, что онъ и былъ помѣщенъ здѣсь, собственно не имѣется. Но нужно признать весьма мало вѣроятнымъ, чтобы Евсевій, зная столь важный документъ и имѣя его у себя (онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ знать его

[1]) 251—252, 256.

[2]) Для Шварцца основаніемъ относить происхожденіе IX книги къ 315 г. является, прежде всего, помѣщенное въ ряду документовъ приглашеніе Христа, епископа сиракузскаго, на арльскій соборъ къ 1 августа 314 г., но это основаніе устраняется при предположеніи, что на дѣлѣ былъ въ концѣ IX книги только одинъ первый документъ. Въ самой IX книгѣ указаніе на terminus a quo ея написанія можно находить лишь въ сообщеніи о прибытіи Ликинія въ Антіохію, послѣ побѣды надъ Максиминомъ, и о расправѣ тамъ съ Θеотекномъ и языческими жрецами и прорицателями и съ дѣтьми и родственниками Максимина (IX, 11, 6—7); это могло быть въ концѣ 313 или въ началѣ 314 г.

послѣ обнародованія его Ликиніемъ), не воспользовался имъ тогда же въ своей исторіи. Упоминаніе о νομοθεσία въ концѣ IX книги даетъ основаніе думать, что это νομοθεσία и слѣдовало затѣмъ въ буквальной передачѣ. Степень вѣроятности тезиса о помѣщеніи Евсевіемъ даннаго документа въ концѣ IX книги уже при ея изданіи нужно, повидимому, считать приближающейся къ достовѣрности.

Болѣе или менѣе понятнымъ, далѣе, слѣдуетъ признать и включеніе впослѣдствіи документа, бывшаго сначала въ концѣ IX книги, въ средину книги X: въ эту послѣднюю, по намѣренію автора, и должны были входить, въ цѣляхъ характеристики наступившихъ, начиная съ 313 г., временъ мира и благополучія для церкви, кромѣ тирской рѣчи самого Евсевія, именно законы и письма правителей, свидѣтельствующіе о покровительственномъ отношеніи ихъ къ церкви, и затѣмъ въ концѣ книги присоединенъ былъ сравнительно лишь краткій разсказъ объ измѣненіи этихъ отношеній къ христіанамъ со стороны Ликинія и объ окончательномъ торжествѣ христіанства [1]). Собраніе документовъ должно было, такимъ образомъ, составлять существенную часть книги, и Евсевій могъ включить въ него и стоявшій сначала въ концѣ IX книги документъ, такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ указаннымъ цѣлямъ и имъ открывался описываемый въ этой книгѣ періодъ. Къ нему теперь присоединялись полученные Евсевіемъ какимъ-то образомъ съ запада уже въ дальнѣйшее время другіе пять документовъ.

Кѣмъ и когда все это собраніе было удалено изъ X книги въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, остается не совсѣмъ яснымъ. Но можно думать, не соглашаясь въ этомъ случаѣ съ Лоуломъ, что это было сдѣлано самимъ же Евсевіемъ, уже вскорѣ послѣ написанія книги и врученія ея Павлину, но сдѣлано не вслѣдствіе damnatio memoriae Ликинія, какъ полагаетъ Швартцъ, а только потому, что Евсевій нашелъ болѣе удобнымъ перенести это собраніе изъ средины книги въ особое приложеніе къ ней. На это указываетъ, повидимому, заявленіе о такомъ приложеніи въ концѣ X книги, находящееся именно въ редакціи B

[1]) Вслѣдъ за небольшимъ введеніемъ (X, 1, 1—4, 1, около 3 страницъ въ маломъ изданіи Швартца), главное содержаніе X книги и составляютъ тирскій панегирикъ (X, 4, 2—4, 72, около 17 страницъ) и собраніе документовъ (X, 5—7, около 7 стр.); разсказъ о Ликиніи занимаетъ сравнительно немного мѣста (X, 8—9, около 5 стр.).

[D?], гдѣ изъ средины этой книги документы и оказываются исключенными (хотя это же заявленіе внесено было и въ E, не смотря на присутствіе здѣсь документовъ) [1].

---

[1] Во всѣхъ рукописяхъ конецъ X книги представляетъ собственно лишь немного видоизмѣненное повтореніе первоначальнаго заключенія къ IX книгѣ. X, 9, 9, *Schwartz* 902: οὕτω δῆτα πάσης τυραννίδος ἐκκαθαρθείσης, μόνοις ἐφυλάττετο τὰ τῆς προσηκούσης βασιλείας βέβαιά τε καὶ ἀνεπίφθονα Κωνσταντίνῳ καὶ τοῖς αὐτοῦ παισίν, οἳ τῶν πρόσθεν ἁπάντων ἀποσμήξαντες τοῦ βίου τὴν θεοστυγίαν, τῶν ἐκ θεοῦ πρυτανευθέντων ἀγαθῶν αὐτοῖς ἡσθημένοις τὸ φιλάρετον καὶ θεοφιλὲς τό τε πρὸς τὸ θεῖον εὐσεβὲς καὶ εὐχάριστον δι᾽ ὧν εἰς προὔπτον ἅπασιν ἀνθρώποις παρέσχον ὁρᾶν ἐπεδείξαντο. Такъ въ общемъ читается въ ATERΣ. Но въ BD имѣсто δι᾽ ὧν — — ἐπεδείξαντο стоитъ: διὰ τῆς ὑπὲρ Χριστιανῶν ἐνεδείξαντο νομοθεσίας. Въ EBD (въ E послѣ замѣтки: τέλος τοῦ ἱ τόμου) далѣе слѣдуетъ еще (*Schwartz* 904) подъ заглавіемъ: Ἀντίγραφον διαταξεως τοῦ θεοφιλοῦς βασιλέως ἣν τοὺς τυράννους καθελὼν τοῖς ὑπ᾽ αὐτὸν ἔθνεσιν Ἑλληνικῇ συντάξας φωνῇ διεπέμψατο, эдиктъ, изданный Константиномъ для востока послѣ побѣды надъ Ликиніемъ въ 324 (323) году и соотвѣтствующій закону 313 г.: „Νικητὴς Κωνσταντῖνος Μέγιστος Σεβαστὸς ἐπαρχιώταις Παλαιστινοῖς. Ἦν μὲν ἀνωθεν — — προτεθῆτω ἐν τοῖς ἡμετέροις ἀνατολικοῖς μέρεσιν“. Этотъ документъ приведенъ былъ потомъ Евсевіемъ въ V. C. II, 24—42, какъ τὸ δόγμα τὸ τοῖς ἐκτὸς κατὰ πόλιν δήμοις διαπεμφθὲν, или (по заглавію въ одной лишь рукописи Vat. 149) Ἐπιστολὴ Κωνσταντίνου Κωνσταντίου ‘Ρωμαίων αὐτοκράτορος, τὸ πρῶτον καταπεμφθὲν τοῖς ἐπὶ γῆς ἑῴας γράμμα μετὰ τὴν κατὰ τῶν τυράννων νίκην, съ подлиннаго хранившагося у него, какъ онъ сообщаетъ, экземпляра за подписью самого Константина (II, 23, *Heikel* 50: εἰλήπται δ᾽ ἐξ αὐθεντικοῦ τοῦ παρ᾽ ἡμῖν φυλαττομένου βασιλικοῦ νόμου, ᾧ καὶ τῆς αὐτοῦ δεξιᾶς ἔγγραφος ὑποσημείωσις τῆς τοῦ λόγου πιστώσεως οἷά τινι σφραγῖδι κατασημαίνει τὴν μαρτυρίαν). Въ EBD (= LHF *Heikel*) текстъ, по Гейкелю (S. xx — xxiv, ср. xxiii, xxiv), сохранился лучше, чѣмъ въ многочисленныхъ рукописяхъ „Жизни Константина“, хотя всюду текстъ и этихъ рукописей является весьма древнимъ и близкимъ къ временамъ Евсевія. Но вслѣдъ за этимъ документомъ въ EB (въ D имѣется лишь документъ до слова προτεθήτω, дальнѣйшій листъ рукописи утраченъ) стоятъ еще слова: ταῦτα μὲν οὖν ὧδέ μοι κείσθω· φέρε δὲ λοιπὸν τοὺς νόμους καὶ τὰς ὑπὲρ τῆς ἀληθοῦς εὐσεβείας τοῦ θεοφιλοῦς ἡμῶν καὶ πραοτάτου βασιλέως ἐπιστολάς, ἀφ᾽ ἑτέρας ἀρχῆς ὁμοῦ πάσας συναγάγωμεν (и далѣе—въ E: Εὐσεβίου ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλίον δέκατον, въ B: τέλος σὺν θεῷ τῆς ὅλης ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου, ἤτοι τῶν δέκα τόμων). Шварцъ полагаетъ, что посланіе Константина на востокъ извлечено кѣмъ-то въ позднѣйшее время изъ „Жизни Константина“ и помѣщено въ концѣ исторіи вмѣстѣ съ обѣщаніемъ дать полное собраніе константиновскихъ документовъ (Einleitungen, S. cxxv). Но вѣрнѣе, кажется, относить и присоединеніе къ X книгѣ посланія, и слѣдующее за нимъ обѣщаніе въ EB (вѣроятно и D), къ самому Евсевію, и ставить это въ связь съ опущеніемъ въ BD документовъ X, 5—7. Слова „ταῦτα μὲν οὖν ὧδέ μοι κείσθω“ указываютъ прямо на автора церковной исторіи, и не видно основаній, почему кто-либо другой въ позднѣйшее время ваду малъ бы

Въ данномъ случаѣ вопросъ о времени и мотивахъ исключенія изъ книги X разсматриваемаго документа вмѣстѣ съ

говоритъ здѣсь отъ лица Евсевія, прибѣгая къ совершенно ненужному своего рода подлогу. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно объяснить, кому позднѣйшему и зачѣмъ понадобилось извлекать уже имѣвшійся въ „Жизни Константина“ документъ и переписывать его въ концѣ исторіи. Для Евсевія же, когда не написана еще была „Жизнь Константина“, вполнѣ естественно было воспользоваться и этимъ, бывшимъ у него документомъ, и помѣстить его сначала въ концѣ своей исторіи, какъ ея завершеніе, а потомъ, при написаніи особаго сочиненія о Константинѣ, включить его въ это сочиненіе. Что касается обѣщанія дать собраніе другихъ документовъ съ именемъ Константина „ἀφ' ἑτέρας ἀρχῆς“, то νόμοι и ἐπιστολαί здѣсь, очевидно, соотвѣтствуютъ упоминаемымъ въ X, 2, 2 νομοθεσίαι и γράμματα, и вѣроятно—названіямъ διατάξεις для 1 и 2 документа, и ἐπιστολαί—для 3—6, въ X, 5—7. Можно, такимъ образомъ, думать, что присоединивъ къ X книгѣ посланіе на востокъ Константина, Евсевій одновременно съ этимъ нашелъ нужнымъ перенести документы X, 5—7 изъ средины книги въ конецъ ея. Заявленіе въ X, 2, 2 при этой перемѣнѣ могло быть оставлено въ прежнемъ видѣ; не требовалось никакихъ поправокъ и въ X, 8, 1. Эту редакцію X книги мы и имѣемъ въ BD, но собраніе документовъ здѣсь не сохранилось (въ E, принадлежащей по другимъ особенностямъ къ иному типу рукописей—ATER, посланіе Константина и замѣчаніе въ концѣ могло быть списано съ BD; предъ „Ἀντίγραφον“ здѣсь стоитъ уже „τέλος τοῦ ἑ τόμου“, и по Швартцу, S. cxiv, въ группѣ ATER чтенія въ TᶜER вообще отражаютъ вліяніе со стороны BDM; подобно этому въ M, принадлежащей къ группѣ BDMΣΔ, документы X, 5—7 могли быть внесены изъ ATER, такъ какъ M вообще оказывается исправленной по ATER, S. xcii, cxxviii). Но когда измѣненія эти были сдѣланы Евсевіемъ въ X книгѣ, и почему посланіе Константина на востокъ не было уже при самомъ написаніи помѣщено въ ней, отвѣтить на это довольно трудно. Какъ посвященная Павлину тирскому и написанная послѣ пораженія Ликинія, X книга, если не предполагать съ Швартцемъ болѣе ранняго изданія главной ея части, должна была появиться вскорѣ же послѣ 324 (resp. 323) г. 18 сентября (распространеніе законовъ Константина κατὰ πάντα τόπον, X, 9, 8, едва ли требовало много времени), можетъ быть, въ самые послѣдніе дни жизни Павлина, переведеннаго уже изъ Тира когда-то послѣ Филогонія († 20 дек. 323?) въ Антіохію и бывшаго тамъ, по Филосторгіѣ (III, 15), около 6 мѣсяцевъ (ср. *Д. А. Лебедевъ*, Павлинъ и Зинонъ епископы тирскіе, въ Визант. Врем. XX, 1913, стр. 127—131, 162—164, и отдѣльно). Можно, кажется, предположить, что вновь написанная, предназначенная ближайшимъ образомъ для Павлина, эта книга была послана или передана Павлину безъ первыхъ 9 книгъ, которыя Павлинъ, другъ Евсевія, несомнѣнно, имѣлъ уже, вѣроятно отъ самого же Евсевія. Во всякомъ случаѣ, при разъясненіи вопроса о сохранившихся слѣдахъ разныхъ редакцій труда Евсевія не должно забывать, что до появленія X книги уже существовали экземпляры исторіи, состоявшіе лишь изъ 9 книгъ, и къ нимъ потомъ, въ ихъ первоначальномъ, не исправленномъ авторомъ видѣ, и

другими, сопровождающими его, имѣетъ однако уже второстепенное значеніе. Важнымъ является фактъ, что онъ нашелъ

могла быть присоединяема новая книга. Посланіе Константина ἐπαρχιώταις Παλαιστίνης [Παλαιστινοῖς EBD] Евсевій могъ не помѣстить въ книгѣ, назначенной Павлину, потому, что послѣднему оно хорошо было извѣстно, какъ недавно лишь полученное и разосланное при томъ всюду не на одномъ латинскомъ, но вмѣстѣ и на греческомъ языкѣ, тогда какъ всѣ другіе помѣщенные въ этой книгѣ документы, равно и въ IX, и эдиктъ Галерія въ VIII, писаны были лишь по-латински, такъ что переводъ ихъ на греческій языкъ долженъ былъ составлять особую заслугу историка предъ греческими читателями его труда. Законъ Константина и Ликинія онъ нашелъ, между тѣмъ, необходимымъ помѣстить опять въ новой книгѣ, хотя онъ былъ уже раньше приложенъ имъ къ IX книгѣ. Присоединеніе новой X книги въ предназначенной для Павлина редакціи, безъ посланія Константина въ концѣ, къ бывшимъ уже ранѣе въ обращеніи 9 книгамъ, не просмотрѣннымъ вновь авторомъ, и могло давать редакцію, выраженную въ AT(E)R; чисто механическимъ способомъ объединенія и объясняется присутствіе въ этой редакціи почти одинаковыхъ заключеній и для IX, и для X книги. Но законъ 313 г. въ рукописяхъ этой редакціи переписывался, разумѣется, только однажды, въ X книгѣ. Но возможно, что въ очень скоромъ времени, уже по смерти Павлина, но еще до половины 326 г. (казнь Криспа), Евсевій, выпустившій въ свѣтъ новую X книгу, пересмотрѣлъ и предыдущія, и сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя исправленія, сдѣлалъ также нѣкоторыя измѣненія и въ новой, — прибавилъ къ ней посланіе на востокъ Константина, а документы X, 5—7, о которыхъ онъ предувѣдомляетъ въ X, 2, 2, отнесъ въ особое собраніе еще далѣе. Эта редакція представлена въ BD(M)(ΣA); она является исправленной самимъ авторомъ, но собраніе документовъ въ ней до насъ не дошло. Такимъ образомъ, если были два изданія X книги, то они слѣдовали весьма быстро одно за другимъ въ 324—326 г. Въ виду интереса, какой долженъ былъ въ свое время возбуждать трудъ Евсевія, это является вполнѣ возможнымъ именно для даннаго момента; нужно думать, что и самъ Константинъ въ 325 г. обратилъ вниманіе на этотъ трудъ. Если, согласно съ заключительными словами X книги по BD, участниками законодательства Константина оказываются и его дѣти, то должно имѣть въ виду, что имена кесарей ставились въ inscriptio законовъ вмѣстѣ съ именами августовъ, а Криспъ и Константинъ II были кесарями уже съ 1 марта 317 г.—Слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о происхожденіи и разныхъ редакціяхъ исторіи Евсевія въ цѣломъ его объемѣ является весьма сложнымъ при обиліи и крайней запутанности рукописныхъ данныхъ, нынѣ собранныхъ съ возможной полнотой и классифицированныхъ въ изданіи Швартца. Предположеніе Лоулора, что измѣненія въ текстѣ (въ мѣстахъ о Ликиніи) могли быть сдѣланы и не Евсевіемъ (244—5), и что не имъ самимъ были опущены въ BDΣ[A] документы X, 5—7 (249), очевидно, должно сопровождаться довольно радикальными слѣдствіями для принятыхъ Швартцемъ пріемовъ при установленіи подлиннаго Евсевіева текста и окончательнаго вида исторіи, поскольку Швартцъ именно въ BDΣA видитъ послѣднее изданіе самого Евсевія. Однако, бо-

мѣсто въ исторіи Евсевія еще задолго до написанія X книги, и именно—вскорѣ же послѣ своего появленія, и во всякомъ случаѣ былъ уже тогда извѣстенъ Евсевію.

Но если этотъ документъ былъ подъ руками у Евсевія не въ 324 лишь году, но уже въ 313—314 былъ помѣщенъ въ его исторіи, откуда онъ могъ быть полученъ Евсевіемъ?

«Письмо» Ликинія, адресованное президу Виѳиніи, было, конечно, въ томъ или другомъ видѣ опубликовано потомъ и въ Палестинѣ. Евсевій могъ его знать въ этомъ видѣ уже во вторую половину 313 г., и съ этой точки зрѣнія вполнѣ возможно, что помѣщенный у него документъ есть, по тексту, именно полученныя и въ Палестинѣ littеrae Ликинія (если только при этомъ признается возможнымъ объяснить такъ или иначе присутствіе въ текстѣ Евсевія еще особаго введенія). Такъ какъ изъ самаго документа видно, что онъ, по содержанію, обязанъ своимъ происхожденіемъ и Константину и Ликинію вмѣстѣ, то Евсевій имѣлъ право дать ему то наименованіе, съ какимъ онъ стоитъ въ его исторіи, хотя непосредственно онъ исходилъ отъ Ликинія.

Но у Евсевія, помимо самаго документа, есть еще приведенное выше совершенно опредѣленное сообщеніе, что законъ въ пользу христіанъ былъ не только составленъ Константиномъ и Ликиніемъ (что могло бы быть просто лишь его выводомъ на основаніи обнародованнаго письма Ликинія), но что оно и было послано ими Максимину вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ—въ качествѣ, очевидно, убѣждающаго мотива для Максимина—о полученныхъ ими милостяхъ отъ Бога христіанъ. Такимъ образомъ, по этому сообщенію, какой-то документъ былъ посланъ на востокъ самому Максимину еще прежде, чѣмъ тамъ объявлено было Ликиніемъ постановленіе о религіозной свободѣ христіанъ послѣ пораженія Максимина. И этотъ, посланный тогда на востокъ, законъ характеризуется такимъ образомъ (νόμον ὑπὲρ Χριστιανῶν τελεώτατον πληρέστατα διατυποῦνται), что и тѣ ученые, которые не находятъ

лѣе вѣроятнымъ представляется относить въ общемъ важнѣйшія особенности редакціи BDΣA на счетъ самого уже Евсевія (какъ полагаетъ это и самъ Лоулоръ, 253, напр., относительно заключительныхъ словъ IX книги). *E. Grapin* въ своемъ изданіи исторіи Евсевія (Eusèbe, Histoire ecclésiastique, Paris 1905—1911—1913), воспроизводя вообще текстъ Швартца и слѣдуя его взглядамъ (ср. однако Introduction, 1913, p. xxxiv—xxxvii), затронутаго Лоулоромъ вопроса не касается.

возможнымъ принять этотъ разсказъ Евсевія (Кеймъ, Гюлле, Бильмейеръ), признаютъ въ то же время, что Евсевій здѣсь, хотя и ошибается, но во всякомъ случаѣ имѣетъ въ виду именно находящійся нынѣ въ X книгѣ его труда документъ съ именами Константина и Ликинія [1]).

Сообщеніе это, если относиться къ нему съ довѣріемъ, очевидно, непререкаемо рѣшало бы вопросъ о существованіи особаго, письменно формулированнаго миланскаго закона, но оно встрѣчается съ серьезными хронологическими трудностями. Прибытіе Константина въ Миланъ и изданіе имъ тамъ закона вмѣстѣ съ Ликиніемъ, по имѣющимся даннымъ, ранѣе января 313 г. едва ли могло быть [2]). По Евсевію, Максиминъ, получивъ письмо и «законъ» западныхъ соправителей, обратился съ своей стороны съ указомъ къ Савину. Но въ эдиктѣ Максимина, изданномъ послѣ пораженія его Ликиніемъ, незадолго до смерти, какъ обычно думаютъ— лѣтомъ или осенью 313 г., на этотъ указъ Савину дѣлается ссылка, какъ на писанный «въ прошедшемъ году» [3]), т. е., повидимому, въ 312, слѣдовательно до миланскаго постановленія.

Баронія, какъ было выше сказано, хотѣлъ устранить это затрудненіе, отнеся эдиктъ и смерть Максимина къ 314 г. Съ другой стороны, было высказываемо въ новое время, въ

[1]) Текстъ сообщенія Евсевія IX, 9, 12, см. выше, 32₁. Такъ же точно Евсевій характеризуетъ и одинаковый въ цѣломъ по содержанію съ миланскимъ закономъ, изданный послѣ него эдиктъ Максимина. IX, 10, 6, *Schwartz* 842: εἶτα δὲ δοὺς δόξαν τῷ Χριστιανῶν θεῷ νόμον τε τὸν ὑπὲρ ἐλευθερίας αὐτῶν τελεώτατα καὶ πληρέστατα διαταξάμενος. Бильмейеръ (Theol. Quartalschrift, 1914, S. 33—4). сверхъ того, сопоставляетъ слова Евсевія въ разсказѣ о составленіи и посланіи Максимину закона о христіанахъ: θεὸν τὸν τῶν ἀγαθῶν ἁπάντων αὐτοῖς αἴτιον εὐμενίσαντες, съ указываемыми въ самомъ миланскомъ документѣ мотивами сдѣланнаго въ Миланѣ постановленія, при чемъ въ этомъ документѣ встрѣчается выраженіе (въ греческомъ переводѣ § 4): ὅπως ὅ τι ποτέ ἐστιν θειότητος καὶ οὐρανίου πράγματος, ἡμῖν καὶ πᾶσι — — εὐμενὲς εἶναι δυνηθῇ.

[2]) Ср., напр., объ этомъ у *Bihlmeyer*'а, S. 86—87. Если у Лактанція (с. 45) говорится лишь неопредѣленно объ отправленіи Константина изъ Рима въ Миланъ „hieme proxima", то у ритора Назарія замѣчается болѣе опредѣленно о „bimestris fere cura" Константина при устроеніи дѣлъ въ Римѣ (Paneg. IV., 33). Если обнародованный (propositа) въ Римѣ 18 января законъ (Cod. Theod. XIII, 10, 1, тогда же другой законъ безъ указанія мѣста, X, 10, 1) былъ и изданъ тамъ, то и около этого времени Константинъ еще находился въ Римѣ. Какъ изданный въ Миланѣ, отмѣчается законъ 10 марта (X, 8, 1=Cod. Just. X, 10, 2).

[3]) Eus. h. e. IX, 10, 8: τῷ παρελθόντι ἐνιαυτῷ ἐνομοθετήσαμεν.

виду этой трудности, мнѣніе, что миланскій эдиктъ былъ изданъ и отправленъ Максимину еще въ 312 г. [1]). Валуа и многіе другіе за нимъ, чтобы истолковать данное мѣсто у Евсевія, думали видѣть въ посланномъ Максимину законѣ особый не сохранившійся законъ Константина и Ликинія, изданный еще въ Римѣ въ 312 г. Но въ новое время, начиная съ Кейма, едва ли не большинство ученыхъ усматриваютъ въ данномъ случаѣ не болѣе лишь какъ хронологическую ошибку и вообще путаницу у Евсевія. Константинъ могъ обратиться къ Максимину съ увѣдомленіемъ о побѣдѣ и протестомъ противъ поднятаго Максиминомъ гоненія на христіанъ только ранѣе, сразу послѣ побѣды надъ Максентіемъ, но не въ 313 г. Евсевій же, у котораго вообще въ послѣднихъ книгахъ встрѣчаются нѣкоторыя несообразности и не соблюдается строго хронологическая послѣдовательность, при своихъ вообще неясныхъ представленіяхъ объ итальянскихъ событіяхъ, отнесъ это къ болѣе позднему времени, утверждая, будто Максимину было послано постановленіе обоихъ западныхъ правителей [2]).

Однако, едва ли нужно считать указанную трудность непреодолимою,—и не перенося миланскаго эдикта съ 313 на 312 г., равно не прибѣгая и къ гипотезѣ Валуа о другомъ болѣе раннемъ законѣ,—и обвинять по этому поводу въ искаженіи фактовъ Евсевія. Швартцемъ было высказано предположеніе, что Максиминъ могъ считать начало года по сиромакедонскому календарю съ 1 октября; тогда, если изданіе имъ эдикта и смерть были послѣ этого числа, затрудненіе устраняется [3]). Подобное же предположеніе можно находить и у Лоулора (начало года съ сентября или, можетъ быть, съ октября) въ изслѣдованіи [4]) о хронологіи IX книги исторіи Евсевія.

---

[1]) *A. J. Mason*, The persecution of Diokletian. Cambridge 1876, p. 333.

[2]) Ср. особенно *Hülle*, 63—67. *Bihlmeyer*, 84—90. Этого мнѣнія, какъ отмѣчаетъ Бильмейеръ (88—89), держатся, напр., Allard, Schultze, Möller-Schubert, Linsenmayer, Duchesne, Achelis, Sesan, Wittig.

[3]) *E. Schwartz*, Zur Geschichte des Athanasius, IV, въ Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1904, H. 5, S. 526.

[4]) *H. J. Lawlor*, Eusebiana: The chronology of the ninth book of the Ecclesiastical History, p. 221. Исходя изъ факта, что императорская почта въ римскомъ государствѣ дѣлала около 120 римскихъ миль въ день, а отъ Милана до Антіохіи по Itinerarium Antonini считалось 2167 миль, и слѣдовательно, это разстояніе требовало 18 дней, Лоулоръ полагаетъ

Но Лоулоръ не считаетъ абсолютно невозможнымъ и мнѣніе Баронія о смерти Максимина уже въ 314 г. [1]).

Въ то же время, въ данномъ случаѣ можно воспользоваться, хотя съ нѣкоторыми существенными видоизмѣненіями, тѣми соображеніями, какія приводитъ въ подтвержденіе правдивости разсказа Евсевія Де Баччи Венути. По его мнѣнію, посланъ былъ Максимину Константиномъ и Ликиніемъ собственно проектъ закона, на изданіе котораго, если онъ долженъ былъ имѣть общегосударственное значеніе, непремѣнно требовалось согласіе и Максимина; объ этомъ и говорится у Евсевія. Максиминъ согласія не выразилъ, и западные правители отъ своего имени издали тогда въ Миланѣ законъ въ мартѣ, включенный потомъ въ рескриптъ Ликинія [2]).

Какъ бы то ни было, разъ хронологическій вопросъ можетъ быть такъ или иначе рѣшенъ съ большею или меньшею вѣроятностью, нѣтъ никакихъ другихъ серьезныхъ основаній относиться къ извѣстію Евсевія съ недовѣріемъ. Нужно имѣть въ виду въ данномъ случаѣ, что если Евсевій не могъ быть всегда хорошо освѣдомленъ въ событіяхъ отдаленнаго запада и относительно этихъ событій легко допустить у него ошибки и недоразумѣнія, въ частности, и въ хронологіи, то, напротивъ, то, что происходило на востокѣ, что касалось Максимина, находившагося послѣ похода на армянъ именно въ Сиріи, недалеко отъ Палестины, и что въ то же время имѣло непосредственное отношеніе къ судьбѣ христіанъ, могло быть и было, нужно думать, хорошо извѣстно кесарійскому епископу-историку. Приведенные имъ въ исторіи указъ и затѣмъ эдиктъ Максимина 313 г. доходили до него, вѣроятно, вскорѣ же послѣ ихъ изданія, и онъ тогда же получалъ тѣ или иныя

самый ранній срокъ полученія эдикта Максиминомъ около 20 января, если эдиктъ былъ изданъ въ самомъ концѣ 312 или началѣ 313 г.; если же Константинъ прибылъ въ Миланъ не ранѣе 18 января, то около 10 февраля. Съ другой стороны, Максиминъ, чтобы быть въ Никомидіи съ войскомъ около 6 апрѣля, долженъ былъ выйти изъ Антіохіи около 16 февраля. Такимъ образомъ, 20 января [10 февраля]—16 февраля могло быть приблизительно временемъ, когда Максиминомъ полученъ былъ законъ изъ Милана и написано письмо Савину (p. 219—220). Эдиктъ могъ быть изданъ Максиминомъ въ сентябрѣ или октябрѣ (p. 227).

[1]) 227.

[2]) *De Baccі Venuti*, 323—328. Указанной хронологической трудности итальянскій ученый прямо не касается, но очевидно, она и при его точкѣ зрѣнія можетъ быть устранена способомъ, предлагаемымъ Шварцемъ и Лоуломъ.

свѣдѣнія и объ обстоятельствахъ ихъ изданія. Но точно также могъ быть хорошо извѣстенъ ему и фактъ прибытія посольства на востокъ къ Максимину отъ западныхъ правителей, равно и самое содержаніе ихъ обращенія къ нему, вполнѣ возможно и то, что и самый «законъ» о христіанахъ, присланный, правда, съ запада именно къ Максимину, но не составлявшій, конечно, никакого особаго секрета—западные правители, напротивъ, могли лишь желать, чтобы онъ сдѣлался извѣстенъ на востокѣ не одному только Максимину,—тогда уже былъ скопированъ христіанами и могъ быть въ рукахъ Евсевія [1]).

---

[1]) У Евсевія есть еще сообщеніе въ IX, 9^a, 11—12 (ср. выше, 32_2), что указъ Максимина Савину, внушавшій лишь не прибѣгать къ насиліямъ при обращеніи христіанъ въ язычество, на дѣлѣ не разрѣшалъ христіанамъ ни дѣлать собранія, ни строить церкви, ни совершать другое что-либо, что входитъ въ обычай христіанъ (οὐ μὴν συνέζευς ἐπικελεῦον ποιεῖσθαι οὐδ' οἴκους ἐκκλησιῶν οἰκοδομεῖν οὐδ' ἄλλα τι τῶν ἡμῖν συνήθων διαπράττεσθαι), хотя (καίτοι γε) поборники мира и благочестія (Константинъ и Ликиній) требовали отъ Максимина этого (ἐπιτρέπειν ἐπεστάλκεσαν), и сами это разрѣшали всѣмъ, бывшимъ подъ ихъ властію, предписаніями и законами (διὰ προγραμμάτων καὶ νόμων συγκεχωρήκεσαν). Подъ этими προγράμματα и νόμοι, несомнѣнно, здѣсь разумѣется не что другое, какъ эдиктъ Галерія 311 г., дѣйствовавшій потомъ, вмѣстѣ съ дополнительной къ нему инструкціей (epistola) къ президамъ, въ областяхъ Константина и Ликинія, но Максиминомъ не обнародованный, хотя онъ и долженъ былъ сдѣлать это. Нужно имѣть въ виду, что въ эдиктѣ Галерія слова (Lact. de mort. pers. 34, 4, *Brandt* 213): ut denuo sint Christiani et conuenticula sua componant, у Евсевія переведены—вѣрно или нѣтъ—именно въ смыслѣ разрѣшенія христіанамъ строить храмы (VIII, 17, 9, *Schwartz* 794): ἵνα αὖθις ὦσιν Χριστιανοὶ καὶ τοὺς οἴκους ἐν οἷς συνήγοντο, συνθῶσιν (отсюда у Руфина: ut rursum sint Christiani et conventicula, in quibus orare consuerunt, extruant et reaedificent). Содержаніе этого эдикта, говоря о его изданіи, онъ опредѣляетъ такимъ образомъ (VIII, 17, 1, 790), что Галерій τὸν κατὰ Χριστιανῶν ἀποπαῦσαι διωγμὸν νόμῳ τε καὶ δόγματι βασιλικῷ τὰς ἐκκλησίας αὐτῶν οἰκοδομεῖν ἐπιστέρχειν καὶ τὰ συνήθη διαπράττεσθαι — — προστάττει. Самое сходство, частію почти тождество выраженій ясно показываетъ, что въ IX, 9^a, 11—12, идетъ рѣчь именно объ этомъ законѣ; разрѣшеніе собраній, не упоминаемое прямо въ VIII, 17, по переводу Евсевія, само собою должно предполагаться въ дозволеніи строить зданія для этихъ собраній. Между прочимъ, συγκεχωρήκεσαν въ XI, 9^a, 12. имѣетъ соотвѣтствіе въ выраженіяхъ эдикта Галерія, VIII, 17, 9—10, 794: καὶ ἐν τούτῳ τὴν συγχώρησιν τὴν ἡμετέραν ἐπεκτεῖναι δεῖν ἐνομίσαμεν, ἵνα αὖθις — — ὦσιν κατὰ ταύτην τὴν συγχώρησιν τὴν ἡμετέραν ὀφείλουσιν κτλ. Множественное число διὰ προγραμμάτων καὶ νόμων должно, очевидно, ука-

Въ такомъ случаѣ для перевода Евсевія могъ послужить оригиналомъ текстъ, идущій именно изъ Милана, какъ и предполагаютъ сторонники мнѣнія объ особомъ значеніи текста Евсевія въ виду отличій его отъ текста Лактанція, — но онъ полученъ былъ Евсевіемъ не въ позднѣйшее время, а еще до

зывать не на различные, хотя бы по изложенію, законы, а лишь на распространенные западными правителями въ своихъ областяхъ экземпляры одного и того же закона; законъ Галерія и въ VIII, 17, 2, 790 называется также и βασιλικὰ διατάγματα, а въ „Жизни Константина (I, 57, *Heikel* 34) указанное выше мѣсто VIII, 17, 1 воспроизводится уже въ такомъ видѣ: τὸν κατὰ τῶν Χριστιανῶν ἀποπαύει διωγμόν, νόμοις τε καὶ διατάγμασι βασιλικοῖς τὰς ἐκκλησίας αὐτῶν οἰκοδομεῖν ἐπισπέρχει, τά τε συνήθη πράττειν αὐτοὺς — — διακελεύεται. Такимъ образомъ, смыслъ всего этого сообщенія Евсевія тотъ, что Максиминъ, издавшій послѣ присылки ему „совершеннѣйшаго“ закона о христіанахъ Константиномъ и Ликиніемъ свой особый указъ на имя Савина, въ дѣйствительности не далъ и теперь христіанамъ даже и тѣхъ ограниченныхъ правъ (IX, 9ª, 11: ὅτι μηδὲ τοῦτ' ἤθελεν αὐτῷ τὸ γράμμα), которыми христіане должны были пользоваться, и на западѣ пользовались, въ силу узаконеній, изданныхъ еще со временъ Галерія, хотя Максимину и эти узаконенія были въ свое время посланы (и—можетъ быть—были и потомъ напоминанія о нихъ съ запада). Очевидно, у Евсевія отъ этихъ прежнихъ узаконеній съ полною опредѣленностью отличается вновь составленный „совершеннѣйшій и обстоятельнѣйшій“ законъ, который также теперь посылается Максимину (IX, 9, 12: διατυποῦνται, διαπέμπονται).—Что касается „Жизни Константина“, то заимствуя изъ своей исторіи въ это сочиненіе разсказъ о постигшей Галерія болѣзни, какъ казни за его гоненія противъ христіанъ, Евсевій лишь по этому поводу включаетъ сюда и находившееся тамъ замѣчаніе объ изданномъ имъ предъ смертью эдиктѣ (I, 57). Но что Константинъ и Ликиній распространяли этотъ эдиктъ на западѣ, объ этомъ здѣсь уже не говорится. Не упоминаетъ Евсевій въ этомъ сочиненіи и объ изданіи Константиномъ особаго закона о христіанахъ послѣ побѣды надъ Максентіемъ, можетъ быть, именно потому, что въ изданіи миланскаго постановленія принималъ участіе и Ликиній, а все это сочиненіе направлено къ прославленію дѣяній Константина. Здѣсь говорится только объ обнародованіи Константиномъ всюду на западѣ закона, освобождавшаго отъ слѣдствій тиранства Максентія вообще его западныхъ подданныхъ. I, 41, 3, *Heikel* 27: ἥπλωτο δὲ καὶ βασιλικὸν ἀπανταχοῦ γράμμα, τοῖς μὲν τὰς ὑπάρξεις ἀφαρπαγεῖσι τὴν τῶν οἰκείων ἀπόλαυσιν δωρούμενον τοὺς δ' ἄδικον ἐξορίαν ὑπομείναντας ἐπὶ τας σφῶν ἀνακαλούμενον ἑστίας, ἠλευθέρου δὲ καὶ δεσμῶν παντός τε κινδύνου καὶ δέους τοὺς ὑπὸ τῆς τυραννικῆς ὠμότητος τούτους ὑποβεβλημένους. Далѣе разсказывается въ общихъ выраженіяхъ о приближеніи къ себѣ императоромъ епископовъ, объ устроеніи христіанскихъ храмовъ и дарахъ имъ (42), о широкой вообще благотворительности Константина (43), о его особыхъ заботахъ о церкви и мирѣ церковномъ (44).

объявленія этого документа Ликиніемъ въ качествѣ обязательнаго и для востока закона. Если Евсевій помѣстилъ его не тамъ, гдѣ онъ упоминаетъ о немъ (IX, 9, 12), а — первоначально—въ самомъ концѣ IX книги, какъ ея заключеніе, то это можетъ объясняться именно тѣмъ, что силу закона онъ получилъ для востока лишь со времени объявленія его Ликиніемъ.

Возможность составленія въ Миланѣ и отправленія къ Максимину закона о христіанахъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ имѣется у Евсевія и—безъ введенія—у Лактанція, едва ли можетъ быть отвергаема. Само собой разумѣется, что въ своей настоящей формѣ документъ, какъ содержавшій въ самомъ текстѣ заявленіе, которое идетъ отъ лица лишь Константина и Ликинія («Когда мы прибыли благополучно въ Медіоланъ, я — Константинъ Августъ, и я—Ликиній Августъ, — — признали мы нужнымъ» и т. д.), не могъ быть предъявленъ Максимину въ качествѣ закона для объявленія его буквально въ томъ же видѣ и самимъ Максиминомъ на востокѣ. Но не въ этомъ, нужно думать, и было его дѣйствительное назначеніе соотвѣтственно обстоятельствамъ его происхожденія.

Положеніе христіанъ, послѣ пораженія Максентія, въ собственныхъ владѣніяхъ Константина обезпечивалось въ будущемъ личнымъ отношеніемъ къ нимъ императора. Изъ вновь присоединенныхъ областей, въ Италіи, при этомъ, по крайней мѣрѣ—въ Римѣ, христіанамъ уже ранѣе возвращены были самимъ Максентіемъ конфискованныя имущества, для Африки Константинъ далъ объ этомъ особое распоряженіе проконсулу Анулину, можетъ быть, сразу же послѣ побѣды надъ Максентіемъ. Но необходимо было гарантировать свободу и улучшить судьбу христіанъ, находившихся во владѣніяхъ другихъ правителей.

Ближайшимъ образомъ Константину пришлось имѣть дѣло съ вступившимъ въ союзъ съ нимъ Ликиніемъ, правителемъ Иллирика. Можно думать, что Константинъ, зная характеръ и религіозное настроеніе Ликинія, нашелъ нужнымъ свой договоръ съ нимъ закрѣпить письменнымъ актомъ, и такимъ документомъ и могло быть составленное въ Миланѣ отъ лица обоихъ правителей обращеніе къ магистрату объ отмѣнѣ дѣйствовавшихъ доселѣ ограничительныхъ пунктовъ къ эдикту Галерія и о возстановленіи имущественныхъ правъ христіанъ; Ликиній

долженъ былъ вскорѣ же обнародовать его въ подвластной ему части имперіи. Оно предназначалось, такимъ образомъ, прямо именно для области Ликинія, а не Максимина, и если потомъ было объявлено имъ въ Никодиміи, то потому лишь, что неожиданно поднятая Максиміномъ война и его пораженіе сдѣлали Ликинія обладателемъ не только лишь восточнаго Иллирика, но и всего востока.

Но, разумѣется, должно было привлекать не меньшее вниманіе Константина и быть предметомъ заботъ его даже главнымъ образомъ именно положеніе христіанъ въ предѣлахъ владѣній Максимина. Здѣсь, въ мѣстахъ первоначальнаго появленія и распространенія христіанства, гдѣ христіанъ было болѣе всего, они не пользовались и тою ограниченною свободою, какая провозглашена была эдиктомъ Галерія 311 г., такъ какъ Максиминъ у себя этого эдикта и не объявлялъ, и чрезъ полгода послѣ изданія этого эдикта (въ ноябрѣ 311) возобновилъ гоненіе, которое, повидимому, особенно усилилось къ осени 312 г., времени побѣды Константина надъ Максентіемъ [1]).

---

[1]) Политику Максимина по отношенію къ христіанамъ и крайне тяжелое положеніе послѣднихъ за это время подробно описываетъ Евсевій въ IX, 2—8. Гоненіе открылось стѣсненіями относительно богослужебныхъ собраній; затѣмъ предпринято изгнаніе христіанъ изъ городовъ и ихъ окрестностей по ходатайствамъ и постановленіямъ гражданъ, внушаемымъ императоромъ. Для борьбы съ христіанствомъ организована была, частію по образцу христіанской, іерархія языческихъ жрецовъ. Всюду распространяемы были и даже изучались въ школахъ измышленные акты Пилата, съ цѣлію дискредитировать христіанство; съ тою же цѣлію всюду были разсылаемы вынужденныя подъ угрозой пытки ложныя показанія о христіанахъ какихъ-то бывшихъ будто бы христіанокъ. Не рѣдки были и случаи смертной казни христіанъ. Такъ, были отданы звѣрямъ епископъ Сильванъ въ Эмисѣ и еще двое христіанъ, въ Египтѣ былъ казненъ Петръ александрійскій (24 ноября 311) и съ нимъ многіе другіе (ἄλλοι πλείους) епископы, казненъ извѣстный пресвитеръ антіохійскій Лукіанъ въ Никомидіи (7 января 312). Постановленія городовъ объ изгнаніи христіанъ, вмѣстѣ съ одобряющимъ ихъ рескриптомъ Максимина, всюду разосланнымъ (въ августѣ—сентябрѣ 312, по Лоулору, p. 222), были вырѣзываемы на мѣдныхъ доскахъ и выставляемы въ городахъ. Въ виду въ особенности этихъ постановленій положеніе христіанъ, по замѣчанію Евсевія, дѣлалось совершенно безнадежнымъ (IX, 7, 15: ὡς κατ' αὐτὸ δὴ τὸ θεῖον ἐκεῖνο λογίον, εἰ δυνατόν, ἐπὶ τούτοις καὶ τοὺς ἐκλεκτοὺς αὐτοὺς σκανδαλίζεσθαι, ср. IX, 10, 12: δυσσεβεῖς ἐδοκοῦμεν καὶ ἄθεοι καὶ παντὸς ὀλεθροι τοῦ βίου, ὡς μὴ ὅτι γε πόλιν, ἀλλ' οὐδὲ χώραν οὐδ' ἐρημίαν οἰκεῖν ἐπιτρέπεσθαι). Всеобщее выполненіе этой мѣры было замедлено, повидимому, лишь тяжкими физическими бѣдствіями, голодомъ и

Нужно было побудить восточнаго правителя прекратить преслѣдованіе его христіанскихъ подданныхъ. Но Константинъ не желалъ конфликта съ нимъ несмотря даже на обнаружившіяся сношенія его съ Максентіемъ; онъ назначилъ его даже консуломъ на 313 годъ вмѣстѣ съ собою.

Новый законъ долженъ былъ войти въ силу на западѣ (въ области Ликинія), каково бы ни было дальнѣйшее поведеніе Максимина. Но такъ какъ, по идеѣ, всякій законъ, изданный хотя бы въ одной части имперіи въ видѣ императорскаго письма къ магистрату, предполагалъ согласіе съ нимъ и всѣхъ другихъ правителей, то Константинъ и Ликиній могли отправить его къ Максимину, въ виду всѣмъ извѣстныхъ враждебныхъ отношеній Максимина къ христіанамъ, уже для того, чтобы имѣть возможность поставить въ надписаніи его имя послѣдняго. Но въ данномъ случаѣ обращеніе къ Максимину должно было имѣть еще особое значеніе: посланное вмѣстѣ съ письмомъ Константина и Ликинія, миланское постановленіе, показывая непреклонное намѣреніе западныхъ правителей осуществить свою волю на западѣ, должно было быть образцомъ для изданія Максиминомъ подобнаго же постановленія на востокѣ. Навязывать Максимину самый текстъ не было никакой необходимости; поэтому, можетъ быть, и была избрана въ Миланѣ для закона форма не эдикта въ собственномъ смыслѣ, а лишь письма къ магистрату (вѣроятно, префекту преторіи, а не непосредственно президамъ провинцій), и онъ предназначался ближайшимъ образомъ только для области Ликинія. Нужно имѣть въ виду, что Константину въ Римѣ сенатомъ только что была предоставлена честь считаться первымъ августомъ, съ чѣмъ соединялось особое право законодательной инициативы; но это былъ именно самый чувствительный пунктъ для Максимина, никакъ не хотѣвшаго примириться съ этимъ [1]),

---

явою, постигшими востокъ, когда разные города еще не успѣли получить указаннаго рескрипта, и предпринятымъ тогда же походомъ Максимина противъ исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру армянъ (вѣроятно, въ присоединенной къ имперіи въ 297 г. области, по Дюшену), которыхъ онъ тоже хотѣлъ возвратить въ язычество.

[1]) Ср. Lact. 44, 12, *Brandt* 224: cognito deinde senatus decreto sic exarsit dolore, ut inimicitias aperte profiteretur, conuicia iocis mixta aduersus imperatorem maximum diceret. Eus. h. e. IX, 10, 1, *Schwartz* 838: ἤδη καὶ κατὰ τῶν τῆς βασιλείας κοινωνῶν — — τολμᾶν ὥρμητο θρασύνεσθαι καὶ πρῶτον ἑαυτὸν ταῖς τιμαῖς ἀναγορεύειν.

и Константинъ, желавшій сохранить добрыя отношенія съ Максиминомъ, можно думать, не находилъ нужнымъ съ этой стороны затрогивать его самолюбіе, обращаясь къ нему по столь важному вопросу, какъ вопросъ о законодательствѣ касательно христіанъ, и могъ предоставить ему самому изложить и издать въ своей области соотвѣтствующій уже санкціонированному на западѣ постановленію законъ [1]). И когда

---

[1]) Такъ какъ имперія считалась единою и въ то время, когда она была раздѣлена между нѣсколькими правителями, то, по всегдашнему обычаю, имена всѣхъ правителей должны были стоять въ началѣ (inscriptio) какъ эдиктовъ въ собственномъ смыслѣ, такъ и другихъ императорскихъ постановленій съ общимъ значеніемъ. Отсюда между inscriptio, гдѣ перечислялись имена нѣсколькихъ августовъ, и самымъ изложеніемъ закона, поскольку онъ предлагался на дѣлѣ отъ имени обычно лишь одного изъ нихъ, должно было вообще оказываться своеобразное несоотвѣтствіе. Ср. примѣры въ *P. Krüger*, Geschichte der Quellen und Litteratur des Römischen Rechts. 2 Aufl. München und Leipzig 1912, S. 310$_{81}$. Такъ, въ Cod. Theod. IX, 16, 9, въ конституціи Валентиніана I (371) читается: *Imppp. Valentinianus, Valens et Gratianus AAA. ad Senatum.* Haruspicinam e g o nullum cum maleficiorum caussis habere consortium i u d i c o — —. Testes sunt leges a m e in exordio imperii m e i datae. Ср. также *Seeck* въ Zeitschrift für Kirchengeschichte, XII (1891), 384. Такое несоотвѣтствіе между надписаніемъ и дальнѣйшимъ изложеніемъ было бы, очевидно, и въ миланскомъ документѣ, если бы имя Максимина въ несохранившемся до насъ inscriptio было присоединено къ именамъ Константина и Ликинія (Seeckъ и предполагаетъ это, какъ фактъ). Но во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что законъ изложенъ здѣсь спеціально отъ имени лишь Константина и Ликинія, должно показывать, что онъ назначался въ этомъ видѣ именно для подвластной имъ части имперіи, Максиминъ же, при обнародованіи его въ своей области, долженъ былъ уже нѣсколько измѣнить это изложеніе. Какимъ образомъ общеобязательное значеніе такихъ, изданныхъ правителями одной лишь части имперіи (einseitig erlassene) законовъ проводилось на практикѣ, это, по Крюгеру, не ясно (извѣстенъ только одинъ примѣръ, когда законъ о привилегіяхъ іудеевъ, данный на востокѣ, отмѣненъ былъ Гоноріемъ для запада въ 398 г., Cod. Theod. XI, 1, 158; указывается еще XVI, 5, 48); лишь въ 429 г. было сдѣлано постановленіе о взаимной присылкѣ новеллъ правителемъ одной половины имперіи правителю другой, если онѣ и тамъ должны были получать значеніе обязательныхъ законовъ (*Krüger*, 310—311, 331). Съ фактомъ подобной присылки, очевидно, мы и встрѣчаемся уже при изданіи миланской конституціи. Случаи, когда правитель одной части имперіи адресовалъ свои конституціи прямо въ другую для исполненія, указываются лишь для Діоклетіана (correctori Italiae 290 г. и praesidi Numidiae 295 г.) (*Krüger* 310$_{83}$, 322$_{95}$). Но въ данномъ случаѣ едва ли можно допустить это въ примѣненіи къ Константину и Ликинію при указанныхъ отношеніяхъ въ Кон-

Максиминъ, не желавшій, какъ описываетъ его настроеніе въ данномъ случаѣ Евсевій, и «уступить» соправителямъ, и вмѣстѣ боявшійся ослушаться ихъ, издаетъ «какъ бы своимъ авторитетомъ» (ὡς ἂν ἐξ ἰδίας αὐθεντίας) посланіе на имя своего префекта Савина, то по своей формѣ этотъ документъ вполнѣ и соотвѣтствовалъ западному документу, только содержаніе его было совсѣмъ иное [1]).

стантина къ Максимину. Что касается совмѣстнаго на самомъ дѣлѣ изданія законовъ нѣсколькими августами, при нахожденіи ихъ вмѣстѣ, какъ это было при изданіи миланскаго закона, то оно встрѣчается не часто; указываются законы Валентиніана I и Валента 364 г., и Валентиніана II и Ѳеодосія I 389 и 390 г. (*Krüger*, 310₇₉).

[1]) Можно находить и въ ходѣ мыслей и внѣшнемъ построеніи, и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, соотвѣтствіе адресованнаго Максиминомъ своему префекту посланія (Eus. h. e. IX, 9ª, 1—9) съ миланскимъ документомъ (X, 5, 2—14). Сохранившемуся только у Евсевія началу послѣдняго (§ 2—3: Ἤδη μέν), гдѣ Константинъ и Ликиній упоминаютъ объ эдиктѣ Галерія, уже давшемъ свободу христіанамъ, но въ недостаточной мѣрѣ, съ ограниченіями, соотвѣтствуетъ начало письма Максимина (§ 1: Καὶ παρὰ τῇ σῇ στιβαρότητι), гдѣ Максиминъ ссылается на совершенно иное отношеніе къ христіанамъ Діоклетіана и Максиміана, и авторитетъ ихъ какъ бы противопоставляетъ авторитету Константина и Ликинія, новыхъ правителей, отступившихъ вмѣстѣ съ Галеріемъ отъ постановленій прежнихъ самодержцевъ, одобряемыхъ самимъ Максиминомъ (*Schwartz* 834: φανερὸν εἶναι πέποιθα τοὺς δεσπότας ἡμῶν Διοκλητιανὸν καὶ Μαξιμιανόν, τοὺς ἡμετέρους πατέρας — — ὀρθῶς διατεταχέναι — —, ср. ниже § 6, 836: ὅτι δὴ αὐτὸ τοῦτο καὶ οἱ ἀρχαῖοι αὐτοκράτορες πάντες διεφύλαξαν). Слѣдующему отдѣлу миланскаго документа (§ 4—5: Ὁπότε εὐτυχῶς ἐγὼ Κωνσταντῖνος ὁ Αὔγουστος κἀγὼ Δικίννιος ὁ Αὔγουστος ἐν τῇ Μεδιολάνῳ ἐληλύθειμεν), гдѣ говорится о прибытіи западныхъ правителей въ Миланъ и состоявшемся здѣсь рѣшеніи дать полную религіозную свободу христіанамъ и всѣмъ другимъ, дабы снискать благоволеніе верховнаго Божества, соотвѣтствуетъ дальнѣйшій отдѣлъ у Максимина (§ 2—3: Ἀλλ' ὅτε ἐγὼ εὐτυχῶς τὸ πρῶτον εἰς τὴν ἀνατολὴν παρεγενόμην, § 4—6: μετὰ δὲ ταῦτα, ὅτε τῷ παρελθόντι ἐνιαυτῷ εὐτυχῶς ἐπέβην εἰς τὴν Νικομήδειαν) гдѣ Максиминъ указываетъ на свое первое прибытіе на востокъ (при вступленіи во власть кесаря въ 305 г.) и на недавнее прибытіе въ Нимидію (311 г.), причемъ онъ уже давно, при первомъ же появленіи на востокѣ избавилъ христіанъ отъ притѣсненій правителей (ἑκάστῳ τῶν δικαστῶν ἐντολὰς δέδωκα), внушивъ послѣднимъ дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, въ Никомидіи же, лишь уступая настойчивымъ просьбамъ гражданъ этого города, согласился удовлетворить ходатайство ихъ объ удаленіи изъ ихъ среды христіанъ, что было сдѣлано также и для другихъ городовъ,—и именно потому, что это согласно было и съ волей прежнихъ правителей, и было угодно богамъ, отъ которыхъ зависитъ благополучіе всѣхъ людей и самого государства. Поэтому, въ то время

Такимъ образомъ, можно думать, что миланскій законъ предназначался непосредственно для области Ликинія (Илли-

какъ въ дальнѣйшей части миланскаго документа (§ 6—8: Ἅτινα οὕτως ἀρέσκειν ἡμῖν ἀντιγράψαι ἀκόλουθον ἦν, можетъ быть, невѣрный переводъ латинскаго Quare scire dicationem tuam conuenit placuisse nobis) отмѣняются сдѣланныя въ прежнихъ распоряженіяхъ о христіанахъ ограниченія, Максиминъ, напротивъ, находитъ нужнымъ лишь подтвердить свои прежніе указы и инструкціи, якобы благодѣтельные для христіанъ (§ 7—9a: Τοιγαροῦν — — ἀκόλουθον ἐνόμισα καὶ τούτοις τοῖς γράμμασιν τὴν σὴν στιβαρότητα ὑπομνῆσαι). Отдѣлъ миланскаго документа о возвращеніи христіанамъ отобраннаго у нихъ имущества (§ 9—11 [13]) Максиминъ, одобрявшій даже изгнаніе христіанъ изъ городовъ, естественно, игнорировалъ. Заключеніе содержитъ въ томъ (§ 14: Ἵνα δὲ — — πρὸς γνῶσιν πάντων ἐνεχθῆναι δυνηθῇ) и другомъ документѣ (§ 9b: Ἵνα δὲ αὕτη ἡμῶν ἡ κέλευσις εἰς γνῶσιν πάντων τῶν ἐπαρχιωτῶν τῶν ἡμετέρων ἔλθῃ) обычное предписаніе объ опубликованіи.—Разумѣется, придавать слишкомъ большое значеніе этимъ аналогіямъ и полагать ихъ въ основу рѣшительныхъ выводовъ нельзя: сходство могло быть и случайнымъ. Но если можно вообще предполагать, что при составленіи письма Максимина могло быть извѣстно и могло имѣться въ виду постановленіе западныхъ его соправителей, указанныя особенности могутъ служить къ подтвержденію этого предположенія. Что Максимину написанный отъ имени Константина и Ликинія документъ не былъ извѣстенъ даже и при изданіи имъ эдикта, послѣ того какъ этотъ документъ былъ опубликованъ на востокѣ Ликиніемъ, едва ли можно выводить изъ того, что въ этомъ эдиктѣ не говорится о вознагражденіи владѣльцевъ за возвращаемыя христіанамъ имущества, тогда какъ это предусматривается въ законѣ Константина и Ликинія (De Bacci Venuti). Суевѣрный тиранъ, столь быстро и неожиданно подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ изъ жестокаго гонителя христіанъ (предъ битвою съ Ликиніемъ, онъ, по Лактанцію 46, 2, eius modi uotum Ioui uouit, ut si uictoriam cepisset, Christianorum nomen extingueret funditusque deleret) вдругъ сдѣлавшійся ихъ благодѣтелемъ, казнившій въ гнѣвѣ (ἐμμανεὶ θυμῷ) языческихъ жрецовъ и прорицателей, которые обольстили его надеждами на боговъ, и „воздавшій славу Богу христіанъ“ (Eus. h. e. IX, 10, 6), теперь, въ своемъ желаніи облагодѣтельствовать христіанъ (IX, 10, 11: ἵνα μέντοι καὶ μείζων γένηται ἡ ἡμετέρα δωρεά), могъ пренебречь интересами и правами язычниковъ.—Это письмо Максимина, во всякомъ случаѣ, можетъ давать въ своей основной части (§ 7—9a)—не смотря на всю ея краткость—наглядное доказательство ненужности гипотезы о происхожденіи документа, извѣстнаго съ именемъ миланскаго эдикта, путемъ присоединенія тавтологическихъ „глоссъ“ къ какому-то другому, еще ранѣе составленному тексту. И у Максимина въ повелительной формулѣ (§ 9a: διόπερ ἡ σὴ καθοσίωσις τὸ ἐπιτραπέν σοι διαφυλάττειν ὀφείλει) повторяется, частію съ воспроизведеніемъ буквальныхъ выраженій (ταῖς προτροπαῖς μᾶλλον καὶ ταῖς κολακείαις, съ замѣчаніемъ—ὥσπερ προγέγραπται, ср. также ὕβρεσι καὶ σεισμοῖς) то, что непосредственно передъ этимъ было уже высказано, какъ принятое правителемъ рѣшеніе (§ 7: τοιγαροῦν— —ἀκόλουθον ἐνόμισα).

рика). Но поскольку предполагалось отправить его на востокъ какъ бы въ руководство Максимину, это могло отразиться болѣе или менѣе и на его изложеніи. Можетъ быть, неоднократное повтореніе той мысли, что даруемая христіанамъ свобода отнюдь не должна сопровождаться стѣсненіями для другихъ религій, также предоставленіе владѣльцамъ конфискованныхъ у христіанъ имуществъ права требовать вознагражденія отъ правительства при возвращеніи этихъ имуществъ христіанамъ, обязаны своимъ происхожденіемъ не только лишь естественному чувству справедливости Константина или обоихъ издателей закона вмѣстѣ, или не пристрастію къ язычеству лишь Ликинія, съ которымъ приходилось Константину считаться (какъ думаетъ, напр., Бароній), но и желанію сдѣлать законъ по возможности пріемлемымъ и для Максимина и успокоить его относительно судьбы покровительствуемаго имъ язычества. Опущеніе Ликиніемъ, при обнародованіи написаннаго еще въ Миланѣ документа въ бывшей области Максимина, начала документа, гдѣ дѣлалось упоминаніе объ эдиктѣ Галерія и ограничительныхъ къ нему прибавленіяхъ, вполнѣ естественное объясненіе можетъ находить именно въ томъ, что Максиминомъ этотъ эдиктъ въ Сиріи и Египтѣ въ свое время вовсе не былъ обнародованъ [1]), между тѣмъ новый законъ теперь былъ редактированъ Ликиніемъ въ одинаковой формѣ для всего востока. Соотвѣтственно этому, если придавать значеніе и другимъ разностямъ текстовъ у Евсевія и Лактанція, въ § 6 τοῖς προτέροις ἡμῶν γράμμασι могло быть замѣнено неопредѣленнымъ prius scriptis, которое могло относиться и къ распоряженіямъ Максимина.

Соглашаясь, такимъ образомъ, съ Шварцемъ и нѣкоторыми другими авторами въ вопросѣ о достовѣрности разсказа Евсевія, въ то же время, въ текстѣ документа, приведенномъ

---

[1]) Въ Малой Азіи, находившейся подъ властію Галерія, эдиктъ Галерія былъ опубликованъ прежде, чѣмъ этою областью успѣлъ завладѣть Максиминъ. Лактанцій (35) говоритъ объ обнародованіи эдикта въ 311 г. 30 апрѣля именно въ Никомидіи. У Евсевія сообщается, h. e. IX, 1, *Schwartz* 802: Τὰ μὲν δὴ τῆς παλινῳδίας τοῦ προτεθέντος βασιλικοῦ νεύματος ἤπλωτο τῆς Ἀσίας πάντῃ καὶ πανταχοῦ κατά τε τὰς ἀμφὶ ταύτην ἐπαρχίας. Въ переводѣ Руфина, *Mommsen* 803: Huiusmodi edictis imperialibus per omnem locum Asiae Pontique propositis velut ex ingentibus tenebris subitum lumen refulsit. По замѣчанію *De Bucci Venuti*, 311, этотъ фактъ у историковъ вообще оставляется безъ должнаго вниманія. Но ср. напр., *Hülle*, 74.

у Евсевія, можно видѣть, въ отличіе отъ Швартца и согласно съ Шесаномъ и Виттигомъ, переводъ не съ разосланнаго уже Ликиніемъ экземпляра его письма, а съ первоначально составленнаго въ Миланѣ документа. Но этотъ документъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ Евсевію уже тогда, когда онъ былъ посланъ на востокъ Максимину. Въ Миланѣ онъ изданъ былъ какъ законъ прежде всего для области Ликинія; но онъ же (а не какое-либо другое отличавшееся отъ него изложеніе, какъ думаетъ Де Баччи Венути) былъ отправленъ Максимину, какъ образецъ или «проектъ» для подобнаго же собственнаго закона Максимина. Максиминъ отвергъ его, но, послѣ пораженія Максимина, онъ, будучи обнародованъ для всего востока, получилъ de facto болѣе общее значеніе, нежели какое могло принадлежать ему по первоначальному назначенію.

Изложенное представленіе дѣла основывается вообще на довѣріи къ сообщенію Евсевія. Поскольку достовѣрность разсказа Евсевія можетъ подвергаться сомнѣнію и считается допустимою у него путаница, очевидно, оно можетъ имѣть значеніе лишь гипотезы. Но такъ какъ трудности, возбуждаемыя разсказомъ Евсевія, въ дѣйствительности было бы слишкомъ поспѣшно признавать неустранимыми, Евсевій остается свидѣтелемъ, съ показаніями котораго доселѣ приходится серьезно считаться. Если первоначально Евсевій одинъ былъ источникомъ свѣдѣній о миланскомъ законѣ и его лишь разсказомъ могли руководиться стоящіе въ началѣ исторіи вопроса ученые, Бароній и Валуа, отнесшіеся къ нему съ довѣріемъ, то и привнесенныя затѣмъ открытіемъ сочиненія Лактанція данныя, служившія частію поводомъ для критическаго отношенія къ Евсевію въ дальнѣйшее время, на дѣлѣ не должно считать устраняющими или умаляющими значеніе этого источника, а только дополняющими его. Изъ того, что у Лактанція документъ называется litterae ad praesidem datae (въ Никомидіи) Ликинія, не слѣдуетъ, что этотъ же документъ въ болѣе полномъ видѣ, какъ онъ приводится у Евсевія, не былъ посланъ уже ранѣе Максимину, вѣроятно въ Антіохію, изъ Милана отъ имени и Константина и Ликинія.

Во всякомъ случаѣ, если довѣрять Евсевію, то «совершеннѣйшій и обстоятельнѣйшій» законъ о христіанахъ не только былъ, такъ сказать, преднамѣченъ Константиномъ и Ликиніемъ въ Миланѣ, но и изложенъ тамъ письменно и посланъ на востокъ,—каковъ бы ни былъ его дѣйствительный видъ.

Нѣсколько словъ въ заключеніе нужно сказать о названіи миланскаго закона «эдиктомъ».

Въ новѣйшее время поставленъ былъ вопросъ о правѣ миланскаго указа на такое названіе, и это право теперь обычно отрицается, поскольку имѣется въ виду сохранившійся до насъ документъ, хотя бы при этомъ и признавалось миланское происхожденіе документа въ настоящемъ его видѣ.

Традиціонное наименованіе «эдиктъ» встрѣчается уже, какъ было выше сказано, у Баронія; его употребляетъ, напр., и Годефруа [1]). Но уже Валуа пользуется въ данномъ случаѣ лишь общимъ названіемъ — constitutio, lex, а Падіи употребляетъ слово «эдиктъ» лишь съ оговоркою. Когда Зеекъ въ новое время опредѣлилъ документъ лишь какъ «письмо» или «указъ» Ликинія (Brief, Erlass), Гёрресъ могъ только на это замѣтить, что въ дѣйствительности миланское «письмо», вопреки Зеекку, по которому оно есть письмо или рескриптъ [2]), будетъ продолжать жить въ исторіи какъ миланскій *эдиктъ:* этотъ изданный въ формѣ письма манифестъ оказалъ вѣдь такія же услуги, какъ и эдиктъ [3]). Названіе «эдиктъ», въ дѣйствительности, и продолжало болѣе или менѣе держаться въ дальнѣйшее время. Съ рѣшительностью отвергнулъ (въ отличіе отъ Шесана) названіе «эдиктъ» Виттигъ, поставивъ и въ заглавіи своей статьи «Das Toleranz reskript von Mailand 313». И по Бильмейеру, законъ «по всѣмъ даннымъ имѣлъ форму императорскаго рескрипта»; поэтому онъ предпочитаетъ болѣе общее названіе «миланская конституція» [4]). Мартруа въ то же время призналъ документъ болѣе всего подходящимъ подъ понятіе «мандата» [5]). Такимъ образомъ, кромѣ общаго для всякаго рода императорскихъ законовъ названія «constitutio», къ миланскому узаконенію примѣняются обозначенія различныхъ частнѣйшихъ формъ ихъ: эдиктъ, рескриптъ, мандатъ, иногда также [6])—въ общемъ смыслѣ—декретъ [7]).

---

[1]) Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis *Jacobi Gothofredi* [† 1652]. Ed. nova (*J. D. Ritter*). T. I. Mantuae 1740, p. VI.

[2]) Зеекъ въ своей статьѣ названіе „рескриптъ“ прилагаетъ собственно лишь къ письму Максимина къ Савину (386).

[3]) *Görres*, 287. [4]) *Bihlmeyer*, 68. [5]) Ср. уже *Mason*, 333.

[6]) Ср. напр. *Görres*, 288.

[7]) Объ императорскомъ законодательствѣ и его различныхъ формахъ въ эпоху до Константина В. и послѣ него, до Юстиніана включительно, ср. *P. Krüger*, Geschichte der Quellen und Litteratur des Römischen Rechts.

Если имѣть въ виду первоначальную древнѣйшую форму императорскихъ эдиктовъ, съ формулой «dicit» или («dicunt»), въ видѣ непосредственнаго обращенія императора ко всему народу или части его, то сохранившійся до насъ законъ Константина и Ликинія, разумѣется, не долженъ называться эдиктомъ: это

---

2 Aufl. München und Leipzig 1912, S. 101—120, 301—315. Constitutiones principum въ *доконстантиновскія* времена появляются въ четырехъ видахъ. 1) Edicta, въ которыхъ императоры обращались прямо къ подданнымъ, ко всему народу или только къ жителямъ какой-либо области или города, съ предваряющей изложеніе формулой: Imperator Augustus dicit. 2) Decreta, рѣшенія судебныхъ дѣлъ въ первой инстанціи или по апелляціи. 3) Rescripta, отвѣты не запросы магистратовъ (relationes, consultationes, suggestiones) или заинтересованныхъ сторонъ (libelli, preces, supplicationes), даваемые или въ видѣ особаго письма, epistula (магистратамъ), или какъ subscriptio на самомъ прошеніи (для частныхъ лицъ). 4) Mandata, инструкціи императоровъ императорскимъ чиновникамъ и правителямъ провинцій. Предварительное обсужденіе издаваемыхъ конституцій, по крайней мѣрѣ рескриптовъ и декретовъ, происходило въ „совѣтѣ", consilium, изъ приближенныхъ къ императору лицъ (comites и вообще amici) и видныхъ юристовъ; особое значеніе здѣсь имѣлъ praefectus praetorio (начальникъ гвардіи— по первоначальнымъ обязанностямъ), почему на эту должность избираемы были съ конца II в. самые выдающіеся юристы. Въ императорской канцеляріи, изготовлявшей конституціи, были отдѣленія: a) ab epistulis—для отвѣтовъ магистратамъ; b) a libellis—для отвѣтовъ частнымъ лицамъ, при чемъ къ этому же отдѣленію отнесены потомъ и функціи чиновниковъ a cognitionibus, по судебнымъ дѣламъ; потомъ эти отдѣленія выполняли лишь подготовительныя работы, а окончательное изготовленіе документовъ составляло обязанность c) особаго отдѣла a memoria. Конституціи каждаго изъ указанныхъ разрядовъ вносились въ соотвѣтствующіе commentarii. Во времена *послѣ Константина* различаются въ общемъ тѣ же виды императорскихъ узаконеній. Но 1) съ эдиктами теперь окончательно объединяются законодательныя заявленія императоровъ въ сенатѣ (orationes in senatu habitae), уже ранѣе принимавшія форму эдиктовъ (S. 92); вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь узаконенія императоровъ чаще всего составляются въ формѣ писемъ къ магистратахъ, на которыхъ и возлагается обязанность ихъ опубликованія съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ самого магистрата (programma, edictum), и эти „письма", epistulae, ничѣмъ не отличаются по значенію отъ эдиктовъ въ собственномъ смыслѣ. 2) Законодательное значеніе рескриптовъ ограничивается (уже Константинъ объявилъ не имѣющими силы рескрипты, несогласные съ существующимъ правомъ: contra jus rescripta non valeant, Cod. Theod. I, 2, 2); на ряду съ рескриптами называются, какъ ихъ разновидности, adnotationes и sanctiones pragmaticae (отличіе по формѣ, частію и по значенію). 3) Декреты издаются чрезъ рескрипты и раздѣляютъ судьбу послѣднихъ. 4) Мандаты, какъ источникъ права, теперь не имѣютъ значенія. Вмѣсто

есть именно лишь письмо магистрату, который и обязанъ объявить его затѣмъ къ всеобщему свѣдѣнію. Но, какъ обращаетъ на это вниманіе Батиффоль, дѣло въ томъ, что такія «письма» не только имѣютъ совершенно ту же законодательную силу, какъ и «эдикты», но ко времени Константина частію уже вытѣсня-

---

прежняго consilium principis впослѣдствіи учреждается consistorium, въ которомъ главную роль игралъ quaestor sacri palatii. Но нужно замѣтить, что кромѣ спеціальнаго техническаго значенія, разныя наименованія, прилагаемыя къ императорскимъ постановленіямъ, употреблялись иногда и въ общемъ и не совсѣмъ точномъ значеніи, частію потому, что въ виду одинаковой законодательной силы и эдиктовъ, и рескриптовъ, и декретовъ, древніе юристы не находили нужнымъ выдерживать строгую терминологію (*Krüger*, 115_{99}). Decretum, напр., означаетъ иногда рѣшеніе вообще и употребляется въ примѣненіи и къ рескриптамъ (103_{12}); встрѣчается даже обозначеніе эдикта рескриптомъ (115_{97}); epistula или litterae употребляются одинаково для обозначенія рескрипта и мандата (115_{99}); mandatum иногда означаетъ всякій приказъ (jussio) (306_{37}). Ср. также объ императорскихъ законахъ, напр., у *П. Виллемса*, Римское государственное право. Перев. съ французскаго подъ ред. Н. П. Бодянскаго. II. Кіевъ 1890, стр. 492—4, 667—672. Спеціальныя изслѣдованія въ *H. E. Dirksen*'s Hinterlassene Schriften zur Kritik und Auslegung der Quellen römischer Rechtsgeschichte und Altertumskunde. Herausgeg. von *F. D. Sanio*. B. II. Lpz. 1871, S. 1—99. *M. Wlassak*, Kritische Studien zur Theorie der Rechtsquellen im Zeitalter der klassischen Juristen. Graz 1884, S. 106—192. Въ общемъ, терминологія для императорскихъ узаконеній установилась не сразу, да и потомъ, въ практическомъ примѣненіи, не отличалась строгой послѣдовательностью. Право изданія „эдиктовъ", jus edicendi, составляло въ древнемъ Римѣ принадлежность вообще магистратовъ, и съ появленіемъ принципата, естественно, усвоено было и императору. Другія узаконенія императоровъ, поскольку они не были объявляемы въ видѣ эдиктовъ, носили сначала, вѣроятно, какъ замѣчаетъ *Wlassak* (136), вообще названіе „декретовъ", а позднѣйшее общее названіе „constitutiones", повидимому, не употреблялось. У юристовъ Гая (II в.) и Ульпіана (III в.), въ кодексахъ Ѳеодосія и Юстиніана, встрѣчаются весьма неодинаковыя комбинаціи при перечисленіи видовъ императорскихъ постановленій (*Dirksen*, 55—6, 61_{37}). Значеніе нѣкоторыхъ видовъ доселѣ остается въ наукѣ частію спорнымъ (sanctio pragmatica, mandatum). Въ греческой передачѣ латинскихъ терминовъ, разумѣется, могло быть еще менѣе точности. *P. Jouguet* въ Bulletin de Correspondance Hellénique, XX, 1896, p. 172_{1}, указываетъ, что въ греческомъ языкѣ латинскому edictum соотвѣтствовало обычно κήρυγμα, θεῖαι κελεύσεις и διάταγμα, decretum—δόγμα, mandatum—ἐπιταγή. *L. Lafoscade*, De epistulis (aliisque titulis) imperatorum magistratuumque romanorum quas ab aetate Augusti usque ad Constantinum graece scriptas lapides papyrive servaverunt. Insulis 1902, p. 109, отмѣчаетъ при этомъ, что у грековъ эти термины для обозначенія извѣстныхъ юридическихъ документовъ употреблялись еще ранѣе, чѣмъ у самихъ римлянъ соотвѣтствующіе имъ.

ютъ древнюю форму «эдиктовъ» [1]). И изъ послѣдующаго, по крайней мѣрѣ, времени можно указать примѣры, когда къ нимъ непосредственно прилагается иногда въ самомъ же текстѣ ихъ названіе «edictales leges», или даже прямо «edicta» [2]). Если понимать слово «эдиктъ» въ такомъ широкомъ смыслѣ,

---

[1]) *Batiffol*, l. c. 244 (ссылка на книгу Крюгера).

[2]) *Th. Mommsen*, Observationes epigraphicae. XLII. Constitutiones duae Cretenses [временъ Константина, 314—324 г.], въ Ephemeris epigraphica, VII (1890), p. 421, объясняетъ приложеніе названія „lex edictalis“ къ этого рода документамъ тѣмъ, что edictio магистрата по повелѣнію государя въ такомъ случаѣ какъ бы усвоялось самому государю (ita aliquatenus excusabitur, quod sub *edictalis legis* vocabulo hae actae utrumque genus [= edicta въ собственномъ смыслѣ и epistulae] comprehenditur; въ примѣчаніи: Eatenus adsentior Krügero [1 Aufl. 1888] 264—такъ какъ это показываютъ, напр., законы Валентиніана III: 7, 1, 5; 34, 1, 20—potuitque sane edictio iussu principis facta a magistratu recte ipsi principi attribui). Constitutio или epistula императора, при изданіи ея магистратомъ, помѣщаема была или—большею частію—послѣ заявленія или „эдикта“ самого магистрата (sub edicto, sub programmate), или предъ нимъ (constitutio antelata edicto, praelata litteris) (ср. *Krüger*, 303_{20}). На послѣдній способъ указаніе и содержится, по Моммсену, въ миланскомъ „эдиктѣ Константина“ о христіанахъ, такъ какъ въ § 12 нужно читать, по нему, „praelata programmati“ („codex *prolata programmate* male“;—въ дѣйствительности, какъ указываетъ *Brandt* 233, въ рукописи стоитъ praelata programate, но издатели, начиная съ Балюза, замѣняли praelata чрезъ prolata, Heumann чрезъ prolato) въ виду греческаго текста у Евсевія (προταχθέντα τοῦ σοῦ προγράμματος, „secundum codices paucos, sed omnino sequendos“).—*Krüger*, 301_8, устраняя (съ ссылкой на приведенное разъясненіе Моммсена, 421_4) сомнѣніе, являются ли эдиктами конституціи въ формѣ указовъ къ должностнымъ лицамъ, перечисляетъ цѣлый рядъ новеллъ Валентіана III, которыя прямо называются или edictum, или lex edictalis. Nov. Val. 8, 2 pr. (praefecto urbis, 441 г.): supra memoratam legem praesentis edicti auctoritate removemus; 25 (24), 1, § 1 (praefecto praetorio, 447): justitiam praesentis edicti. Edictalis lex встрѣчается въ 2, 2, § 1 (442); 6, 1, § 2 (440); 7, 1, § 5 (440); 10, 1, § 3 (441); 14 (13), 1, § 2 (444); 17 (16), 1, § 4 (445); 19, 1, § 1 (445); 23 (22), 1, § 2 (447); 28 (27), 1, § 1 (449); 35 (34), 1, § 20 (452). Указывается также Cod. Just. I, 14, 3 pr., разъясненіе Ѳеодосія II и Валентиніана III сената отъ 426 г. (ed. *Krüger*, p. 67): Leges ut generales ab omnibus aequabiliter in posterum observentur, quae vel missa ad venerabilem coetum oratione conduntur vel inserto edicti nomine nuncupantur, sive eas nobis spontaneus motus ingesserit sive precatio vel relatio vel lis mota legis occasionem postulaverit. nam satis est edicti eas nuncupatione censeri vel per omnes populos judicum programmate divulgari vel expressius contineri, quod principes censuerunt ea, quae in certis negotiis statuta sunt similium quoque causarum fata componere.

то, очевидно, нѣтъ особыхъ причинъ избѣгать этого наименованія и по отношенію къ разсматриваемому документу, хотя онъ написанъ былъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, въ менѣе торжественной формѣ «письма» къ магистрату, а не «эдикта» въ строгомъ смыслѣ, въ отличіе отъ «эдиктовъ» Галерія 311 г., Максимина 313 г. и самого Константина 324/5 г. [1]).

Утвердился, правда, обычай называть вообще подобныя «письма» императоровъ «рескриптами», и на немъ собственно основывается предложеніе Виттига. Однако, съ точки зрѣнія древней юридической терминологіи это названіе едва ли болѣе точно, чѣмъ названіе «эдиктъ»: «rescriptum» въ собственномъ смыслѣ есть отвѣтъ правителя на запросъ къ нему низшихъ властей или частныхъ лицъ, а не изданный motu proprio за-

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ и тотъ же законъ могъ являться и въ видѣ „письма“ praefecto praetorio, и, въ то же время, какъ эдиктъ ad populum, universis populis (Cod. Theod. XI, 28, 9 [414]; Cod. Just. I, 1, 4 [452] = Mansi, VIII, 475) (*Krüger*, 301$_{7}$). Обычно указы адресовались префекту преторіи, который долженъ былъ сдѣлать ихъ извѣстными начальникамъ провинцій (praesides, judices, rectores), а эти послѣдніе разсылали ихъ по городамъ своихъ провинцій. Но иногда указы съ общимъ значеніемъ адресовались и непосредственно ко всѣмъ правителямъ провинцій (Cod. Theod. XI, 6, 1 [382]: ad proconsules vicarios omnesque rectores; Nov. Major. 3 [458]: universis rectoribus provinciarum) (*Mommsen*, 422. *Krüger*, 302$_{12}$). Въ законодательныхъ сборникахъ первоначальный адресатъ конституцій иногда бываетъ, повидимому, замѣненъ адресатомъ уже низшей инстанціи (302$_{14}$). Очевидно, и слова Лактанція (48,1) о Никиніи: huius modi litteras ad praesidem datas proponi iussit, не исключаютъ возможности того, что въ дѣйствительности въ Миланѣ законъ былъ написанъ, какъ письмо praefecto praetorio. Можно указать, напр., и относительно закона Максимина, что хотя онъ былъ изданъ имъ въ видѣ письма префекту Савину (съ формулой, IX, 9^{a}, 9, *Schwartz* 836—8: ἵνα δὲ αὐτὴ ἡμῶν ἡ κέλευσις εἰς γνῶσιν πάντων τῶν ἐπαρχιωτῶν τῶν ἡμετέρων ἔλθῃ, διατάγματι ὑπὸ σοῦ προτεθέντι τὸ κεκελευσμένον ὀφείλεις δηλῶσαι), однако въ эдиктѣ слѣдующаго года онъ упоминаетъ о немъ просто какъ объ узаконеніи, „данномъ правителямъ всѣхъ провинцій“ (IX, 10, 8, 842: δοθέντων γραμμάτων πρὸς τοὺς ἡγεμόνας ἑκάστης ἐπαρχίας τῷ παρελθόντι ἐνιαυτῷ ἐνομοθετήσαμεν). Между прочимъ, о способѣ распространенія въ то время указовъ высшихъ властей начальниками провинцій можно судить, напр., по предписанію Савина въ его „письмѣ“ 311 г. къ президамъ (πρὸς τοὺς κατ' ἔθνος ἡγουμένους), IX, 1, 6, 804: γράψαι τοιγαροῦν πρὸς τοὺς λογιστὰς καὶ τοὺς στρατηγοὺς καὶ τοὺς πραιποσίτους τοῦ πάγου ἑκάστης πόλεως ἡ σὴ ἐπιστρέφεια ὀφείλει. Замѣчанія къ этому мѣсту дѣлаетъ въ своемъ изданіи *Gravin*, 305—6.

конодательный актъ. Болѣе подходилъ бы сюда предлагаемый Мартруа терминъ «mandatum» (инструкція), но тогда пришлось бы его распространить и на другія подобныя «письма» и понимать въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ форма письма къ магистрату есть въ данное время самая обычная форма вообще императорскихъ конституцій [1]).

---

[1]) Нужно замѣтить, что еще *P. Baudri* (1692, „Bauldri" у Brandt'a Proleg. XXII), въ своихъ примѣчаніяхъ къ сочиненію „De mortibus persecutorum", находя названіе „эдиктъ" несоотвѣтствующимъ документу, заявлялъ, что это есть именно litterae (по Лактанцію) cum mandatis къ внѣшнему президу, который затѣмъ долженъ былъ mandata императора обнародовать въ своемъ эдиктѣ, какъ нѣкогда сдѣлалъ это Плиній, запретивъ гетеріи на основаніи инструкціи Траяна, результатомъ чего было прекращеніе богослужебныхъ собраній христіанъ (Plinii ep. ad. Traian. 97,7: quod ipsum facere desisse post edictum meum, quo secundum mandata tua hetaerias esse vetueram). Migne, s. l. t. 7, c. 833. Едва ли можно, однако, настаивать въ данномъ случаѣ на полной аналогіи съ этимъ фактомъ изъ практики Плинія, на который обратилъ вниманіе, по Бодри, еще ранѣе (1691) Cuperus. Плиній могъ и самостоятельно изложить въ своемъ эдиктѣ содержаніе повелѣнія императора. Здѣсь же прямо требовалось обнародовать самый документъ въ его подлинномъ видѣ.—Въ самомъ документѣ, „письмѣ", которое Ликиній приказалъ обнародовать, прилагаются къ нему или вообще къ излагаемому въ немъ постановленію, какъ отмѣчаетъ Бодри, названія: praeceptum nostrum (§ 10, въ греч. переводѣ τὸ ἡμέτερον κέλευσμα), haec scripta (§ 12, τὰ ὑφ' ἡμῶν γραφέντα), huius sanctionis beniuolentiae nostrae forma, также huius beniuolentiae nostrae sanctio (§ 12, ταύτης τῆς ἡμετέρας νομοθεσίας καὶ τῆς καλοκἀγαθίας ὁ ὅρος, ταύτης τῆς ἡμετέρας καλοκἀγαθίας ἡ νομοθεσία). Кромѣ того, изъ выраженій: haec — — ordinanda esse credidimus (§ 2, ταῦτα — — διατάξαι ἐδογματίσαμεν), hoc — — statuendum esse censuimus (§ 7, τοῦτο — — δογματίζομεν), Бодри выводитъ предполагаемыя наименованія („tacite — — nominaverat") ordinatio и statutum. Встрѣчается еще въ документѣ слово lex (§ 9: lege quam superius comprehendimus, ἐπὶ τῷ νόμῳ ὃν προειρήκαμεν,—о изложенномъ выше въ самомъ же документѣ узаконеніи). Но всѣ эти наименованія имѣютъ самое общее значеніе.—Таково и дважды употребленное въ концѣ закона (§ 12) названіе sanctio, которое Евсевій переводитъ чрезъ νομοθεσία, имѣя затѣмъ въ виду этотъ переводъ, вѣроятно, и въ h. e. IX, 11, 8 (въ ATERM) (у Евсевія νομοθεσία имѣется еще въ IX, 10, 12: παρὰ τούτῳ διατάξεις ὑπὲρ Χριστιανῶν καὶ νομοθεσίαι συνετάττοντο—объ эдиктѣ Максимина въ пользу христіанъ; X, 2, 2: συνεχέσι ταῖς ὑπὲρ Χριστιανῶν νομοθεσίαις—о законодательствѣ Константина и Ликинія; X, 9, 9 [въ BD]—вѣроятно, объ эдиктѣ Константина 324/5 г.). У Лактанція слово sanctio употреблено и о распоряженіи Константина въ пользу христіанъ, сдѣланномъ имъ сразу по смерти отца и занятіи престола (De mort. pers. 24, 9: haec fuit prima eius sanctio sanctae

IV.

Содержаніе миланскаго узаконенія сводится къ двумъ пунктамъ.

Во-первыхъ, и христіанамъ, и послѣдователямъ всякихъ другихъ культовъ предоставляется полная свобода держаться избранной каждымъ по собственному произволенію религіи.

---

religionis restitutae). Какъ глаголъ sancire весьма часто встрѣчается въ разныхъ императорскихъ конституціяхъ въ смыслѣ вообще „постановлять", „узаконять" (ср. напр. у Константина въ собраніи его законовъ въ Migne, s. l. t. 8, c. 96A, 164B, 165A, 254A, 289A, 318A, 324B, 331A, 365B, 377B, 380A; const. Sirm. 1), такъ и sanctio, обозначая, по опредѣленію римскихъ юристовъ, въ особенности часть закона, устанавливающую наказаніе за его нарушеніе, употребляется, повидимому, всегда просто какъ синонимъ для lex, въ смыслѣ „утвержденіе чего-либо чрезъ законъ" (ср. у Константина 254A: hac sanctione sancimus, ср. 318A: hac lege sancimus, 284B, 301B, 310B; Const. Sirm. 1). Если съ теченіемъ времени, къ V вѣку, появляется для обозначенія извѣстныхъ видовъ рескрипта (именно—въ отвѣтъ на запросы не отдѣльныхъ лицъ, а общинъ, коллегій, провинцій) выраженіе „pragmatica sanctio", то центръ тяжести въ этомъ выраженіи, какъ техническомъ терминѣ, сосредоточивается исключительно въ словѣ „pragmatica", а вмѣсто sanctio можетъ стоять одинаково, напр., и lex (Cod. Just. XII, 17, 4, XII, 33 [34], 5, XII, 33 [34], 8), iussio (X, 12, 2, названіе sanctio здѣсь прилагается къ самой конституціи—X, 12, 2—обращенной къ префекту преторіи, въ которой упоминается о pragmatica iussio), generalitas (XII, 16, 3), forma (XII, 33 [34], 8: τύπος), или можетъ не быть при „pragmatica" какого-либо существительнаго, а лишь sacra (IV, 61, 12) или diuina (const. de Theod. cod. auctor. § 5), или, наконецъ, можетъ стоять только одно pragmaticum (Cod. Theod. XI, 1, 36, Nov. Valent. I, § 1, VII, 3, § 1). У бл. Августина (Brev. coll. cum Donat. III, 2) говорится о pragmaticum rescriptum. Въ 4 дѣяніи Халкидонскаго собора (о Фотіи тирскомъ) наряду съ πραγματικὸς τύπος (Mansi, VII, 88D, 89A, 93D) употребляется θεῖον πραγματικόν (89B, 89C), или просто πραγματικόν (89C, 93C, 97A); въ 12 правилѣ стоитъ διὰ πραγματικῶν βασιλικῶν (364B). Только уже въ позднѣйшемъ словоупотребленіи, въ средніе вѣка и въ новое время, съ pragmatica неизмѣнно стало соединяться sanctio. Очевидно, нѣтъ основаній придавать какое-либо особое значеніе слову sanctio въ миланскомъ документѣ, сопоставляя ее съ позднѣйшей „прагматической" санкціей, каковы бы ни были исторія происхожденія и истинный смыслъ этого послѣдняго термина въ древности. По вопросу о томъ, къ какимъ узаконеніямъ прилагалось это названіе въ древнее время, ср. у *Dirksen*'а l. c. II, 54—80: Die pragmatischen Sanctionen (авторъ несогласенъ съ обычно принимаемымъ отнесеніемъ прагматическихъ санкцій къ рескриптамъ). Ср. также краткія замѣчанія въ *W. Bright*, Notes on the first four general Councils. Oxford 1882, 164—5.

Многократное повтореніе положенія о всеобщей религіозной свободѣ и составляетъ первую половину документа. Такимъ повтореніемъ въ разныхъ формахъ одного и того же законодатели какъ бы хотятъ устранить всякія возможныя недоразумѣнія и перетолкованія своей мысли [1]).

Во-вторыхъ, повелѣвается немедленно и безъ всякаго прекословія возвратить обществу христіанъ мѣста ихъ богослужебныхъ собраній, во время гоненій перешедшія въ руки частныхъ лицъ чрезъ покупку у казны или у кого другого, или чрезъ дареніе отъ казны. Лишающимся теперь ихъ частнымъ владѣльцамъ предоставляется право обращаться за вознагражденіемъ къ правительству. То же постановляется о другомъ имуществѣ, составлявшемъ собственность не отдѣльныхъ лицъ между христіанами, а ихъ общества или церквей. Частое повтореніе въ этой половинѣ документа выраженія «corpus christianorum» [2]) должно, повидимому, указывать на осо-

---

[1]) Уже во введеніи упоминается объ убѣжденіи правителей въ необходимости религіозной свободы. Затѣмъ въ законѣ положеніе о религіозной свободѣ высказывается сначала дважды въ видѣ сообщенія о принятомъ правителями въ Миланѣ касательно этого рѣшеніи [A¹A²], потомъ—въ видѣ соотвѣтствующаго повелѣнія магистрату [B], отдѣльно о христіанахъ, съ повтореніемъ при этомъ опять дважды одного и того же [a¹a²], и о послѣдователяхъ другихъ религій [b]. Введеніе: Ἤδη μὲν πάλαι σκοποῦντες τὴν ἐλευθερίαν τῆς θρησκείας οὐκ ἀρνητέαν εἶναι. [A¹] § 2: haec — — ordinanda esse credidimus, — — ut daremus et [a] *Christianis* et [b] *omnibus* liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque uoluisset. [A²] § 3: hoc — — ineundum esse credidimus, ut nulli omnino facultatem abnegandam putaremus, qui uel obseruationi [a] *Christianorum* uel [b] *ei religioni* mentem suam dederat, *quam* ipse sibi *aptissimam sentiret*. [B] [a¹] § 4: quare scire dicationem tuam conuenit placuisse nobis, ut amotis etc. — — nunc libere ac simpliciter unusquisque eorum, qui eandem obseruandae religionis *Christianorum* gerunt uoluntatem, citra ullam inquietudinem ac molestiam sui id ipsum obseruare contendant. [a²] § 5: quae sollicitudini tuae plenissime significanda esse credidimus, quo scires nos liberam atque absolutam colendae religionis suae facultatem isdem *Christianis* dedisse. [b] § 6: intelligit dicatio tua etiam *aliis* religionis suae vel obseruantiae potestatem similiter apertam et liberam pro quiete temporis nostri <esse> concessam, ut in colendo quod quisque delegerit habeat liberam facultatem.

[2]) § 8: quae omnia corpori Christianorum — — tradi oportebit. § 9: ad ius corporis eorum, id est ecclesiarum, non hominum singulorum, pertinentia. § 9: isdem Christianis, id est corpori et conventiculis eorum reddi iubebis. § 10: supradicto corpori Christianorum.

бую важность въ глазахъ законодателей выражаемаго имъ понятія [1]).

[1]) *F. Martroye*, A propos de „l'édit de Milan", въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, IV, 1914, № 1, p. 51, въ разъясненіе „плохого стиля", съ повтореніями одного и того же, въ миланскомъ документѣ, указываетъ, какъ на аналогичные примѣры, на письма Константина къ Анулину (Eus. h. e. X, 5, 15—17; X, 7) и конституцію къ Авлавію (Const. Sirmond. 1). Нужно, однако, замѣтить, что повтореній въ такой мѣрѣ, въ какой они встрѣчаются въ первой половинѣ миланскаго закона, въ этихъ документахъ нѣтъ. Съ другой стороны, въ самомъ миланскомъ законѣ вторая его половина излагается уже вообще безъ излишнихъ повтореній однихъ и тѣхъ же мыслей, повторяется лишь нѣсколько разъ въ приложеніи къ христіанамъ выраженіе „corpus". Кто еще принималъ участіе при обсужденіи закона Константиномъ и Ликиніемъ въ Миланѣ, какъ и кѣмъ производилось редактированіе его, относительно этого трудно сдѣлать какія-либо вполнѣ опредѣленныя предположенія. Весьма возможно, что въ данный моментъ при Константинѣ находился Осій кордубскій, и Константинъ руководился болѣе или менѣе его совѣтами. Но нѣтъ основаній, напр., приписывать именно вліянію Осія выраженіе „corpus christianorum" въ законѣ, какъ дѣлаетъ это *А. П. Лебедевъ*, Эпоха гоненій на христіанъ, Спб. 1904², 306—7; само по себѣ слово „corpus" было общеизвѣстнымъ тогда въ юридическомъ языкѣ выраженіемъ, и Константинъ могъ примѣнить его къ христіанамъ въ томъ или иномъ смыслѣ и помимо Осія. Относительно пріемовъ редактированія въ то время императорскихъ конституцій ср. замѣчанія *Martroye*, l. c. 50—1.—Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторое сходство во внѣшней конструкціи начала миланскаго документа съ письмомъ Константина епископу Христу—совершенно иного содержанія (приглашеніе на соборъ въ Арль къ 1 августа 314 г.). Въ первомъ читается (Eus. h. e. X, 5, 2—4): Ἤδη μὲν πάλαι σκοποῦντες — — κελελεύσθειμεν — —, ἀλλ' ἐπειδὴ — — ἐδόκουν προστεθεῖσθαι σαφῶς, τυχὸν ἴσως τινὲς — — ἀπεκρούοντο, ὁπότε — — ἐληλύθειμεν — — διατάξαι ἐδογματίσαμεν. Въ письмѣ Христу (X, 5, 21—22): Ἤδη μὲν πρότερον — — ἐπιτέμνεσθαι βουληθεὶς — —, οὕτω διατετυπώκειν — —. ἀλλ' ἐπειδὴ — — παρατείνειν οὐ παύονται — —, ὅθεν προνοητέον μοι ἐγένετο. Ср. также письмо (о томъ же) ad Aelafium (Migne, s. l. t. 8, c. 483 BCD): Jam quidem antehac — — placuerat mihi — —. Sed cum dictationis [dicationis] tuae scripta legissem, — — evidenter agnovi. Такое сходство въ близкихъ одинъ къ другому по времени документахъ, повидимому, могло бы указывать на тождество диктовавшаго или редактировавшаго ихъ лица. Но дѣлать въ этомъ случаѣ съ увѣренностью какіе-либо опредѣленные выводы было бы рискованно, такъ какъ подобные обороты рѣчи, очевидно, сами по себѣ весьма естественны въ документахъ, изданныхъ въ дополненіе къ прежде сдѣланнымъ распоряженіямъ или въ отмѣну ихъ, и могли появиться даже у разныхъ лицъ безъ всякаго отношенія другъ къ другу. Можно еще отмѣтить, что и пригласительное краткое письмо Константина Арію (328 г.) у Socr. I, 25, начинается также словами: Πάλαι μὲν ἐδηλώθη τῇ στερρότητί σου.

Первый пунктъ, какъ прямо замѣчается въ узаконеніи (§ 4), имѣетъ значеніе отмѣны раньше сдѣланнаго распоряженія, стѣснявшаго свободу христіанъ. Второй пунктъ также находился въ извѣстномъ отношеніи къ какому-то ранѣе изданному постановленію, измѣнялъ или дополнялъ его (§ 7). Какъ открывается изъ сохранившагося лишь на греческомъ языкѣ введенія, отмѣняемыя теперь ограничительныя условія вообще были въ свое время собственно дополненіемъ къ закону, которымъ уже въ большей или меньшей степени за христіанами было признано право содержать свою вѣру

Опредѣлить точно юридическій смыслъ и историческое значеніе разсматриваемаго документа, изданіе котораго обычно признается настолько важнымъ моментомъ въ исторіи отношеній между церковію и государствомъ, что считается граниницею двухъ совершенно различныхъ по общему характеру историческихъ эпохъ, очевидно, можно, лишь установивъ прежде всего, каково было de jure и de facto положеніе въ имперіи христіанства до изданія этого документа; тогда только можно видѣть, что новаго привнесено было его изданіемъ. Съ другой стороны, важнымъ является въ данномъ случаѣ вопросъ, въ какомъ отношеніи новый законъ стоитъ къ дальнѣйшимъ законодательнымъ актамъ и вообще дѣйствіямъ государственной власти, касающимся положенія въ государствѣ церкви.

Такъ какъ на юридическое, частію и на фактическое положеніе христіанъ въ языческой имперіи до Константина В. существуютъ неодинаковые взгляды, различно характеризуется религіозная политика и христіанскихъ государей, начиная съ съ самого Константина, то это не могло не имѣть слѣдствіемъ и различнаго пониманія и оцѣнки миланскаго закона разными учеными. Въ дѣйствительности разнообразіе мнѣній по вопросу о содержаніи этого закона должно еще болѣе увеличиваться въ зависимости отъ указаннаго выше разногласія относительно самого сохранившагося документа и его происхожденія. Но и въ томъ случаѣ, когда документъ въ его основѣ приписывается Константину, одно уже различіе взглядовъ на личность послѣдняго и на его религіозныя убѣжденія въ моментъ изданія закона заставляетъ неодинаково толковать этотъ законъ. На самомъ же дѣлѣ, при разсужденіяхъ о немъ необходимо всегда имѣть въ виду и то или иное участіе въ немъ Ликинія, имя котораго стоитъ въ самомъ его текстѣ. Понятно, что въ частныхъ пунктахъ неясныя мѣста документа вызываютъ

и несогласные между собою комментаріи; открытіе въ свое время латинскаго текста устранило, правда, нѣкоторыя недоразумѣнія (относительно αἱρέσεις—condiciones), но въ то же время дало поводъ къ новымъ вопросамъ (разногласіе о выраженіи vicarium postulent, вообще разности текстовъ).

Въ настоящемъ случаѣ, не входя въ историческій обзоръ всѣхъ весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ мнѣній, достаточно имѣть въ виду лишь общія направленія въ рѣшеніи вопроса съ двухъ указанныхъ выше сторонъ: со стороны отношенія миланскаго акта къ предшествовавшей эпохѣ, и со стороны отношенія его къ дальнѣйшей религіозной политикѣ Константина В. и его преемниковъ. Для этой цѣли можно остановиться на нѣкоторыхъ лишь наиболѣе типичныхъ и наиболѣе полно выразившихъ свои взгляды представителяхъ этихъ направленій въ новѣйшее время.

По общепринятому мнѣнію, сущность миланскаго закона 313 г. состоитъ въ томъ, что этимъ закономъ, въ противоположность прежнему стѣсненному и безправному положенію христіанъ, за ними признается, если не какое-либо преимущество предъ послѣдователями другихъ религій, то, во всякомъ случаѣ, полная религіозная свобода и право считаться юридически легальной корпораціей; поэтому онъ и открываетъ новую эпоху.

Этотъ взглядъ нашелъ, напримѣръ, въ послѣднее время выраженіе въ статьѣ итальянскаго юриста Сантуччи, разсматривающей миланскій эдиктъ «спеціально въ юридическомъ отношеніи» [1]). Правда, этотъ авторъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, идетъ далѣе въ оцѣнкѣ значенія миланскаго закона, полагая, что христіанство возведено было имъ почти на степень оффиціальнаго культа [2]). Но прежде всего онъ отмѣчаетъ именно данную христіанамъ и ихъ культу полнѣйшую свободу, какой раньше не предоставлялъ имъ никакой другой эдиктъ [3]). Возвращеніе же богослужебныхъ мѣстъ и другого имущества христіанамъ, съ поясненіемъ: «id est corpori et conventiculis eorum», и другими подобными выраженіями въ эдиктѣ, ясно

---

[1]) *C. Santucci*, L'editto di Milano specialmente nei riguardi giuridici. (Estratto dalla Rivista Internazionale di scienze sociali e discipline ausiliarie. 1913, Marzo) Roma 1913.

[2]) 11: quasi al grado di culto ufficiale. [3]) 8.

показываетъ, что Константинъ признавалъ чрезъ это вообще христіанскую церковь «моральной» корпораціей, организованной извѣстнымъ образомъ, и субъектомъ права; отдѣльныя христіанскія общины или церкви (conventicula) могли теперь выступать въ качествѣ юридическихъ лицъ, уполномоченныхъ къ пріобрѣтенію собственности и владѣнію ею [1]). Раньше, во время гоненій, христіане могли пользоваться своими кимитеріями, какъ мѣстами богослужебныхъ собраній, въ виду уваженія римлянъ вообще къ мѣстамъ погребенія (loca religiosa) и огражденія закономъ ихъ неприкосновенности Но подъ собственнымъ именемъ, какъ послѣдователи запрещенной религіи, они не могли обладать законно какимъ-либо имуществомъ. Если фактически христіанскія общины имѣли и тогда имущества, то это было лишь фактомъ безъ надлежащихъ юридическихъ основаній: или подобныя имущества должны были считаться de jure собственностью частныхъ лицъ изъ среды христіанъ, или же христіанскія общины (какъ соглашается авторъ съ de Rossi) выдавали себя за дозволенныя закономъ погребальныя общества (collegia funeraticia); но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію автора, христіанскимъ общинамъ принадлежало не право собственности на loca religiosa, которыя были по закону res nullius, и на иныя причисленныя къ нимъ имѣнія, а лишь попеченіе о нихъ и ихъ охрана. Такіе случаи, какъ возвращеніе кимитеріевъ римскому епископу Максентіемъ (311), или, ранѣе, Галліеномъ—египетскимъ епископамъ (260), не означаютъ дѣйствительнаго усвоенія церквамъ значенія юридической личности, но стоятъ въ связи именно съ формой владѣнія (proprietà), установленной ранѣе для погребальныхъ коллегій по отношенію къ кимитеріямъ. Такимъ образомъ, миланскій эдиктъ былъ первымъ и торжественнымъ актомъ, признававшимъ за церковію легальное право на владѣніе недвижимою собственностью. Дальнѣйшее раскрытіе этотъ актъ нашелъ въ послѣдующихъ законахъ, частію самого же Константина, напр., въ усвоеніи церкви права принимать наслѣдство по завѣщанію. Но эдиктъ, кромѣ того, что признаетъ указанное право за отдѣльными церквами, говоритъ вообще о corpus christianorum, т. е. церковь вообще ставится предъ закономъ, какъ цѣльный организмъ (un ente organico complessivo), и такимъ образомъ, хотя еще въ совершенно

[1]) 14—15.

зачаточной формѣ, намѣчается въ области публичнаго права въ общемъ то отношеніе между церковію и государствомъ, которое лишь потомъ получило полную опредѣленность и развитіе [1]).

Несогласіе съ обычнымъ мнѣніемъ заявилъ въ особо рѣзкой формѣ Зеекк въ своей уже упоминавшейся ранѣе статьѣ [2]). Признавъ помѣщенные у Лактанція и Евсевія тексты за письмо лишь Ликинія, назначенное для бывшей области Максимина, все значеніе этого письма онъ сводилъ къ отмѣнѣ распоряженій Максимина, непозволявшихъ войти въ силу на востокѣ эдикту Галерія 311 г. На дѣлѣ чрезъ этотъ именно эдиктъ 311 г. христіане и получили легальную свободу исповѣданія, и виновникомъ такой мѣры былъ не Константинъ, а Галерій, миланскаго же эдикта вовсе и не было.

Мнѣніе самого Зеекка, однако, въ цѣломъ явно оказывалось крайностью, и другіе ученые, если высказываютъ замѣчанія, направленныя къ ограниченію значенія миланскаго акта, то въ иномъ уже видѣ. Но признавая такъ или иначе существованіе миланскаго закона 313 г., въ извѣстномъ отношеніи эти ученые идутъ, можно сказать, еще далѣе: не только миланскій законъ, но и эдиктъ Галерія, какъ юридическіе акты, не вносили, по нимъ, чего-либо существенно новаго, потому что то, что̀ ими давалось христіанамъ, можно находить уже въ болѣе ранней исторіи отношеній римскаго правительства къ христіанамъ.

Съ прямой критикой приведенныхъ выше утвержденій Сантуччи выступилъ итальянскій же авторъ Перуджи въ статьѣ о «юридическомъ источникѣ миланскаго эдикта» [3]). Этотъ «источникъ» и вообще прецеденты для миланскаго закона, которые должны показать, что законъ вовсе не былъ чѣмъ-то совершенно новымъ, Перуджи находитъ частію въ существовавшемъ въ Римѣ «обычаѣ» или въ обычной римской политикѣ по отношенію къ разнымъ культамъ, частію въ утвержденныхъ законами правовыхъ институтахъ.

---

[1]) 15—17.

[2]) *O. Seeck*, Das sogenannte Edikt von Mailand, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte, XII, 1891, S. 381, 386.

[3]) *G. L. Perugi*, La fonte giuridica dell' Editto di Milano, въ Roma e l'Oriente, III, 1913, Novembre-Decembre, № 35—36, p. 13—35 (36—40—Bibliografia).

Такъ, если миланскій эдиктъ провозгласилъ свободу христіанъ, онъ въ сущности не ввелъ какого-либо новшества, потому что хотя законодательство римское, начиная съ законовъ XII таблицъ, запрещало новыхъ боговъ и не знало равенства культовъ, однако на дѣлѣ въ Римѣ находили пріютъ всевозможныя религіи, и всякіе боги были почитаемы римлянами. Предшественники Константина, гонители христіанъ, могли, конечно, ссылаться, напр., на законы XII таблицъ, но и Константинъ могъ сослаться на обычай, на дѣйствительный порядокъ вещей [1]). Когда же эдиктъ повелѣваетъ возвратить христіанамъ богослужебныя мѣста, онъ имѣетъ въ качествѣ прямого основанія для этого именно упоминаемые и у Сантуччи законы о loca religiosa, какъ неприкосновенныхъ и неотчуждаемыхъ (res divini juris, extra commercium); купившіе ихъ, какъ нарушители закона, должны были возвратить ихъ даже безъ всякаго вознагражденія, и Константинъ предоставляетъ имъ право просить вознагражденія вѣроятно лишь ради внутренняго мира въ имперіи («pro quiete temporis nostri», какъ выражается онъ далѣе). Со стороны Константина, такимъ образомъ, это возвращеніе было актомъ просто лишь справедливости, а не какой-либо особой милости [2]). Но возвращая кимитиріи (катакомбы), Константинъ по справедливости долженъ былъ возвратить вмѣстѣ съ тѣми и обезпечивавшія поддержаніе ихъ въ надлежащемъ порядкѣ другія имущества. Ими христіане владѣли и распоряжались въ качествѣ погребальныхъ коллегій. Между тѣмъ коллегіи вообще закономъ были признаны уже за юридическія лица, обладавшія правомъ собственности (при чемъ, начиная съ Марка Аврелія, позволено всѣмъ коллегіямъ получать и наслѣдства по завѣщанію) [3]). Но церковь въ цѣломъ юридическаго признанія въ миланскомъ эдиктѣ вовсе не получила, какъ хочетъ видѣть это Сантуччи. Римское право въ IV вѣкѣ не даетъ примѣра юридической личности, сложенной, такъ сказать, изъ взятыхъ вмѣстѣ другихъ юридическихъ личностей. Выраженіе эдикта «ad jus corporis eorum, id est ecclesiarum» обозначаетъ, что имущественныя права возстановляются для каждой церкви въ отдѣльности, и онѣ только могутъ выступать, напр., въ нужныхъ случаяхъ предъ судомъ, а не церковь вообще [4]). И законъ о правѣ наслѣдства 321 г., на который ссылается Сантуччи, помимо

[1]) 18—19. [2]) 22—27. [3]) 27—30. [4]) 30—31.

того, что онъ относится уже къ позднѣйшему времени, употребленнымъ въ немъ выраженіемъ «catholicae concilium» указываетъ, нужно думать, лишь на церкви отдѣльныхъ мѣстностей [1]). Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ находить въ миланскомъ эдиктѣ того, чего нѣтъ въ немъ. Заслуга Константина останется немалою и въ томъ случаѣ, если онъ—дѣйствуя въ намѣченномъ уже указанными прецедентами направленіи—объявилъ только равенство всѣхъ предъ закономъ, и нѣтъ необходимости возвышать ее вопреки смыслу имѣющихся документовъ [2]).

Въ томъ же, болѣе или менѣе, смыслѣ, но съ совершенно иною аргументаціею, ведетъ разсужденіе о миланскомъ эдиктѣ Батиффоль [3]). Прецеденты для него онъ думаетъ находить не въ обычной практикѣ римскаго правительства и не въ какомъ-либо общемъ законодательствѣ, а въ спеціальныхъ эдиктахъ о христіанахъ римскихъ императоровъ прежняго времени.

Именно, Батиффоль полагаетъ, что уже Александръ Северъ особымъ эдиктомъ объявилъ христіанство дозволенной религіей и призналъ христіанъ корпораціею съ правомъ устроять собранія и имѣть собственность. На это, по его мнѣнію, указываютъ слова біографа императора Лампридія: «christianos esse passus est», и разсказъ его о рѣшеніи императоромъ въ пользу христіанъ спора ихъ съ трактирщиками объ участкѣ земли [4]). Послѣ нѣсколькихъ бывшихъ

---

[1]) 33—35. [2]) 35.

[3]) *P. Batiffol*, La paix constantinienne et le catholicisme. Paris 1914. Въ эту книгу вошла, частію съ нѣкоторыми сокращеніями, и цитированная ранѣе статья Les étapes de la conversion de Constantin, помѣщенная въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, 1913. Въ Correspondant, 1913, I, 858—878, Батиффолемъ была помѣщена статья L'édit de Milan et les origines de la liberté religieuse. Книга La paix constantinienne, посвященная главнымъ образомъ вопросу объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ, по разъясненію автора въ предисловіи къ ней, является продолженіемъ извѣстнаго труда его: L'église naissante et le catholicisme (1908[1], 1909[6]), и будетъ сопровождаться заключительнымъ томомъ: Le catholicisme romain de saint Damase à saint Léon

[4]) 35—40, 524. 36—37: C'est le grand acte, le grand acte méconnu, d'Alexandre Sévère.—En effet, cet acte est un acte public, et non pas une simple attitude morale. Il est énuméré par Lampride dans une série qui semble bien être une série d'édits. Il s'agira donc d'un édit prononçant la licéité légale du christianisme jusque-là illicite: la vieille règle *Non licet*

затѣмъ, вопреки этому узаконенію, гоненій на христіанъ послѣдующихъ правителей, Галліенъ опять возвратилъ имъ право свободно исповѣдывать свою вѣру, собираться, владѣть богослужебными мѣстами и кимитеріями, выступать на судѣ. Но все это было дано имъ уже Александромъ Северомъ, къ которому, такимъ образомъ, всегда и нужно возвращаться, чтобы найти «самую древнюю антиципацію миланскаго эдикта»; новаго у Галліена было лишь то, что онъ, сверхъ того, обращался къ епископамъ [2]). Фикціей же погребальныхъ коллегій христіане, по Батиффолю, не пользовались ни до Александра Севера, ни послѣ него [3]). И когда Галерій въ 311 г. въ своемъ эдиктѣ заявляетъ о христіанахъ: «ut denuo sint christiani et conventicula sua componant», въ этой формулѣ мы находимъ провозглашеніе той самой свободы для христіанства, какая была уже даваема Александромъ Северомъ и Галліеномъ; Галерій не говоритъ «ut in posterum sint christiani», но «ut denuo sint christiani», т. е. предполагается свобода, существовавшая уже раньше [4]). И миланскій эдиктъ, вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ нему комментаріемъ Ликинія [5]), также въ сущности не даетъ ничего юридически новаго въ сравненіи съ указаннымъ, хотя онъ и проникнутъ совсѣмъ инымъ духомъ, нежели эдиктъ Галерія: провозглашая свободу, законодатель здѣсь уже весьма далекъ отъ того, чтобы ставить христіанамъ въ упрекъ уклоненіе отъ «установленій, сдѣланныхъ древними» (veterum instituta), и ихъ «произволъ» въ дѣлѣ религіи. Если обычно судятъ объ этомъ эдиктѣ, какъ о какой-то «деклараціи правъ», то, по Батиффолю, это есть

---

esse vos est désormais abrogée. 40: Le *„christianos esse passus est“* prend ainsi [чрезъ рѣшеніе дѣла о владѣніи участкомъ земли] toute sa valeur: il est l'acte par lequel Alexandre Sévère accepte que le christianisme soit dorénavant une religion licite, et les chrétiens un *corpus* ayant le droit de s'assembler, le droit de posséder. Подобный взглядъ частію высказалъ уже *P. Allard*, Histoire des persécutions pendant la première moitié du III siècle. Paris 1894², 197—8.

[2]) 64—67: il faut toujours en revenir à Alexandre Sévère pour la plus haute anticipation de l'édit de Milan.

[3]) 39, ср. L'église naissante, 42—44. [4]) 183.

[5]) По гипотезѣ Батиффоля, какъ извѣстно, послѣдній отдѣлъ документа, гдѣ говорится о возвращеніи христіанамъ, сверхъ богослужебныхъ мѣстъ, еще другого имущества, которымъ они владѣли коллективно, и гдѣ употребляются слова corpus christianorum, ecclesiae, conventicula, представляетъ сдѣланное уже Ликиніемъ дополненіе къ эдикту.

лишь извращеніе его истиннаго значенія. Миланскій эдиктъ есть политическій актъ, обусловленный моментомъ его происхожденія: онъ есть въ сущности лишь «ликвидація» политики непосредственно предшествовавшаго ему времени, которая путемъ насилія безуспѣшно хотѣла сдѣлать оффиціальные культы обязательными для всѣхъ подданныхъ имперіи; утверждая религіозную свободу, онъ теперь чрезъ это гарантируетъ общественное спокойствіе. Какой-либо особой привилегіи за христіанами эдиктъ, давая свободу, не устанавливаетъ: римское государственное право признавало свободу и за миѳраизмомъ, элевсиніями, религіозными ассоціаціями, распространенными почти всюду. Что касается имущественнаго права церквей, какъ корпорацій, то оно новымъ не было: самый эдиктъ о конфискаціи церковныхъ имуществъ 303 г. показываетъ, что оно существовало раньше. Привилегіей право христіанскаго общества на собственность само по себѣ не было, такъ какъ оно ставило лишь христіанъ въ положеніе вообще дозволенныхъ ассоціацій. Миланскій эдиктъ, такимъ образомъ, лишь примѣнялъ къ христіанамъ легальное установленіе общаго права, которымъ они пользовались, по крайней мѣрѣ съ Галліена, и до 303 г. Непредусмотрѣннымъ въ прежнемъ законодательствѣ о нихъ оказывается лишь распоряженіе эдикта о возвращеніи даже имъ теперь легально конфискованныхъ прежде, въ 303 г., имуществъ [1]). Батиффоль тѣмъ не менѣе признаетъ, что миланскій эдиктъ представляетъ въ своемъ родѣ «единственный моментъ», въ виду широты объявленной имъ свободы. Но это была собственно точка зрѣнія Ликинія. Константинъ уже во время самаго изданія эдикта держался другихъ мыслей: его намѣреніе было—дать христіанству свободу съ привилегіями [2]).

Какъ видно изъ сказаннаго, вопросъ, соотвѣтственно двумъ пунктамъ въ содержаніи эдикта, касается 1) религіозной свободы христіанъ, и 2) ихъ имущественныхъ правъ, и состоитъ въ томъ, а) какъ опредѣлялось съ этихъ сторонъ въ первые три вѣка положеніе христіанъ съ точки зрѣнія вообще римскихъ законовъ, и б) чѣмъ именно христіане были обязаны въ отношеніи къ улучшенію своего положенія нѣкоторымъ правителямъ еще III в., и затѣмъ, въ особенности, появившемуся

[1]) 247—249. [2]) 249, 525.

уже непосредственно предъ изданіемъ миланскаго закона эдикту Галерія.

1) Безспорно, что когда христіанство сдѣлалось извѣстнымъ язычникамъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, вышло изъ-подъ покрова «дозволенной» религіи—іудейской, христіане были признаны юридически не имѣющими права на существованіе въ имперіи, какъ бы въ точности ни квалифицировалась ихъ вина предъ закономъ. Плиній въ 112/3 г. приступаетъ къ суду надъ христіанами съ мнѣніемъ о нихъ, какъ вредной и нетерпимой сектѣ, и хотя дознаніе заставило его самого уже измѣнить нѣсколько это предубѣжденіе, но императоръ Траянъ въ своемъ отвѣтѣ ему призналъ ихъ, implicite, но тѣмъ не менѣе совершенно ясно, подлежащими наказанію за одно лишь имя христіанъ. Если правительство, считая христіанъ вредною, но пока еще не особенно опасною сектою, на первыхъ порахъ само не поднимало преслѣдованія, направленнаго къ совершенному искорененію новой религіи, а предоставляло возбуждать дѣла о христіанахъ обществу, и при этомъ дозволяло вести эти дѣла не строго судебнымъ, а полицейско-административнымъ порядкомъ, это фактически имѣло весьма большое значеніе, но юридическаго положенія христіанъ это по существу не измѣняло.

Перуджи, желая отыскать «юридическій» источникъ въ прошломъ для миланскаго эдикта, указываетъ въ дѣйствительности лишь на фактическое существованіе въ Римѣ въ позднѣйшее время вмѣстѣ съ государственною религіею и разныхъ иноземныхъ культовъ. Однако, нужно имѣть въ виду, что такіе культы допускались лишь постольку, поскольку ихъ послѣдователи не отрицали и культа государственнаго (что съ политеистической точки зрѣнія и не должно было для язычниковъ представляться затруднительнымъ). Единственное исключеніе приходилось въ этомъ случаѣ дѣлать для іудейской религіи. Но на эту «дозволенную» религію, послѣдователи которой не хотѣли принимать государственнаго культа, смотрѣли въ Римѣ какъ на необходимое зло, и мирились съ нею только подъ условіемъ ограниченія ея предѣлами іудейской національности. Къ христіанству это условіе не было примѣнимо. Вообще же на равенство съ государственной религіей всѣ другіе культы отнюдь не могли претендовать. Они были допускаемы лишь при государственномъ культѣ, какъ дополненіе къ нему, но не могли замѣнять его, какъ вообще обяза-

тельнаго для подданныхъ римской имперіи, по крайней мѣрѣ, въ обычаѣ почитанія кесаря, какъ бога.

Въ III в., когда сдѣлалось уже яснымъ и важное политическое значеніе христіанства, выступаютъ императоры, которые сами берутъ на себя инициативу гоненій, «коерцинія» по отношенію къ христіанамъ примѣняется теперь ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ видѣ повсемѣстнаго преслѣдованія. Но являются правители и съ другимъ настроеніемъ. Двумъ изъ нихъ, Александру Северу и Галліену Батиффоль и усвояетъ эдикты, которые, по его мнѣнію, должны по общему значенію почти вполнѣ соотвѣтствовать эдиктамъ IV в.—Галерія 311 г. и миланскому 313 г.

Но факты, которые свидѣтельствуютъ о расположеніи Александра Севера къ христіанамъ, и выраженіе о немъ у Лампридія: «christianos esse passus est», далеко недостаточны для категорическаго вывода, что имъ изданъ былъ даже общій эдиктъ о вѣротерпимости [1]). Никакихъ указаній у другихъ

[1]) *Aelii Lampridii* Alexander Severus, 22, 4—5 (Scriptores Historiae Augustae. Rec. *H. Peter*. V. I. Lipsiae 1865, p. 243); mechanica opera Romae plurima instituit. Iudaeis privilegia reservavit. Christianos esse passus est. pontificibus tantum detulit et quindecim viris atque augu ribus, ut quasdam causas sacrorum a se finitas iterari et aliter distingui pateretur. Батиффоль полагаетъ, что слова „christianos esse passus est“ указываютъ именно на особый оффиціальный актъ, а не просто лишь на „моральную расположенность“, такъ какъ онъ упоминается Лампридіемъ, повидимому, въ ряду эдиктовъ. Однако, на дѣлѣ здѣсь, какъ и въ предыдущей 21 главѣ и двухъ дальнѣйшихъ, 23 и 24, вообще характеризуется лишь отношеніе императора къ его подданнымъ и къ разнымъ находившимся на службѣ лицамъ, причемъ сообщаемые здѣсь факты вовсе не предполагаютъ всегда изданія особыхъ конституцій. Уже то, что говорится, вслѣдъ за упоминаніемъ о христіанахъ, о языческихъ жрецахъ (пересмотръ и перерѣшеніе ихъ дѣлъ), едва ли указываетъ на какіе-либо „эдикты“, а непосредственно далѣе говорится просто лишь о томъ, что незапятнанныхъ взяточничествомъ президовъ императоръ имѣлъ въ особой чести, бралъ ихъ съ собою въ экипажѣ во время путешествій и поощрялъ наградами (22, 6: in itineribus secum semper in vehiculo habuit et muneribus adiuvit). Въ 22, 4—5 сопоставляются лишь отношенія императора къ разнымъ религіямъ, но выражалось ли при этомъ благосклонное отношеніе его къ христіанамъ въ видѣ обнародованія особаго закона о нихъ, объ этомъ отсюда нельзя дѣлать заключенія, и не видно, почему здѣсь „pati“ должно имѣть особый „юридическій“ смыслъ (36s: Le verbe *pati* a ici un sens juridique) и обозначать изданіе особаго законодательнаго акта, хотя бы для іудеевъ ихъ уже существовавшія привилегіи и были подтверждены такимъ актомъ (ср. упо-

древнихъ писателей на изданіе столь важнаго для христіанъ акта не имѣется, и нужно думать, что дѣло ограничивалось

требленіе pati въ смыслѣ вообще позволенія уже въ слѣдующей далѣе фразѣ, 22, 5: iterari et aliter distingui pateretur; ср. также 15, 2, 238: nec quemquam passus est esse in Palatinis nisi necessarium hominem; 49, 1, 263: Honores iuris gladii numquam uendi passus est dicens, „— — ego non patior mercatores potestatum“; 66, 4).—Эпоха Северовъ была временемъ высшаго расцвѣта римской юриспруденціи, и въ частности, именно Александръ Северъ обращалъ особое вниманіе на законодательство; его „совѣтъ“ для обсужденія законовъ состоялъ изъ 20 юристовъ и 50 другихъ членовъ, и никакая конституція не была утверждаема безъ самаго тщательнаго обсужденія (16, 1—3, 239: Leges de iure populi et fisci moderatas et infinitas sanxit neque ullam constitutionem sacrauit sine uiginti iuris peritis et doctissimis ac sapientibus viris isdemque disertissimis non minus quinquaginta, etc.). Знаменитые юристы Павелъ и Ульпіанъ, бывшіе при немъ префектами преторіи, были самыми близкими къ нему лицами (26, 5; 27, 6), въ особенности Ульпіанъ пользовался исключительнымъ на него вліяніемъ (31, 2—3; 34, 6; 51, 4; 67, 2). Было бы, очевидно, весьма важно и имѣло бы особый интересъ, если бы, при такихъ условіяхъ, при Александрѣ Северѣ торжественнымъ, законодательнымъ актомъ христіанство было провозглашено дозволенною религіею. Но хотя имъ утверждено было „безчисленное“ множество законовъ (16, 1; 43, 1, 258: leges innumeras sanxit), едва ли можно предполагать въ ряду ихъ законъ такого рода. Лактанцій даже сообщаетъ, что именно Ульпіаномъ собраны были для руководства проконсуламъ „нечестивые“ рескрипты противъ христіанъ, изданные прежними государями (Instit. div. V, 11, 19, ed. *Brandt* 436: Domitius de officio proconsulis libro septimo rescripta principum nefaria collegit, ut doceret quibus poenis adfici oporteret eos qui se cultores Dei confiterentur). Называемое Лактанціемъ произведеніе Ульпіана (какъ и всѣ другія, ср. *Krüger*, l. c. 240, 246[166]) относится, правда, еще къ временамъ Каракаллы (212—217), и руководствоваться собранными въ немъ законами противъ христіанъ президамъ въ ихъ соёгcitio при Александрѣ Северѣ уже не приходилось, когда не поощрялась уже и самая соёгcitio въ отношеніи къ христіанамъ. Но чтобы Александръ Северъ прямо и рѣшительно особымъ актомъ отмѣнилъ прежнее законодательство о христіанахъ и объ этомъ не сохранилось никакихъ воспоминаній и свѣдѣній, помимо неопредѣленнаго замѣчанія у язычника Лампридія, даже и у христіанскихъ писателей, это весьма мало вѣроятно. Каково могло быть вообще въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ христіанамъ вліяніе Ульпіана († уже въ 228 г.) и другихъ юристовъ, трудно сказать. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что императоръ былъ отклоненъ ревнителями язычества отъ намѣренія ввести Христа въ число боговъ и построить храмъ Ему (43, 7, 259: prohibitus est ab is qui consulentes sacra reppererant omnes Christianos futuros, si id fecisset, et templa reliqua deserenda). Была, нужно думать, лишь фактическая, но не узаконенная особымъ актомъ терпимость къ христіанамъ, хотя и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, доходившая до того, что императоръ,

именно лишь фактическимъ расположеніемъ императора къ христіанамъ, выражавшимся и въ его отдѣльныхъ распоряженіяхъ въ ихъ пользу. Устанавливавшееся фактически при дворѣ благосклонное или хотя бы нейтральное по отношенію къ христіанамъ настроеніе должно было отражаться соотвѣтственнымъ образомъ на судьбѣ христіанъ вообще въ имперіи и безъ изданія какихъ-либо общихъ эдиктовъ, какъ это можно видѣть изъ примѣра царствованія Коммода, или первыхъ лѣтъ

игнорируя тяготѣвшій надъ ихъ общинами запретъ законовъ, рѣшилъ даже въ ихъ пользу споръ ихъ о земельномъ участкѣ съ трактирщиками (49, 6). Примѣръ іудеевъ, за которыми императоръ сохранилъ лишь данныя имъ раньше права, но которые при немъ позволяли себѣ гораздо больше, такъ что ихъ этнархъ, по сообщенію Оригена, являлся чуть не царемъ въ своемъ народѣ и произносилъ смертные приговоры,— и императоръ зналъ и допускалъ это, хотя легальнаго разрѣшенія на это вовсе не было,—показываетъ, что и христіане могли пользоваться весьма широкою свободою и безъ юридическаго ея утвержденія. (Ср. *K. J. Neumann*, Der römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diokletian. I. Lpz. 1890, 208)—По своимъ религіознымъ вѣрованіямъ Александръ Северъ вовсе не былъ христіаниномъ (слухи о томъ у Діонисія александрійскаго въ Eus. h. e. VII, 10, 3: οἱ λεχθέντες ἀναφανδὸν Χριστιανοὶ γεγονέναι—о немъ и о Филиппѣ Аравитянинѣ; однако, позднѣйшая легенда сдѣлала и его гонителемъ, при которомъ погибли тысячи христіанъ, ср. Hauck's RE³ XVIII, 259), но лишь представителемъ болѣе или менѣе возвышеннаго языческаго синкретизма. Изображеніе Христа онъ имѣлъ въ своемъ лараріи на ряду съ изображеніями многихъ другихъ историческихъ и миѳическихъ личностей (29, 2), и къ римскому пантеону хотѣлъ Его причислить вовсе не въ ущербъ языческимъ богамъ, храмы которыхъ въ Римѣ посѣщалъ еженедѣльно (43, 5). Съ Оригеномъ видѣлась (около 232 г.) только мать императора Юлія Маммея, но не самъ онъ (Neumann, 207з). Возможно, конечно, что если бы не преждевременная смерть императора, онъ, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ христіанствомъ, въ дальнѣйшее время болѣе рѣшительно сталъ бы на его сторону.—Слѣдуетъ имѣть въ виду, что біографъ Александра Севера, Элій Лампридій, обращался съ его біографіей, какъ и съ біографіей Геліогабала, въ 324/5 г. къ Константину В., который обнаруживалъ, повидимому, особый интересъ къ личности Александра Севера (65, 1, 274: Soles quaerere, Constantine maxime, quid sit quod hominem Syrum et alienigenam talem principem fecerit). Если самъ авторъ и былъ язычникъ, то назначая свое сочиненіе для Константина, онъ, въ виду покровительства послѣдняго христіанству, естественно, долженъ былъ обращать особое вниманіе, на отношенія къ христіанамъ описываемаго императора. Но, повидимому, въ своихъ источникахъ онъ не нашелъ въ этомъ случаѣ болѣе того, что сообщаетъ (ср. ссылку въ 29, 2, 248: animas sanctiores, in quis Apollonium et, quantum scriptor suorum temporum dicit, Christum Abraham et Orfeum et huiuscemodi ceteros habebat).

Септимія Севера и Валеріана. Въ общемъ, какъ замѣчаетъ В. В. Болотовъ, «этотъ императоръ былъ рѣшительнымъ покровителемъ христіанъ, хотя въ то же время не издавалъ никакого закона, который бы легализировалъ ихъ положеніе въ римской имперіи. Поэтому всѣ его дѣйствія имѣли характеръ лишь временныхъ распоряженій правительства, а не какихъ-либо органическихъ постановленій, обязательныхъ для всей римской имперіи» [1]).

Что касается Галліена, то имъ изданъ былъ по вступленіи на престолъ (260) эдиктъ, отмѣнявшій распоряженія отца его Валеріана противъ христіанъ. Но его содержаніе, вѣроятно, не шло далѣе того, что говорилось въ сохраненномъ Евсевіемъ рескриптѣ императора египетскимъ епископамъ, чрезъ который дѣйствіе эдикта распространяется и на Египетъ (находившійся въ 260 г. еще подъ властію узурпатора Макріана): запрещалось лишь правителямъ разыскивать епископовъ съ цѣлію привлеченія ихъ къ отвѣтственности и открывался снова доступъ къ мѣстамъ богослуженія, но о религіозной свободѣ ничего не говорилось, и въ сущности, по замѣчанію Гарнака, возстановлялось для христіанъ, вмѣстѣ съ отмѣной прямого гоненія, только прежнее ихъ юридически безправное положеніе [2]). Что «древніе законы» противъ христіанъ сохраняли на

---

[1]) *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. II. Спб. 1910, 114.

[2]) Рескриптъ (ἀντιγραφή) Галліена, написанный, можно думать, въ отвѣтъ на обращеніе самихъ египетскихъ епископовъ, дается у Евсевія въ переводѣ на греческій языкъ. H. e. VII, 13, *Schwartz* 666: Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Πούπλιος Λικίνιος Γαλλιῆνος Εὐσεβὴς Εὐτυχὴς Σεβαστὸς Διονυσίῳ καὶ Πίννᾳ καὶ Δημητρίῳ καὶ τοῖς λοιποῖς ἐπισκόποις. τὴν εὐεργεσίαν τῆς ἐμῆς βαρεᾶς διὰ παντὸς τοῦ κόσμου ἐκβιβασθῆναι προσέταξα, ὅπως ἀποκτῶν τόπων τῶν θρησκευσίμων ἀποχωρήσωσιν, καὶ διὰ τοῦτο καὶ ὑμεῖς τῆς ἀντιγραφῆς τῆς ἐμῆς τῷ τύπῳ χρῆσθαι δύνασθε, ὥστε μηδένα ὑμῖν ἐνοχλεῖν. καὶ τοῦτο, ὅπερ κατὰ τὸ ἐξὸν δύναται ὑφ' ὑμῶν ἀναπληροῦσθαι, ἤδη πρό πολλοῦ ὅπ' ἐμοῦ συγκεχώρηται, καὶ διὰ τοῦτο Αὐρήλιος Κυρίλιος, ὁ τοῦ μεγίστου πράγματος προστατεύων, τὸν τύπον τὸν ὑπ' ἐμοῦ δοθέντα διαφυλάξει. Евсевій затѣмъ добавляетъ, что извѣстенъ и другой указъ его къ инымъ епископамъ, которымъ онъ предоставляетъ опять въ ихъ распоряженіе кимитиріи: καὶ ἄλλη δὲ τοῦ αὐτοῦ διάταξις φέρεται, ἣν πρὸς ἑτέρους ἐπισκόπους πεποίηται, τὰ τῶν καλουμένων κοιμητηρίων ἀπολαμβάνειν ἐπιτρέπων χωρία. Принимаемаго Батиффолемъ мнѣнія, что эдиктомъ Галліена христіанство формально было объявлено „дозволенною религіею“, держались и ранѣе весьма многіе ученые (спеціальная статья *F. Görres*,

дѣлѣ силу и при Галліенѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ разъ сказанный у Евсевія случай съ Маріномъ въ Кесаріи: находясь на военной службѣ, Маринъ, въ силу этихъ законовъ, когда на нихъ было указано его конкуррентомъ, не только не могъ получить повышенія, или хотя бы только оставаться на службѣ, но и былъ казненъ [1]).

Право на существованіе въ имперіи, уже безъ опасенія подвергнуться казни за одно имя «христіанъ», дается христіанамъ впервые лишь въ эдиктѣ Галерія. Словами: «ut denuo sint christiani et conventicula sua componant», ясно и опредѣленно, въ законодательномъ порядкѣ, отмѣняется прежнее «non licet esse vos», обращенное къ христіанамъ со стороны язычниковъ [2]).

Die Toleranzedikte des Kaisers Gallienus, въ Jahrbücher für protest. Theologie, III, 1877, 616—630). Возраженія противъ этого мнѣнія см. у *A. Harnack*'a Art. „Gallienus" въ Hauck's RE³ VI [1899], 354—5. Ср. также *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. II. Спб. 1910, 133—7.

[1]) Eus. h. e. VII, 15, 2, 668: μὴ ἐξεῖναι—ἐλείνῳ τῆς Ῥωμαίων μετέχειν ἀξίας κατὰ τοὺς παλαιοὺς νόμους, Χριστιανῷ γε ὄντι καὶ τοῖς βασιλεῦσι μὴ θύοντι, κατηγόρει. Это было именно εἰρήνης ἀπανταχοῦ τῶν ἐκκλησιῶν οὔσης.

[2]) Эдиктъ Галерія приводится въ подлинникѣ у Лактанція, De mort. persec. 34, и въ переводѣ на греческій языкъ у Евсевія, h. e. VIII, 17, 3—10. У Евсевія дается (VIII, 17, 3—4) и отсутствующее у Лактанція inscriptio; въ переводѣ эдикта есть нѣкоторыя, въ общемъ незначительныя, особенности въ сравненіи съ латинскимъ текстомъ. De mort. persec. 34, *Brandt* 212—3: [1] Inter cetera quae pro rei publicae semper commodis atque utilitate disponimus, nos quidem uolueramus antehac iuxta leges ueteres et publicam disciplinam Romanorum cuncta corrigere atque id prouidere, ut etiam Christiani, qui parentum suorum reliquerant sectam, ad bonas mentes redirent, [2] siquidem quadam ratione tanta eosdem Christianos uoluntas inuasisset et tanta stultitia occupasset (у Евсевія, *Schwartz* 794: τοσαύτη αὐτοὺς πλεονεξία [ATER add.: κατεσχήκει καὶ ἄνοια] κατειλήφει), ut non illa ueterum instituta sequerentur, quae forsitan primum parentes eorundem constituerant, sed pro arbitrio suo atque ut isdem erat libitum, ita sibimet leges facerent quas obseruarent, et per diuersa uarios populos congregarent. [3] denique cum eiusmodi nostra iussio extitisset, ut ad ueterum se instituta conferrent, multi periculo subiugati, multi etiam deturbati sunt. [4] atque cum plurimi in proposito persuerarent ac uideremus nec diis eosdem cultum ac religionem debitam exhibere nec Christianorum deum obseruare, contemplatione mitissimae nostrae clementiae, intuentes et consuetudinem sempiternam, qua solemus cunctis hominibus ueniam indulgere, promptissi-

Однако, и у Галерія христіанство въ дѣйствительности признается несогласнымъ съ «древними законами и римскими государственными порядками»; желаніе «исправить все» согласно съ этими законами и было, по его словамъ, мотивомъ поднятаго имъ ранѣе гоненія: въ отступленіи христіанъ отъ «установленій древнихъ» въ дѣлѣ религіи, въ избраніи ими для себя особыхъ «законовъ» и образованіи особыхъ религіозныхъ общинъ онъ и теперь видитъ проявленіе лишь ихъ произвола и неразумія. Если правительство теперь отказывается отъ предпринятой попытки возвратить ихъ «къ благому образу мыслей» (ad bonas mentes), то это, по Галерію, лишь для того, чтобы не допустить въ имперіи еще худшаго зла, нежели сама христіанская религія. Ихъ упорство ведетъ къ тому, что они и узаконенныхъ боговъ не почитаютъ, и не чтутъ, какъ утверждаетъ Галерій, и своего Бога (какъ лишенные правительствомъ возможности дѣлать это). Чтобы не было такого явленія—людей безъ всякой религіи, имъ разрѣшается и они должны будутъ (debebunt) молить хотя бы своего Бога о благополучіи правителей, государства и о своемъ собственномъ. Точка зрѣнія на христіанство, такимъ образомъ, въ эдиктѣ проводится чисто языческая. Національная государственная религія должна бы быть въ сущности обязательна и для христіанъ, и только въ виду особаго указаннаго обстоятельства дѣлается для нихъ исключеніе [1]).

---

mam in his quoque indulgentiam nostram credidimus porrigendam, ut denuo sint Christiani et conuenticula sua componant (у Евсевія: τοὺς οἴκους ἐν οἷς συνήγοντο, συνθέσιν), ita ut ne quid contra disciplinam agant. [5] <per> aliam autem epistolam iudicibus significaturi sumus quid debeant obseruare. unde iuxta hanc indulgentiam nostram debebunt deum suum orare pro salute nostra et rei publicae ac sua, ut undique uersum res publica praestetur incolumis et securi uiuere in sedibus suis possint.

[1]) Подробное изслѣдованіе объ этомъ документѣ далъ *K. Bihlmeyer*, Das Toleranzedikt des Galerius von 311, въ Theol. Quartalschrift, XCIV, 1912, S. 411—427, 527—589. Эдиктъ представляетъ частію значительныя трудности при истолкованіи, вслѣдствіе, можетъ быть, намѣренно допущенной въ немъ неопредѣленности и двусмысленности выраженій. Возникаетъ вопросъ, кого нужно разумѣть подъ „parentes“, „отцами“ или „предками“ христіанъ, когда христіане порицаются въ эдиктѣ за то, что они p a r e n t u m suorum reliquerant s e c t a m (§ 1) и отступили отъ veterum instituta, quae forsitan primum p a r e n t e s eorundem constituerant (§ 2). Уже старые ученые, комментаторы сочиненія De mort. persec., Baluze, Cuperus, Baudri, видѣли здѣсь обвиненіе христіанъ въ отступленіи отъ ихъ собственнаго первоначальнаго ученія и распаденіи на

Но особенно важно то, какимъ образомъ законодатель здѣсь ближе опредѣляетъ, или предполагаетъ опредѣлить, новое

секты. Въ новое время этотъ взглядъ развилъ въ особенности Кеймъ (1852, 1862) подъ вліяніемъ Баура (1845), который потомъ и заявилъ о своемъ полномъ согласіи съ Кеймомъ. Мнѣніе, что здѣсь ставится христіанамъ въ упрекъ мнимое уклоненіе ихъ именно отъ первоначальной формы самого христіанства, принимаютъ въ томъ или иномъ видѣ и многіе другіе ученые (Preuss, von Reumont, Mason, Zahn, Hilgenfeld, Görres, K. Müller, von Schubert, Bihlmeyer; ср. у Bihlmeyer'a, 546, 561; изъ русскихъ А. П. Лебедевъ, Эпоха гоненій на христіанъ, 1904[3], 266—271, В. В. Болотовъ, Лекціи, II, 161—2). Несогласны съ этимъ мнѣніемъ Belser (1889), Hülle (1895), Ѳ. А. Кургановъ—въ Правосл. Собес. 1914, май, 832, 839—847, полагающіе, что рѣчь въ эдиктѣ идетъ лишь объ отступленіи христіанъ отъ язычества.—Слово „secta“ (αἵρεσις), при его первоначальномъ широкомъ значеніи, несомнѣнно, могло быть примѣнено къ язычеству вообще; примѣръ этого можно видѣть хотя бы въ мученическихъ актахъ св. Кипріана карѳагенскаго († 258) въ приговорѣ проконсула, гдѣ, между прочимъ, имѣются и другія выраженія, тождественныя или аналогичныя съ находящимися въ эдиктѣ. IV, 1 (Acta martyrum selecta, ed. *O. v. Gebhardt*. Berlin 1902, 126—7): diu sacrilega mente uixisti et plurimos nefariae tibi conspirationis homines adgregasti [ср. въ эдиктѣ § 2: per diuersa uarios populos congregarent] — —, nec te pii et sacratissimi principes — — ad secta m caeremoniarum suarum reuocare potuerunt. — — eris ipse documento his, quos scelere tuo tecum adgregasti: sanguine tuo sancietur disciplina [ср. § 1, 4]. Но употребленный далѣе въ эдиктѣ (§ 2) нѣсколько особый способъ выраженія: ueterum instituta, quae forsitan primum parentes eorundem constituerant, даетъ основаніе думать, что составитель его хочетъ разумѣть подъ parentes не просто лишь дохристіанскихъ языческихъ предковъ христіанъ, такъ какъ не было причинъ сомнѣваться, что именно этими ихъ „предками“ введены были когда-то тѣ языческія установленія, которымъ христіане теперь не слѣдуютъ, и „forsitan“ въ такомъ случаѣ оказывалось бы неумѣстнымъ. Повидимому, авторъ хочетъ, осторожно выражаясь въ формѣ предположенія, сказать нѣчто большее. Какъ замѣчаетъ В. В. Болотовъ, вообще „языкъ этого эдикта можетъ быть признанъ образцовымъ въ отношеніи двусмысленности“ (161). „Primum — — constituerant“ (§ 2) можетъ, означать не только „впервые (вновь) придумали“, но и „установили (принявъ отъ древности уже готовыми) у себя въ первыя времена въ качествѣ обязательныхъ“, такъ что parentes христіанъ не являются тождественными съ тѣми veteres, которые нѣкогда впервые создали языческія религіозныя установленія. Нѣтъ, кажется, особыхъ препятствій къ принятію въ общемъ того мнѣнія, которое съ подробностію развиваетъ, исходя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ уже ранѣе Кеймомъ и другими учеными, Вильмейеръ (550—566), что въ эдиктѣ говорится объ отступленіи христіанъ отъ первоначальнаго христіанства, но это первоначальное христіанство составитель эдикта представляетъ не отличающимся въ дѣйствительности

положеніе христіанъ въ государствѣ. Къ постановленію: «ut denuo sint christiani et conventicula sua componant», присоединяется оговорка: «ita ut ne quid contra disciplinam agant», и объщается въ особомъ письмѣ къ президамъ указать, какія правила должны быть при этомъ соблюдаемы. Это дополнительное къ эдикту письмо не дошло до насъ. Но къ нему, съ наибольшею вѣроятностью, нужно относить упоминаніе въ миланскомъ законѣ о документѣ, содержавшемъ тѣ ограниченія, которыя этимъ закономъ отмѣняются. Изданъ онъ былъ, нужно думать, Ликиніемъ, согласіе на него далъ и Константинъ, или по крайней мѣрѣ, это согласіе предполагалось при его изданіи Ликиніемъ. Онъ былъ, вѣроятно, отправленъ, подобно самому эдикту Галерія, и къ Максимину, но Максиминъ и эдиктъ, и это дополненіе къ нему замѣнилъ для своей области своими распоряженіями [1]).

по существу отъ язычества, такъ какъ языческія veterum instituta будто бы были принимаемы самими родоначальниками христіанъ. Составитель могъ воспользоваться пущеннымъ въ обращеніе именно къ началу IV в. неоплатониками (Порфирій, Іероклъ) утвержденіемъ, будто Самъ Христосъ былъ почитателемъ языческихъ боговъ и ихъ содѣйствіемъ творилъ чудеса, и только Его послѣдователи (уже апостолы) исказили Его подлинное ученіе, стали Его Самого считать Богомъ, а языческихъ боговъ—предполагается—отвергли. Можно замѣтить, что собственно нѣтъ при этомъ даже необходимости настаивать (какъ это дѣлаетъ Вильмейеръ, 556 ff.) на отраженіи неоплатоническаго вліянія въ эдиктѣ Галерія въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ; указанное измышленіе можно было усвоить и не будучи вовсе неоплатоникомъ. Достовѣрность его могла и въ язычникахъ возбуждать сомнѣнія (forsitan); но для правительства, продолжавшаго стоять всецѣло на языческой точкѣ зрѣнія, оно представляло то удобство, что давало возможность съ особой силой поставить на видъ произволъ и неразуміе христіанъ, какъ не оказавшихся вѣрными даже своимъ родоначальникамъ, и тѣмъ оправдать прежнія жестокія гоненія на нихъ. Въ концѣ концовъ, очевидно, при такомъ пониманіи эдикта, въ вину христіанамъ ставится всѣтаки отступленіе отъ язычества, а не раздѣленіе на секты. Фактъ существованія въ язычествѣ въ данное время указаннаго взгляда и двусмысленность языка эдикта, въ частности выраженіе „forsitan“, дѣлаютъ вѣроятною эту гипотезу. Въ переводѣ Евсевія стоитъ: ἅπερ ἴσως πρότερον καὶ οἱ γονεῖς αὐτῶν ἦσαν κατασταίσαντες. Но и вставка καὶ не исключаетъ указаннаго пониманія, хотя подлинный латинскій текстъ болѣе рѣшительно говоритъ за него.

[1]) Выше было отмѣчено (48—9) разнообразіе высказанныхъ учеными взглядовъ на отмѣняемый миланскимъ узаконеніемъ документъ. Вопросъ о немъ имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ вмѣстѣ съ твердо обоснованнымъ рѣшеніемъ его рѣшался бы въ главномъ и

Въ чемъ состояли эти ограниченія, прямо не говорится и въ отмѣняющемъ ихъ миланскомъ актѣ. Но если они вообще

вопросъ о происхожденіи памятника, извѣстнаго съ именемъ миланскаго эдикта. Но на пути къ его рѣшенію стоятъ трудно преодолимыя при имѣющихся данныхъ препятствія. Главное затрудненіе то, что въ приведенномъ у Евсевія введеніи къ миланскому закону говорится лишь объ одномъ документѣ, *рескриптѣ*, въ которомъ давалось и разрѣшеніе христіанамъ содержать свою вѣру, и присоединялись къ этому разныя ограничительныя условія (πολλαὶ καὶ διάφοροι αἱρέσεις ἐν ἐκείνῃ τῇ ἀντιγραφῇ, ἐν ᾗ τοῖς αὐτοῖς συνεχωρήθη τοιαύτη ἐξουσία, ἐδόκουν προστεθεῖσθαι σαφῶς), между тѣмъ на дѣлѣ должны быть два различные документа: *эдиктъ* Галерія о дозволеніи христіанамъ ихъ вѣры, и затѣмъ особое, обѣщанное въ немъ, *письмо* объ ограниченіяхъ (per aliam autem epistolam iudicibus significaturi sumus). Вильмейеръ прибѣгаетъ къ предположенію, что или въ греческомъ текстѣ предлогъ ἐν предъ ἐκείνῃ τῇ ἀντιγραφῇ является лишнимъ, и тогда приходится считаться лишь съ неточностью названія здѣсь эдикта Галерія „рескриптомъ“ (ἀντιγραφή), или же—чему онъ самъ даетъ предпочтеніе—эдиктъ и инструкція, какъ тѣсно связанные другъ съ другомъ и православные правителямъ провинцій одновременно, разсматриваются здѣсь, какъ единое „заявленіе законодательной воли (einheitliche Enunciation), и о нихъ—неточно—говорится какъ объ одномъ документѣ (Theol. Quartalschrift, 1914, 220—2, ср. 1912, 579). Но неточность наименованія эдикта „рескриптомъ“ остается и въ послѣднемъ случаѣ. Противъ того, что ограничительныя дополненія къ эдикту разосланы были правителямъ провинцій вмѣстѣ съ эдиктомъ, свидѣтельствуетъ, повидимому, уже то обстоятельство, что Евсевій и Лактанцій ничего не упоминаютъ объ этихъ ограниченіяхъ и говорятъ объ изданіи и распространеніи только самаго эдикта (Eus. h. e. IX, 1, 1; IX, 9a, 11—12; Lact. De mort. pers. 35, 1, ср. 36, 3, 214: [Максиминъ] inprimis indulgentiam Christianis communi titulo datam tollit).—Можно предположить, что обѣщанное Галеріемъ дополнительное письмо, вслѣдствіе его смерти и послѣдовавшаго затѣмъ столкновенія между Максиминомъ и Ликиніемъ, замедлило выходомъ, и получившіе уже эдиктъ Галерія[1] президы въ области Ликинія стали сами обращаться къ нему съ запросами по этому поводу, что и вызвало рескриптъ съ его стороны, гдѣ подтверждалось сдѣланное при Галеріи узаконеніе и къ нему присоединялись обѣщанныя еще Галеріемъ разъясненія. Этотъ именно изданный Ликиніемъ рескриптъ и отмѣняютъ въ Миланѣ Константинъ и Ликиній въ новомъ законѣ, предназначавшемся прежде всего для области Ликинія. Взглядъ на этотъ документъ, какъ содержавшій инструкцію Ликинія своимъ президамъ, высказываетъ Батиффоль, хотя у него онъ связанъ съ мнѣніемъ объ извѣстномъ обычно съ именемъ миланскаго эдикта памятникѣ, какъ лишь письмѣ Ликинія (см. выше, 55—6). Въ дѣйствительности, если Галерій не успѣлъ при своей жизни издать обѣщанное „письмо“, то выполнителемъ этого обѣщанія могъ быть тогда не кто другой, какъ только Ликиній, и по своей особой близости къ Галерію, и по своему настроенію въ отношеніи къ хри-

должны были соотвѣтствовать взгляду эдикта Галерія на христіанство, какъ на терпимое лишь зло, то почти съ несомнѣн-

---

стіанству. Онъ былъ давнимъ другомъ Галерія (De mort. pers. 20, 3: habebat ipse [Галерій] Licinium veteris contubernii amicum et a prima militia familiarem, cuius consiliis ad omnia regenda utebatur) и имъ былъ возвышенъ, при Галеріи онъ находился и предъ смертію послѣдняго въ Сердикѣ, гдѣ и былъ составленъ эдиктъ 311 г., и его покровительству Галерій, умирая, поручилъ супругу и сына (35, 3; впослѣдствіи, однако, подозрительный и жестокій тиранъ казнилъ ихъ, 50—51). Къ христіанству Ликиній никогда не имѣлъ особаго сочувствія, всегда въ душѣ оставался язычникомъ, а потомъ выступилъ и открытымъ гонителемъ христіанъ. Составленіе суровыхъ правилъ противъ христіанъ было поэтому, нужно думать, и въ данный моментъ вполнѣ въ духѣ Ликинія. Составленная имъ, въ формѣ рескрипта, инструкція президамъ была, можно полагать, послана и Константину, по крайней мѣрѣ, для свѣдѣнія; во всякомъ случаѣ, въ надписаніи рескрипта, какъ и всякихъ другихъ конституцій, имя Константина, какъ соправителя единой имперіи, должно было находиться. Для области Константина, какъ не имѣлъ въ сущности практическаго значенія самый эдиктъ Галерія,—хотя онъ изданъ былъ отъ имени и Константина и de jure долженъ былъ имѣть силу и для запада,—потому что христіане тамъ уже давно фактически пользовались свободой, такъ, конечно, не сопровождалось какими-либо особыми слѣдствіями и изданіе ограничительныхъ правилъ. Но можно предположить, что дополнительный къ эдикту документъ былъ посланъ Ликиніемъ и Максимину, и что имя послѣдняго также было поставлено въ началѣ его. Максиминъ, не опубликовавшій у себя эдикта, также, конечно, поступилъ и съ этимъ дополненіемъ къ нему. Однако, поскольку содержаніе этого документа было неблагопріятно для христіанъ, онъ не могъ не сочувствовать ему. И можно догадываться, не послужило ли для Максимина именно изданіе этого документа Ликиніемъ и полученіе его поводомъ и предлогомъ снова открыть гоненіе на христіанъ, спустя 6 мѣсяцевъ послѣ того, какъ оно было прекращено и на востокѣ чрезъ письмо Савина. Въ такомъ случаѣ, если инструкція издана была Ликиніемъ не сразу по смерти Галерія, здѣсь мы имѣли бы приблизительное указаніе на время ея изданія. При всей своей враждебности къ христіанамъ, Максиминъ, какъ видно изъ всего поведенія его, всегда въ то же время боялся своихъ западныхъ соправителей, и не слѣдуя вполнѣ ихъ требованіямъ, считался все-таки болѣе или менѣе съ ихъ заявленіями; рескриптъ Ликинія и могъ придать ему нужную смѣлость. Но самъ онъ въ своихъ мѣрахъ противъ христіанъ хотѣлъ идти гораздо далѣе, и ограничительныя правила Ликинія казались для него совершенно недостаточными. Онъ пришелъ съ своей стороны, въ концѣ концовъ, къ мысли—просто изгнать христіанъ изъ городовъ и ихъ окрестностей, выставивъ предлогомъ просьбы о томъ языческихъ жителей разныхъ городовъ и провинцій, внушенныя имъ же самимъ. Возможно, что его рескриптъ объ этомъ, отвѣчавшій на подобныя просьбы, который вырѣзывался на мѣдныхъ доскахъ или на камнѣ и выставлялся

постью можно утверждать, что между ними было запрещеніе пропаганды христіанства. Уже въ самомъ эдиктѣ слова: «ut

---

въ городахъ, явился какъ бы въ соотвѣтствіе рескрипту Ликинія, отвѣчавшему на запросы президовъ въ своей области. Въ греческомъ переводѣ этотъ новый рескриптъ Максимина приведенъ съ сокращеніями у Евсевія, IX, 7, 3—14, съ мѣдной доски въ Тирѣ. Конецъ его въ латинскомъ подлинникѣ сохранился въ надписи на камнѣ, найденной въ 1892 г. въ Арикандѣ въ Ликіи; далѣе въ надписи слѣдуетъ греческій текстъ просьбы отъ жителей Ликіи и Памфиліи—устранить безбожіе христіанъ и обратить ихъ къ почитанію боговъ (свѣдѣнія о надписи и снимокъ въ статьѣ *H. Leclercq*, „Arikanda“, въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie publié par F. Cabrol, I, 2, Paris 1907, c. 2835—43; текстъ данъ также, напр., въ *O. von Gebhardt*, Acta martyrum selecta. Berlin 1902, 184—5, *E. Preuschen*, Analecta. I. Tübingen 1909², 100—1). Максиминъ вообще, повидимому, желая дѣйствовать самостоятельно, на разные законодательные акты своихъ западныхъ соправителей отзывался своими соотвѣтствующими выступленіями: эдикту Галерія соотвѣтствуетъ письмо Савина въ силу устнаго распоряженія Максимина, рескрипту Ликинія, согласно съ сказаннымъ, долженъ соотвѣтствовать рескриптъ Максимина городамъ, можетъ быть, также и другія распоряженія, изданію миланскаго закона для запада (Иллирика)—письмо Савину, и наконецъ, опубликованію этого закона Ликиніемъ на востокѣ—изданный Максиминомъ предъ смертью эдиктъ. Дѣйствуя такимъ образомъ до войны съ Ликиніемъ 313 г., онъ, очевидно, не считалъ себя выступающимъ за предѣлы лойяльныхъ отношеній къ соправителямъ и признавалъ допустимымъ изданіе особыхъ законодательныхъ актовъ для востока отъ своего лица, когда для запада уже были изданы соотвѣтственные законы. Имя соправителей, вѣроятно, и онъ ставилъ, по обычаю, въ своихъ конституціяхъ вслѣдъ за своимъ именемъ, хотя у Евсевія, напр., въ посланіи Савину приведено имя лишь его самого и нѣтъ другихъ (такъ и въ inscriptio эдикта Галерія было опущено, нужно думать, самимъ Евсевіемъ имя Максимина. а затѣмъ—въ ЬDMΣΛ—имя и Ликинія). Характерно во всякомъ случаѣ, что прошеніе отъ жителей Ликіи и Памфиліи, на которое долженъ былъ послѣдовать отвѣтъ объ изгнаніи христіанъ, адресовано было не одному только Максимину, но и Ликинію и, вѣроятно, Константину (тамъ, гдѣ должно быть имя Константина, отчасти пробѣлъ, отчасти недостаетъ края плиты: ΓΑΛΕΡ ΟΥΑΛΕΡ ΜΑΞΙΜΕΙΝΩ ΚΑ[= ΚΑΙ?] ——— ——— ΚΑΙ ΟΥΑΛΕΡ ΛΙΚΙΝΝΙΑΝΩ ΛΙΚΙΝΝΙΩ; дополняютъ недостающее: ΚΑΙ ΚΩΝΣΤΑΝΤΕΙΝΩ, или ΚΑΙ ΦΑ ΟΥΑΛΕΡ ΚΩΝΣΤΑΝΤΕΙΝΩ); предполагалось, что повелѣніе Максимина будетъ согласно съ волею и другихъ правителей. Имѣлъ или нѣтъ Максиминъ дерзость поставить имя соправителей и въ этомъ рескриптѣ, но вообще онъ, очевидно, долженъ былъ такъ или иначе представлять себя дѣйствующимъ не въ противорѣчіи съ ними (ср. выраженіе о немъ Лактанція De mort. pers. 37, 1: dissimulauit). И если западные правители хотѣли противодѣйствовать такимъ постановленіямъ его, не нарушая добрыхъ съ нимъ отношеній, они могли дѣ-

denuo sint christiani», показываютъ, повидимому, что христіанамъ давалось только право на существованіе, но не на распространеніе своей вѣры, могли существовать (esse) тѣ христіане, которые уже раньше были христіанами, но нельзя было никому вновь дѣлаться (fieri) христіанином[1]). Вѣроятно,

---

лать это путемъ рѣшительныхъ, но высказанныхъ въ мирномъ тонѣ заявленій. Когда въ миланскомъ документѣ изданныя Ликиніемъ правила названы, подъ вліяніемъ, конечно, Константина, „оказавшимися весьма недобрыми и чуждыми кротости“, свойственной императорамъ, этимъ давалось понять Максимину, которому миланскій законъ немедленно былъ посланъ, что тѣмъ болѣе являются таковыми и должны быть отмѣнены тѣ мѣры, которыя параллельно съ мѣрами Ликинія приняты имъ противъ христіанъ. Максиминъ, отозвавшись на присылку этого документа письмомъ Савину, и пытается доказать вынужденность именно своего рескрипта городамъ.—Недоумѣнія можетъ вызывать отсутствіе упоминанія о какомъ-либо сопровождавшемъ эдиктъ Галерія ограниченіи правъ христіанъ въ разсказахъ Евсевія и Лактанція. Но если правила Ликинія, или его рескриптъ, могли имѣть дѣйствительную силу лишь въ его области и изданы были значительно позже самого эдикта Галерія, въ предѣлахъ же Максимина, включая и М. Азію, они совсѣмъ и не были обнародованы (даже въ Никомидіи), какъ изданныя и присланныя Максимину уже по завладѣніи имъ М. Азіей,—Евсевій и Лактанцій могли и не знать объ этомъ рескриптѣ. Во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что предпринималъ и замышлялъ противъ христіанъ Максиминъ, даже и весьма строгія сами по себѣ ограниченія въ рескриптѣ Ликинія могли казаться не имѣющими особаго значенія.—Если прилагаемыя къ инструкціи или рескрипту Ликинія въ миланскомъ узаконеніи названія: „scripta ad officium tuum data“ (§ 4), „datae ad officium tuum litterae“ (§ 7), сохраняются въ текстѣ этого узаконенія и при обнародованіи его Ликиніемъ въ Никомидіи въ качествѣ „litterae ad praesidem datae“, между тѣмъ какъ виѳинскій президъ въ дѣйствительности не получалъ ея, то въ объясненіе этого можно указать, что инструкція, какъ и самый разъясняемый ею эдиктъ Галерія, предназначалась и для президовъ М. Азіи, но только Максиминъ не захотѣлъ объявить ее тамъ. Еще проще дѣло объясняется, если предположить, что и инструкція Ликинія, и затѣмъ отмѣняющая ее миланская конституція, были адресованы въ первой инстанціи собственно префекту преторіи, Лактанцій же указываетъ уже, примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, адресата низшей инстанціи (ср. выше, 99). Между прочимъ, префектомъ преторіи у Ликинія могъ быть уже въ 311—313 гг. указываемый для 316 г. Юлій Юліанъ, дѣдъ по матери императора Юліана Отступника. Ср. *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. II. Berlin 1901, 499.

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. II. Спб. 1910, 162. Положеніе христіанъ въ данный моментъ въ этомъ отношеніи напоминало положеніе ихъ de facto, или еще ближе—положеніе іудеевъ и de jure и de facto, при Септиміи Северѣ, который, какъ сообщаетъ

по дополнительнымъ правиламъ подвергаемы были болѣе или менѣе суровымъ взысканіямъ и проповѣдники вообще христіанства, и совершавшіе крещеніе новообращенныхъ епископы, и, наконецъ, сами вновь вступавшіе въ церковь, такъ что многіе уже бывшіе по вѣрѣ христіанами, но еще не крестившіеся, удерживались этимъ отъ формальнаго присоединенія къ церкви, и можетъ быть опасались посѣщать богослужебныя собранія и въ качествѣ оглашенныхъ [1]). Но были, кромѣ того, указаны ограниченія правъ и разныя стѣснительныя мѣры (по отношенію, напр., къ богослужебнымъ собраніямъ) и для христіанъ, уже находившихся въ церкви: миланскій документъ говоритъ о «многихъ и различныхъ условіяхъ», стѣснявшихъ ихъ, называя эти условія весьма недобрыми и немилосердными (πάνυ σκαιὰ καὶ τῆς ἡμετέρας πραότητος ἀλλότρια). Христіанамъ дано было, такимъ образомъ, право на существованіе, но оно было обставлено условіями, которыя должны были препятствовать дальнѣйшему распространенію христіанства и содѣйствовать, напротивъ, если возможно, его сокращенію.

Всѣ эти ограниченія устраняются миланскимъ закономъ. Когда онъ предоставляетъ христіанамъ и всѣмъ другимъ полную свободу «слѣдовать той религіи, кто какой хочетъ» (§ 2: liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque voluisset), и «какую кто признаетъ для себя наиболѣе пригодною» (§ 3: quam ipse sibi aptissimam sentiret), этимъ разрѣшается уже и свободный переходъ изъ одной религіи въ другую. И по отношенію къ наличнымъ христіанамъ всякія стѣснительныя мѣры отмѣняются. Свобода въ выборѣ и содержаніи религіи предусматривается какъ бы и для самихъ правителей, которые прежде считались охранителями государственной религіи (§ 3: divinitas, cujus religioni liberis mentibus obsequimur). Здѣсь

Spartianus, Vita Seueri, 17: Iudaeos fieri sub graui poena uetuit. idem etiam de Christianis sanxit (но за іудеями право существованія признавалось). При этомъ въ выраженіи эдикта Галерія: ut denuo sint christiani, нѣтъ необходимости видѣть, подобно Батиффолю, указаніе на возстановленіе лишь утверждавшейся уже юридически ранѣе свободы. Имѣется въ виду только фактическая терпимость по отношенію къ христіанамъ, дававшая имъ возможность такъ или иначе существовать (esse) въ промежутки между гоненіями правительства, какъ это было и предъ гоненіемъ самого Галерія; теперь она облекается въ юридическую форму.

[1]) На это, вѣроятно, указываютъ слова во введеніи къ миланскому закону: τυγὸν ἴσως τινες αὐτῶν μετ' ὀλίγον ἀπὸ τῆς τοιαύτης παραφυλάξεως ἀπεκρούοντο.

нѣтъ уже упоминанія о «древнихъ законахъ», объ «установленіяхъ, сдѣланныхъ древними», и императоры выступаютъ не какъ почитатели «боговъ», защитники многобожія, а какъ послѣдователи монотеизма, хотя исповѣдуемаго въ самыхъ общихъ выраженіяхъ (summa divinitas) [1]).

Такимъ образомъ, если ни при Александрѣ Северѣ, ни при Галліенѣ не было издано актовъ, измѣнявшихъ по существу юридически безправное положеніе христіанъ, если эдиктомъ Галерія, хотя и дано было имъ право существованія, но съ значительными лишь ограниченіями въ проявленіяхъ религіозной жизни, то миланскимъ закономъ объявлена была для нихъ уже полная свобода.

2) Быть христіаниномъ значило принадлежать къ церкви. Христіане особо опасными въ глазахъ правительства и являлись именно потому, что объединялись въ особое организованное общество, все болѣе и болѣе возраставшее въ количествѣ своихъ членовъ. Такимъ образомъ, уже вопросъ о личной свободѣ христіанъ можетъ быть разсматриваемъ лишь въ связи съ вопросомъ объ отношеніи государства къ церкви. Но фактически, не смотря на общее положеніе: non licet esse vos, не только христіане, какъ отдѣльныя лица, существовали и пользовались имущественными и другими правами, хотя и подъ страхомъ постоянной опасности лишиться не только имущества, но и самой жизни за исповѣданіе христіанства,—но и христіанскія общины, именно какъ общины, обладали принадлежавшими имъ, а не отдѣльнымъ ихъ членамъ, имуществами, прежде всего молитвенными зданіями. Были ли для этого послѣдняго факта юридическія основанія?

Такія основанія Перуджи, вмѣстѣ съ многими другими учеными, хочетъ видѣть въ римскихъ законахъ о неприкосновенности мѣстъ погребенія и о погребальныхъ коллегіяхъ. Батиффоль, напротивъ, не придавая значенія этимъ законамъ, думаетъ находить въ особыхъ императорскихъ постановленіяхъ и юридическое признаніе христіанскихъ общинъ, какъ корпорацій. Сантуччи рѣшаетъ вопросъ о правоспособности христіанскихъ общинъ до Константина отрицательно, въ законахъ о loca religiosa и—частію, болѣе или менѣе—о погребальныхъ коллегіяхъ видитъ лишь полезные для христіанъ институты,

---

[1]) Ср. *Batiffol*, La paix constantinienne, 241—5.

за самими христіанами легальныхъ правъ, однако, не обезпечивавшіе.

Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ въ общемъ и нужно согласиться. Институтъ loca religiosa, вытекавшій изъ особыхъ воззрѣній римлянъ вообще на мѣста погребенія и изъ уваженія къ нимъ, имѣлъ настолько общее и настолько важное значеніе, что для христіанъ было вполнѣ возможно и весьма естественно воспользоваться имъ при ихъ безправномъ положеніи. Катакомбы или кимитиріи христіанъ оставались обычно болѣе или менѣе неприкосновенными и во время гоненій, за исключеніемъ лишь послѣдняго гоненія Діоклетіана и его соправителей, и христіанамъ лишь запрещался доступъ къ нимъ. Но фактическое пользованіе ими во время мира, очевидно, вовсе не указываетъ на признаніе христіанскихъ общинъ корпораціями въ юридическомъ смыслѣ [1]).

---

[1]) О значеніи для христіанъ въ періодъ гоненій института loca religiosa см. *П. Соколовъ*, Церковноимущественное право въ греко-римской имперіи. Новгородъ 1896, 41—48. Ср. также *И. Бердниковъ*, Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи. I. Казань 1881, 92—95, 547—552. Вообще о мѣстахъ погребенія христіанъ въ эту эпоху—статьи *N. Müller*, „Koimeterien“, въ Hauck's RE³X (1901), 794—877f; *H. Leclercq*, „Area“, въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, I, 2 (1902), c. 2787—2802, „Catacombes“, II, 2 (1910), 2376—2450, „Cella“, II, 2, 2881—2905, „Cimetière“, III, 2 (fasc. 29, 1913), 1625—1665. Кромѣ подземныхъ катакомбъ, у христіанъ были и надземныя мѣста погребенія. Въ Африкѣ катакомбъ вообще почти не было, и были лишь надземные кимитиріи, называвшіеся тамъ обычно areae (въ этомъ же смыслѣ употребляется и слово hortus). Неприкосновенность построеннаго на предназначенномъ для погребенія участкѣ зданія, monumentum, каковымъ могло быть и весьма обширное сооруженіе (cella memoriae, memoria martyrum у христіанъ), была ограждена закономъ; законъ бралъ подъ свою защиту и разныя другія, назначенныя для поддержанія въ порядкѣ мѣста погребенія, имущества. Правда, какъ сообщаетъ Тертулліанъ, въ Африкѣ бывало, что въ праздникъ вакханалій язычники осмѣливались christianorum cadavera de requie sepulturae et de asylo quodam mortis avellere (Apol. 36), и въ 203 году слышны были въ Карѳагенѣ крики: areae non sint (ad Scap. 3). Но само правительство, если и оставляло подобные безпорядки со стороны толпы безнаказанными, то, съ другой стороны, и не поощряло ихъ. Въ гоненіе Валеріана, повидимому, запрещенъ лишь былъ доступъ христіанамъ въ кимитиріи для богослужебныхъ собраній (Acta Cypr. I, 7: Praecesserunt etiam, ne in aliquibus locis conciliabula fiant, nec coemeteria ingrediantur. Евс. h. e. VII, 11, 10: οὐδαμῶς δὲ ἐξεστι οὔτε ὑμῖν οὔτε ἄλλοις τισὶν ἢ συνόδους ποιεῖσθαι ἢ εἰς τὰ καλούμενα κοιμητήρια εἰσιέναι). Но въ гоненіе при Діоклетіанѣ, когда изданъ былъ указъ о разрушеніи церквей, несомнѣнно были

Такое признаніе дѣйствительно имѣло бы до извѣстной степени мѣсто въ томъ случаѣ, если бы самыя общины отождествлены были въ глазахъ римскаго правительства съ «дозволенными» погребальными коллегіями. Однако, съ одной стороны, если бы это было вѣрно, всетаки это было бы только фикціею: христіанскія общины были бы признаны въ сущности дозволенными не какъ таковыя, не какъ то, чѣмъ онѣ являются на дѣлѣ, а какъ то, за что онѣ лишь выдаютъ себя. Но съ другой стороны, самый фактъ, что христіане формально когда-либо выдавали себя за такія коллегіи, хотя это и признаютъ вслѣдъ за де-Росси весьма многіе ученые, нужно, повидимому, считать болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Христіанскія общины могли фактически существовать такъ же, какъ существовали на дѣлѣ и многія другія коллегіи, формально не признанныя и въ этомъ смыслѣ «недозволенныя» и какихъ-либо юридическихъ прерогативъ не имѣвшія, однако терпимыя: правительство не признавало ихъ за согрога въ собственномъ смыслѣ, но и не преслѣдовало. Терпимость нѣкоторыхъ императоровъ и по отношенію къ христіанамъ въ этомъ направленіи могла простираться весьма далеко, такъ что могло получаться впечатлѣніе, что своими рѣшеніями въ пользу ихъ они какъ бы усвояютъ имъ даже корпоративныя права [1]).

разрушаемы, или же конфискуемы, и молитвенныя зданія при гробахъ мучениковъ. Правительство въ этомъ случаѣ могло сослаться на то, что мученики, съ точки зрѣнія закона, являются уголовными преступниками, казненными за crimen laesae majestatis, а такія лица вообще лишены права на законномѣрное погребеніе, что являлось необходимымъ условіемъ для огражденія закономъ мѣста погребенія (ср. Соколовъ, 47—48). У Евсевія (VIII, 6, 7) о гоненіи Діоклетіана сообщается, что въ самомъ началѣ гоненія казненныхъ за христіанство придворныхъ (τοὺς βασιλικοὺς παῖδας), уже послѣ погребенія правители нашли нужнымъ выкопать изъ могилъ и бросить въ море, изъ опасенія, чтобы христіане не стали поклоняться имъ какъ богамъ, если они будутъ находиться въ гробницахъ. Особое упоминаніе о возвращеніи церквамъ мѣстъ погребенія мучениковъ дѣлается въ указѣ Константина послѣ гоненія Ликинія (V. C. II, 40). Нужно однако имѣть въ виду, что вслѣдствіе вообще запрещенія погребать въ городахъ, находившіяся въ самыхъ городахъ молитвенныя зданія, и слѣдовательно, „каѳедральный“ храмъ, не могли пользоваться охраной по законамъ о loca religiosa (Соколовъ, 42, 47).

[1]) По вопросу о томъ, выдавали ли себя христіане во время гоненій за погребальныя коллегіи, см. обстоятельную статью *J.-P. Waltzing*, „Collegia“, въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, III, 2 (fasc. 30—31, 1913), с. 2107—2140 (автора обширнаго труда Étude historique sur les corporations professionelles chez les Romains depuis les ori-

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется взглядъ Батиффоля на дѣйствія Александра Севера и Галліена. Что

gines jusqu' à la chute de l'Empire d'Occident. I — II. Louvain 1895 — 1900). Здѣсь (2109—2110), также въ упомянутой выше статьѣ *N. Müller*'а, въ RE³X, 840, можно найти указаніе литературы вопроса. Мнѣніе, что христіанскія общины выступали предъ правительствомъ въ качествѣ погребальныхъ коллегій, высказалъ впервые и попытался обосновать *de Rossi* (1864). Съ нимъ соглашаются, напр., Allard, Boissier, Leclercq, Löning, Kraus, Neumann. Критически отнеслись къ этому мнѣнію *L. Duchesne* (прежде всего въ литографированныхъ лекціяхъ 1878—1881 гг.—Les origines chrétiennes), *V. Schultze* (De Christianorum veterum rebus sepulcralibus. Gotha 1879, и Die Katakomben. Lpz. 1882, ср. RE³ X, 840) и въ русской литературѣ *И. Вердниковъ* (Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи I. Казань 1881, 548—551). Такъ же относятся къ нему Kirsch, Sohm, Harnack, Heinze, Batiffol. *Waltzing* сначала держался мнѣнія де-Росси (въ Étude, I, 133 — 134, 139, 150 — 151), но потомъ рѣшительно перешелъ на сторону его противниковъ (уже въ томъ же Étude, I, 316; ср. Dictionn. III, 2, 2109 — 2110). Какъ разъясняется въ названной статьѣ его, можно различать, съ точки зрѣнія положенія въ государствѣ, 4 вида коллегій, существовавшихъ въ первые вѣка христіанства въ римской имперіи. 1) Правами юридической личности пользовались и обозначались названіемъ corpus (въ юридическомъ смыслѣ) собственно тѣ коллегіи, которыя были признаны государствомъ чрезъ особое распоряженіе сената (въ Италіи) или императора (въ провинціяхъ): collegia licita. 2) Помимо этихъ „дозволенныхъ“ коллегій, существовало, однако, въ имперіи немало такихъ, которыя не были признаны или „дозволены“, были слѣдовательно collegia illicita, но не были и преслѣдуемы. Правъ юридической личности онѣ не имѣли, ихъ имущество считалось, съ точки зрѣнія закона, собственностью отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ ихъ составъ (hominum singulorum), а не самой коллегіи въ цѣломъ; такая коллегія не могла, напр., получать наслѣдство по завѣщанію. 3) „Недозволенныя“ въ этомъ смыслѣ коллегіи подвергались преслѣдованію въ томъ случаѣ, если онѣ оказывались почему-либо опасными для государства или общества, превращались въ factiones. Эпитетъ illicita въ отношеніи къ такимъ коллегіямъ имѣлъ уже особый смыслъ. Очевидно, что даже и узаконенная первоначально коллегія, если ея дѣятельность принимала опасный характеръ, могла подвергнуться запрещенію. 4) Особое исключеніе изъ общаго правила римское правительство дѣлало для несостоятельныхъ людей, соединявшихся въ общества, цѣлью которыхъ было устроять приличное погребеніе своимъ членамъ: collegia tenuiorum, или—по придуманному Моммсеномъ названію—collegia funeraticia. Эти коллегіи получали права юридическихъ лицъ, такъ что имѣли особую кассу (arca), мѣсто для собраній (schola, templum), участокъ земли для погребенія, и слѣдовательно, были collegia licita—въ силу простого лишь заявленія въ полиціи (въ Римѣ у praefectus urbis) объ открытіи подобнаго общества.—Нѣтъ никакихъ ясныхъ доказательствъ, чтобы христіане пытались пріобрѣсти

Александръ Северъ призналъ за христіанскимъ обществомъ право имущественнаго владѣнія, какъ за corpus christianorum,

себѣ право на юридическое существованіе въ государствѣ подъ видомъ этихъ именно погребальныхъ коллегій, напротивъ, многое говоритъ противъ этого предположенія. Христіанскія общины въ большихъ городахъ были слишкомъ многолюдны, чтобы ихъ можно было съ удобствомъ выдавать за погребальныя братства, обычно весьма незначительныя по числу членовъ. И самыя задачи и организація тѣхъ и другихъ были совершенно различныя, и это должно было быть хорошо извѣстно языческимъ властямъ. Распространены были погребальныя коллегіи, при томъ, только на западѣ, на востокѣ же ихъ и не было. Кельсъ во второй половинѣ II в. прямо ставилъ христіанамъ въ упрекъ, что они составляютъ общества тайно и противозаконно (κρύβδην—παρὰ τὰ νενομισμένα), и Оригенъ въ 248 г. отвѣтилъ на это только то, что истина должна быть ставима выше государственныхъ узаконеній (c. Cels. I, 1). Если обычно ссылаются въ подтвержденіе указанной гипотезы на Тертулліана, Apolog. 39, то въ дѣйствительности Тертулліанъ хочетъ здѣсь доказать, что христіанскія общины не могутъ быть подведены подъ понятіе „inlicitae factiones“, а не то, что онѣ прямо относятся къ погребальнымъ коллегіямъ, или представляютъ полную аналогію именно съ ними. Въ сущности, нѣтъ и никакой необходимости въ этой гипотезѣ: если вообще существовали въ имперіи „недозволенныя“, въ смыслѣ неразрѣшенныхъ формально, но и не запрещаемыхъ прямо, общества, съ принадлежавшимъ имъ de facto имуществомъ, которое, однако, de jure считалось собственностью лишь отдѣльныхъ членовъ ихъ, этимъ уже объясняется возможность фактическаго сущэствованія и христіанскихъ общинъ въ эпоху гоненій и помимо какой-либо юридической фикціи. Извѣстное сходство (при различіи по существу) христіанскихъ общинъ съ погребальными коллегіями могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствовать установленію болѣе снисходительнаго взгляда представителей власти и на христіанскія общины, но нельзя видѣть здѣсь основу вообще юридическаго ихъ положенія.—Нужно замѣтить, что *В. Б. Ельяшевичъ*, Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ. Спб. 1910, 348—350, протестуетъ противъ приложенія (у Waltzing'a въ Étude I, 132, также Kornemann'a и Mitteis'a) названія illicita къ несанкціонированнымъ, но и непреслѣдуемымъ коллегіямъ. Но вопросъ въ данномъ случаѣ (независимо отъ вопроса о смыслѣ lex Julia) сводится собственно къ терминологіи. Если коллегія безъ государственной санкціи у самихъ римскихъ юристовъ (у Павла) характеризуется, какъ corpus, cui non licet coire, то къ ней можетъ быть приложено въ извѣстномъ смыслѣ и названіе collegium non licitum = illicitum. Съ другой точки зрѣнія и въ другомъ смыслѣ, поскольку существованію и дѣятельности такихъ коллегій не ставилось препятствій, онѣ, конечно, могли называться и licita, и возможно, что приводимыя авторомъ (349₅₈) слова Тертулліана о христіанахъ, Apolog. 38: inter licitas factiones sectam istam deputari oportebat, имѣютъ въ виду не разрѣшенныя особымъ актомъ коллегіи, но и не collegia funeraticia, а именно коллегіи лишь игнорируемыя, но непреслѣдуемыя.

это Батиффоль выводитъ изъ разсказа его біографа о рѣшеніи имъ (rescripsit) въ пользу христіанъ въ Римѣ спора ихъ о занятомъ ими земельномъ участкѣ (locus publicus) съ трактирщиками. Однако, остается неизвѣстнымъ, какъ обставленъ былъ съ формальной стороны этотъ судебный процессъ христіанъ, не выступало ли, напр., въ качествѣ представителя отъ христіанъ одно лицо, которое и могло считаться (а не вся община) предъ закономъ владѣльцемъ или распорядителемъ пріобрѣтенной или занятой земли [1]). Въ рескриптѣ же Галліена египетскимъ епископамъ рѣчь шла именно лишь о допущеніи христіанъ къ «τόποι θρησκεύσιμοι» (= loca religiosa?), или, какъ говорилось въ конституціи къ другимъ епископамъ, къ кимитиріямъ [2]). Возстановлялось прежнее фактическое положеніе дѣла, но для вывода, что разрѣшаемое христіанамъ пользованіе кимитиріями указывало на признаніе христіанскихъ общинъ корпораціями въ собственномъ смыслѣ, здѣсь нѣтъ основаній.

Эдиктъ Галерія 311 г. даетъ христіанамъ право собираться для богослуженія, можетъ быть, также строить молитвенные дома [3]). Но въ какой юридической формѣ осуществлялось вла-

[1]) Lampridii Alex. Seuerus, 42, 6 (*Peter* I, 263): cum Christiani quendam locum, qui publicus fuerat, occupassent, contra popinarii dicerent, sibi eum deberi, rescripsit, melius esse, ut quemadmodumcumque illic deus colatur, quam popinariis dedatur. Какъ замѣчаетъ, *Waltzing*, въ Dictionn. d'archéologie, III, 2, 2134₁₀, употребляемыя Лампридіемъ выраженія „christiani“ и „popinarii“ могутъ означать, что христіане и трактирщики дѣйствовали въ этомъ случаѣ какъ singuli, а не какъ corpus, если бы даже и тѣ и другіе составляли на дѣлѣ корпорацію, хотя самъ онъ считаетъ обратное болѣе вѣроятнымъ. Предполагаютъ, что мѣсто, о которомъ шелъ споръ, было въ Trastevere, тамъ гдѣ находится нынѣ церковь св. Дѣвы Маріи (S. Maria), или (по Erbes)—гдѣ церковь св. Кекиліи. Ср. *K. J. Neumann*, Der römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian. I. Lpz. 1890, 209, 311.

[2]) Ср. выше, 116.

[3]) У Евсевія слова эдикта: ut — — conuenticula sua componant (§ 4), переводятся: ἵνα — — τοὺς οἴκους ἐν οἷς συνήγοντο, συνθῶσιν. „Conuenticulum“ можетъ означать и собраніе, и мѣсто собранія. Въ De mort. pers. 36, 3, встрѣчается выраженіе „conuenticula extruere“ о христіанскихъ храмахъ. „Componere“ въ комбинаціи съ conuenticula, повидимому, скорѣе могло бы указывать на устройство собраній; но оно можетъ употребляться и какъ синонимъ extruere, когда говорится о построеніи зданій (componere domum, templa, urbem). Мнѣнія относительно даннаго мѣста эдикта поэтому раздѣляются. Одни, согласно съ Евсевіемъ, видятъ здѣсь разрѣшеніе строить храмы (Belser, Hülle), другіе—устроять собранія (Baudri,

дѣніе христіанскихъ общинъ имуществомъ, не приходилось ли и теперь отдѣльнымъ лицамъ выдавать себя предъ зако-

E. Schwartz, Bihlmeyer). Ср. *Bihlmeyer*, 571—2 (572: „Wäre Wiederaufbau der Kirchen gemeint, so würde es wohl deutlicher extruant heissen“). Эдиктъ Галерія и здѣсь представляетъ, такимъ образомъ, своеобразную, хотя, можетъ быть, и непредвидѣнную, двусмысленность. Дозволеніе строить зданія для богослужебныхъ собраній, разумѣется, само собой предполагало и разрѣшеніе этихъ собраній. Но обратный выводъ—изъ разрѣшенія собраній о разрѣшеніи устроять и особыя для нихъ зданія—не слѣдовалъ съ необходимостью. Нужна была и относительно этого пункта какая-либо дальнѣйшая „certa forma“, чтобы устранить неопредѣленность. Сами христіане, естественно, склонны были истолковывать законъ въ наиболѣе благопріятномъ для себя смыслѣ, и латинскій текстъ самъ по себѣ не представлялъ никакихъ къ тому препятствій. Въ такомъ именно смыслѣ онъ и переданъ у Евсевія. Что вопросъ о постройкѣ храмовъ христіанами привлекалъ тогда особое вниманіе къ себѣ, это видно изъ сообщенія Лактанція, что Максиминъ, завладѣвшій частью области Галерія послѣ его смерти, лишая христіанъ правъ, данныхъ эдиктомъ 311 г., внушалъ посольствамъ отъ городовъ просить именно о недозволеніи христіанамъ строить въ городахъ храмы (36, 3, 215: ne intra ciuitates suas Christianis conuenticula extruere liceret), и онъ поручилъ вновь учрежденной имъ языческой іерархіи наблюдать между прочимъ, и за этимъ (36, 4: <ut *add. Baluze*> Christiani neque <conuenticula *add. Heumann*> fabricarent). Намѣренія Максимина, правда, простирались на дѣлѣ и гораздо далѣе, и весьма трудно объяснить, почему Лактанцій не говоритъ здѣсь и о желаніи его совсѣмъ изгнать христіанъ изъ городовъ (Eus. h. e. IX, 2, 2; 9a, 17; 10, 12). Но возможно, что, напр., въ Никомидіи, гдѣ эдиктъ Галерія былъ уже обнародованъ, можетъ быть, и въ другихъ городахъ, къ вопросу о храмахъ главнымъ образомъ и сводилась петиція гражданъ, Максиминъ же навязывалъ имъ свое собственное желаніе. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о храмахъ имѣлъ тогда, послѣ гоненія, направленнаго именно къ разрушенію или конфискаціи храмовъ, особую важность для христіанъ. Лактанцій и о Ликиніи сообщаетъ, что по обнародованіи въ Никомидіи миланскаго узаконенія, онъ далъ еще и устное распоряженіе о приведеніи храмовъ въ прежнее состояніе (48, 13, 233; etiam uerbo hortatus est, ut conuenticula <in> statum pristinum redderentur). Максиминъ, въ свою очередь, въ своемъ послѣднемъ эдиктѣ, изданномъ уже въ пользу христіанъ, нашелъ нужнымъ особо упомянуть о разрѣшеніи строить церкви (Eus. h. e. IX, 10, 10, 844: καὶ τὰ κυριακὰ δὲ τὰ οἰκεῖα ὅπως κατασκευάζοιεν, συγχωρῆται. Характерно въ данномъ случаѣ употребленіе язычникомъ Максиминомъ чисто христіанскаго названія τὸ κυριακόν; очевидно, оно было общераспространеннымъ на востокѣ въ то время (нѣтъ основаній думать, подобно Батиффолю, La paix Const. 239$_2$, что оно введено лишь греческимъ переводчикомъ документа: и въ латинскомъ текстѣ могло стоять соотвѣтствующее ему dominicum). — Дозволеніе строить храмы, — если оно именно разумѣлось въ эдиктѣ Галерія,—данное въ общей формѣ, не предрѣшало еще само по себѣ вопроса о юридической формѣ, въ какой

номъ обладателями того, что на дѣлѣ принадлежало церкви, въ эдиктѣ не опредѣляется. Между тѣмъ, съ этимъ связанъ вопросъ, признаетъ или нѣтъ правительство за христіанами корпоративныя права въ собственномъ смыслѣ. Христіане могли собираться для богослуженія, но съ этимъ еще не соединялось непремѣнно право общины выступать въ качествѣ юридическаго лица и совершать имѣющіе законную силу юридическіе акты. Съ общей тенденціей эдикта,—разрѣшивъ христіанамъ существованіе въ имперіи, въ то же время не создавать удобныхъ условій для дальнѣйшаго развитія церкви, это было бы вполнѣ согласно. О возвращеніи христіанамъ мѣстъ богослуженія, которыми они пользовались раньше, въ эдиктѣ нѣтъ рѣчи. Въ дополнительной же къ нему инструкціи, можетъ быть, предоставлялось христіанамъ воспользоваться молитвенными зданіями, если они не были разрушены, или, по крайней мѣрѣ, мѣстами, гдѣ они находились, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти зданія и мѣста послѣ конфискаціи оставались за казной и считались собственностью государства; но если казна успѣла уже передать ихъ въ другія руки путемъ продажи или даренія, какія-либо претензіи христіанъ на обратное полученіе ихъ являлись недопустимыми и, можетъ быть, заранѣе прямо отстранялись [1]).

должно было осуществляться владѣніе этими храмами. Тѣмъ болѣе простое дозволеніе собираться для богослуженія не указывало, что за христіанскими общинами утверждаются еще какія-либо права помимо этого права—собираться, не подвергаясь преслѣдованію. Jus coeundi вообще считалось въ римскомъ правѣ характернымъ признакомъ для collegia licita. Но по отношенію къ религіозному обществу на этомъ элементарномъ правѣ—имѣть богослужебныя собранія—дѣло и могло остановиться. Только оно и было дано, можетъ быть—вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ строить необходимыя для этихъ собраній зданія, эдиктомъ 311 г., но и то съ многозначительнымъ замѣчаніемъ о ненарушеніи требованій „дисциплины“ и обѣщаніемъ издать ограничительныя условія.

[1]) На это, можетъ быть, указываетъ упоминаніе въ миланскомъ законѣ о какомъ-то сдѣланномъ ранѣе постановленіи относительно этихъ мѣстъ въ § 7: de quibus etiam datis ad officium tuum litteris certa antehac forma fuerat comprehensa, въ прямой связи съ дѣлаемымъ теперь распоряженіемъ о возвращеніи ихъ христіанамъ. Если инструкція Ликинія представляла собою рескриптъ, данный въ отвѣтъ на запросы о разныхъ сразу же встрѣтившихся недоумѣніяхъ по поводу Галеріева эдикта, который оставался пока безъ обѣщаннаго дополненія, между тѣмъ долженъ былъ вступить въ силу немедленно по своемъ объявленіи, то возможно, что и этотъ пунктъ являлся въ

Совершенно иное видимъ и въ этомъ пунктѣ въ миланскомъ узаконеніи. На ряду съ дарованіемъ христіанамъ полной религіозной свободы, имъ возвращаются всѣ, конфискованныя ранѣе, мѣста богослужебныхъ собраній, кто бы ни оказывался ихъ владѣльцемъ въ данный моментъ,—равно и все другое недвижимое имущество, бывшее достояніемъ цѣлыхъ общинъ, а не отдѣльныхъ лицъ. Вознагражденіе за убытки языческимъ владѣльцамъ обѣщаетъ давать само правительство. Но что здѣсь является особенно важнымъ, это та юридическая квалификація, съ какой выступаетъ здѣсь фактъ возвращенія христіанскимъ общинамъ ихъ имущества.

Для Африки Константинъ издалъ постановленіе о возвращеніи церквамъ имуществъ на имя проконсула Анулина [1]) вѣроятно еще нѣсколько ранѣе, до совѣщанія въ Миланѣ съ Ликиніемъ, повелѣвъ то, что принадлежало прежде «каѳоличе ской церкви христіанъ во всѣхъ городахъ, также и въ иныхъ

рескриптѣ отвѣтомъ на спеціальный вопросъ. Въ самомъ миланскомъ узаконеніи, во всякомъ случаѣ, говорится о возвращеніи христіанамъ мѣстъ богослуженія и вообще церковнаго имущества не конфисковавшимъ ихъ правительствомъ, а дальнѣйшими уже владѣльцами. Само собою разумѣется, что казна прежде всего должна была отдать христіанамъ то, что было захвачено ею и не перешло отъ нея къ кому-либо другому. Но когда и какъ это было осуществлено, остается неяснымъ, если не предположить, что это было сдѣлано въ инструкціи Ликинія, несмотря на ея неблагопріятное въ цѣломъ отношеніе къ христіанамъ. Въ письмѣ Анулину встрѣчается общее замѣчаніе о рѣшеніи Константина, чтобы церквамъ возвращена была ихъ собственность (X, 5, 16: ἐπειδήπερ προῃρήμεθα —— ἀποκατασταθῆναι). *Batiffol*, La paix Constantinienne, 250,, хочетъ видѣть здѣсь (προῃρεῖσθαι=constituere) указаніе на особый законодательный актъ (миланскій законъ?). Но возможно, что Константинъ указываетъ здѣсь просто лишь на свою волю въ данномъ случаѣ.

[1]) Eus. h. e. X, 5, *Schwartz* 887: [15] Χαῖρε Ἀνουλῖνε, τιμιώτατε ἡμῖν. ἔστιν ὁ τρόπος οὗτος τῆς φιλαγαθίας τῆς ἡμετέρας, ὥστε ἐκεῖνα, ἅπερ δικαίῳ ἀλλοτρίῳ προσήκει, μὴ μόνον μὴ ἐνοχλεῖσθαι, ἀλλὰ καὶ ἀποκαθιστᾶν βούλεσθαι ἡμᾶς, Ἀνουλῖνε τιμιώτατε. [16] ὅθεν βουλόμεθα ἵν', ὁπόταν ταῦτα τὰ γράμματα κομίσῃ, εἴ τινα ἐκ τούτων τῶν τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ καθολικῇ τῶν Χριστιανῶν ἐν ἑκάστοις πόλεσιν ἢ καὶ ἄλλοις τόποις διέφερον [καὶ] κατέχοιντο νῦν ἢ ὑπὸ πολιτῶν ἢ ὑπό τινων ἄλλων, ταῦτα ἀποκατασταθῆναι παραχρῆμα ταῖς αὐταῖς ἐκκλησίαις ποιήσῃς, ἐπειδήπερ προῃρήμεθα ταῦτα ἅπερ αἱ αὐταὶ ἐκκλησίαι πρότερον ἐσχήκεσαν, τῷ δικαίῳ αὐτῶν ἀποκατασταθῆναι. [17] ὁπότε τοίνυν συνορᾷ ἡ καθοσίωσις ἡ σὴ ταύτης ἡμῶν τῆς κελεύσεως σαφέστατον εἶναι τὸ πρόσταγμα, σπούδασον, εἴτε κῆποι εἴτε οἰκίαι εἴθ' ὁτιοῦνθήποτε τῷ δικαίῳ τῶν αὐτῶν ἐκκλησιῶν διέφερον, σύμπαντα αὐταῖς ἀποκατασταθῆναι ὡς τάχιστα, ὅπως τοῦτῳ ἡμῶν τῷ προστάγματι ἐπιμελεστάτην σε πειθάρχησιν παρεσχηκέναι κατεμάθοιμεν. ἔρρωσο, Ἀνουλῖνε, τιμιώτατε καὶ ποθεινότατε ἡμῖν.

мѣстахъ», и что̀ оказалось послѣ гоненія во владѣніи «или гражданъ или кого-либо иного», немедленно отдать церквамъ, возстановивъ церкви въ ихъ правѣ на эти имущества, будутъ ли это сады, зданія, или что другое, относившееся къ ихъ «праву». Здѣсь уже, такимъ образомъ, Константинъ говоритъ о «правѣ» церквей и ставитъ вопросъ о церковномъ имуществѣ на юридическую почву [1]).

Съ еще большею опредѣленностью высказывается объ этомъ милапскій законъ. Употребляемые въ немъ термины

[1]) Этотъ документъ, очевидно, по своему содержанію соотвѣтствуетъ второй половинѣ миланской конституціи, и поэтому заслуживаетъ въ данномъ случаѣ особаго вниманія. Прямыхъ данныхъ для опредѣленія времени, когда онъ былъ изданъ, нѣтъ. Помѣщеніе его Евсевіемъ вслѣдъ за миланскимъ узаконеніемъ, съ заглавіемъ: Ἀντίγραφον ἑτέρας βασιλικῆς διατάξεως, ἣν αὐθις πεποίηται [πεποίηνται R], не свидѣтельствуетъ еще о хронологическомъ порядкѣ обоихъ документовъ. Весьма вѣроятно, что Константинъ не замедлилъ написать это письмо еще изъ Рима въ концѣ 312 г., вскорѣ же послѣ побѣды надъ Максентіемъ. Если уже Максентій возвратилъ ранѣе въ Римѣ церкви ея владѣнія, тѣмъ болѣе долженъ былъ поспѣшить сдѣлать теперь то же для Африки Константинъ. Издать распоряженіе для своей области онъ могъ, конечно, не входя въ какія-либо разсужденія съ Ликиніемъ, хотя имя послѣдняго и могло быть поставлено въ inscriptio письма Анулину (если принять чтеніе πεποίηνται R и ὑποσημηνάμενοί ATER, то нужно думать, что самъ Евсевій видѣлъ это имя въ неприведенномъ у него inscriptio). Африка и Италія принадлежали ранѣе Максентію, поэтому эдиктъ Галерія 311 г. и разъясненія къ нему Ликинія здѣсь не имѣли силы. Отсюда и миланскій законъ, отмѣнявшій сопровождавшія этотъ эдиктъ ограниченія, въ этихъ бывшихъ областяхъ Максентія не соотвѣтствовалъ бы съ этой стороны мѣстнымъ обстоятельствамъ.—Особенности того и другого документа, очевидно, должны быть объясняемы различіемъ ихъ назначенія и условій ихъ изданія, хотя не все здѣсь является вполнѣ яснымъ. Такъ, 1) въ письмѣ Анулину мѣста богослужебныхъ собраній и прочее имущество не различаются особо, какъ два вида церковной собственности, какъ это дѣлается въ миланскомъ законѣ, но говорится вообще о садахъ, зданіяхъ и о всемъ прочемъ, что̀ принадлежало церквамъ. Но подъ κῆποι (=horti, служившіе кимитиріями) и οἰκίαι здѣсь могутъ разумѣться и богослужебныя мѣста, и употребляемый Константиномъ способъ выраженія (съ прибавкою: εἴτ' ὁτιουνδήποτε τῷ δικαίῳ τῶν αὐτῶν ἐκκλησιῶν διέφερον) долженъ такъ или иначе включать и эти мѣста. Въ миланскомъ законѣ указанное разграниченіе вызывалось, повидимому, именно тѣмъ, что о мѣстахъ богослужебныхъ собраній въ дополненіи къ эдикту Галерія сдѣлано было какое-то постановленіе (§ 7: certa forma), почему о нихъ оказывалось необходимымъ сказать особо, не оставляя безъ вниманія и прочее церковное имущество. Между прочимъ, въ позднѣйшемъ эдиктѣ Максимина (Eus. h. e. IX, 10, 11) въ качествѣ церковнаго имущества также упоминаются вообще οἰκίαι καὶ χωρία,

обнаруживаютъ явное намѣреніе законодателей оттѣнить съ особою силою юридическую правоспособность христіанъ, какъ

и не выдѣляются особо богослужебныя мѣста; но тамъ дѣлается особое замѣчаніе о разрѣшеніи строить церкви. 2) Въ письмѣ говорится о церковномъ имуществѣ, оказавшемся во владѣніи или гражданъ или кого-либо иного (X, 5, 16: εἰ — — κατέχοιντο νῦν ἢ ὑπὸ πολιτῶν ἢ ὑπό τινων ἄλλων); въ миланскомъ законѣ—о богослужебныхъ мѣстахъ (и другомъ имуществѣ), купленныхъ кѣмъ-либо у казны или у кого другого (§ 7: si — — aliqui uel a fisco nostro uel ab alio quocumque uidentur esse mercati), или полученныхъ въ даръ (qui etiam dono fuerunt consecuti). Какъ параллель, можно указать упомянутое мѣсто изъ эдикта Максимина, гдѣ съ особою раздѣльностью различаются зданія и участки земли а) перешедшіе въ казну, или б) взятые городами, и затѣмъ—или α) проданные, или β) подаренные кому-либо (IX, 10, 11, 844: εἴ τινες οἰκίαι καὶ χωρία <ἃ> τοῦ δικαίου τοῦ τῶν Χριστιανῶν πρὸ τούτου ἐτύγχανον ὄντα, ἐκ τῆς κελεύσεως τῶν γονέων τῶν ἡμετέρων εἰς τὸ δίκαιον μετέπεσεν τοῦ φίσκου ἢ ὑπό τινος κατελήφθη πόλεως, εἴτε διάπρασις τούτων γεγένηται εἴτε εἰς χάρισμα δέδοταί τινι). Если видѣть для ὑπό πολιτῶν у Константина аналогію въ ὑπό τινος πόλεως эдикта Максимина, то это выраженіе должно указывать на захватъ церковныхъ имуществъ муниципіями, разумѣется, съ разрѣшенія или по приказу правительства, или на полученіе ихъ муниципіями отъ казны. Между прочимъ, Валуа вмѣсто πολιτῶν предлагаетъ читать πολιτευτῶν = decurionum; но едва ли есть особая необходимость въ этой замѣнѣ. Въ письмѣ говорится, такимъ образомъ, лишь о фактѣ нахожденія христіанской собственности въ чужихъ рукахъ. Въ миланскомъ законѣ указываются извѣстные способы перехода этой собственности въ руки язычниковъ. Дѣлается это, вѣроятно, въ виду выдвинутаго въ послѣднемъ вопроса о вознагражденіи тѣхъ владѣльцевъ христіанскихъ имуществъ, которые купили ихъ или получили въ даръ отъ казны, и теперь должны были лишиться ихъ. 3) Особенное вниманіе и обращаетъ на себя то обстоятельство, что въ письмѣ Анулину ничего не говорится о вознагражденіи языческихъ владѣльцевъ за возвращаемыя ими церковныя имущества, между тѣмъ въ миланскомъ законѣ дѣлается особая оговорка объ этомъ. Въ объясненіе этого можно указать на то негодованіе, съ какимъ Константинъ впослѣдствіи (въ 324/5 г.) отзывался о тѣхъ, которые воспользовались бѣдственнымъ положеніемъ христіанъ для своего обогащенія (V. C. II, 37—38, 41). Самъ онъ, повидимому, вообще не считалъ подобныхъ лицъ заслуживающими вознагражденія. Еще Мелитонъ, обращаясь къ Марку Аврелію, жаловался, что „безстыдные клеветники и любители чужой собственности (τῶν ἀλλοτρίων ἐραστοί), пользуясь узаконеніями [изданными императоромъ и примѣняемыми къ христіанамъ], занимаются явнымъ грабежомъ, расхищая и днемъ и ночью имущество ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ“ (Eus. h. e. IV, 26, 5). Несомнѣнно, и въ послѣднее поднятое при Діоклетіанѣ гоненіе немало нашлось такихъ любителей чужой собственности, покупавшихъ за безцѣнокъ конфискуемыя у христіанъ имущества, или получавшихъ ихъ и даромъ, вѣроятно, иногда и за услуги правительству въ преслѣдованіи хри-

общества. Уже въ самомъ началѣ отдѣла объ этомъ предметѣ употребляется о христіанахъ терминъ «persona», и далѣе 4

сціанъ. Эту сторону дѣла Константинъ и могъ имѣть въ виду, оставляя въ указѣ Анулину язычниковъ безъ вознагражденія за отбираемыя у нихъ принадлежавшія церкви имѣнія. При изданіи же въ Миланѣ закона, который долженъ былъ дѣйствовать въ области Ликинія и который предполагалось послать даже и Максимину, на имущественные интересы язычниковъ приходилось обращать уже гораздо болѣе вниманія. Вообще въ письмѣ Анулину отмѣчается лишь несправедливость захвата чужого имущества (X, 5, 15: ἅπερ δικαίῳ ἀλλοτρίῳ προσήκει — — ἀποκαθίστᾶν βούλεσθαι ἡμᾶς. 16: προῃρήμεθα — — τῷ δικαίῳ αὐτῶν ἀποκαταστα-θῆναι. 17: σπούδασον εἴτε κῆποι εἴτε οἰκίαι εἴθ' ὁτιουνδήποτε τῷ δικαίῳ τῶν αὐτῶν ἐκκλησιῶν διέφερον, σύμπαντα αὐταῖς ἀποκαταστα θῆναι), въ миланскомъ актѣ законодатели хотятъ быть милостивыми и къ язычникамъ, насколько это возможно безъ ущерба для христіанъ (§ 8: quo et ipsis per nostram clementiam consulatur; § 9: ut — — indemnitatem de nostra benevolentia sperent), что вполнѣ согласно съ указаннымъ назначеніемъ этого акта и участіемъ въ немъ Ликинія. Максиминъ въ своемъ эдиктѣ указываетъ способы перехода къ язычникамъ христіанскаго имущества, можетъ быть, въ подражаніе миланскому закону, но не говоритъ о вознагражденіи. Относительно этого ср. выше, стр. 92. 4) Въ письмѣ говорится объ имуществѣ, принадлежащемъ „καθολической церкви (τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ καθολικῇ) христіанъ во всѣхъ городахъ, также и въ иныхъ мѣстахъ", т. е. отдѣльнымъ каѳолическимъ общинамъ, какъ это видно изъ повторяемаго далѣе трижды во множественномъ числѣ ἐκκλησίαις въ. миланскомъ актѣ нѣтъ упоминанія о „каѳолической" церкви, но тамъ къ христіанамъ неоднократно примѣняется выраженіе corpus (одинъ разъ въ комбинаціи: corporis eorum, id est ecclesiarum). Упоминаніе о „каѳолической" церкви въ письмѣ въ Африку (судя, между прочимъ, по другому письму къ Анулину, X, 7, 2) дѣлается въ виду раскольниковъ-донатистовъ. Въ миланскомъ законѣ, назначавшемся прямо для области Ликинія и затѣмъ Максимина, а не самого Константина, едва ли было бы вообще умѣстно противопоставлять каѳолическую церковь какимъ бы то ни было отдѣлившимся отъ нея сектамъ. Но за то этотъ законъ, соотвѣтственно его назначенію, хочетъ съ особою юридическою точностію, примѣнительно къ существовавшимъ тогда юридическимъ понятіямъ и терминамъ („corpus"), опредѣлить вообще права христіанъ. Въ эдиктѣ Максимина нѣтъ такой же опредѣленности въ установленіи субъекта имущественныхъ правъ при возвращеніи христіанамъ ихъ собственности. Говорится вообще о „христіанахъ", безъ точнаго указанія, имѣются ли въ виду христіане, какъ корпорація, или какъ частныя лица. Eus. h. e. IX, 10, 11: <ἀ> τοῦ δικαίου τῶν Χριστιανῶν πρὸ τούτου ἐτύγχανον ὄντα, — — ταῦτα πάντα εἰς τὸ ἀρχαῖον δίκαιον τῶν Χριστιανῶν ἀνακληθῆναι ἐκελεύσαμεν. Уже вслѣдствіе этой неопредѣленности и употребленное здѣсь выраженіе τὸ ἀρχαῖον δίκαιον не можетъ служить основаніемъ для вывода о юридически признанномъ будто бы когда-то ранѣе и утвержденномъ законодательнымъ путемъ правѣ христіанскихъ церквей на владѣніе имуще-

раза повторяется выраженіе «corpus», одинъ разъ, при этомъ, съ упоминаніемъ о «jus corporis eorum». Это jus corporis, право христіанъ, какъ корпораціи, на владѣніе имуществомъ, теперь прямо утверждается въ законодательномъ порядкѣ. Если ихъ общины и прежде владѣли имуществами, то это было только терпимымъ фактомъ; теперь этотъ фактъ признается имѣющимъ общее легальное основаніе, утверждающимся на правѣ, свойственномъ всѣмъ корпораціямъ или «дозволеннымъ» коллегіямъ, къ которымъ приравниваются христіанскія общины [1]).

ствомъ. Неизвѣстно, между прочимъ, какія выраженія употреблены были буквально въ подобномъ случаѣ въ болѣе раннемъ распоряженіи Максентія, такъ какъ о немъ сохранилось лишь краткое сообщеніе у бл. Августина, въ Breviculus collationis cum Donatistis, III, 34, (Migne, s. l. 43, c. 645): [Донатисты] gesta alia recitarunt, in quibus legebatur Melchiades misisse diaconos cum litteris Maxentii imperatoris et litteris praefecti praetorio ad praefectum urbis, ut ea reciperent quae tempore persecutionis ablata memoratus imperator c h r i s t i a n i s iusserat reddi. Ср. *Batiffol*, La paix Constantinienne, 177,.

[1]) § 7: Atque hoc insuper in p e r s o n a C h r i s t i a n o r u m statuendum esse censuimus. Мѣста съ словомъ c o r p u s были приведены выше, (102₂). Сами по себѣ выраженія „persona“ и „corpus“ могутъ, конечно, и не заключать особаго юридическаго смысла. Въ частности, „corpus“ можетъ имѣть весьма широкое значеніе и не означаетъ непремѣнно общество, какъ юридическую личность, а сопоставляется иногда съ collegium, societas, какъ ихъ синонимъ, или какъ болѣе общее, включающее ихъ, понятіе. Встрѣчаются у юристовъ выраженія collegium v e l corpus. Можетъ быть, по словамъ, напр., юриста Павла, и corpus cui n o n l i c e t coire (ср. *Ельяшевичъ*, 360). Общепринятое со временъ Савиньи пониманіе выраженія corpus habere (у Гая) въ томъ смыслѣ, что именно слово corpus и является здѣсь какъ бы синонимомъ юридической личности, подвергается критикѣ въ книгѣ Ельяшевича (360—361) въ томъ отношеніи, что центръ тяжести въ фразѣ Гая: quibus permissum est corpus habere collegii, лежитъ не въ „corpus“, а въ „permissum“, „corpus“ не имѣетъ тутъ какого-либо особаго значенія, и corpus habere есть то же, что, напр., coire convenire collegiumque habere, въ одномъ сенатусконсультѣ начала II в. Но если даже согласиться съ этими замѣчаніями безъ всякихъ ограниченій, по отношенію къ миланскому закону остается несомнѣннымъ намѣреніе законодателей утвердить за христіанами, какъ обществомъ, значеніе юридической личности, и оно выражается съ ясностію именно чрезъ частое повтореніе слова corpus. Ср. о смыслѣ едикта въ данномъ случаѣ *E. Löning*, Geschichte des deutschen Kirchenrechts. I. Strassburg 1878, 196. Въ юридическомъ языкѣ во всякомъ случаѣ это выраженіе было весьма обычнымъ, и нѣтъ необходимости, какъ уже было замѣчено, предполагать, что Константинъ былъ обязанъ имъ Осію кордубскому. Употребляетъ, между прочимъ, это выраженіе о христіанахъ Тертулліанъ, отмѣчая исключительно религіозный характеръ ихъ „корпораціи“. Apolog. 39, 1: corpus sumus de conscientia religionis et disciplinae unitate et spei foedere.

Съ совершенною ясностію, такимъ образомъ, впервые признается, вмѣстѣ съ полною свободою для христіанъ, юридическое бытіе въ имперіи церкви, именно—въ лицѣ составляющихъ ее отдѣльныхъ общинъ или церквей. Что сами законодатели, когда говорятъ о corpus christianorum, имѣютъ въ виду церковь въ цѣломъ, какъ единый организмъ, какъ полагаетъ Сантуччи, это едва ли можно утверждать на основаніи текста миланскаго закона (хотя вообще идея церкви, какъ единаго религіознаго общества, не была тогда чужда Константину, и въ письмѣ къ Анулину онъ говоритъ о имуществѣ, принадлежавшемъ «каѳолической церкви христіанъ во всѣхъ городахъ, также и иныхъ мѣстахъ»). «Корпоративность» христіанъ, ихъ религіозно-общественная жизнь, выражалась ближайшимъ образомъ въ образованіи мѣстныхъ общинъ или церквей (παροικίαι съ епископами во главѣ), и съ этой именно первой инстанціей церковнаго союза приходилось имѣть дѣло правительству при опредѣленіи имущественныхъ правъ церкви. Поэтому, очевидно, единственное число «corpus» въ миланскомъ законѣ является какъ бы синонимомъ выраженій, поставленныхъ во множественномъ числѣ — «ecclesiae» или «conventicula» [1]). Въ этомъ случаѣ правъ Неруджи. Но это нисколько

[1]) § 9: ad ius corporis eorum, *id est* ecclesiarum, non hominum singulorum. § 9: Christianis, id est corpori *et* conuenticulis eorum. И въ послѣднемъ случаѣ, имѣя въ виду первое мѣсто (corpus= ecclesiae), corpus и conventicula нужно, повидимому, понимать какъ два синонимичныя выраженія (et = id est). Между прочимъ, въ первомъ мѣстѣ, когда corpus=ecclesiae противопоставляются homines singuli, эти homines singuli, какъ замѣчаетъ *Waltzing*, l. c. 2140, понимаются не въ смыслѣ отдѣльныхъ членовъ этого corpus, принимающихъ такъ или иначе, но только помимо правительственной санкціи, участіе въ общемъ или коллективномъ владѣніи, а просто въ смыслѣ частныхъ лицъ, имѣющихъ свое особое имущество. Обращаетъ на себя вниманіе, во всякомъ случаѣ, это явно подчеркиваемое въ законѣ противопоставленіе corpus и homines singuli. Значеніе его, съ отрицательной, такъ сказать, стороны, то, что законъ здѣсь, выраженіемъ „non hominum singulorum“, какъ бы отказывается отъ возстановленія имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ изъ христіанъ, пострадавшихъ во время гоненія, и хочетъ имѣть въ виду только интересы церкви, какъ общества. Это могло быть уступкою со стороны Константина Ликинію и въ особенности должно было облегчать принятіе закона и Максиминомъ. Но Константинъ и вообще могъ находить въ данный моментъ болѣе благоразумнымъ не затрогивать слишкомъ широко матеріальные интересы язычниковъ, хотя бы права отдѣльныхъ лицъ въ христіанствѣ продолжали оставаться нарушенными. Впослѣдствіи, уже послѣ пораженія

не измѣняетъ существа дѣла. Юридическое бытіе церкви во всякомъ случаѣ получило санкцію въ формѣ признанія юридическими лицами всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ общинъ, изъ которыхъ слагалась находившаяся въ имперіи церковь. Въ римскомъ правѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не получила развитія и теорія о государствѣ, какъ юридическомъ лицѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, римско-византійское право и въ позднѣйшее время «не знаетъ гражданскихъ правъ церкви во всей ея совокупности», и именно—въ отношеніи къ имущественной ея правоспособности. И Константинъ понималъ церковь въ смыслѣ отдѣльныхъ мѣстныхъ церквей [1]).

Вполнѣ естественнымъ нужно признать то, что при опредѣленіи юридической правоспособности церкви законодатели устанавливаютъ ее въ той юридической формѣ, какую они могли найти въ то время въ римскомъ правѣ. Послѣднее знало юридическія лица именно лишь корпоративнаго характера. Сама церковь, однако, была въ дѣйствительности и всегда сознавала себя не только обществомъ или корпораціей, аналогичной другимъ корпораціямъ, но и учрежденіемъ, имѣющимъ въ своей основѣ и выполняющимъ своей дѣятельностью волю своего божественнаго Основателя и Главы. Эта сторона ея природы необходимо должна была выступить и въ ея правовыхъ отношеніяхъ, и отсюда, уже на христіанской почвѣ, въ

Ликинія, онъ въ полной мѣрѣ возстановилъ и эти права частныхъ лицъ. Но эта вынужденная обстоятельствами времени уступка могла за то, съ другой стороны, служить поводомъ и удобнымъ предлогомъ установить уже въ 313 г. съ особою силою и выразительностью права церкви, какъ общества, что въ принципіальномъ отношеніи было несравненно важнѣе, нежели вопросъ о правахъ частныхъ лицъ. Если законъ пока оставляетъ безъ вниманія нарушенныя права частныхъ лицъ въ христіанствѣ, то съ тѣмъ большею категоричностью онъ требуетъ отъ язычниковъ возвращенія самой церкви того, что должно ей принадлежать по праву. Въ связи съ этимъ и можетъ стоять частое повтореніе въ законѣ выраженія corpus christianorum и противопоставленіе ему въ § 9 homines singuli, и та рѣшительность, съ какою заявляется о немедленномъ, безъ всякаго колебанія и прекословія, возвращеніи церковныхъ имуществъ (§ 7: postposita omni frustratione atque ambiguitate, quantocius; 8: protinus sine mora; 9: citra ullam prorsus ambiguitatem uel controuersiam; 10: quantocius), хотя и съ обѣщаніемъ владѣльцамъ-язычникамъ вознагражденія, если они пожелаютъ.

[1]) *П. Соколовъ*, Церковноимущественное право въ греко-римской имперіи. Новгородъ 1896, 85, 94. Наименованіемъ церкви въ законахъ „каѳолическою“ всегда имѣется въ виду собственно лишь отличить ее отъ сектантскихъ общинъ.

самой церкви, развивается новое, чуждое доселѣ римскому праву понятіе о юридическомъ лицѣ въ смыслѣ института или учрежденія. Въ церковно-имущественномъ правѣ и находитъ потомъ широкое примѣненіе это понятіе, и имъ пользуется въ своемъ законодательствѣ государство, хотя надлежащей юридической разработки оно у позднѣйшихъ римскихъ юристовъ не получаетъ, и дѣло ограничивается только механическимъ включеніемъ новыхъ правообразованій въ старую систему. Въ данный моментъ, въ самомъ началѣ новыхъ отношеній государства къ христіанской церкви, законодательная власть примѣняетъ и къ церкви единственно извѣстное тогда римскому праву понятіе. Но намѣренія ея вполнѣ ясны и направляются къ тому, чтобы, пользуясь выработанною къ тому времени юридическою формою, обезпечить для церкви въ законодательномъ порядкѣ съ возможною точностію ея правоспособность. Для этого момента, для ближайшихъ практическихъ цѣлей, могла быть достаточною и имѣвшаяся форма. Новыя же формы могли опредѣлиться уже въ дальнѣйшее время. по указанію самой церкви [1]).

[1]) Вопросъ о происхожденіи и значеніи понятія юридическаго лица въ римскомъ правѣ подвергается обстоятельному изслѣдованію на основѣ историческихъ данныхъ въ упомянутомъ уже сочиненіи *В. Б. Ельяшевича*, Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ Спб. 1910. Краткое изложеніе у *І. А. Покровскаго*, Исторія римскаго права. Петроградъ 1915², 317—326. Впервые это понятіе выступило въ приложеніи къ городскимъ общинамъ или муниципіямъ въ послѣднее столѣтіе республики. Въ началѣ временъ принципата идея юридическаго лица переносится и на разныя частныя коллегіи, хотя объемъ правъ былъ здѣсь всегда меньше въ сравненіи съ правами муниципій. Что касается государства, то появленію теоріи о немъ, какъ юридическомъ лицѣ, препятствовало усиленіе монархической власти принципса, такъ что казна—fiscus—мыслится въ теоріи, какъ собственность императора. „Практически государство-казна живетъ, какъ юридическое лицо, но въ теоріи его особность исчезаетъ въ личности императора“ (Покровскій, 325). Что римскому праву неизвѣстны были „учрежденія“, какъ юридическія лица, см. у *Ельяшевича*, 436—446. Объ институтномъ по существу характерѣ церковнаго владѣнія имуществомъ см. *R. Sohm*, Kirchenrecht. I. Leipzig 1892, 77. *A. Knecht*, System des Justinianischen Kirchenvermögenrechtes. Stuttgart 1905, 1—66 (субъекты церковнаго имущества: церкви, благотворительныя учрежденія, монастыри), ср. 4—8, 17. Ясно освѣщенъ вопросъ у *В. Н. Мышцына*, О православномъ приходѣ, какъ юридическомъ лицѣ. Ярославль 1913 (отд. оттискъ изъ № 1, 1913 г. „Юридическихъ Записокъ“, издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ) (на стр. 30, гдѣ рѣчь идетъ о законахъ константиновской эпохи, вмѣсто „Лициній въ эдиктѣ 310 года“,

Такимъ образомъ, закономъ 313 г. былъ положенъ конецъ тому безправному положенію христіанъ въ государствѣ, изъ котораго далеко еще не выводилъ ихъ и изданный въ 311 г. эдиктъ Галерія. Только теперь провозглашается для нихъ restitutio in integrum, полное возстановленіе въ правахъ, которыми они, очевидно, должны бы, съ точки зрѣнія общаго высказываемаго здѣсь законодателями положенія о религіозной свободѣ, пользоваться съ первыхъ временъ своего существованія, но были лишены въ силу извѣстныхъ взглядовъ правительства на обязательность государственной языческой религіи. Создается, съ объявленіемъ религіозной свободы и признаніемъ христіанскихъ общинъ за юридическія лица, совершенно новое въ юридическомъ отношеніи положеніе для христіанства, и справедливо, поэтому, изданіе миланскаго закона поставляется границею двухъ періодовъ.

Для самого государства объявляемая теперь религіозная свобода, въ смыслѣ вполнѣ свободнаго выбора подданными религіи по собственному желанію—каковы бы ни были дѣйствительные мотивы провозглашенія этой «libera potestas», «libera facultas», и ея дальнѣйшая судьба—являлась совершенно новымъ фактомъ, и по идеѣ, въ случаѣ строго послѣдовательнаго проведенія ея въ качествѣ принципа, должна была

очевидно, должно быть „Галерій въ законѣ 311 года“; „второй реституціонный законъ Константина“ есть не что иное, какъ упоминаемый ранѣе эдиктъ 313 года).—Нужно замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законахъ говорится просто лишь о „церкви“, или о „церквахъ“, безъ другихъ терминовъ (какъ это видимъ уже въ письмѣ Константина Ануллину), остается въ сущности открытымъ вопросъ, смотритъ ли законодатель на церковь съ римской юридической точки зрѣнія, какъ на корпорацію, или имѣетъ въ виду значеніе ея, какъ института. Едва ли можно утверждать (Мышцынъ, 30—1), что въ V. C. II, 36, и Cod. Th. XI, 1, 1, Константинъ подъ „церковію“ разумѣетъ церковь, какъ учрежденіе, представляемое храмомъ. „Корпоративный“ моментъ прямо отмѣчается у Константина въ законѣ 321 г. (Cod. Th. XVI, 2, 4, Cod. Just. I, 2, 1), гдѣ усвояется право полученія наслѣдства по завѣщанію „sanctissimo catholicae [дополняютъ ecclesiae, или fidei, или religionis] venerabilique concilio“, т. е., по толкованію еще Готофреда, церковной общинѣ или корпораціи (corpus) того или другого мѣста; греки перевели это выраженіе въ Basilica I, 1: ταῖς ἁγίαις ἐκκλησίαις. Но вообще выраженія corpus (σύστημα), concilium, conventiculum, collegium, consortium, если и встрѣчаются въ законодательствѣ, напр., Юстиніана въ примѣненіи къ церквамъ и разнымъ церковнымъ учрежденіямъ (благотворительныя заведенія, монастыри), то вовсе не устраняютъ ихъ ясно отмѣчаемаго институтнаго характера.

означать полное отреченіе отъ прежнихъ взглядовъ, лежавшихъ въ основѣ религіозной политики. Религіи внѣ компетенціи государственной власти не знали представители античныхъ воззрѣній ни греческаго востока, ни латинскаго запада, хотя бы даже сами они иногда скептически относились къ богамъ государственной религіи [1]). Теперь сами правители государства въ законодательномъ актѣ съ особою выразительностью предоставляютъ полную свободу каждому слѣдовать той религіи, какую кто найдетъ лучшею для себя.

V.

Вопросъ о смыслѣ и историческомъ значеніи миланскаго закона получаетъ дальнѣйшее осложненіе, когда этотъ законъ, открывающій новый періодъ исторіи, разсматривается съ точки зрѣнія вообще религіозной политики Константина и его христіанскихъ преемниковъ, и когда дѣлаются попытки съ этой именно стороны точнѣе квалифицировать созданное этимъ актомъ новое положеніе христіанства въ государствѣ на ряду съ положеніемъ продолжавшей еще существовать прежней языческой религіи.

Новый порядокъ вещей завершился въ концѣ концовъ вытѣсненіемъ язычества изъ имперіи; то мѣсто, какое нѣкогда оно занимало, теперь заняло христіанство, оно стало единственно покровительствуемою государствомъ религіею. Въ какомъ отношеніи стоитъ къ этому конечному результату миланскій актъ? Ограничивалась ли сущность его утвержденіемъ полной религіозной свободы для христіанъ и дарованіемъ правъ юридической личности ихъ общинамъ,—или въ немъ можно усматривать что-либо большое?

Наиболѣе распространеннымъ до 60-хъ, или даже до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія было то мнѣніе, что христіанство

[1]) Ср. *G. Boissier*, La fin du paganisme. I. Paris 1891, 56—7 (русск. перев. подъ ред. М. С. Корелина. М. 1892, 28—9). Такъ, напр., Платонъ въ своемъ діалогѣ „Законы“ (X) предписываетъ для „нечестивыхъ“, не признающихъ утвержденной государствомъ религіи, пятилѣтнее вразумленіе, съ ежедневными наставленіями, въ „софронистиріи“—тюрьмѣ, для активныхъ же пропагандистовъ, подрывающихъ государственную религію,—пожизненное тяжкое заключеніе и лишеніе погребенія по смерти. Въ трактатѣ „О законахъ“ (II, 8) Цицерона, „одного изъ наиболѣе широкихъ и свободныхъ умовъ своего времени, который почти не вѣритъ въ боговъ“, также не допускается мысль о возможности отступленія гражданина отъ культа своей страны.

при Константинѣ не только получило свободу, но и было сдѣлано «государственной» религіей [1]). Въ русской литературѣ это мнѣніе съ особой рельефностію было выдвинуто А. П. Лебедевымъ, при чемъ, по нему, преобладающее значеніе христіанству въ имперіи и было предоставлено именно миланскимъ эдиктомъ [2]). Нельзя говорить, будто миланскій эдиктъ 313 г. провозгласилъ лишь общую религіозную терпимость, потому что уже въ этомъ году Константинъ, не ограничиваясь терпимостью, оказываетъ и милости христіанамъ: это значило бы, что «Константинъ фактически уничтожилъ знаменитый эдиктъ въ то же время, въ какое объявилъ его». На дѣлѣ «христіанство изучаемымъ актомъ не помѣщено въ рядъ съ прочими многими и безчисленными религіями въ государствѣ, а поставлено выше всѣхъ ихъ, объявлено стоящимъ во главѣ всѣхъ религій, провозглашено единственной религіей, значеніе которой, признаваемое теперь государемъ, должны рано ли—поздно ли признать и всѣ подданные. Вотъ смыслъ знаменитаго эдикта миланскаго! Христіанство Константиномъ воздвигнуто при посредствѣ эдикта миланскаго на первое мѣсто, подлѣ него, христіанства, но ниже его поставлены всѣ прочія религіи» [3]). «Наше пониманіе эдикта, говорится далѣе, основывается не на почвѣ субъективизма, а на самомъ текстѣ миланскаго эдикта. — Главный объектъ миланскаго эдикта — христіанство, христіанская религія. Объ этой религіи прямо и рѣшительно говоритъ миланскій эдиктъ, какъ такой, какая

---

[1]) Обзоръ разныхъ мнѣній о религіозной политикѣ Константина дается у *V. Şesan*, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche. I. Czernowitz 1911, 26—37. Классификацію мнѣній (неполную) въ частности о миланскомъ эдиктѣ ср. у *T. de Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913, 332—3, гдѣ въ качествѣ представителей упоминаемаго мнѣнія отмѣчаются *E. D. A. Martini*, Über die Einführung der christlichen Religion als Staatsreligion im römischen Reiche durch Kaiser Constantin. München 1813. *N. K. Kist*, De commutatione quam Constantino Magno auctore societas christiana subiit. Trajecti ad Rhenum 1818, также Keim [1852], Baur, и „многіе другіе“. Какъ было уже ранѣе замѣчено, возведеніе христіанства „на степень какъ бы оффиціальнаго культа“ изъ новѣйшихъ ученыхъ усматриваетъ въ самомъ эдиктѣ *C. Santucci*, L'editto di Milano specialmente nei riguardi giuridici. Roma 1913, 11.

[2]) *А. П. Лебедевъ*, Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ В. Спб. 1904[3], 299—303, ср. 308 и дал., 325 и дал. Ср. то же въ сокращеніи въ Христ. Чтеніи, 1912, № 7—8, 825—829.

[3]) 300—301.

со времени изданія названнаго эдикта должна имѣть все значеніе и всю силу въ государствѣ, о другихъ же религіяхъ говорится здѣсь какъ бы вскользь, мимоходомъ» [1]. «Тонъ эдикта миланскаго слишкомъ ясно говоритъ о томъ, что эдиктъ этотъ больше всего и первѣе всего имѣетъ въ виду облагодѣтельствовать христіанъ, но лишь не отвергаетъ и другихъ послѣдователей прочихъ религій» [2]. По мнѣнію автора, «смыслъ эдикта миланскаго не допускаетъ другого толкованія кромѣ того, что Константинъ, издавая указанный эдиктъ, стремится дать первенство и силу религіи христіанской, ей открываетъ широкій путь для вліянія на умы народовъ и довольствуется въ отношеніи къ другимъ религіямъ—толерантностію, т. е. въ его положеніи—чувствомъ безразличія и холоднаго равнодушія» [3]. Это возвышеніе христіанской религіи надъ другими сопровождалось «замѣтнымъ попраніемъ правъ и привиллегій этихъ послѣднихъ» [4]), «права язычества in tacito въ значительной мѣрѣ являлись попранными» [5]).

Несогласное съ этимъ представленіемъ дѣла мнѣніе особенно опредѣленно высказалъ въ новое время Рихтеръ [6]). Сущность миланскаго эдикта состоитъ, по нему, именно въ провозглашеніи религіозной свободы, какъ совершенно новаго принципа, въ отличіе отъ прежняго обыкновенія римской религіозной политики «дозволять» или терпѣть культы. Христіанство теперь сразу возвысилось изъ положенія то терпимой, то гонимой религіи въ положеніе религіи вполнѣ равноправной съ язычествомъ. Нужно называть этотъ эдиктъ

---

[1]) 301. [2]) 302. [3]) 302—303. [4]) 303. [5]) 309.

[6]) *H. Richter*, Das weströmische Reich besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II. und Maximus (375—388). Berlin 1865. По словамъ Рихтера (669), въ то время какъ „почти всѣ церковные и гражданскіе историки принимаютъ, что Константинъ провозгласилъ христіанство государственною религіею“, онъ доселѣ только въ трехъ книгахъ встрѣтилъ проводимый имъ взглядъ: *Niedner*, Kirchengeschichte [1846, 1866²], *Beugnot*, Histoire de la destruction du paganisme en occident. I. [Paris 1835], p. 186 [ср. 58, 73—4], и *Burckhardt* [Die Zeit Constantins des Grossen, 1853], Abschn. 9. Ср. однако *Şesan*, 28. Мнѣніе Рихтера о „паритетѣ“ религій въ указываемомъ Рихтеромъ смыслѣ принялъ *Th. Brieger*, Constantin der Grosse als Religionspolitiker, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte, B. IV, 1881, 178—182, ср. 181 (и отдѣльно). Къ этому мнѣнію склоняется и *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1912, 33. Что смыслъ миланскаго эдикта сводится именно къ провозглашенію религіозной свободы, это признается теперь большинствомъ ученыхъ. Ср. *Şesan*, 31—3. *De Bacci Venuti*, 333.

эдиктомъ не о вѣротерпимости (Toleranzedict), а о религіозной свободѣ (Freiheitsedict): христіанство не сдѣлано имъ лишь «дозволенной» религіей (religio licita), но имъ именно введено совершенно особое, не античное, христіанское начало всеобщей религіозной свободы [1]). Провозглашая на основѣ проповѣдуемаго имъ неопредѣленнаго монотеизма этотъ взятый изъ христіанства принципъ, эдиктъ этимъ устраняетъ вообще государственную религію. Христіанству Константинъ покровительствуетъ, но распространенное мнѣніе, будто христіанская религія возведена имъ на степень государственной (Staatsreligion), христіанская церковь сдѣлалась государственною церковію (Staatskirche), не состоятельно. Эдикта объ этомъ, подобнаго эдикту Ѳеодосія В. (380 г.), Константинъ никогда и потомъ не издавалъ, и вся его религіозная политика, поскольку онъ не принуждалъ язычниковъ принимать христіанство, не подтверждаетъ такого мнѣнія. Къ язычеству Константинъ не обнаруживаетъ благоволенія, но и не тѣснитъ его, не превращаетъ въ «терпимую» лишь религію; это было бы и рискованно (precär) при 5—6 милліонахъ христіанъ на 45 милліоновъ язычниковъ. Оффиціально утвердилось при Константинѣ полное равноправіе языческой и христіанской религіи, при частномъ, такъ сказать покровительствѣ его церкви. При этой «тонко обдуманной системѣ паритета» («если можно воспользоваться этимъ словомъ») Константинъ и оставался, за незначительными исключеніями, до конца жизни. Какой-либо оффиціальной государственной религіи при немъ не было [2]).

Съ Рихтеромъ и другими представителями изложеннаго мнѣнія сходятся въ отрицаніи того, что христіанство Константиномъ было сдѣлано государственной религіей, Шультце [3]). Но онъ тѣмъ усиленнѣе хочетъ отмѣтить фактическое покровительство Константина именно христіанской церкви и его

[1]) 64—65, 668_{33}. Дѣлается ссылка на *Neander*, Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Bd. II, Abth. I., Abschn. 1.

[2]) 84—88.

[3]) *V. Schultze*, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums. I. Jena 1887, 28—67.—Konstantin der Grosse, въ Hauck's RE³ X [1901], 768—6.—Замѣтка о книгѣ Шесана въ Theolog. Literaturblatt, 1912, № 13, 294—5.—Съ предложеннымъ у Шультце представленіемъ дѣла согласился, по поводу его замѣтки о книгѣ Шесана, *K. Bihlmeyer*, Das angebliche Toleranzedikt Konstantins von 312. Mit Beiträgen zur Mailänder Konstitution (313), въ Theolog. Quartalschrift, 1914, H. 2, 224, (замѣчаніе противъ Шесана, Виттига и Шнидера).

никогда не упускаемую изъ виду послѣднюю цѣль—устранить язычество и поставить на мѣсто его христіанство. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что о дѣйствительномъ «паритетѣ» политика Константина ничего не знаетъ: съ постановкой или выполненіемъ подобнаго принципа она оказалась бы противорѣчащей сама себѣ, своимъ собственнымъ актамъ. Что касается миланскаго эдикта, то онъ вовсе не обозначаетъ и не опредѣляетъ новой системы, а представляетъ лишь низшую, предварительную ступень къ ней: значеніе его исчерпывается тѣмъ, что онъ признаетъ церковь за религіозную корпорацію, возвращая ее, въ отношеніи къ вопросу о владѣніи имуществомъ, въ прежнее положеніе, въ какомъ она была уже при Галліенѣ, и гарантируетъ тѣмъ это владѣніе въ будущемъ; эдиктъ собственно наложилъ лишь печать законности на то, что было и раньше, политическихъ правъ христіанамъ въ области государственной онъ не далъ. Но въ дѣйствительности христіанство, по благоволенію къ нему правителей, пользуется затѣмъ этими правами, и фактически это означало умаленіе по существу правъ язычества [1]). Въ своихъ отношеніяхъ къ послѣднему Константинъ, разумѣется, долженъ былъ руководиться осторожностью, если христіане составляли даже, какъ думаетъ авторъ, въ началѣ IV в. $^1/_5$ часть всего населенія [2]), но къ концу своей жизни онъ рѣшился уже нанести ему рѣшительный ударъ общимъ запрещеніемъ языческихъ жертвоприношеній [3]). «Паритетнаго отношенія обѣихъ религій эта политика, такимъ образомъ, вовсе и на дѣлѣ не хотѣла и не проводила, и не показывала его хотя бы притворно. Въ непрерывной послѣдовательности, церкви она даетъ, у язычества—отнимаетъ» [4]). «Религіозно-политическія распоряженія императора движутся въ отношеніи къ христіанству и язычеству въ постоянной, равномѣрной прогрессіи,—тамъ увеличивая, здѣсь уменьшая права» [5]).—Съ понятіемъ паритета религій,—аргументируетъ авторъ въ своей позднѣйшей статьѣ о Константинѣ,—соединяется представленіе о безконфессіональномъ государствѣ; но идея такого государства чужда была древности. На дѣлѣ и невозможно было устроить сколько-нибудь удовлетворительно сосуществованіе двухъ не только различныхъ, но и самымъ рѣшительнымъ образомъ исключающихъ одна другую религій. Шультце не принимаетъ и такой формулы, что существовалъ

[1]) Geschichte, 31—32. [2]) 39. [3]) 55—58. [4]) 58. [5]) 59.

«явно паритетъ, но втайнѣ—покровительство новой религіи» [1]). Правового отношенія къ церкви, которое открывало бы доступъ къ руководственному вліянію на нее государства, Константинъ не устанавливалъ [2]).—Юридическое положеніе христіанства и язычества, такимъ образомъ,—какъ формулировалъ это еще позже самъ Шультце въ рецензіи на книгу Шесана,—сводилось къ тому, что античной религіи оставлено было на первыхъ порахъ существованіе, какъ религіи государственной, но христіанство государственной религіей не было сдѣлано. Понятіе государственной религіи, въ смыслѣ того времени, включаетъ не внѣшнее только, но и внутреннее отношеніе обоихъ факторовъ—государства и религіи. Но наши источники, если ихъ правильно толковать, для времени Константина «предполагаютъ христіанство, какъ дозволенную, свободную религію, какою была, напр., и іудейская»,—и только. «Но такъ какъ христіанство было личною религіею правителя и имѣло на своей сторонѣ неизмѣримо громадный перевѣсъ нравственныхъ и религіозныхъ силъ, то историческое развитіе необходимо должно было вести къ вытѣсненію язычества изъ его положенія въ качествѣ государственной религіи и къ поставленію христіанства въ это положеніе». Христіане, конечно, какъ граждане, пользовались тѣми же правами, что и язычники; но это вовсе не даетъ основаній для вывода, что ихъ религія, поэтому, являлась государственной. Параллель съ христіанами могутъ представлять въ данномъ случаѣ іудейскіе прозелиты римскаго происхожденія [3]).

Шесаномъ именно, въ его книгѣ [4]), проводится отличающаяся отъ ранѣе указанныхъ мнѣній теорія—о паритетѣ

---

[1]) RE³, X, 768. Такъ именно характеризуетъ политику Константина *H. Schiller*, Geschichte der römischen Kaiserzeit.. II. Gotha 1887, 220.

[2]) 769. [3]) Theolog. Literaturblatt, 1912, 294—5.

[4]) *V. Sesan*, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche seit Konstantin dem Grossen und bis zum Fallen Konstantinopels. B. I. Die Religionspolitik der christlich-römischen Kaiser von Konstantin d. Gr. bis Theodosius d. Gr. (313—380). Czernowitz 1911. Въ русской литературѣ мысль о двухъ государственныхъ религіяхъ по миланскому эдикту высказалъ, но не развилъ подробно, какъ отмѣчаетъ это Шесанъ (39), *И. С. Бердниковъ*, Къ вопросу о государственномъ положеніи религіи, въ Правосл. Собесѣдникѣ, 1881, III, 37 (и отдѣльно, 10). Позже, въ очеркѣ: Наши новые законы и законопроекты о свободѣ совѣсти (оттискъ изъ журнала „Голосъ Церкви“ за 1913 г.). М. 1914, 229—231, онъ воспроизводитъ слова А. П. Лебедева о миланскомъ эдиктѣ.

двухъ «государственныхъ религій» въ константиновскую эпоху. Мнѣніе вообще о паритетѣ религій при Константинѣ, упоминаніе и о двухъ «государственныхъ» религіяхъ, можно вообще встрѣчать въ литературѣ, въ разныхъ видахъ и комбинаціяхъ, нерѣдко [1]). Шесанъ съ особой подробностью развиваетъ этотъ взглядъ, и считая паритетъ въ указанномъ смыслѣ основаннымъ именно на миланскомъ эдиктѣ, существованіе его распространяетъ до 380 г. (другіе—лишь до 324 или до 337 г.). Доказательство этого положенія и составляетъ, по нему, цѣль его книги [2]). И такъ какъ миланскій эдиктъ въ данномъ случаѣ имѣетъ, по автору, «чрезвычайную важность», то онъ, поэтому, и удѣляетъ такъ много вниманія этому документу: съ нимъ «стоитъ и падаетъ и введенный Константиномъ паритетъ христіанства съ язычествомъ» [3]). Такъ какъ подъ «государственной» религіей обычно разумѣется религія, пользующаяся особыми, исключительными правами въ государствѣ, терминъ же «паритетъ» въ новое время употребляется для выраженія лишь полнаго равенства разныхъ религій въ отношеніи къ свободѣ въ «правовомъ», безрелигіозномъ государствѣ, то авторъ вынужденъ сдѣлать поясненія, что онъ въ данномъ случаѣ пользуется этими терминами въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Подъ «государственной» религіей онъ разумѣетъ вообще пользующуюся покровительствомъ государства религію, хотя бы и не надѣленную исключительными на это правами, для «паритета» же въ принимаемомъ имъ смыслѣ указываетъ аналогію въ правовомъ положеніи разныхъ исповѣданій въ одномъ государствѣ во времена реформаціи (особенно съ вестфальскаго мира) [4]).—Константинъ былъ совершенно чуждъ мысли о безрелигіозномъ государствѣ; въ моментъ изданія эдикта онъ считалъ христіанство единственно истинной религіей, а не держался лишь неопредѣленнаго монотеизма, христіанство онъ и хотѣлъ поставить на мѣсто язычества. Но такъ какъ язычество представляло внушительную силу и было государственной религіей, и лишить его сразу всѣхъ привилегій было невозможно, то указанную задачу можно было выполнить только возвысивъ новую религію въ то же привилегированное положеніе, въ какомъ тогда находилась языческая религія; лишь съ теченіемъ времени послѣднюю можно было безопасно объявить

[1]) Ср. 27—34, 39—40. [2]) 40. [3]) 42.
[4]) 46—68, 51—53, 57—58.

безправною, что и было сдѣлано только уже въ 380 г. Ѳеодосіемъ В. Это существованіе двухъ «государственныхъ» религій въ одномъ государствѣ означало, конечно, аномалію съ правовой точки зрѣнія (Rechtsanomalie) и во времена Константина, но такое положеніе дѣла было необходимою переходною стадіею (313—380) отъ языческаго религіознаго государства къ христіанскому [1]). Подвергая критикѣ мнѣніе Шультце, авторъ настаиваетъ на томъ, что и въ это время было совершенно опредѣленное правовое упорядоченіе (Ordnung) отношенія между государствомъ и обѣими религіями [2]). И оно было сдѣлано именно въ миланскомъ эдиктѣ. По Шультце, со стороны Константина было лишь фактическое постоянное и открытое покровительство по отношенію къ христіанству, проявляемое, такъ сказать, административно, въ порядкѣ управленія. По мнѣнію Шесана, это предполагаемое публичное покровительство (öffentliche Begünstigung) христіанству было «in merito вовсе не покровительствомъ, а лишь осуществленіемъ уже установленнаго въ принципѣ и гарантированнаго миланскимъ эдиктомъ уравненія христіанства въ отношеніи къ привилегіямъ съ язычествомъ, что юридически представляетъ существенное различіе, потому что покровительство основывается на особомъ правѣ, какъ изъятіи изъ существующаго права, могущемъ снова быть взятымъ обратно». Но въ намѣренія Константина такое основанное лишь на изъятіи изъ общаго закона положеніе (Ausnahmszustand) христіанства вовсе не входило [3]). Юридическое значеніе эдикта въ томъ, что дарованіемъ «абсолютнѣйшей и полнѣйшей» свободы вѣры и богослуженія, возвращеніемъ конфискованныхъ имуществъ корпораціи христіанъ (corpus) и ихъ отдѣльнымъ общинамъ и признаніемъ чрезъ это имущественной правоспособности за церковію, или отдѣльными церквами, и значенія юридической личности, устанавливается правовое положеніе для христіанства, какъ государственной религіи. Но при этомъ не отняты права государственной религіи и у язычества: оно лишилось только права быть единственной государственной религіей [4]). Противъ мнѣнія А. П. Лебедева Шесанъ протестуетъ не менѣе рѣшительно, нежели противъ мнѣнія Шультце [5]). Политики равноправія двухъ религій

[1]) 48—50, 68. [2]) 61₂. [3]) 63. [4]) 231—232.
[5]) 224—225.

Константинъ держался и во все дальнѣйшее время своего царствованія; общаго закона о запрещеніи языческихъ жертвъ, предполагаемаго нѣкоторыми учеными, онъ не издавалъ [1]). То же было и при его преемникахъ, до Гратіана и Ѳеодосія В. Даже при Константіи дѣло ограничивалось по отношенію къ язычеству лишь угрозами; паритета не было лишь на словахъ, но онъ былъ въ дѣйствительности [2]).

Особое мнѣніе по вопросу о значеніи миланскаго закона проводитъ, наконецъ, Де Баччи Венути [3]). Дѣйствительно новымъ въ этомъ документѣ онъ считаетъ именно установленіе со стороны правительства одинаковыхъ отношеній и къ христіанамъ, и къ послѣдователямъ всякихъ другихъ религій (что касается даруемыхъ христіанамъ правъ, то онъ держится мнѣнія, что для этого были прецеденты уже раньше). Основною задачею религіозной политики Константина въ сущности было—на мѣсто старой языческой религіи, съ которой находилось раньше въ столь тѣсной связи государство и которую оно поддерживало, поставить христіанство. Но выполнить это сразу не было возможно, уже въ виду отношеній къ язычеству Ликинія, если бы у самого Константина и оказалось достаточно смѣлости для этого. Первымъ возмож-

---

[1]) 238—290, 261—279. [2]) 290—316.

[3]) *T. De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913. То, что говорится у автора по поводу выраженія „summa divinitas“ въ миланскомъ документѣ, частію было уже давно высказываемо въ той или иной формѣ разными учеными въ связи съ вопросомъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ самого Константина. Такъ какъ въ самомъ Константинѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ его обращенія, иногда видятъ лишь представителя синкретизма, не далеко еще ушедшаго отъ язычества, то соотвѣтственно этому опредѣляется и характеръ его религіозной политики (Keim, Zahn, Duruy). Но какъ замѣчаетъ *A. Bernareggi*, L'editto di Milano e la dottrina cattolica sulla libertà religiosa, въ La Scuola Cattolica, 1913, Maggio e Giugno, 219₁, Де Баччи Венути (какъ и Батиффоль), приписываетъ Константину не „деистическія“ (въ смыслѣ языческаго монотеизма) уѣжденія, а лишь деистическую политику. Что миланскій эдиктъ былъ только первымъ шагомъ со стороны Константина къ предоставленію христіанской религіи господства, и объявленіе въ немъ равноправія культовъ вызвано политическою необходимостью, эта мысль, по Bernareggi, 217₁, 218, развита у *R. Mariano*, La conversione del mondo pagano al cristianesimo, (въ Scritti vari, vol. II. Firenze 1901. Самъ *Bernareggi*, 216—222, видитъ въ эдиктѣ не утвержденіе принципа (l'affermazione del principio), а лишь допущеніе факта (la concessione di fatto) религіозной свободы.

нымъ въ такомъ положеніи шагомъ на пути къ цѣли было расторгнуть, по крайней мѣрѣ, тотъ неразрывный доселѣ союзъ, который связывалъ государство съ прежней религіей. Это и было сдѣлано чрезъ поставленіе христіанства и язычества въ равное положеніе въ государствѣ. Отсюда именно и объясняется привлекающее нынѣ особое вниманіе къ себѣ заявленіе миланскаго эдикта о «свободѣ совѣсти»: оно—просто лишь результатъ временнаго компромисса (transazione) между разрушающимся старымъ — язычествомъ, и торжествующимъ побѣду новымъ—христіанствомъ, а не плодъ замысла, предугадавшаго теоріи новыхъ временъ о свободѣ; выступая съ нимъ, Константинъ и Ликиній не сознавали и не могли сознавать всего значенія его; блеснувъ на мгновеніе (come un rapido baleno), оно было затѣмъ надолго забыто, пока мысль новой эпохи не вспомнила о немъ [1]). Но на дѣлѣ, объявленная тогда религіозная свобода была въ сущности далеко неполною. Соотвѣтственно тогдашнему смыслу термина religio (θρησκεία), означавшаго собственно не «религію» въ нынѣшнемъ широкомъ смыслѣ этого слова, а лишь внѣшній культъ, въ эдиктѣ провозглашается свобода именно культа христіанскаго и всевозможныхъ языческихъ культовъ [2]). Эти послѣдніе, такимъ образомъ, могли существовать по прежнему и по изданіи миланскаго закона [3]). Но законъ вводитъ существенную перемѣну въ другомъ отношеніи—касательно общей идеи о Божествѣ: мѣсто прежняго политеистическаго воззрѣнія заступаетъ монотеистическое, покровительства себѣ и государству правители ожидаютъ не отъ «боговъ», а отъ «верховнаго Божества» [4]). Подъ этимъ summa divinitas нельзя въ эдиктѣ разумѣть именно христіанскаго Бога: идея «верховнаго Божества» широко распространена была къ тому времени и въ языческихъ кругахъ [5]). Прежняя государственная религія оказалась, такимъ образомъ, въ довольно своеобразномъ (curiosa) положеніи: основаніе для себя она находила уже не въ себѣ самой, а въ «верховномъ Божествѣ», которое, по императору, хотѣло мира и для христіанъ. Императоръ допускалъ старую религію римлянъ, но въ то же время шелъ далѣе и возвышался надъ нею своимъ монотеизмомъ, который могъ включать въ себя и религію христіанъ. Независимости

[1]) 161—6, 295—6. [2]) 329—331. [3]) 336—8. [4]) 338.
[5]) 331—2.

религіознаго сознанія отъ всякаго вліянія со стороны государственной власти здѣсь, очевидно, нѣтъ. Не только не предполагается возможность существованія государства безъ религіи, но и прямо проводится монотеизмъ въ качествѣ какъ бы общей основы для разныхъ находящихся въ государствѣ вѣръ; порываются лишь связи, прикрѣплявшія государство къ его прежней религіи. Монотеистическое понятіе, конечно, болѣе соотвѣтствуетъ христіанскимъ воззрѣніямъ, и единый Богъ христіанъ, въ дѣйствительности, скоро отождествляется съ языческимъ summa divinitas, и дѣло завершается рѣшительной побѣдой христіанства [1]). Такимъ образомъ, согласно съ этимъ взглядомъ, при объявленіи свободы внѣшняго культа, обязательной, внушаемой самимъ правительствомъ вѣрой долженъ по миланскому эдикту, тѣмъ не менѣе, являться монотеизмъ, первоначально языческаго характера, но уже (по замыслу Константина) какъ ступень къ христіанству.

Разногласіе мнѣній, такимъ образомъ, и здѣсь обнаруживается весьма значительное; при этомъ подъ одинаковыми на видъ терминами скрывается иногда весьма различное содержаніе. Въ то время какъ Рихтеръ полагаетъ, что миланскимъ актомъ совсѣмъ устраняется понятіе государственной религіи, по Шесану, наоборотъ, имъ создается особое положеніе дѣлъ — религіозная политика съ двумя государственными религіями. Оба, и Рихтеръ, и Шесанъ, говорятъ о паритетѣ, но въ разныхъ смыслахъ: первый имѣетъ въ виду «паритетъ», такъ сказать, свободы, второй—«паритетъ» покровительства государственной власти. Лебедевъ положеніе государственной религіи, въ силу изданія уже самаго миланскаго эдикта, усвояетъ одному только христіанству. Шультце, напротивъ, думаетъ, что государственной религіей и послѣ миланскаго акта осталось язычество, но фактически затѣмъ вся дальнѣйшая дѣятельность Константина направляется къ замѣнѣ язычества христіанствомъ. Наконецъ, у Де Баччи Венути высказывается взглядъ, что въ качествѣ какъ бы обязательной государственной вѣры въ эдиктѣ выступаетъ не христіанство и не прежнее язычество, а широкій монотеизмъ.

Изъ всѣхъ этихъ различныхъ попытокъ опредѣлить религіозную политику Константина и положеніе, занимаемое въ

[1]) 338—9.

ней миланскимъ актомъ, наиболѣе вѣрнымъ, по вопросу о самомъ этомъ актѣ, его смыслѣ и значеніи, представляется въ общемъ взглядѣ Рихтера. Но что касается взятой въ цѣломъ политики Константина, то нужно согласиться съ характеристикой ея, данной у Шультце. Вѣрныя замѣчанія о значеніи эдикта можно находить у Де Баччи Венути, согласнаго извѣстными сторонами своего взгляда частію съ Рихтеромъ, частію съ Шультце; но не всѣ его утвержденія могутъ быть приняты безъ возраженій и ограниченій. Лебедевъ и Шесанъ безъ нужды преувеличиваютъ дѣйствительное значеніе миланскаго акта.

Какъ видно изъ самаго текста его, въ немъ провозглашается не преимущество христіанства предъ языческимъ и другими культами, а лишь равенство религій предъ закономъ, и именно по отношенію только къ свободѣ: въ этомъ лишь смыслѣ устанавливается «паритетъ» религій. Но вѣрно то, что вообще послѣдней цѣлью Константина, соотвѣтственно его личному убѣжденію въ исключительной истинѣ христіанской религіи, было утвержденіе этой религіи во всей имперіи вмѣсто язычества: свои пожеланія касательно этого онъ и выразилъ совершенно ясно, по крайней мѣрѣ, въ 324 г., и имъ должны были болѣе или менѣе соотвѣтствовать и дѣйствія императора. Въ виду этого и «паритетъ» свободы оказывается на дѣлѣ далеко не прочнымъ при Константинѣ, хотя онъ не забывалъ о немъ и въ послѣдующее время, и къ этому могли побуждать его и религіозныя и политическія соображенія. Что касается «паритета» въ иномъ значеніи, то можно утверждать, что, при постоянномъ личномъ покровительствѣ и содѣйствіи христіанству, какой-либо «паритетъ» христіанской и языческой религіи въ смыслѣ одинаково привилегированнаго положенія той и другой онъ отнюдь не имѣлъ въ виду санкціонировать юридически, хотя бы въ качествѣ только переходной стадіи къ полному господству христіанства. Юридическая неопредѣленность и отсутствіе общихъ законоположеній въ этомъ случаѣ открывали лишь большій просторъ для необходимыхъ мѣропріятій въ административномъ порядкѣ.

Мнѣніе о дарованіи эдиктомъ господствующаго положенія христіанству и аргументація въ пользу этого мнѣнія у Лебедева оставляютъ безъ вниманія обстоятельства происхожденія этого закона и не имѣютъ на дѣлѣ основаній въ его текстѣ. Нужно имѣть въ виду, какъ уже было замѣчаемо, что хотя

инціатива и содержаніе закона исходили отъ Константина, но онъ изданъ былъ имъ вмѣстѣ съ Лакиніемъ и по соглашенію съ послѣднимъ, и предназначался, нужно думать, ближайшимъ образомъ для области послѣдняго. А такъ какъ законъ долженъ былъ быть посланъ и Максимину, то приходилось считаться не только уже съ индифферентнымъ, по меньшей мѣрѣ, къ христіанству Лакиніемъ, язычникомъ въ душѣ, но и съ прямо враждебнымъ къ новой религіи Максиміномъ. Понятны отсюда условія, при какихъ получилъ начало миланскій законъ. Константинъ едва ли могъ думать о предоставленіи христіанству и въ областяхъ своихъ соправителей рѣшительнаго преимущества предъ язычествомъ, когда нужно было прежде всего обезпечить для христіанъ еще право вполнѣ свободнаго существованія и юридическую правоспособность христіанскихъ общинъ. Онъ могъ въ своихъ владѣніяхъ тогда уже оказывать явное предпочтеніе и милости христіанству, но въ законѣ, имѣвшемъ въ виду христіанъ въ другихъ областяхъ имперіи, онъ по необходимости долженъ былъ болѣе или менѣе сообразоваться съ настроеніемъ правителей этихъ областей.

Въ текстѣ закона въ дѣйствительности и не находимъ ничего о какихъ-либо особыхъ преимуществахъ христіанской религіи, и въ немъ вовсе не говорится объ этой религіи, «какъ такой, какая со времени изданія названнаго эдикта должна имѣть все значеніе и всю силу въ государствѣ». Если христіанство есть «главный объектъ» эдикта, о христіанствѣ всюду прежде всего говорится въ немъ, то вѣдь именно христіане и нуждались въ измѣненіи своего стѣсненнаго положенія на лучшее. Простымъ актомъ справедливости, а не какою либо особою милостію, являлось по существу и возвращеніе христіанскимъ общинамъ конфискованныхъ имуществъ, коль скоро онѣ признаны были имѣющими законное право на владѣніе ими. Язычество, разумѣется, потерпѣло чрезъ этотъ эдиктъ весьма большой ущербъ въ томъ отношеніи, что лишилось привилегіи быть единственною, исключительно преобладающею религіею въ государствѣ. Но для христіанства это было пока лишь не болѣе, какъ поставленіе его въ равное положеніе съ язычествомъ въ отношеніи къ свободѣ. Можно считать доказательствомъ особаго расположенія Константина къ христіанству вообще фактъ изданія имъ этого закона, можно указывать на прямо направленныя къ облагодѣтельствованію хри-

стіанства указы и мѣры Константина, относящіеся уже къ времени изданія эдикта, можно, наконецъ, и въ самомъ эдиктѣ отыскивать выраженія, свидѣтельствующія объ этомъ расположеніи; но какъ юридическій актъ, онъ не говоритъ ни о чемъ большемъ, что выходило бы за предѣлы дарованія христіанамъ свободы и христіанскимъ общинамъ права считаться юридическими лицами.

Эти замѣчанія приложимы болѣе или менѣе и къ разсужденіямъ Шесана, поскольку онъ, хотя возражаетъ противъ мнѣнія о возвышеніи христіанства эдиктомъ на степень господствующей религіи въ государствѣ, но самъ сущность эдикта усматриваетъ въ возведеніи христіанской религіи въ одинаковое положеніе съ язычествомъ, какъ государственной религіей. И Шесанъ также не обращаетъ должнаго вниманія на условія происхожденія миланскаго закона. Безъ всякой нужды онъ хочетъ въ немъ именно видѣть не начальную ступень религіозной политики Константина, не первый только актъ ея, обусловленный историческими обстоятельствами, но уже цѣльную и точно опредѣленную, такъ сказать, программу этой политики, какъ политики паритета двухъ «государственныхъ» религій. Въ текстѣ документа, однако, и онъ констатируетъ только дарованіе христіанамъ «абсолютнѣйшей свободы вѣры и культа» и признаніе христіанскихъ общинъ за юридическія лица. Но ни то, ни другое само по себѣ недостаточно для названія религіи «государственной», хотя Шесанъ какъ будто бы уже въ одной «абсолютнѣйшей» свободѣ готовъ видѣть признакъ государственной религіи [1]). Желая найти для послѣдующаго фактическаго положенія религій въ имперіи, когда язычество не было еще лишено разныхъ унаслѣдованныхъ отъ старины привилегій, но въ то же время благоволеніе государей всецѣло уже перешло на сторону христіанства, юридическія основанія, авторъ въ провозглашенномъ миланскимъ закономъ паритетѣ свободы усматриваетъ паритетъ привилегированнаго положенія. Но въ этомъ законѣ и для язычества гарантируется собственно только такая же свобода, какая дается въ немъ христіанамъ, а какія-либо другія привилегіи язычества прямо еще не санкціонируются,

---

[1]) 231: dem Christentum wird die *absoluteste* [курсивъ Шесана] Glaubens- und Kultusfreiheit d. i. die rechtliche Stellung als Staatsreligion eingeräumt.

хотя фактически онѣ и сохранялись болѣе или менѣе до извѣстнаго момента за прежней государственной религіей. Свобода при этомъ предоставляется, по буквѣ закона, послѣдователямъ всякихъ, безъ какого-либо различія, религій и культовъ, слѣдовательно, напр., и послѣдователямъ іудейской религіи, также манихейства и т. п. (§ 6: etiam aliis— безъ всякихъ ограниченій).

Находить въ миланскомъ актѣ больше, нежели сколько на самомъ дѣлѣ въ немъ содержится, побуждаетъ, между прочимъ, повидимому, опасеніе умалить въ противномъ случаѣ значеніе этого акта, если будетъ признано, что онъ далъ лишь юридическую санкцію тому, чѣмъ фактически христіане пользовались уже болѣе или менѣе и прежде, и что, какъ думаютъ нѣкоторые, даже было облекаемо отчасти и ранѣе въ юридическую форму [1]). Въ дѣйствительности, и безъ ненужнаго преувеличенія остается несомнѣннымъ важное значеніе его, какъ акта, положившаго рѣшительный конецъ безправному положенію христіанъ въ имперіи и вмѣстѣ съ этимъ, чрезъ объявленіе полной религіозной свободы, низведшаго язычество de jure изъ прежняго положенія единой государственной религіи въ рядъ всѣхъ другихъ религій. Если бы не необходимость считаться съ настроеніемъ соправителей при изданіи закона въ виду особаго назначенія послѣдняго, Константинъ, нужно думать, въ другихъ словахъ формулировалъ бы свою волю, и вѣроятно, его личное расположеніе къ христіанству нашло бы уже здѣсь гораздо болѣе прямое и ясное выраженіе. Но эта же необходимость за то, съ другой стороны, заставляла съ особою обстоятельностью разъяснить и поставить на вполнѣ твердую юридическую почву тотъ, хотя бы минимальный, объемъ правъ для послѣдователей христіанства, который уже былъ бы вполнѣ достаточенъ для дальнѣйшаго существованія и развитія христіанской церкви даже въ предѣлахъ владѣній государей, лично къ христіанству вовсе не расположенныхъ.

Де Баччи Венути полагаетъ, что обязательное значеніе въ силу миланскаго закона долженъ былъ получить тотъ монотеизмъ, который исповѣдуютъ въ немъ сами законодатели. На дѣлѣ, однако, нѣтъ основаній придавать заявленіямъ объ этомъ въ эдиктѣ значеніе какой-либо юридической обязательности.

[1]) Ср., напр., *Gesan*, 43.

Въ законѣ не только нѣтъ никакихъ прямыхъ предписаній относительно монотеизма, но говорится именно о «свободномъ» почитаніи самими правителями верховнаго Божества (§ 3). То обстоятельство, что государи являются почитателями этого Божества, послѣдователями монотеизма, разумѣется, не могло быть безразличнымъ для подданныхъ. но значеніе оно должно было имѣть въ качествѣ лишь примѣра. О свободѣ для всѣхъ въ выборѣ и содержаніи той или иной религіи въ законѣ вообще заявлялось такъ часто и выразительно, что не должно было оставаться сомнѣнія въ возможности толкованія этой свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ. При этомъ нѣтъ необходимости и самый монотеизмъ миланскаго документа истолковывать непремѣнно и исключительно въ языческомъ смыслѣ. Если провозглашеніе въ немъ религіозной свободы было, какъ думаетъ Баччи, собственно «компромиссомъ» вызваннымъ политическими обстоятельствами, тѣмъ болѣе можно объяснять такимъ образомъ неопредѣленность выраженія «summa divinitas». Предоставляя Ликинію и Максимину соединять съ нимъ какое угодно представленіе, Константинъ самъ могъ разумѣть—и несомнѣнно разумѣлъ—подъ этимъ summa divinitas именно христіанскаго Бога.

Особыми условіями происхожденія и ближайшею цѣлью миланскаго закона объясняются, можно полагать, какъ вообще проявленная въ немъ точка зрѣнія самаго широкаго и неопредѣленнаго, не специфически христіанскаго, монотеизма, такъ и отсутствіе различенія, по отношенію къ самому христіанству, между каѳолическою церковію и сектами. Когда провозглашалась всеобщая религіозная свобода и дѣло шло о дарованіи христіанамъ еще самыхъ элементарныхъ правъ въ неподвластныхъ непосредственно самому Константину частяхъ государства, было бы непослѣдовательно и несвоевременно настаивать на такомъ различеніи, если бы самъ Константинъ даже имѣлъ его въ виду. Вообще вопросъ о сектахъ выходитъ за предѣлы буквы миланской конституціи; можно утверждать, что самъ Константинъ и здѣсь, говоря о христіанской церкви, разумѣетъ каѳолическую церковь, но прямо это не выражено [1]).

[1]) Ср. разъясненія у Şesan'а, 232—237. Послѣ того какъ съ обнародованіемъ латинскаго текста миланскаго закона открылось, что греческому αἱρέσεων въ переводѣ Евсевія соотвѣтствуетъ латинское condicionibus (§ 4), толкованіе Валуа, будто здѣсь идетъ рѣчь о распространеніи

Очевидно, такимъ образомъ, что миланскій законъ, хотя и обязанный своимъ происхожденіемъ именно Константину и занимающій, по своему общему историческому значенію, особо видное мѣсто въ ряду актовъ религіозной политики его, самъ по себѣ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ своего появленія, не можетъ еще считаться полнымъ и точнымъ выраженіемъ этой политики. Чтобы судить о дѣйствительныхъ воззрѣніяхъ и намѣреніяхъ перваго христіанскаго императора, необходимо имѣть въ виду еще другія заявленія и дѣйствія его, относящіяся частію уже ко времени изданія разсматриваемаго документа, частію къ дальнѣйшей исторіи. Не слѣдуетъ только пытаться внести непремѣнно и въ этотъ документъ то, чего въ немъ нѣтъ и не могло быть по самымъ условіямъ его составленія. [1])

свободы и на секты, уже не имѣетъ основаній, хотя его держится, напр., даже Неандеръ (KG[4] III, 17—18). Нѣтъ основаній, какъ разъясняетъ Шесанъ, видѣть, подобно Кейму, указаніе на секты въ alii § 6, разумѣя подъ christiani въ документѣ каѳолическихъ христіанъ, которымъ онѣ будто бы противополагаются. Но спорнымъ и весьма мало вѣроятнымъ является и обратное мнѣніе, высказанное Гюлле, что самъ Константинъ сознательно и намѣренно включалъ въ понятіе christiani и послѣдователей христіанскихъ сектъ. Вѣроятнѣе всего, что въ данномъ случаѣ онъ просто игнорировалъ ихъ.

[1]) Изъ различныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ текстомъ миланской конституціи, доселѣ остается не рѣшеннымъ окончательно вопросъ о томъ, какъ нужно понимать выраженіе „vicarium postulent“ въ латинскомъ текстѣ (§ 8): какъ просто лишь разрѣшеніе требовать соотвѣтствующаго вознагражденія (vicarium=res vicaria, compensatio), или какъ указаніе на должностное лицо—викарія, къ которому слѣдовало обращаться за вознагражденіемъ (ср. выше, стр. 45). Разные ученые понимаютъ его то въ первомъ смыслѣ (Heinichen, Duchosne), то—чаще—во второмъ (Hülle, Batiffol, De Bacci Venuti). За первое пониманіе могло бы, повидимому, говорить отсутствіе при vicarium опредѣленія: vicarium p r a e f e c t o r u m (множественное число — praefectorum — должно было указывать въ данномъ случаѣ на коллегіальный характеръ магистратуры). Однако это ощущеніе возможно, и оно было бы вполнѣ естественнымъ именно въ томъ случаѣ, если документъ первоначально былъ адресованъ самому префекту. Что викаріи первоначально имѣлись, вѣроятно, и въ Даціи и Панноніи, ср. *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. II. Berlin 1901, 68, 498—9.— Въ сохранившемся греческомъ текстѣ у Евсевія выраженію v i c a r i u m postulent соотвѣтствуютъ слова προσέλθωσι τῷ ἐπὶ τόπων ἐπάρχῳ δικάζοντι, и въ этомъ видѣ, очевидно, должны бы предполагать въ латинскомъ текстѣ терминъ p r a e f e c t u s согласно съ обычной передачей praefectus чрезъ ἔπαρχος или ὕπαρχος. О „префектѣ“ и говорятъ

VI.

Личное благосклонное отношеніе Константина къ христіанству и именно къ каѳолической церкви, во всякомъ слу-

---

въ своихъ переводахъ текста Евсевія центуріаторы (Cent. IV [1560], 63 45—6: ad praefectum, eius loci Iudicem, accedant), Баронiй (a. 313, 7, III [1887], 565: praefectum qui regioni, in qua habitant, praeest, adeant) и Валуа (ii praefectum, qui in illa provincia jus dicit, adeant). Въ русск. перев. [1858] 528: пусть обратится къ мѣстному правителю. Въ франц. перев. Grapin III [1913], 137: qu'ils aillent au tribunal du magistrat local. Швартцъ по поводу этого мѣста у Евсевія замѣчаетъ, что vicarium postulent не понято греческимъ переводчикомъ, и исправить переводъ „съ очевидностію" не представляется возможнымъ (886, прим. къ 2—6: „die von Missverständnissen nicht freie Übersetzung lässt sich nicht mit Evidenz verbessern"; къ 5: „*vicarium postulent* missverstanden"). — Въ дѣйствительности, однако, едва ли есть въ этомъ случаѣ необходимость обвинять переводчика въ „непониманіи". Дѣло можетъ быть разъяснено, повидимому, довольно легко, если предположить незначительное и вполнѣ возможное искаженіе греческаго текста, допущенное при переписке и бывшее уже въ прототипѣ ATERM, именно—если вмѣсто нынѣшняго τῷ ἐπὶ τόπων ἐπάρχῳ δικάζοντι, читать τῷ ἐπὶ τόπῳ [τόπων если и не невозможно, но, кажется, менѣе вѣроятно] ἐπάρχων [или τῶν ἐπάρχων] δικάζοντι. Это послѣднее выраженіе, которое въ латинскомъ звучало бы vice praefectorum judicanti, или pro praefectis judicanti, было бы точнымъ обозначеніемъ викарія префектовъ, и отдѣльные элементы его вполнѣ подтверждаются словоупотребленіемъ той эпохи. Кромѣ нерѣдкаго названія pro praefectis—или pro praefecto—praetorio, въ надписаніяхъ законовъ встрѣчается еще для викарія наименованіе agens vices praefectorum—или praefecti—praetorio (Cod. Theod. II, 33, 1 [325]), или agens vicem pf. p. (XVI, 10, 2 [341]); въ текстѣ одного закона викаріи обозначаются, какъ hi, qui vice praefectorum cognoscunt (XI, 30, 16 [331]). Въ надписи временъ Діоклетіана титулъ восточнаго викарія передается чрезъ iudex sacrarum cognitionum totius Orien[tis] (*H. Dessau*, Inscriptiones latinae selectae. I. Berolini 1892, № 1211; ср. *Seeck*, II, 498); iudicans вообще есть довольно обычный эпитетъ въ надписяхъ для нѣкоторыхъ римскихъ магистратовъ (ср. напр. у *Dessau* №№ 1220—1, [1225], 1228, 1232, 1237, 1240: vice sacra iudicanti). Въ греческой передачѣ африканскій викарій Александръ (возставшій противъ Максентія) называется у Зосима, II, 12, 2 (*Mendelssohn*, 70): τόπον ἐπέχειν τοῖς ὑπάρχοις τῆς αὐλῆς ἐν Λιβύῃ καθεσταμένος (у Аврелія Виктора, Caes. 40, 17: apud Poenos Alexander pro praefecto agens). Въ письмѣ Константина Макарію іерусалимскому, у Евсевія въ V. C. III, 31 (*Heikel*, 92) (=Socr. I, 9, 61, Theodor. I, 17, 6), къ викарію востока Дракилліану прилагается обозначеніе его должности: τῷ διέποντι τὰ τῶν [Socr. Theod. add.'λαμπροτάτων] ἐπάρχων μέρη („μέρη" очевидно есть переводъ „partes", нерѣдко замѣняющаго въ латинскомъ языкѣ „vices";

чаѣ, уже въ 313 г. несомнѣнно шло гораздо далѣе, чѣмъ это могло найти и нашло выраженіе въ изданномъ вмѣстѣ съ Ли-

---

отсюда Валуа переводитъ: agenti vices [clarissimorum] praefectorum praetorio). Такимъ образомъ, для должности „vicarius praefectorum praetorio“ и въ латинскомъ языкѣ весьма обычными оказываются и другія, замѣняющія это названіе, обозначенія: pro praefectis, agens vices или vicem praefectorum, vice praefectorum cognoscens, judex. (О викаріяхъ вообще ср. въ Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis *J. Gothofredi*. Ed. Ritter. VI, 2. Mantuae 1750, 18—20). Такая замѣна, въ томъ или иномъ видѣ, являлась уже прямо неизбѣжною при попыткѣ передать этотъ терминъ на греческомъ языкѣ, гдѣ соотвѣтствующаго латинскому vicarius слова не было (τοποτηρητής выступаетъ позже, повидимому, лишь ко времени халкидонскаго собора; ср. *Ducange*, Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. II. Lugduni 1688, c. 1585). Употребленіе въ комбинаціи съ δικάζοντι выраженія ἐπὶ τόπῳ (= vice; могло бы быть и просто τόπῳ, но, вѣроятно, уже необходимость здѣсь поставить предъ τόπῳ членъ τῷ, относящійся къ δικάζοντι, побудила присоединить, во избѣжаніе недоразумѣнія, предлогъ ἐπὶ къ τόπῳ) необходимо вело къ поставленію послѣ τόπῳ слова ἐπάρχων, хотя бы въ латинскомъ текстѣ и не было соотвѣтствующаго ему praefectorum. Слѣдуетъ замѣтить, что если бы словомъ τόπος имѣлось въ виду обозначить мѣстный характеръ власти, о которой идетъ рѣчь, то нужно было бы ожидать не ἐπὶ τόπων, а κατὰ τόπους, или κατὰ τόπον. Но къ префекту преторіи (а его именно нужно разумѣть подъ ἔπαρχος, согласно обычному словоупотребленію), завѣдывавшему цѣлой четвертью имперіи, такое обозначеніе едва ли могло быть приложено. Упоминаніе о префектѣ, или префектахъ, могло появиться здѣсь именно лишь при обозначеніи викарія, какъ замѣстителя префектовъ, но вслѣдствіе искаженія при перепискѣ все мѣсто получило совсѣмъ не соотвѣтствующій дѣйствительности смыслъ. Наглядный примѣръ непониманія и порчи переписчиками и корректорами описательнаго обозначенія должности викарія, также въ связи съ непонятымъ словомъ ἐπάρχων, но въ нѣсколько иной комбинаціи, представляетъ и указанное выше мѣсто въ V. C. III, 31 (*Heikel*, 92). Въ Vat. 149 здѣсь читается: διέποντι τὰ τῶν λαμπροτάτων ἐπαρχιῶν μέρη (*J. A. Heikel*, Kritische Beiträge zu den Constantin-Schriften des Eusebius. [Texte und Untersuchungen herausgeg. von A. Harnack u. C. Schmidt. XXXVI, 4]. Leipzig 1911, 63, 73—4) (то же у Геласія кизикскаго); въ другихъ рукописяхъ (IMBA—и другихъ?) λαμπροτάτων, какъ совершенно не подходящее къ ἐπαρχιῶν, оказывается уже опущеннымъ; правильное чтеніе: τῶν λαμπροτάτων ἐπάρχων μέρη, сохранилось лишь въ рукописяхъ церковныхъ исторій Сократа и Ѳеодорита. Можно прибавить къ этому, что даже новѣйшій издатель Vita Constantini, Гейкель (не внесшій, между прочимъ, въ текстъ своего изданія, и хорошо засвидѣтельствованнаго слова λαμπροτάτων), не понялъ термина ἔπαρχος ни въ этомъ, ни въ другихъ мѣстахъ, и ошибочно придалъ ему въ своемъ указателѣ къ изданію (305)—очевидно подъ вліяніемъ ἐπαρχία = provincia и ἐπαρχιώτης = provincialis—значеніе praeses provinciae (отсюда всѣ его поясненія подъ этимъ словомъ неправильны). Такимъ образомъ, можно думать, что греческій

киніемъ актѣ. О немъ ясно свидѣтельствуютъ заявленія и распоряженія, сдѣланныя Константиномъ около того времени для своей западной области. Таковы всѣ тѣ 5 документовъ, которые приводятся у Евсевія вслѣдъ за миланской конституціей: 3 письма въ Африку—2 къ проконсулу Анулину и 1 къ епископу карѳагенскому Кекиліану, и 2 письма итальянскимъ епископамъ—римскому Мильтіаду и сиракузскому Христу [1]).

Покровительствуя христіанамъ, Константинъ и здѣсь, съ одной стороны, хочетъ держаться прежде всего въ предѣлахъ лишь справедливости. Это особенно сказывается въ распоря-

---

текстъ въ его первоначальномъ видѣ былъ вполнѣ согласенъ съ латинскимъ подлинникомъ, и переводчикъ „vicarium“ понималъ именно въ смыслѣ викарія префектовъ.—Что касается появленія προσέλθωσι для передачи postulent. то оно можетъ объясняться просто лишь тѣмъ, что глаголъ αἰτῶσι былъ уже использованъ непосредственно предъ этимъ для синонимичнаго petiverint (*Baudri, Brandt*, вмѣсто putaverint), и нужно было искать какого-либо другого выраженія. Повторенія одного и того же, которое видитъ Швартцъ въ αἰτῶσι — — καλοκἀγαθίας и προσέλθωσι — — δικάζοντι (886, къ 5: „Doublette“), не будетъ, если читать выше не ὡς ἤ, а ὡς εἰ (см. выше, стр. 40$_4$) или же ὡς εἰ ἤ (какъ предлагаютъ Burton и Schwegler, ср. у Heinichen'a I, 487$_{18}$).—Передача въ греческомъ переводѣ миланскаго документа термина vicarius греческимъ выраженіемъ представляетъ интересъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что можетъ указывать на иного, повидимому, переводчика этого документа въ сравненіи съ другими, помѣщенными у Евсевія вслѣдъ за нимъ документами. Въ одномъ изъ нихъ — письмѣ Константина къ Кекиліану карѳагенскому — тотъ же латинскій терминъ оставленъ безъ перевода (X, 6, 4, 890): Πατρικίῳ τῷ οὐικαρίῳ τῶν ἐπάρχων, между тѣмъ бывшее здѣсь, очевидно, и въ латинскомъ подлинникѣ слово praefectorum давало бы переводчику еще болѣе легкую, нежели въ миланскомъ документѣ, возможность поставить вмѣсто латинскаго οὐικαρίῳ какое-либо греческое выраженіе (если не ἐπὶ τόπῳ τῶν ἐπάρχων δικάζοντι, то, напр., τόπον τῶν ἐπάρχων ἐπέχοντι или διέποντι). Тенденцію переводчика миланскаго документа передавать латинскіе термины греческими словами можно усматривать и въ передачѣ слова fiscus (§ 7) чрезъ ταμεῖον, тогда какъ, напр., въ эдиктѣ Максимина оно не переведено (IX, 10, 11: τοῦ φίσκου). Другія латинскія слова въ документахъ IV в. въ исторіи Евсевія см. у Швартца въ указателѣ, 208—9: βενεφικιάριος, βρέουιον, κολλήγας, κονρήκτωρ, ὑφφικιάλιος, πραιπόσιτος, φόλλεις. Вообще изъ латинскихъ документовъ въ церковной исторіи несомнѣнно самимъ Евсевіемъ, по его заявленіямъ, переведены рескриптъ Адріана (IV, 8, 8) и эдиктъ Галерія (VIII, 17, 11); имъ же могли быть переведены и многіе другіе, кромѣ этихъ, но прямыхъ данныхъ, чтобы утверждать это рѣшительно, не имѣется. Ср. *F. A. Heinichen*, Eusebii Pamphili Scripta historica. III. Commentarii. Lipsiae 1870, 129.

[1]) Ср. выше, 72—3.

женіи Анулину о возвращеніи христіанамъ въ Африкѣ отобранныхъ у нихъ ранѣе имуществъ: оно прямо мотивируется общимъ правиломъ о ненарушеніи правъ чужой собственности [1]). Какъ проявленіе лишь справедливости можетъ быть разсматриваемо даже и дарованіе африканскимъ церквамъ денежныхъ средствъ изъ казны, съ распоряженіемъ дополнить недостатокъ изъ средствъ самого государя, о чемъ Константинъ извѣщаетъ Кекиліана; эти суммы, очевидно, предназначались на возстановленіе разрушенныхъ во время гоненія храмовъ, и христіане получали, такимъ образомъ, лишь то, чего они лишились ранѣе [2]). Освобожденіе христіанскихъ клириковъ отъ повинностей въ другомъ письмѣ Анулину также не можетъ быть считаемо за какую-либо исключительную привилегію; такою свободою пользовались не только языческіе жрецы, но она предоставлена была, напр., врачамъ, учителямъ грамматики и другихъ наукъ [3]), потомъ дана была и служащимъ въ іудейскихъ синагогахъ [4]).

Но съ другой стороны, не только во всѣхъ этихъ документахъ подъ христіанствомъ прямо разумѣется «каѳолическая» церковь, но объ этой каѳолической церкви Константинъ всюду выражается съ величайшимъ уваженіемъ, и въ письмѣ, напр., къ Мильтіаду это свое уваженіе выставляетъ какъ причину своихъ заботъ объ устраненіи всякихъ разногласій въ церкви [5]). Немного позже, въ 315 г., въ письмѣ

---

[1]) Ср. выше, 137.

[2]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1913, 32.

[3]) Cod. Theod. XIII, 3, 1 (321 авг. 1).

[4]) XVI, 8, 2 (330 ноябр. 29), XVI, 8, 4 (331 дек. 1).

[5]) X, 5, 16 (Анулину): τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ καθολικῇ τῶν Χριστιανῶν (Евсевій въ заглавіи документа отмѣчаетъ, очевидно, именно какъ особенность его въ сравненіи съ приведеннымъ только что миланскимъ закономъ: Ἀντίγραφον ἑτέρας βασιλικῆς διατάξεως, ἣν αὐθις πεποίηται [πεποίηνται R], μόνῃ τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ τὴν δωρεὰν ὑποσημηνάμενος). X, 5, 19 (Мильтіаду): τῷ σεβασμιωτάτῳ νόμῳ. 20: μηδὲ τὴν ὑμετέραν ἐπιμέλειαν λανθάνει, τοσαύτην με αἰδῶ τῇ ἐνθέσμῳ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ ἀπονέμειν, ὡς μηδὲν καθόλου σχίσμα ἢ διχοστασίαν ἔν τινι τόπῳ βούλεσθαι με ὑμᾶς καταλιπεῖν. X, 5, 21 (Христу): τῆς αἱρεσεως τῆς καθολικῆς. 22: ἐπιλαθόμενοί τινες — — τοῦ σεβάσματος τοῦ ὀφειλομένου τῇ ἁγιωτάτῃ αἱρέσει. 22: ἀπὸ τῆς ἁγιωτάτης θρησκείας ταύτης. X, 6, 1 (Кекиліану): τῶν ὑπηρετῶν τῆς ἐνθέσμου καὶ ἁγιωτάτης καθολικῆς θρησκείας. 4: τὸν λαὸν τῆς ἁγιωτάτης καὶ καθολικῆς ἐκκλησίας. X, 7, 2 (Анулину): ἐν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ, ἣ Καικιλιανὸς ἐφέστηκεν. 2: τῇ ἁγίᾳ ταύτῃ θρησκείᾳ

также по дѣлу донатистовъ къ викарію Африки Кельсу, онъ поставляетъ своею обязанностью (munus), какъ государя, содѣйствовать тому, чтобы всѣ христіане воздавали съ истинной вѣрой и во взаимномъ согласіи должное почитаніе всемогущему Богу [1]). И если указанныя выше дѣйствія его въ пользу церкви сами по себѣ носятъ характеръ актовъ справедливости, то побуждало къ нимъ Константина не одно лишь чувство справедливости, но и особое расположеніе къ христіанству.

Язычество послѣ 313 г. пользуется свободой во владѣніяхъ не только Ликинія, но и Константина, хотя послѣдній не находитъ нужнымъ скрывать своего нерасположенія къ нему при случаѣ и въ законодательныхъ актахъ. Язычникамъ предоставлена свобода совершать свои обряды, и даже жрецы языческой религіи продолжаютъ получать содержаніе отъ государства. Самъ Константинъ, въ то же время, не нашелъ нужнымъ слагать съ себя званіе pontifex maximus [2]).

---

[1]) Въ приложеніи къ S. Optati Milevitani libri VII. Rec. *C. Ziwsa* (Corpus script. eccl. lat. vol. 26. Vindobonae 1893) p. 212: Quid potius agi a me pro instituto meo ipsiusque principis munere oporteat, quam ut discussis errоribus omnibusque temeritatibus amputatis uerам religionem universos concordemque simplicitatem atque meritam omnipotenti Deo culturam praesentare perficiam? Ср. *Batiffol*, La paix Constantinienne, 294—5.

[2]) Если въ 319 г. аруспикамъ и вообще жрецамъ строжайшимъ образомъ воспрещается производить свои гаданія и церемоніи въ частныхъ домахъ, то нужно имѣть въ виду, что подобная тайная дѣятельность прорицателей могла быть опасна въ государственномъ отношеніи, и для этого запрещенія могли быть, такимъ образомъ, политическіе мотивы. О языческихъ обрядахъ законъ говоритъ при этомъ въ довольно пренебрежительномъ тонѣ, хотя и разрѣшаетъ совершать ихъ, лишь бы это происходило открыто. Cod. Theod. IX, 16, 1 (319 февр. 1) (ed. *Hänel*): superstitioni enim suae servire cupientes poterunt publice ritum proprium exercere. IX, 16, 2 (319 мая 15): Qui vero id vobis existimatis conducere, adite aras publicas atque delubra et consuetudinis vestrae celebrate solemnia: nec enim prohibemus, praeteritae usurpationis officia libera luce tractari. Въ этомъ смыслѣ, нужно, повидимому, понимать и законъ 8 марта 321 г. (XVI, 10, 1), повелѣвающій аруспикамъ, въ случаѣ пораженія молніей императорскаго дворца, или другихъ—общественныхъ сооруженій, представлять самому императору подробный письменный докладъ о результатахъ своихъ гаданій. Константинъ дѣлаетъ и въ этомъ случаѣ уступку укоренившемуся обычаю (retento more veteris observantiae), дозволяя и другимъ прибѣгать къ аруспикамъ въ подобныхъ случахъ, но въ то же время напоминая и здѣсь о воспрещеніи домашнихъ жертвоприношеній, съ которыми и могли соединяться гаданія (dummodo sacrificiis domesticis abstineant, quae specialiter prohibita sunt).

Въ 323 г. Константину приходилось даже выступать на защиту христіанскихъ клириковъ и вообще христіанъ отъ привлеченія къ участію въ нѣкоторыхъ языческихъ церемоніяхъ ревнителями чуждаго христіанству «суевѣрія» [1]). Законъ былъ вызванъ какими-то фактами, слухъ о которыхъ дошелъ до императора, и это показываетъ, что представители старой религіи позволяли себѣ тогда настаивать на обязательности ея обрядовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ области самого Константина [2]).

Что касается Ликинія, то едва ли онъ заявилъ себя особымъ покровительствомъ христіанамъ вслѣдъ за обнародованіемъ миланскаго закона на востокѣ [3]). Вѣроятно вскорѣ же, послѣ столкновенія съ Константиномъ, кончившагося переходомъ подъ власть Константина Иллирика (въ 314 г.), у Ликинія сложилось подозрительное отношеніе къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, перешедшее затѣмъ въ преслѣдованіе ихъ. Данное христіанамъ еще эдиктомъ Галерія право на существованіе въ имперіи прямо не было отнято, но они начали подвергаться разнымъ стѣсненіямъ, и миланское постановленіе уже совсѣмъ потеряло свою силу [4]). Ликиній намѣревался, по

---

[1]) Cod. Theod. XVI, 2, 5 (323 мая 25): Quoniam comperimus, quosdam ecclesiasticos et ceteros catholicae sectae servientes a diversarum religionum hominibus ad lustrorum sacrificia celebranda c o m p e l l i, hac sanctione sancimus etc. Законъ падаетъ на время возстановленія язычества Ликиніемъ на востокѣ, и изданъ въ Сирміи.

[2]) Между прочимъ, еще ранѣе, уже вскорѣ послѣ миланскаго закона, въ 315 г. Константину приходилось ограждать особымъ закономъ свободу перехода въ христіанство изъ іудейства отъ фанатизма іудеевъ; но въ то же время сами іудеи были лишены права пропаганды своего ученія: наказаніе угрожало и перешедшему къ нимъ и имъ самимъ. Cod. Theod. XVI, 8, 1 (315 окт. 18). Запрещеніе іудеямъ преслѣдовать обращающихся въ христіанство повторено было, съ угрозою наказанія 21 окт. 335 (XVI, 8, 5).

[3]) Слова Евсевія въ рѣчи при освященіи тирскаго храма (бывшемъ, можетъ быть, уже въ 314 г., какъ и полагаетъ, напр., *Schultze*, Untergang, I, 43), относящіяся вмѣстѣ къ Константину и Ликинію (h. e. X, 4, 16): ὥστε — — τοὺς πάντων ἀνωτάτω βασιλέας — — νεκρῶν μὲν εἰδώλων καταπτύειν προσώποις, πατεῖν δ' ἀθεσμα δαιμόνων θεσμία καὶ παλαιᾶς ἀπάτης πατροπαραδότου καταγελᾶν κτλ., имѣютъ въ виду главнымъ образомъ всетаки Константина, какъ прямо видно изъ дѣлаемаго далѣе упоминанія объ устроенной въ Римѣ Константиномъ написи (хотя Евсевій даже и тутъ употребляетъ множественное число: προσεγγράφοντας).

[4]) Особымъ закономъ епископамъ запрещено было составлять соборы (для поставленія, напр., новыхъ епископовъ), другимъ закономъ

Евсевію, объявить уже и общее гоненіе, но выступленіе Константина и нанесенное послѣднимъ пораженіе, вѣроятно въ 324 г., положило конецъ этимъ планамъ.

Вступленіе Константина, сдѣлавшагося теперь единодержавнымъ правителемъ, во власть надъ восточною ея половиною ознаменовано было новыми законодательными актами съ его стороны, опредѣлявшими его отношенія къ христіанству и язычеству. Несомнѣнно подлинные, несмотря на нерѣдко встрѣчающееся доселѣ у разныхъ ученыхъ отрицаніе принадлежности ихъ Константину, они имѣютъ сами по себѣ весьма важное значеніе для характеристики религіозной политики и вообще воззрѣній и настроенія Константина. Въ настоящемъ случаѣ представляетъ интересъ сопоставленіе этихъ новыхъ законовъ и заявленій съ прежней миланской конституціей.

Константинъ отмѣнилъ вообще «несогласныя съ правомъ» постановленія Ликинія, признавъ силу за дѣйствовавшимъ ранѣе правомъ и за своими узаконеніями [1]). Но положеніе

не дозволялось являться въ храмы мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ, затѣмъ предписано было устроять богослужебныя собранія не иначе, какъ внѣ города, въ открытомъ полѣ (V. C. I, 52—53). На ряду съ этимъ подверглись изгнанію, разнымъ притѣсненіямъ и частью ссылкѣ христіане, бывшіе при императорскомъ дворцѣ; находившіеся въ военной службѣ принуждались къ принесенію языческихъ жертвъ и за неповиновеніе лишались званія (I, 52, 54). При свойственномъ вообще Ликинію стремленіи всѣми средствами пополнять свою казну, конфискація имуществъ примѣнялась, конечно, въ широкихъ размѣрахъ и въ отношеніи къ христіанамъ (I, 52). Дѣло дошло и до казни епископовъ желавшими угодить императору начальниками провинцій, иногда даже безъ всякаго видимаго предлога; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ Амасіи, въ Понтѣ, стали разрушать, или же запирать церкви (II, 2). О Ликиніи и его гоненіи имѣются особыя изслѣдованія: *F. Görres*, Kritische Untersuchungen über die Licinianische Christenverfolgung. Jena 1875, и *Ch. Antoniades*, Kaiser Licinius. München 1884, но они не исчерпываютъ предмета. Замѣчанія о гоненіи ср. у *A. Casamassa*, I documenti della „Vita Constantini“ di Eusebio Cesareense. Roma 1913, 43—51.

[1]) Первый указъ объ этой отмѣнѣ обнародованъ былъ 16 декабря 324 г. (если читать вслѣдъ за Готофредомъ „XVII. Kal. Ian.“; если оставить чтеніе „XVII. Kal. Iun.“—16 мая). Cod. Theod. XV, 14, 1 (ad Praef. Praet.): Remotis Licinii tyranni constitutionibus et legibus, omnes sciant, veteris iuris et statutorum nostrorum observari debere sanctionem. Два дальнѣйшіе указа, 12 февраля 325 г. (XV, 14, 2, ad universos Provinciales) и 8 іюля 326 г. (XV, 14, 3, Praefecto Vigilum: Quae tyrannus contra ius rescripsit, non valere praecipimus; legitimis eius rescriptis minime impugnandis), дѣлаютъ уже ограниченія къ этому общему распоряженію; еще одинъ, 15 іюля 326 г. (XV, 14, 4), касается частнаго вопроса.

христіанъ въ бывшихъ владѣніяхъ Ликинія онъ нашелъ нужнымъ опредѣлить еще особымъ эдиктомъ, обращеннымъ къ населенію восточныхъ провинцій; соотвѣтственный документъ былъ разосланъ и церквамъ. Въ первомъ его видѣ, именно, какъ письмо императора къ «жителямъ Палестины», приводитъ этотъ законъ Евсевій въ «Жизни Константина»; еще ранѣе онъ былъ помѣщенъ—вѣроятно, имъ же самимъ—въ приложеніи къ X книгѣ его церковной исторіи [1]). Для даннаго момента онъ, очевидно, соотвѣтствовалъ миланскому закону 313 г. и въ своемъ содержаніи представляетъ извѣстную аналогію съ нимъ; но имѣются и важныя отличія между тѣмъ и другимъ актами [2]).

[1]) V. C. II, 24—42, p. 50—1 (ср. выше, стр. 78): Ἐπιστολὴ Κωνσταντίνου Κωνσταντίου Ῥωμαίων αὐτοκράτορος, τὸ πρῶτον καταπεμφθὲν τοῖς ἐπὶ γῆς ἑῴας γράμμα μετὰ τὴν κατὰ τῶν τυράννων νίκην. „Νικητὴς Κωνσταντῖνος Μέγιστος Σεβαστὸς ἐπαρχιώταις Παλαιστίνης. Ἦν μὲν ἀνωθεν“ κτλ. Терминъ ἐπαρχιῶται, provinciales, означаетъ жителей провинцій, но не „начальниковъ“, какъ передаетъ его Θ. А. Кургановъ для V. C. II, 24, II, 48. и для h. e. VIII, 17, въ Правосл. Собесѣдникѣ, 1915, апрѣль, 583, 584; 1914, май, 835, подобно русскому переводчику „Жизни Константина“ (126, 142, 143; но для h. e. VIII, 17: Ἐπαρχιώταις ἰδίοις, и въ русскомъ переводѣ исторіи стоитъ, 463: „жителямъ своихъ провинцій“).

[2]) Вопросъ о подлинности этого эдикта, равно какъ и разныхъ другихъ документовъ въ „Жизни Константина“, и теперь еще возбуждаетъ споры. Въ новѣйшее время на защиту его противъ *Crivellucci* (1888, 1894, 1898), который считалъ его поддѣлкой самого Евсевія, противъ *Schultze* (1894), по которому это есть подлогъ времени Валентиніана I и Валента, внесенный въ сочиненіе Евсевія когда-то до 440 г., и противъ *Mancini* (1905), который видитъ въ немъ подлогъ, сдѣланный христіанами въ канцеляріи Константина еще при его жизни и принятый съ довѣріемъ Евсевіемъ, выступилъ *A. Casamassa*, I documenti della „Vita Constantini“ di Eusebio Cesareense. Roma 1913 (также въ сборникѣ Lettere Costantiniane. Roma 1914); этотъ обстоятельный этюдъ, составляющій, по сообщенію автора, часть болѣе обширнаго давно начатаго труда объ историческихъ произведеніяхъ Евсевія, и посвященъ собственно въ своей главной части только разсматриваемому эдикту, такъ какъ отрицательное рѣшеніе вопроса о немъ должно служить для указанныхъ ученыхъ главнымъ основаніемъ для отверженія подлинности и другихъ (15) документовъ у Евсевія. Еще раньше (противъ Crivellucci и Schultze) обосновывали подлинность спорныхъ документовъ *Seeck* (1896, 1897) и *Heikel* (1902). Однако, по поводу изслѣдованія Казамассы, не соглашаясь съ нимъ, снова попытался отвергнуть подлинность какъ этого эдикта, такъ еще другихъ 5 документовъ въ V. C., *P. Batiffol*, Les Documents de la Vita Constantini, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, 1914, № 2, 81—95. По мнѣнію Батиффоля, всѣ эти

Законъ 313 г. устанавливалъ лишь, въ первой половинѣ, полную свободу для христіанъ вмѣстѣ съ послѣдователями

---

6 документовъ (разсматриваемый эдиктъ, опредѣляющій отношенія Константина къ церкви, II, 24–42; другой, приводимый затѣмъ Евсевіемъ эдиктъ, объ отношеніяхъ къ язычникамъ, II, 48—60; письмо Александру и Арію—объ отношеніяхъ къ омоусіанамъ и аріанамъ, II, 64—72; письмо о пасхѣ—объ отношеніяхъ къ іудеямъ, III, 17—20; обращеніе къ еретикамъ, III, 64—65; письмо Сапору—о покровительственномъ отношеніи Константина къ христіанамъ внѣ имперіи, IV, 9—13) вышли изъ рукъ „полуаріанъ", вѣроятно около 340 г., и должны были намѣтить программу религіозной политики для преемника Константина Констанція, подобно тому, какъ и самая „Жизнь Константина" Евсевія въ окончательной редакціи есть собственно не исторія, и даже не панегирикъ Константину, а именно программа для его сына, и поэтому въ ней приписывается Константину не та политика, какой онъ держался въ дѣйствительности (р. 94—5). Въ книгѣ La paix Constantinienne. Paris 1914, Батиффоль вслѣдствіе этого игнорируетъ всѣ названные документы, ссылаясь на эту свою статью (р. 267). На самомъ дѣлѣ, хотя нѣкоторыя возраженія противниковъ подлинности выдвигаютъ довольно трудные для объясненія факты, но другія сами основываются лишь на гипотезахъ, или даже просто на недостаточно внимательномъ отношеніи къ имѣющимся уже разъясненіямъ по поводу тѣхъ или иныхъ мѣстъ въ текстѣ документовъ.—Что касается въ частности эдикта, о которомъ идетъ рѣчь, то едва ли, прежде всего, слѣдуетъ „удивляться", подобно Батиффолю, хотя бы и не усматривая здѣсь ratio dubitandi (92), тому, что Евсевій, приводя документъ, отмѣчаетъ, что текстъ его взятъ имъ съ подлиннаго экземпляра, присланнаго въ Палестину за подписью самого Константина (II, 23): если такой важный документъ въ подлинникѣ оказался въ рукахъ историка, для него вполнѣ естественно было упомянуть объ этомъ, приводя его текстъ, и въ замѣчаніи о засвидѣтельствованіи его подлинности подписью самого императора нѣтъ нужды непремѣнно усматривать желаніе фальсификатора предупредить недовѣріе къ подлогу. Сомнѣваться въ томъ, что кесарійскому митрополиту-историку могъ быть переданъ изъ архива присланный собственно гражданскому начальству документъ о христіанахъ, или въ томъ, что Константинъ могъ самъ подписать адресованный въ Палестину экземпляръ эдикта, назначавшагося для всей восточной половины имперіи (II, 42: προτεθήτω ἐν τοῖς ἡμετέροις ἀνατολικοῖς μέρεσιν), едва ли есть основанія.—Почему, далѣе, самъ Константинъ не могъ, по мнѣнію Батиффоля (92—3), въ этомъ письмѣ, соотвѣтственно его цѣли, подробно развить апологетическія мысли о гибели гонителей христіанъ и о благополучіи императоровъ, почитающихъ Бога (II, 24—27), о чемъ онъ лишь кратко замѣчалъ нѣкогда въ письмѣ Анулину (h. e. X, 7), и почему нужно предполагать, что кто-то иной хотѣлъ приписать здѣсь Константину подробное раскрытіе этихъ мыслей,—неясно. То же можно замѣтить и касательно мысли о Константинѣ, какъ орудіи Промысла (II, 28—29).—Когда указывается, далѣе, на несоотвѣтствіе распоряженій эдикта, которыми

другихъ религій; отъ прямыхъ преслѣдованій христіане были избавлены уже эдиктомъ Галерія 311 г., и нужно было только

устраняются слѣдствія Ликиніева гоненія, тѣмъ свѣдѣніямъ, какія даетъ объ этомъ гоненіи Евсевій, то, съ одной стороны, это несоотвѣтствіе преувеличивается, съ другой—не видно, почему нельзя согласиться и съ тою мыслію, что самъ эдиктъ можетъ быть дополняющимъ Евсевія источникомъ свѣдѣній о гоненіи и что этимъ эдиктомъ устранялись частію послѣдствія еще болѣе раннихъ гоненій—Діоклетіана, Галерія и Максимина (*P. Allard*, La persécution de Dioclétien et le triomphe de l'Église. II. Paris 1908, 314$_2$, безъ нужды относитъ все къ гоненію Ликинія). Что конфискація имущества христіанъ при Ликиніи производима была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и соединялась обычно со ссылкою, это весьма выразительно отмѣчаетъ и Евсевій: страдали отъ его жадности и всѣ его подданные, тѣмъ болѣе должны были являться его жертвою въ этомъ случаѣ христіане (V. C. I, 52: πάντων δὲ [христіанъ, бывшихъ на придворной службѣ] τὰς ὑπάρξεις ἀντὶ ἑρμαίου προαρπάζων; ср. вообще о его чрезмѣрномъ корыстолюбіи I, 55, 2: οὐ γὰρ εἶχεν αὐτῷ μέτρον ἡ μικρολογία οὐδ' ἡ ἁπληστία κόρῳ περιωρίζετο. — — οἵας δ' ἐφεῦρε κατὰ τῶν μηδὲν ἠδικηκότων ὑπεροψίους τιμωρίας, οἵας ὑπαρχόντων δημεύσεις — — οὐ δὴ ταῦτα χρεὼν μηκύνειν. Ср. то же въ h. e. X, 8, 13). Слѣдуетъ замѣтить, что въ эдиктѣ 324 г. вниманіе и обращается прежде всего именно на возстановленіе имущественныхъ правъ частныхъ лицъ живыхъ (II, 30) и уже умершихъ—въ лицѣ ихъ наслѣдниковъ, при чемъ за отсутствіемъ послѣднихъ право наслѣдованія усвояется церкви (II, 35—36). Но законъ 313 г. этого предмета не касался, и частная собственность пострадавшихъ ранѣе христіанъ могла, такимъ образомъ, оставаться и потомъ въ чужихъ рукахъ, особенно если прежнихъ собственниковъ-христіанъ не было уже въ живыхъ; лишившіеся имущества христіане могли развѣ лишь по собственной иниціативѣ возбуждать искъ о возвращеніи несправедливо отобранной собственности. Законъ 324 г. привноситъ въ этомъ случаѣ уже нѣчто совершенно новое и устраняетъ слѣдствія гоненія не Ликинія только, но и болѣе раннихъ гонителей, не устраненныя еще миланскимъ закономъ, который собственно имѣлъ въ виду установить имущественныя права христіанскихъ общинъ. Если и эдиктъ 324 г. въ II, 39—40, касается и принадлежащихъ церквамъ имуществъ, то характерно уже то, что рѣчь объ этомъ идетъ только послѣ распоряженій объ имуществѣ частныхъ лицъ. Это, повидимому, указываетъ на то, что самъ по себѣ весьма важный предметъ не требовалъ однако въ данный моментъ поставленія на первый планъ, потому что случаи конфискаціи церковныхъ имуществъ въ гоненіе Ликинія если и были, то лишь рѣдко, особенно захватъ самыхъ храмовъ съ мѣстами погребенія мучениковъ (въ эдиктѣ, между прочимъ, сначала говорится вообще о церковныхъ имуществахъ II, 39: οἰκίαι, ἀγροί, κῆποι, а потомъ уже о мѣстахъ погребенія мучениковъ II, 40, тогда какъ въ законѣ 313 г. порядокъ обратный). Но что и при Ликиніи возможны были случаи конфискаціи церквей, хотя бы пока еще и не частые, это показываетъ сообщеніе Евсевія о фактахъ, имѣвшихъ мѣсто

отмѣнить присоединенныя здѣсь къ этому эдикту ограничительныя условія. Теперь, въ 324 г., необходимо было прежде

въ Амасіи и другихъ городахъ Понта, гдѣ церкви или были разрушаемы до основанія, какъ это дѣлалось въ началѣ гоненія Діоклетіана, или запираемы (h. e. X, 8, 15 = V. C. II, 2, 40). Очевидно, вполнѣ возможна была при этомъ и конфискація, какъ и во времена Діоклетіана; Евсевій не говоритъ прямо о конфискаціи и при Діоклетіанѣ, Галеріи и Максиминѣ, и мы узнаемъ объ этомъ фактѣ лишь изъ миланскаго закона. Категорически утверждать, какъ дѣлаетъ Батиффоль (93), что Ликиній ничего не конфисковалъ во время своего гоненія, и что restitutio in integrum въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ, провозглашаемое въ эдиктѣ 324 г., оказывается безцѣльнымъ (sans objet), было бы слишкомъ смѣло, не имѣя прямыхъ основаній для того.— Равнымъ образомъ, нѣтъ причинъ сомнѣваться и въ томъ, что разныхъ видовъ наказанія, которыя отмѣняются въ эдиктѣ, дѣйствительно въ большей или меньшей степени были примѣняемы Ликиніемъ, хотя Евсевій ихъ въ разсказѣ о гоненіи Ликинія подробно и не перечисляетъ. Если ἐξορισμοὶ (ὑπερόριοι τιμωρίαι) и ἀπαγωγαὶ сдѣлались еще до открытаго гоненія на христіанъ обычными средствами для Ликинія въ цѣляхъ обогащенія по отношенію вообще къ его подданнымъ (h. e. X, 8, 13 = V. C. I, 55, ср. при этомъ замѣчаніе: τί χρὴ ταῦτα μηκύνειν, τῆς τῶν ἐσχάτων αὐτοῦ πράξεων ὑπερβολῆς μικρὰ τὰ πρῶτα καὶ τὸ μηδὲν εἶναι διελεγχούσης), и если къ епископамъ стала примѣняться по мѣстамъ смертная казнь, даже въ особомъ видѣ (ихъ разсѣкали на части и бросали въ море, h. e. X, 8, 17=V. C. II, 2), то возможны и случаи ссылки христіанъ на острова и присужденія къ работѣ въ рудникахъ и къ другимъ тяжелымъ или унизительнымъ трудамъ. — Что Константинъ, получивъ власть на востокѣ, прежде всего позаботился объ освобожденіи отъ наказаній исповѣдниковъ христіанства (ср. II, 43: Τὸ μὲν δὴ πρῶτον ὡς ἡμᾶς καταπεμφθὲν βασιλέως γράμμα ταῦτα διετάττετο; ср. II, 24), это вполнѣ естественно. Можно думать, что эдиктъ былъ изданъ вскорѣ же послѣ побѣды надъ Ликиніемъ при Хрисополѣ 18 сентября 324 (323) г. Недоумѣніе можетъ, дѣйствительно, вызывать то обстоятельство, что въ эдиктѣ ничего не говорится объ отмѣнѣ „законовъ“ Ликинія, запрещавшихъ соборы епископовъ, участіе женщинъ въ богослужебныхъ собраніяхъ мужчинъ и катихизацію ихъ епископами, и, наконецъ, вообще богослужебныя собранія въ городахъ (I, 51, 53). Но это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Константинъ и не видѣлъ никакой необходимости говорить здѣсь объ этомъ explicite. Если онъ прямо указываетъ въ эдиктѣ свою миссію въ томъ, чтобы содѣйствовать утвержденію христіанства въ „родѣ человѣческомъ“ (II, 28, 2), то для всѣхъ, конечно, должно было быть ясно, что всякія стѣснительныя мѣры теперь не могутъ уже имѣть мѣста и возстановляется для христіанъ въ полной мѣрѣ свобода, провозглашенная нѣкогда миланскимъ закономъ (ср. II, 42). Съ побѣдой Константина надъ Ликиніемъ, указанные „законы“ Ликинія теряли силу и помимо особаго распоряженія. Формальною отмѣною ихъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ явиться указъ Cod. Theod. XV, 14, 1,

всего устранить слѣдствія опять поднятаго Ликиніемъ—хотя бы главнымъ образомъ подъ видомъ кары за нарушеніе разныхъ вновь введенныхъ ограниченій — гоненія. Въ первой части эдикта (II, 30—34) поэтому объявляется объ освобожденіи христіанъ отъ всѣхъ тѣхъ наказаній, которымъ они лично подвергались при Ликиніи, при чемъ подробно перечисляются виды этихъ наказаній [1]).

Вторая часть эдикта, какъ и соотвѣтствующая часть конституціи 313 г., посвящена вопросу объ имущественныхъ правахъ христіанъ (II, 35—41). Но въ то время какъ въ миланскомъ законѣ говорится лишь о возвращеніи мѣстъ богослуженія и другихъ имуществъ христіанскимъ общинамъ и не говорится ничего о конфискованной собственности частныхъ лицъ, теперь дѣло ставится гораздо шире. Уже въ первой части эдикта упоминается о возвращеніи отдѣльнымъ лицамъ изъ христіанъ отнятыхъ у нихъ имуществъ. Но кромѣ того, теперь спеціально предписывается еще, чтобы и имущество пострадавшихъ такъ или иначе за христіанство лицъ, уже не находящихся въ живыхъ [2]), было передано или ихъ ближайшимъ родственникамъ, или, если родственниковъ не окажется, мѣстнымъ церквамъ (если только умершими владѣльцами уже

паданный 16 декабря 324 г. (если не 16 мая—въ томъ случаѣ, если относить войну съ Ликиніемъ къ 323 г.). Но этотъ указъ въ то же время вовсе не исключалъ необходимости изданія еще ранѣе особаго эдикта, имѣвшаго ближайшею цѣлію не просто лишь подтвердить миланскій актъ, а дать свободу христіанскимъ исповѣдникамъ и устранить слѣдствія несправедливаго захвата имущества не по отношенію только къ христіанскимъ общинамъ, какъ это было сдѣлано въ миланскомъ законѣ, но и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ изъ христіанъ.

[1]) V. C. II, 30: изгнаніе изъ отечества (μετοικία), включеніе въ куріальные списки (βουλευτικοὶ κατάλογοι), конфискація имущества (πάσης τῆς ὑπαρχούσης οὐσίας ἀποβολή), 31: ссылка на острова, 32: работа въ рудникахъ или другія работы для казны (αἱ πρὸς τοῖς δημοσίοις ἔργοις διηρεσίαι), infamia (ἀτιμία), 33: удаленіе съ военной службы (лишеннымъ военнаго званія христіанамъ Константинъ предоставляетъ теперь или опять возвратиться на военную службу, или жить въ почетной отставкѣ—μετὰ ἀφέσεως ἐντίμου), 34: помѣщеніе въ γυναικεῖα и λινοῦφια—императорскія фабрики для производства тканей.

[2]) II, 35: 1) мучениковъ, 2) исповѣдниковъ, 3) подвергшихся изгнанію, 4) наказанныхъ только конфискаціей имущества. Послѣдніе почему-то пропущены далѣе въ 36 главѣ при новомъ перечисленіи,—вѣроятно, по недосмотру писца. Ср. относительно этого пропуска у *Casamassa*, 52—55.

самими не было что-либо изъ имущества передано кому-нибудь). Тѣ, которые пріобрѣли сами непосредственно принадлежавшія христіанамъ имущества, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ христіанъ, должны безвозмездно возвратить ихъ, довольствуясь тѣми выгодами, которыя они уже успѣли извлечь изъ этихъ имуществъ во время владѣнія; къ нимъ императоръ вообще относится съ строгимъ осужденіемъ [1]). Купившіе у казны и получившіе въ даръ, хотя первые тоже заслуживаютъ порицанія, могутъ надѣяться на соотвѣтствующее вознагражденіе отъ правительства за возвращаемое [2]). Само собою разумѣется, что церковная собственность (οἰκίαι ἀγροί, κῆποι и пр.), тѣмъ болѣе богослужебныя мѣста, должны быть возвращены церквамъ [3]). Такимъ образомъ, вопросъ объ имуществахъ разсматривается здѣсь съ гораздо большею обстоятельностію, чѣмъ въ законѣ 313 г. Въ отличіе отъ послѣдняго, возстановляются въ полной мѣрѣ имущественныя права и отдѣльныхъ лицъ въ христіанствѣ. Церквамъ же не только возвращаются ихъ собственныя имущества, но передаются въ извѣстныхъ случаяхъ, въ качествѣ наслѣдства, и имущества частныхъ лицъ.

Собственно всѣ эти постановленія и въ эдиктѣ 324 г. (не исключая и пункта о наслѣдованіи церковію имущества умершихъ лицъ, пострадавшихъ за христіанство), сами по себѣ не выходятъ еще за предѣлы простой справедливости. Но съ чисто юридическимъ элементомъ, въ этомъ обширномъ «письмѣ» единодержавнаго и уже не стѣсняемаго въ своихъ заявленіяхъ никакими посторонними вліяніями императора, соединяется теперь прямая проповѣдь христіанства и намѣчается въ самыхъ общихъ чертахъ предъ всѣми восточными подданными какъ бы программа религіозной политики—покровительство христіанству. Какъ видно изъ длиннаго введенія къ эдикту (II, 24—29), конечною цѣлью для себя Константинъ здѣсь ставитъ уже не подтвержденіе лишь принципа религіозной свободы и не устраненіе только причиненныхъ христіанамъ несправедливостей. Указавъ, что гонители христіанства терпѣли пораженія, и лишь вѣрное послѣдованіе христіанской религіи [4]) можетъ обезпечивать и земное благо-

[1]) II, 37—38. [2]) II, 41. [3]) II, 39—40.

[4]) II, 24, 1, p. 51: ἡ περὶ τῆς τοῦ χριστιανισμοῦ σεβασμιωτάτης θεραπείας ἀκριβὴς παρατήρησις.

получіе, онъ проводитъ взглядъ на себя, какъ на орудіе въ рукахъ Божества не только для освобожденія христіанъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія, въ какомъ они прежде находились, но и для обращенія вообще «человѣческаго рода» къ христіанскому «закону» и для распространенія христіанской вѣры [1]). И въ концѣ эдикта онъ приглашаетъ всѣхъ подданныхъ видѣть въ происшедшемъ политическомъ переворотѣ и въ перемѣнѣ положенія христіанъ проявленіе дѣйствія высшей божественной силы [2]).

Прямое покровительство государя церкви, соотвѣтственно этой программѣ, и выразилось теперь въ отпускѣ изъ казны средствъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, прежде всего вообще на нужды церковнаго строительства, не только на исправленіе, но и на расширеніе существовавшихъ церквей, и на построеніе новыхъ, какъ бы въ виду того, по замѣчанію Евсевія, что «всѣ рѣшительно (ἁπάντων) люди присоединятся къ Богу по устраненіи многобожнаго безумія». Указы объ этомъ, равно и письма «предстоятелямъ церквей» (вѣроятно митрополитамъ и епископамъ болѣе видныхъ городовъ) разосланы были по всѣмъ провинціямъ на востокѣ. Евсевій приводитъ такое письмо императора, адресованное лично ему [3]).

Отмѣченная ясно императоромъ цѣль — утвержденіе въ «родѣ человѣческомъ» христіанской религіи, очевидно, должна была сопровождаться въ мысли императора намѣреніемъ устранить изъ имперіи язычество. Евсевій и сообщаетъ вслѣдъ за приведеннымъ эдиктомъ, что одновременно съ закономъ о построеніи по возможности обширныхъ церквей, Константиномъ былъ изданъ законъ, устранявшій «скверны издавна совершающагося въ городахъ и селеніяхъ идолослуженія, такъ чтобы никто не осмѣливался ни ставить идоловъ, ни прибѣгать къ гаданіямъ и другимъ пустымъ обрядамъ, ни приносить жертвы». Нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній сомнѣваться, что Константинъ выступилъ, и именно въ данный моментъ, съ подобнымъ о б р а-

---

[1]) II, 28, 2, p. 53: τὴν ἐμὴν ὑπηρεσίαν πρὸς τὴν ἑαυτοῦ βούλησιν ἐπιτηδείαν ἐξήτησέν τε καὶ ἔκρινεν, — — ἵν' ἅμα μὲν ἀνακαλοῖτο τὸ ἀνθρώπινον γένος τὴν περὶ τὸν σεμνότατον νόμον θεραπείαν τῇ παρ' ἐμοῦ παιδευόμενον ὑπουργίᾳ, ἅμα δ' ἡ μακαριστὴ πίστις αὐξοιτο ὑπὸ χειραγωγῷ τῷ κρείττονι.

[2]) II, 42, p. 59: οἱ καθ' ἕνα τε καὶ σύμπαντες ἐσπουδασμέναις καθορᾶτε φροντίσιν, τίς ἐκείνη καθέστηκεν ἐξουσία, τίς χάρις, κτλ.

[3]) II, 46.

щеніемъ противъ язычества, имѣвшимъ характеръ законодательнаго акта, къ своимъ восточнымъ подданнымъ [1]). За-

[1]) Издавалъ ли Константинъ законъ, запрещавшій вообще идолослуженіе, вопросъ объ этомъ принадлежитъ къ числу спорныхъ. Поводъ къ спорамъ даетъ въ особенности то обстоятельство, что Евсевій, хотя упоминаетъ о такомъ законѣ, но текста его не приводитъ. Во всякомъ случаѣ, Евсевій, послѣ замѣчанія о практикѣ Константина назначать на должность президовъ и другихъ, высшихъ начальниковъ, до самыхъ префектовъ, христіанъ, и о запрещеніи остававшимся еще въ язычествѣ магистратамъ приносить языческія жертвы (II, 44), со всею опредѣленностью говоритъ (II, 45, 1, p. 60): Εἶτα ἑξῆς δύο κατὰ τὸ αὐτὸ ἐπέμποντο νόμοι, ὁ μὲν εἴργων τὰ μυσαρὰ τῆς κατὰ πόλεις καὶ χώρας τὸ παλαιὸν συντελουμένης εἰδωλολατρείας, ὡς μήτε ἐγέρσεις ξοάνων ποιεῖσθαι τολμᾶν, μήτε μαντείαις καὶ ταῖς ἄλλαις περιεργίαις ἐπιχειρεῖν, μήτε μὴν θύειν καθόλου μηδένα, ὁ δὲ τῶν εὐκτηρίων οἴκων τὰς οἰκοδομὰς ὑψοῦν —— διαγορεύων. Далѣе, въ четвертой книгѣ своего труда, посвященной вообще уже послѣднему періоду жизни Константина—30-мъ годамъ IV вѣка, сказавъ о ревности императора къ утвержденію христіанской религіи и искорененію язычества (IV, 15—23), Евсевій отмѣчаетъ справедливость высказанной однажды Константиномъ о самомъ себѣ характеристики, что онъ является какъ бы „поставленнымъ отъ Бога епископомъ τῶν ἐκτός [τῆς ἐκκλησίας]“ (IV, 24), и продолжаетъ (IV, 25, 1, p. 126): Ἔνθεν εἰκότως ἐπαλλήλοις τε νόμοις καὶ διατάξεσι τοῖς πᾶσι διεκελεύετο μὴ θύειν εἰδώλοις, μὴ μαντεῖα περιεργάζεσθαι, μὴ ξοάνων ἐγέρσεις ποιεῖσθαι, μὴ τελετὰς κρυφίους ἐκτελεῖν, μὴ μονομάχων μιαιφονίαις μολύνειν τὰς πόλεις. На законъ Константина, запрещавшій жертвы, ссылался потомъ въ указѣ 341 г. Константій. Cod. Theod. XVI, 10, 2: Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania. Nam quicunque contra legem divi principis parentis nostri et hanc nostrae mansuetudinis iussionem ausus fuerit sacrificia celebrare, competens in eum vindicta et praesens sententia exseratur.—Съ довѣріемъ относится къ сообщенію Евсевія объ изданіи Константиномъ въ 324 г., сразу по утвержденіи на востокѣ, закона противъ языческихъ жертвъ, *É. Chastel*, Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient. Paris 1850, 57—68, при чемъ онъ допускаетъ въ виду IV, 25, что онъ могъ быть потомъ возобновленъ Константиномъ (64,). Въ данное время, вскорѣ послѣ пораженія Ликинія, законъ былъ изданъ подъ вліяніемъ успѣха борьбы съ Ликиніемъ и по просьбѣ епископовъ; но онъ еще не былъ примѣненъ къ дѣлу, какъ Константинъ убѣдился въ его преждевременности, и хотя формально не отмѣнилъ его, однако далъ ему такое толкованіе въ послѣдовавшемъ затѣмъ эдиктѣ къ жителямъ востока, что имъ въ сущности парализовалось его дѣйствіе. Признаетъ законъ 324 г. противъ язычества и *Th. Keim*, Der Übertritt Constantins des Grossen zum Christentum. Zürich 1862, 54, 100. Съ рѣшительностью высказываются за достовѣрность показаній Евсевія также *V. Schultze*, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums I. Jena 1887, 55—57, и *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I².

прещеніе могло относиться прямо лишь къ совершенію обрядовъ идолослуженія въ частныхъ домахъ, подобно тому какъ ранѣе

Berlin 1910, 61, 474—5.—Но еще *Валуа* высказалъ мнѣніе, что упоминаемый у Евсевія законъ въ дѣйствительности запрещалъ лишь частныя домашнія жертвоприношенія. *A. Beugnot*, Histoire de la destruction du paganisme en Occident. I. Paris 1835, 98—101, также полагаетъ, что законъ направленъ былъ не противъ языческихъ жертвъ вообще, а противъ того, что въ языческомъ культѣ должно было казаться предосудительнымъ даже и съ языческой точки зрѣнія (II, 45: τὰ μυσαρὰ τῆς εἰδωλολατρείας) и противъ домашнихъ жертвъ; Евсевій же преувеличилъ и исказилъ его значеніе. *L. Duchesne*, Histoire ancienne de l'Eglise. II. Paris 1907, 77 (русск. пер. М. 1914, 52) находитъ затруднительнымъ высказаться о содержаніи закона за неимѣніемъ его текста и допускаетъ, что въ немъ запрещались, можетъ быть, лишь языческія церемоніи въ частныхъ домахъ. Особенно пытается въ новѣйшее время показать преувеличенность и невѣрность сообщенія Евсевія въ данномъ случаѣ *V. Şesan*, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche seit Konstantin dem Grossen und bis zum Falle Konstantinopels. I. Czernowitz 1911, 267—279. Константинъ устранилъ лишь „навязанный Ликиніемъ востоку языческій характеръ", обнародовалъ, между прочимъ, и на востокѣ свои законы противъ частной практики аруспиковъ,—и это дало поводъ Евсевію для его утвержденія. Константій могъ имѣть въ виду въ своей ссылкѣ на отца именно законы объ аруспицинѣ, или же указъ въ V. C. II, 48—59, или же вообще мѣры противъ введеннаго Ликиніемъ „языческаго характера", вѣроятнѣе же всего, хотѣлъ лишь прикрыть этой ссылкой свои собственныя намѣренія. „Крайне сомнительнымъ" признаетъ существованіе закона Константина противъ язычества *А. А. Спасскій*, Обращеніе имп. Константина В. въ христіанство. Сергіевъ Посадъ 1905, 71—73; однако, для того, чтобы объяснить ссылку на него Константія, онъ допускаетъ, что Константинъ къ концу жизни, подъ вліяніемъ окружающихъ его христіанъ, могъ составить проектъ такого закона, но не опубликовалъ его, и имъ потомъ воспользовался Константій.—Если предположить, что законъ 324—5 г., хотя содержалъ прямое запрещеніе только совершенія языческихъ обрядовъ въ частныхъ домахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣзко отзывался вообще о языческомъ культѣ, и въ немъ высказывалось пожеланіе скорѣйшаго прекращенія и храмоваго богослуженія, то онъ самъ легко могъ давать поводъ къ широкому толкованію, и этимъ, можетъ быть, объясняется передача его въ слишкомъ широкомъ смыслѣ у Евсевія и ссылка на него Константія. Желательности полнаго прекращенія языческаго культа и въ храмахъ (τῶν γ α ῶ ν περιῳρῆσθαι τὰ ἓ ῦ η) Константинъ вовсе не скрываетъ и въ слѣдующемъ эдиктѣ, гдѣ онъ выступаетъ уже противъ излишнихъ стѣсненій язычниковъ. Въ IV, 25, 1, Евсевій имѣетъ въ виду, вѣроятно, тотъ же самый законъ, который упоминается и въ II, 45, 1, такъ какъ хотя въ четвертой книгѣ рѣчь вообще идетъ о послѣднихъ годахъ царствованія Константина, но IV, 25, 1, можетъ относиться и къ болѣе раннимъ временамъ. Фактъ, сообщаемый въ IV, 24 (слова о „τῶν ἐκτὸς ἐπι-

императоръ запретилъ на западѣ частную практику аруспиковъ, но съ нимъ могло въ то же время соединяться рѣзкое порицаніе вообще языческаго культа и пожеланіе совершеннаго исчезновенія его. Сторонники старой религіи въ этомъ законѣ, разумѣется, должны были усмотрѣть стѣсненіе своей свободы. Неумѣренную ревность въ искорененіи язычества могли обнаружить нѣкоторые епископы и вообще члены клира. И между гражданскими административными лицами, особенно въ виду того, что Константинъ, по Евсевію, старался замѣщать разныя должности именно христіанами, сразу же могло найтись немало такихъ, которые готовы были пойти гораздо далѣе самого императора и истолковывали въ самомъ широкомъ смыслѣ изданный имъ законъ.

Повидиму, нежелательными для самого Константина фактами этого рода и вообще ропотомъ языческой партіи по поводу указаннаго закона объясняется изданіе имъ въ скоромъ

σκοπος"), могъ быть и въ 325, и въ 335 г.; но постановленіе IV, 25, 1: μὴ μονομάχων μαιφονίαις μολύνειν τὰς πόλεις, нужно, очевидно, относить прежде всего къ закону 1 окт. 325 (Cod. Theod. XV, 12, 1), и эта дата можетъ служить основаніемъ видѣть въ предшествующихъ словахъ лишь повтореніе II, 45, 1 (законъ тоже 324/5 г.). Перечисляются, хотя не въ одинаковомъ порядкѣ, въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же пункты (если ἄλλαι περιφγίαι = τελεταὶ κρύφιοι), и къ нимъ, нужно думать, сводилось содержаніе закона. Почему Евсевій не привелъ самаго текста закона, неизвѣстно. Можетъ быть, именно нѣкоторая неудача, постигшая Константина съ этимъ закономъ и заставившая его вскорѣ же выступить съ другимъ, уже ограничивающимъ значеніе его указомъ (II, 48—59), побудила дипломатичнаго панегириста ограничиться лишь общимъ упоминаніемъ объ этомъ законѣ; но можетъ быть, у него просто не было въ моментъ написанія „Жизни Константина" текста его. Для его ближайшей цѣли—характеристики христіанскаго настроенія императора и его отношенія къ язычеству—вполнѣ достаточно было и другихъ приведенныхъ у него документовъ, въ частности—даже именно указа II, 48—59. Оговорка въ законѣ 29 іюня 326 (Cod. Theod. XV, 1, 3), дозволяющая постройку новыхъ храмовъ, возможна была уже съ точки означеннаго указа; необходимо, сверхъ того, обратить вниманіе на то, что разрѣшеніе построить храмъ могло сопровождаться въ извѣстныхъ случаяхъ запрещеніемъ въ то же время совершать въ немъ языческія церемоніи (храмъ въ Гиспеллѣ). Не имѣетъ значенія въ вопросѣ о законодательствѣ Константина противъ язычества ссылка на законъ 21 мая 337 г. (XII, 5, 2) о привилегіяхъ для sacerdotales et flamines perpetui, потому что должностныя лица съ этими языческими названіями были въ данное время не болѣе, какъ предсѣдателями мѣстныхъ сеймовъ, и ими могли быть и были и христіане. Ср. *Seeck*, I², 474—5.

времени другого эдикта [1]), который у Евсевія характеризуется, какъ «поученіе, изобличающее идолопоклонническое заблужденіе предшествовавшихъ ему правителей» [2]).

[1]) II, 48—59. 48, p. 61: Βασιλέως ἐπιστολὴ κατὰ πάσας τὰς ἐπαρχίας. „Νικητὴς Κωνσταντῖνος Μέγιστος Σεβαστὸς ἐπαρχιώταις ἀνατολικοῖς. Πάντα μὲν ὅσα“ κτλ. 47, p. 61: διδασκαλίαν ἀπελεγκτικὴν τῆς εἰδωλολάτρου πλάνης τῶν πρὸ αὐτοῦ κεκρατηκότων τοῖς κατὰ πᾶν ἔθνος ἐπαρχιώταις κατέπεμπεν.

[2]) Батиффоль въ упомянутой выше статьѣ (p. 90—91) построяетъ свои возраженія противъ подлинности этого эдикта частію лишь на томъ, что влагаетъ въ него мысли, какія въ немъ вовсе не высказываются.— Такъ, онъ полагаетъ, что, говоря о своемъ отвращеніи къ предшествовавшимъ правителямъ (II, 49), Константинъ имѣетъ здѣсь въ виду вообще прежнихъ языческихъ императоровъ, и замѣчаетъ, что „мы знаемъ, напротивъ, что Константинъ хотѣлъ походить на Антониновъ, на Марка Аврелія“. Въ дѣйствительности, и изъ дѣлаемаго въ этой главѣ упоминанія о Константіи Хлорѣ, и изъ всего дальнѣйшаго изложенія (49—54) видно, что рѣчь идетъ тутъ лишь о ближайшихъ предшественникахъ Константина съ Діоклетіаномъ во главѣ; и въ заглавіи (p. 38) читается: Περὶ τοῦ πατρὸς τοῦ φιλοθέου Κωνσταντίνου καὶ περὶ Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ διωκτῶν.—По поводу того, что Константій Хлоръ характеризуется (II, 49), какъ μετὰ θαυμαστῆς εὐλαβείας ἐν πάσαις ταῖς ἑαυτοῦ πράξεσι τὸν σωτῆρα θεὸν ἐπικαλούμενος, Батиффоль замѣчаетъ: „мы знаемъ, что Константій Хлоръ никогда не былъ христіаниномъ“. Но Константинъ, очевидно, вовсе и не говоритъ здѣсь прямо о христіанствѣ своего отца, а лишь о его монотеизмѣ.—Подъ ἐμφύλιοι πόλεμοι, которые подняты были ближайшими предшественниками Константина и которые, по нему, привели ихъ къ гибели (II, 54), Батиффоль хочетъ разумѣть въ собственномъ смыслѣ междоусобныя „гражданскія“ войны („guerres civiles“), и уличаетъ по этому поводу документъ въ сообщеніи совершенно неправдоподобныхъ свѣдѣній. Но какъ видно изъ II, 49, въ связи съ дальнѣйшимъ текстомъ (ср. примѣчаніе къ этому мѣсту Valua, Migne, ser. lat. t. 8, c. 273D), и, напр., изъ словъ о гонителяхъ Евсевія въ I, 13, 2 (p. 14: καὶ οἱ μὲν ἐμφύλιοις θεοσεβῶν ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν σφαγαῖς τὰς ὑπ' αὐτοῖς ἐπαρχίας ἐμίαινον), рѣчь идетъ здѣсь о поднятыхъ ими гоненіяхъ на христіанъ.—Серьезное значеніе имѣетъ указаніе на видимое несоотвѣтствіе сообщенія Константина о началѣ гоненія при Діоклетіанѣ (II, 50—54) съ разсказомъ о томъ же Лактанція (De mort. pers. 11—15). Нельзя отрицать этого несоотвѣтствія, но едва ли можно въ то же время основывать на немъ сомнѣніе въ подлинности документа. Въ эдиктѣ можно усматривать лишь сокращенную передачу въ нѣсколько иномъ освѣщеніи того же самаго, о чемъ у Лактанція говорится лишь гораздо подробнѣе. Отвѣтъ оракула Аполлона, и по Лактанцію (11), имѣлъ рѣшающее значеніе для Діоклетіана. Константинъ ограничивается, повидимому, въ своемъ сообщеніи въ II, 51, только тѣмъ, непосредственнымъ свидѣтелемъ чего пришлось быть ему самому, находясь при дворѣ Діоклетіана: какъ Діоклетіанъ спрашивалъ у окружающихъ о смыслѣ только что принесеннаго отвѣта оракула Аполлона (названіе Аполлона

Онъ былъ написанъ, по Евсевію, самимъ императоромъ, разосланъ также по всѣмъ провинціямъ и адресованъ ихъ жителямъ. Евсевій приводитъ его въ греческомъ переводѣ.

ὁ Πόθιος, II, 54, можетъ и не противорѣчить названію Milesius у Лактанція, 11, какъ разъясняетъ это противъ Шультце *O. Seeck*, Die Urkunden der Vita Constantini, въ Zeitschrift fur Kirchengeschichte, XVIII, 1898, 335—6). Дальнѣйшія слова Константина, II, 51, p. 62: ὁ δὲ τὴν ἀπόκρισιν ὥσπερ τι βροχθίσας μέλι τὰ κατὰ τῶν ἀδικημάτων εὑρεθέντα ξίφη κατὰ τῆς ἀνεπιλήπτου διαίτης ἐξέτεινεν. αὐτίκα δὴ οὖν διατάγματα λόθρων μιαιφόνοις ὡς εἰπεῖν ἀκωκαῖς συνέτατται κτλ., являются, конечно, неточными въ сравненіи съ разсказомъ Лактанція, однако въ своей краткой передачѣ Константинъ могъ выразиться такимъ образомъ, такъ какъ гоненіе во всякомъ случаѣ приняло кровавый характеръ вскорѣ же послѣ перваго едикта, изданнаго вслѣдъ за полученіемъ отвѣта оракула. Нужно имѣть въ виду, что Лактанцій пишетъ въ 313—314 г. болѣе или менѣе обстоятельную исторію гоненія, Константинъ же приводитъ въ документѣ 324 г. какъ бы мимоходомъ свои личныя воспоминанія о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ юномъ еще возрастѣ, κομιδῇ παῖς ἔτι ὑπάρχων, какъ—не безъ особой, повидимому, какой-то цѣли и съ преувеличеніемъ—находитъ нужнымъ отмѣтить самъ Константинъ. Хотя онъ и находился при дворѣ, но онъ могъ и не имѣть точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ тайномъ совѣтѣ императора; Лактанцій же имѣлъ въ этомъ случаѣ какой-то особый источникъ для своихъ сообщеній.—Указанное выраженіе κομιδῇ παῖς ἔτι ὑπάρχων (II, 51) создаетъ, между прочимъ, само особыя затрудненія. Возрастъ Константина при его смерти въ 337 г. опредѣляется въ разныхъ источникахъ отъ 62 до 66 лѣтъ (у Евсевія 64), слѣдовательно въ 303 г., когда началось гоненіе, ему должно было быть отъ 27 до 31 года, и выраженіе παῖς (обычно у грековъ для возраста отъ 4 до 14 лѣтъ) для этого момента не приложимо къ нему (въ заголовкѣ II, 51, p. 38, поставлено просто νέος ὤν). Зеекъ (въ Zeitschrift für KG. XVIII, 1898, 336–341, также Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I³. Berlin 1910, 434—436) въ виду, между прочимъ, и этого мѣста признаетъ датой рожденія Константина 288 годъ (27 февраля). Что κομιδῇ παῖς содержитъ во всякомъ случаѣ преувеличеніе, это слѣдуетъ изъ замѣчанія о Константинѣ Евсевія, который видѣлъ его еще до гоненія, когда онъ проѣзжалъ вмѣстѣ съ Діоклетіаномъ чрезъ Палестину (что могло быть, по Зеекку, въ 302 г.), I, 19, 1, p. 17: ἤδη δ' ἐκ τοῦ παιδὸς ἐπὶ τὸν νεανίαν διαβάς (ср. I, 20: νεανίας для 305 г.). Но уже это показаніе Евсевія, если оно относится къ 302 г., свидѣтельствуетъ о возможности для Константина употребить, хотя бы и съ преувеличеніемъ, разсматриваемое выраженіе. Ср. также у Зеекка показанія другихъ авторовъ, подтверждающія эту возможность, напр. Nazar. paneg. X, 16: inito principatu [въ 306 г.], adhuc acvi immaturus.—Можно вообще замѣтить относительно этого документа, что выставляемое въ немъ на видъ самимъ императоромъ желаніе сохранить „миръ“ въ имперіи (II, 64), въ противоположность введенной гонителями христіанъ смутѣ (ἐμφύλιοι πόλεμοι), вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру поли-

Въ этомъ новомъ документѣ, въ первомъ его отдѣлѣ (II, 48—55), Константинъ, намѣреваясь изложить предъ всѣми подданными сущность своихъ «упованій» [1]), говоритъ о своемъ несочувствіи къ образу дѣйствій своихъ непосредственныхъ предшественниковъ—гонителей христіанъ, и самъ, объясняя свою дѣятельность божественнымъ руководительствомъ [2]), заявляетъ о своей всецѣлой преданности Богу и о готовности принять на себя трудъ—возстановить «святѣйшій домъ» Ему, разрушенный гонителями [3]). Но особенно характерною въ этомъ документѣ нужно признать дальнѣйшую часть (II, 56—60). Поведенію гонителей, которые своимъ преслѣдованіемъ христіанъ сами вносили внутреннюю смуту въ жизнь государства [4]), Константинъ противопоставляетъ здѣсь собственную религіозную политику, направленную къ сохраненію мира. «И заблуждающіеся [язычники], подобно вѣрующимъ, безъ тревоги пусть пользуются миромъ и спокойствіемъ. Ибо эта пріятность общей мирной жизни и ихъ возможетъ исправить и вывести на прямой путь. Никто да не притѣсняетъ другого; каждый пусть содержитъ то, чего хочетъ душа его, этимъ пусть пользуется. Благомыслящіе должны быть увѣрены, что лишь тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Ты Самъ призываешь почить на святыхъ Твоихъ законахъ; а отвращающіеся пусть владѣютъ удѣломъ ложнаго ученія» [5]). Христіанство само въ себѣ за-

---

тики Константина, столь выразительно отмѣчаемому самимъ же Батиффолемъ чрезъ самое заглавіе своей книги о константиновскихъ временахъ: „La paix Constantinienne“. Эта черта также можетъ говорить о принадлежности документа именно Константину. Между прочимъ, если бы этотъ эдиктъ былъ частью предполагаемой Батиффолемъ „программы“ для политики Константія, то оказалось бы, что для послѣдняго въ этомъ пунктѣ „программа“ не имѣла никакого значенія, какъ показываетъ изданіе имъ закона 341 г. противъ язычества.

[1]) II, 48, p. 62: ἐγὼ δ' ὡς ἐνι μάλιστα φανερῶς περὶ τῶν κατ' ἐμαυτὸν ἐλπίδων πᾶσιν ὑμῖν ὁμολογῆσαι πειράσομαι.

[2]) II, 55, 1, p. 63: ταῖς σαῖς γὰρ ὁρμῇγήσεσιν ἐνεστησάμην σωτηριώδη πράγματα καὶ διήνυσα.

[3]) II, 55, 2, p. 63: διὰ ταῦτά τοι ἀνέθηκά σοι τὴν ἐμαυτοῦ ψυχὴν ἔρωτι καφόβῳ καθαρῶς ἀνακραθεῖσαν.

[4]) II, 49, p. 62: τῆς δὲ πονηρίας αὐτοῖς ἡ δεινότης εἰς τοσοῦτον ἐξήπτετο, ὡς πάντων ὁμοῦ τῶν θείων τε καὶ ἀνθρωπίνων πραγμάτων εἰρηνευομένων ἐμφυλίους δπ' ἐκείνων πολέμους ἀναρριπίζεσθαι.

[5]) II, 56, p. 64: ὁμοίαν τοῖς πιστεύουσιν οἱ πλανώμενοι χαίροντες λαμβανέτωσαν εἰρήνης τε καὶ ἡσυχίας ἀπόλαυσιν. — — μηδεὶς τὸν ἕτερο

ключаетъ свидѣтельство своей истинности, и для правомыслящихъ и стремящихся къ дѣйствительной добродѣтели должна быть ясна его истинность. «Если кто препятствуетъ врачевать себя [отъ заблужденій язычества], пусть не винитъ въ томъ другого.—Только пусть никто не посягаетъ на то, что по самой сущности вещей должно быть неприкосновеннымъ. Будемъ, поэтому, всѣ пользоваться жребіемъ дарованнаго блага, т. е. прекраснымъ даромъ мира, удаляя совѣсть отъ всего противнаго. Если кто самъ въ чемъ убѣдился и принялъ, пусть не навязываетъ этого съ насиліемъ другому; что узналъ кто-либо и уразумѣлъ, пусть употребитъ на пользу ближнему, если возможно; а если невозможно, пусть оставитъ его въ покоѣ. Потому что одно—добровольно принимать подвигъ ради безсмертія, и иное—принуждать къ нему казнями» [1]).

Такимъ образомъ, императоръ внушаетъ дѣйствовать на язычниковъ лишь убѣжденіемъ, запрещаетъ прибѣгать по отношенію къ нимъ къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ. «Я высказалъ это, заключаетъ онъ свой эдиктъ, и распространился объ этомъ даже болѣе, чѣмъ мнѣ слѣдовало бы, потому что я не хотѣлъ скрывать вѣры въ истину, въ особенности въ виду того, что нѣкоторые, какъ слышу, говорятъ, что уничтожены обряды храмовъ и власть тьмы; это я посовѣтовалъ бы [сдѣлать для себя] всѣмъ людямъ, если бы упорное противоборство пагубнаго заблужденія, въ ущербъ общему спасенію, не утвердилось чрезмѣрно въ душахъ нѣкоторыхъ» [2]). Слова эти, повидимому, и имѣютъ цѣлію отклонить то слишкомъ широкое пониманіе изданнаго ранѣе Константиномъ

παρενοχλείτω· ἕκαστος ὅπερ ἡ ψυχὴ βούλεται κατεγέτω, τούτῳ κατακεχρήσθω. — — οἱ δ' ἑαυτοὺς ἀφέλκοντες ἐχόντων βουλόμενοι τὰ τῆς ψευδολογίας τεμένη.

[1]) II, 59—60, p. 65: μόνον μή τις καταβλαπτέτω τοῦθ', ὅπερ ἄχραντον εἶναι τὰ πράγματα παρεγγυᾷ. χρησώμεθα τοίνυν ἅπαντες ἀνθρωποι τῇ τοῦ βοηθέντος ἀγαθοῦ συγκληρίᾳ, τουτέστι τῷ τῆς εἰρήνης καλῷ, χωρίζοντες δηλαδὴ τὴν συνείδησιν ἀπὸ παντὸς ἐναντίου. Πλὴν ἕκαστος ὅπερ πείσας ἑαυτὸν εἰδέν τε καὶ ἐνόησεν, τούτῳ τὸν πλησίον εἰ μὲν γενέσθαι δυνατόν ὠφελείτω, εἰ δ' ἀδύνατον παραπεμπέσθω. ἄλλο γάρ ἐστι <τὸ> τὸν ὑπὲρ ἀθανασίας ἄθλον ἑκουσίως ἐπαναιρεῖσθαι, ἄλλο τὸ μετὰ τιμωρίας ἐπαναγκάζειν.

[2]) II, 60, p. 65: ταῦτα εἶπον, ταῦτα διεξῆλθον μακρότερον ἢ ὁ τῆς ἐμῆς ἐπιεικείας ἀπαιτεῖ σκοπός, ἐπειδὴ τὴν τῆς ἀληθείας ἀποκρύφασθαι πίστιν οὐκ ἐβουλόμην, μάλιστ' ὅτι τινὲς ὡς ἀκούω φασὶ τῶν ναῶν περιῃρῆσθαι τὰ ἔθη καὶ τοῦ σκότους τὴν ἐξουσίαν· ὅπερ συνεβούλευσα ἂν πᾶσιν ἀνθρώποις, εἰ μὴ τῆς μοχθηρᾶς πλάνης ἡ βίαιος ἐπανάστασις ἐπὶ βλάβῃ τῆς κοινῆς σωτηρίας ἀμέτρως ταῖς ἑνίων ψυχαῖς ἐμπεπήγει.

постановленія противъ язычества, которое могло сопровождаться лишь нежелательными слѣдствіями. Константинъ обрекаетъ язычество на уничтоженіе, но онъ вовсе не хочетъ, чтобы его собственныя рѣшительныя и властныя выступленія противъ язычества были понимаемы какъ разрѣшеніе кому бы то ни было чинить насилія надъ язычниками.

Очевидно, разсматриваемый эдиктъ является существеннымъ дополненіемъ къ первому, вышеуказанному эдикту о возстановленіи правъ христіанъ на востокѣ, и лишь оба вмѣстѣ они соотвѣтствуютъ содержанію закона 313 г. въ его полномъ объемѣ [1]). Въ первомъ эдиктѣ 324 г. предполагается, какъ конечная цѣль политики Константина, вытѣсненіе язычества и замѣна его христіанствомъ, но отношеніе власти къ продолжавшимъ оставаться въ язычествѣ подданнымъ не опредѣлялось. Константинъ попытался затѣмъ начать искорененіе язычества на востокѣ запрещеніемъ идолослуженія и языческихъ обрядовъ, можетъ быть, лишь въ частныхъ домахъ, но неумѣренная ревность, вѣроятно, нѣкоторыхъ христіанъ и наклонность понимать въ слишкомъ широкомъ смыслѣ его заявленія побудили его вскорѣ же подтвердить принципъ личной свободы въ дѣлѣ религіи, который былъ нѣкогда высказанъ въ миланскомъ законѣ 313 г. Тамъ свобода для послѣдователей разныхъ культовъ устанавливалась на ряду съ опредѣленіемъ юридическаго положенія христіанъ. Здѣсь, въ виду особыхъ обстоятельствъ, издается объ этомъ особый актъ. И если тамъ усиленное подчеркиваніе свободы и другихъ культовъ, кромѣ христіанскаго, можетъ быть объясняемо главнымъ образомъ необходимостью для Константина считаться съ настроеніемъ Ликинія и Максимина, хотя тамъ выдвигается и значеніе принципа свободы самого по себѣ [2]), то здѣсь, въ актѣ 324—325 г., когда Константинъ былъ единодержавнымъ, мотивомъ для него было, какъ это прямо и отмѣчается въ эдиктѣ, желаніе сохранить внутренній миръ въ имперіи [3]) и сознаніе малоцѣнности и непрочности вынужденныхъ насиліемъ обращеній въ новую религію [4]).

---

[1]) Не вполнѣ точно говорится у Шесана (260—261), что первый изданный для востока законъ повторяетъ вторую часть миланскаго закона, второй—первую.

[2]) § 3: ut possit nobis summa diuinitas, cuius religioni liberis mentibus obsequimur, in omnibus solitum fauorem benenolentiamque praestare.

[3]) II, 56. [4]) II, 60.

Взятые вмѣстѣ оба эти эдикта, изданные въ самомъ началѣ единодержавнаго правленія Константина, и представляютъ болѣе или менѣе точное выраженіе сущности вообще его религіозной политики въ отношеніи къ христіанству и язычеству. Сдѣланнымъ здѣсь заявленіямъ соотвѣтствуетъ въ цѣломъ вся его дѣятельность въ этой области. Всѣ стремленія его были уже съ 312 г. направлены къ содѣйствію, гдѣ и насколько это зависѣло отъ него, успѣхамъ христіанства. Онъ не скрывалъ и ранѣе, въ законахъ, изданныхъ на западѣ, отрицательнаго отношенія къ язычеству, какъ къ отжившему уже суевѣрію (319), и теперь высказываетъ это открыто предъ новыми восточными подданными; оно, повидимому, даже въ особо рѣзкой формѣ выразилось въ упоминаемомъ Евсевіемъ запрещеніи жертвъ. Но къ свободѣ убѣжденій сторонниковъ язычества онъ находилъ нужнымъ относиться съ самою широкою терпимостью, и иногда, по особымъ соображеніямъ, эта терпимость могла принимать видъ почти благосклоннаго отношенія и къ языческимъ учрежденіямъ,—когда онъ, напр., дозволяетъ построить языческій храмъ въ честь своего рода Флавіевъ въ Гиспеллѣ въ Умбріи [1]). Это, однако, не измѣняетъ общаго направленія его политики, имѣвшей своей задачей устраненіе язычества и утвержденіе христіанства. Миланскій законъ въ сравненіи съ позднѣйшими актами является именно лишь начальнымъ моментомъ или предварительной ступенью въ этой общей религіозной политикѣ перваго христіанскаго императора.

Но въ то же время гораздо строже, нежели къ представителямъ язычества, вообще относился Константинъ, какъ покровитель церкви, къ нарушителямъ церковнаго единства въ средѣ самаго христіанства, къ еретикамъ и раскольникамъ, хотя и здѣсь политика его не всегда была вполнѣ послѣ-

---

[1]) Inscriptiones latinae selectae. Ed. *H. Dessau*. V. I. Berolini 1892, p. 158—9. Храмъ, постройка котораго разрѣшается, долженъ былъ, однако, имѣть значеніе лишь просто монумента въ честь императорскаго рода, такъ какъ въ рескриптѣ (333—337 г.), въ то же время, запрещается совершать въ немъ какія-либо языческія церемоніи и о нихъ императоръ отзывается весьма пренебрежительно. 159₄₂—₄₇: in cuius gremio [civitatis Hispelli] aedem quoque Flaviae, hoc est nostrae gentis, ut desideratis, magnifico opere perfici volumus, ea observatione perscripta, ne aedis nostro nomini dedicata cuiusquam contagios[a]e superstitionis fraudibus polluatur.

довательной въ частностяхъ. Въ 316 г. епископы донатистовъ были имъ присуждены къ изгнанію и церкви ихъ конфискованы. Нужно однако имѣть въ этомъ случаѣ въ виду, что донатисты сами же неотступно требовали суда императора, будучи недовольны судомъ соборовъ. Въ 321 г. императоръ предоставилъ имъ опять полную свободу. Въ 325 г. осужденный на никейскомъ соборѣ Арій и его упорные приверженцы были приговорены къ ссылкѣ, повелѣно было называть ихъ «порфиріанами», сочиненія Арія предавать огню, а за сокрытіе ихъ—казнить. Былъ потомъ изданъ, по сообщенію Евсевія, указъ правителямъ провинцій и противъ разныхъ сектъ, унаслѣдованныхъ отъ прежняго времени: сектантамъ запрещалось собираться для богослуженія даже въ частныхъ домахъ, молитвенные дома ихъ передавались во владѣніе церкви, прочія «мѣста»—въ казну. Къ самимъ сектантамъ императоръ при этомъ обращался съ особымъ строгимъ посланіемъ, приводимымъ у Евсевія [1]). Но въ проведеніи этихъ строгихъ распоряже-

---

[1]) V. C. III, 63—66. 64—65—письмо (διδασκαλία) къ еретикамъ. 64, 1, p. 111: Ἐπίγνωτε νῦν διὰ τῆς νομοθεσίας ταύτης, ὦ Νοουατιανοί, Οὐαλεντῖνοι, Μαρκιωνισταί, Παυλιανοί [=послѣдователи Павла Самосатскаго], οἵ τε κατὰ Φρύγας ἐπικεκλημένοι [= монтанисты], καὶ πάντες ἁπλῶς εἰπεῖν οἱ τὰς αἱρέσεις διὰ τῶν οἰκείων πληροῦντες συστημάτων. Батиффоль (l. c. 87—9) не признаетъ подлинности и этого документа и отвергаетъ достовѣрность сообщенія объ указѣ къ правителямъ. Но главное возраженіе, что отъ указываемаго у Евсевія закона на дѣлѣ не потерпѣли особаго ущерба новатіане, также монтанисты во Фригіи и сосѣднихъ провинціяхъ (ср. Soz. II, 32), а относительно новатіанъ имѣется даже особое распоряженіе отъ 25 сентября 326 г., дозволяющее имъ владѣть своими молитвенными домами и мѣстами для погребенія (Cod. Theod. XVI, 5, 2), вовсе еще не устраняетъ возможности изданія этого закона. Законъ, обнародованный наряду съ особымъ посланіемъ императора къ сектантамъ, могъ быть предназначенъ, какъ предполагаетъ это Созоменъ, болѣе всего для устрашенія послѣднихъ, и въ такомъ случаѣ онъ, естественно, не выполнялся со всею строгостію, и возможны были разныя исключенія при его примѣненіи. Повидимому, онъ изданъ былъ вслѣдъ за имѣющимся въ Cod. Theod. XVI. 5, 1, закономъ отъ 1 сентября 326 г., разъясняющимъ, что привилегіи христіанству относятся лишь къ каѳолической церкви, а еретики и схизматики, напротивъ, должны быть стѣсняемы разными повинностями (diversis muneribus). Во всякомъ случаѣ, уже самое содержаніе упомянутаго распоряженія о новатіанахъ, вызваннаго особымъ ходатайствомъ ихъ къ императору, можетъ свидѣтельствовать, что стѣснительныя мѣры по отношенію къ сектантамъ, повидимому, не ограничивались однѣми лишь повинностями, и отсюда можно дѣлать выводъ объ изданіи еще другого закона послѣ закона 1 сентября

ній Константинъ, повидимому, самъ не хотѣлъ быть вполнѣ послѣдовательнымъ.

VII.

Со времени своего обращенія въ христіанство подъ вліяніемъ событій, связанныхъ съ походомъ на Максентія, и до конца жизни, Константинъ въ своей религіозной политикѣ неизмѣнно выступаетъ и дѣйствуетъ какъ покровитель христіанской церкви, предназначая и своихъ дѣтей, чрезъ ихъ христіанское воспитаніе, быть продолжателями этой же политики. И если миланскій актъ 313 г., при всемъ своемъ значеніи, не ставилъ еще христіанство de jure въ какое-либо особо привилегированное положеніе, то фактически, въ лицѣ перваго христіанскаго государя, государство уже тогда вступило въ союзъ съ церковію. Со стороны Константина самое изданіе этого акта имѣло основаніе для себя именно въ томъ близкомъ, покровительственномъ отношеніи, въ какое императоръ сталъ къ христіанству. Первоначально непосредственнымъ покровительствомъ его, пока востокомъ владѣлъ Ликиній, могла пользоваться лишь церковь, находившаяся въ западной половинѣ имперіи. Съ переходомъ подъ власть Константина и востока, оно распространилось на всю, бывшую въ предѣлахъ имперіи, церковь.

---

326 г. Ср. *L. Seuffert*, Koustantins Gesetze und das Christentum. Würzburg 1891, 11s. Перечисленіе сектантовъ у Константина въ „письмѣ къ еретикамъ“ совпадаетъ съ перечисленіемъ ихъ у Лактанція (съ тѣмъ лишь различіемъ, что монтанисты поставлены не въ началѣ, а въ концѣ), и прежде всего отъ Лактанція, не желающаго признавать сектантовъ и за христіанъ, онъ могъ заимствовать и свой суровый взглядъ на нихъ, въ частности—первоначально—и на новатіанъ. Divin. inst. IV, 30, 10, *Brandt* 396: sed illi omnes [еретики и раскольники] daemonicis fraudibus inretiti, quas prospicere et cauere debuerant, diuinum nomen et cultum per inprudentiam perdiderunt. cum enim Phryges aut Nouatiani aut Valentiniani aut Marcionitae aut Anthropiani seu quilibet alii nominantur, Christiani esse desierunt, qui Christi nomine amisso humana et externa uocabula induerunt. „Anthropiani“ встрѣчаются уже у Кипріана (ep. 73, 4, поставлены вслѣдъ за Patripassiani), и означаютъ у него, нужно думать, монархіанъ-динамистовъ, признававшихъ Христа, по-евіонитски, за простого человѣка. Очевидно, Παυλιανοί у Константина = Anthropiani Лактанція.

Можно сомнѣваться, будутъ-ли когда либо представлены со всею полнотою и оцѣнены точно всѣ тѣ слѣдствія, какія имѣлъ заключенный при Константинѣ союзъ двухъ величайшихъ на землѣ организацій, каѳолической церкви и универсальной римской имперіи, въ дальнѣйшей ихъ исторіи. Оцѣнка этого факта, во всякомъ случаѣ, дѣлается весьма различная, въ зависимости и отъ различія точекъ зрѣнія, съ какихъ она производится, и отъ многосторонности самыхъ слѣдствій. Это, въ свою очередь, отражается въ общемъ въ весьма сильной степени и на сужденіяхъ о самомъ Константинѣ; то или иное отношеніе къ его дѣлу и разнымъ его слѣдствіямъ обычно опредѣляетъ болѣе или менѣе взглядъ и на самую его личность и побуждаетъ въ неодинаковомъ освѣщеніи представлять одни и тѣ же фактическія данныя.

Возвращеніемъ къ языческой точкѣ зрѣнія является въ сущности отношеніе къ дѣлу англійскаго историка XVIII в., послѣдователя отрицательныхъ идей «просвѣщенія» своего времени, Гиббона, и раздѣляющихъ болѣе или менѣе его взгляды историковъ. За его тенденціей отыскивать всюду темныя стороны въ историческомъ христіанствѣ и набрасывать, гдѣ можно, тѣнь на него, скрывается въ глубинѣ отрицательное отношеніе къ христіанской религіи вообще. Скептикъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ хочетъ цѣнить язычество, какъ историческое явленіе, въ цѣломъ выше христіанства. Историческое доказательство этого онъ хочетъ видѣть въ томъ, что союзъ съ христіанствомъ оказался будто бы гибельнымъ для государства. Такимъ образомъ, первый христіанскій императоръ, личность котораго у Гиббона выступаетъ въ общемъ далеко не въ благопріятномъ освѣщеніи, оказалъ, по нему, вовсе нежелательную услугу государству своею религіозною реформою. Причины паденія римской имперіи заключаются, по нему, не въ чемъ иномъ, какъ именно въ распространеніи евангелія и торжествѣ церкви [1]).

---

[1]) Ср. слова самого Гиббона изъ его мемуаровъ въ примѣчаніи Белля къ очерку Гизо о Гиббонѣ. *Э. Гиббонъ*, Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскій. I. М. 1883, XXVIII. О Константинѣ у Гиббона ср. I, 495—543, II, 256—278. Въ юности Гиббонъ († 1794), увлекшись католичествомъ, формально присоединился къ нему, но вскорѣ же, благодаря принятымъ его родственниками мѣрамъ, обратился опять

Общій отрицательный взглядъ Гиббона на христіанство здѣсь достаточно, разумѣется, лишь констатировать, чтобы знать руководящій мотивъ его талантливаго, но тенденціознаго изложенія. Что касается того утвержденія, будто христіанство было причиной упадка государственной жизни и конца римской имперіи, то уже древнимъ христіанскимъ писателямъ приходилось отвѣчать на обвиненія этого рода со стороны язычниковъ, особенно послѣ постигшихъ въ V вѣкѣ западную половину имперіи бѣдствій. Изъ ученыхъ новаго времени особую главу посвящаетъ этому вопросу въ своей книгѣ о паденіи язычества Буассье, имѣя въ виду, въ частности, именно взглядъ Гиббона [1]). Если поводомъ для подобныхъ обвиненій по отношенію къ первоначальному христіанству могли быть заявлявшіяся иногда въ то время со стороны христіанъ ригористическія требованія, дѣлавшія, повидимому, несовмѣстимымъ съ исповѣданіемъ христіанства точное выполненіе всѣхъ обязанностей, предъявляемыхъ государствомъ къ гражданамъ (вопросы о дозволительности для христіанъ гражданской и военной службы, о бракѣ, объ отношеніи къ богатству), то этотъ ригоризмъ вообще не имѣлъ уже мѣста къ временамъ Константина [2]). Съ другой стороны, тѣ симптомы, въ которыхъ выражался постепенный упадокъ имперіи, стали обнаруживаться еще задолго до побѣды христіанства (плохое состояніе финансовъ, уклоненіе гражданъ отъ обществен-

---

въ протестантство. Эта двукратная быстрая смѣна убѣжденій и имѣла въ дальнѣйшемъ слѣдствіемъ религіозный скептицизмъ. Потомъ онъ былъ почитателемъ Вольтера. — Между прочимъ, подъ вліяніемъ Гиббона, Вольтера и особенно энциклопедистовъ стоялъ, съ своимъ антицерковнымъ и даже антихристіанскимъ направленіемъ, и историкъ культуры Буркгардтъ († 1897), авторъ блестяще написанной, но крайне односторонней книги о Константинѣ (*J. Burckhardt*, Die Zeit Constantin's des Grossen. Lpz. 1853, 1880², 1898³), представляющей Константина совершенно чуждымъ религіи политикомъ. Ср. о немъ *H. Gelzer*, Ausgewählte kleine Schriften. Leipzig, 1907, 295—366: „Jacob Burckhardt“ (изъ Zeitschrift für Kulturgeschichte, VII, 1900); ср. 307, 340, 355.

[1]) *G. Boissier*, La fin du paganisme. II. Paris 1891, 391—445 (русск. пер. подъ ред. М. С. Корелина. М. 1892, 462—502): „Отвѣтственно ли христіанство за паденіе имперіи?“ Авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ 392 (470): „Мнѣ кажется, что большая часть современныхъ историковъ, съ нѣкоторыми ограниченіями и смягченіями, раздѣляютъ взглядъ Гиббона“.

[2]) 401—3 (475—6). Объ этомъ ср. *A. Bigelmair*, Die Beteiligung der Christen am öffentlichen Leben in vorconstantinischer Zeit. München 1902.

ныхъ должностей, уменьшеніе населенія, ослабленіе воинственнаго духа). Непосредственной причиной упадка ея христіанство, такимъ образомъ, не было, и можно разсуждать лишь о томъ, замедлило-ли оно его, или же ускорило [1]). Можно, очевидно, предположить и то, что болѣе полная христіанизація населенія имперіи въ свое время, можетъ быть, по крайней мѣрѣ отдалила бы конецъ ея и на западѣ. На востокѣ, во всякомъ случаѣ, процессъ «упадка» ромейской имперіи шелъ слишкомъ уже долго и медленно, чтобы выводить этотъ упадокъ именно изъ ея союза съ христіанствомъ.

Но относиться съ осужденіемъ къ состоявшемуся при Константинѣ сближенію церкви и государства можно было, стоя и на точкѣ зрѣнія совершенно противоположной въ сравненіи съ только что указанною. Можно имѣть въ виду не предполагаемый вредъ союза съ церковію для государства, а наоборотъ — вредное вліяніе самого языческаго государства на церковь. Крайнимъ представителемъ такой точки зрѣнія явился жившій еще ранѣе Гиббона нѣмецкій церковный историкъ піэтистъ Арнольдъ. Отрицательное болѣе или менѣе отношеніе у него устанавливается лишь къ послѣконстантиновскому христіанству, но дѣлается это во имя понятаго извѣстнымъ образомъ идеала истинно-христіанской жизни, который, по нему, до Константина былъ осуществляемъ, но затѣмъ оказался вытѣсненнымъ. Вслѣдствіе союза съ языческимъ государствомъ въ самую церковь проникло теперь язычество, типичнымъ представителемъ котораго былъ, по Арнольду, и самъ Константинъ, изображаемый у него исключительно темными красками. Результатомъ было пониженіе прежняго высокаго уровня нравственной жизни въ христіанствѣ. Выступаетъ теперь на первый планъ, благодаря этому союзу, особенно не нравящійся протестанту-автору клиръ, съ его іерархическими распрями и ненужными, по автору, догматическими спорами («Ketzermacherei») [2]).

---

[1]) *Boissier*, 445 (502).

[2]) *G. Arnold*, Unpartheiische Kirchen- und Ketzerhistorien vom Anfang des Neuen Testaments bis auf das Jahr Christi 1688. Zürich 1699—1700 (Schaffhausen 1740); о Константинѣ ср. [1740], 135—143. Авторъ признаетъ (139—140) также и то, что Константинъ, какъ правитель, своей дѣятельностью въ сферѣ гражданскаго управленія, ускорилъ гибель римскаго государства (западной половины имперіи). О жизни первыхъ христіанъ

Арнольдъ руководится въ своихъ сужденіяхъ своими протестантско-піэтистическими убѣжденіями. Относительно же исторической стороны дѣла нужно прежде всего и здѣсь замѣтить, что тѣ явленія, которыя Арнольдъ хотѣлъ бы считать характерными для времени послѣ Константина и выводить изъ союза церкви съ государствомъ, на дѣлѣ встрѣчаются уже въ болѣе ранніе времена. Пониженіе до извѣстной степени общаго уровня религіозно-нравственной жизни въ христіанствѣ было естественнымъ слѣдствіемъ распространенія его въ широкихъ кругахъ и сравнительно спокойнаго существованія въ промежутки между гоненіями, и оно сказалось, напр., въ большомъ количествѣ «падшихъ» уже во время гоненія Декія. Іерархическія отношенія, по прямому свидѣтельству, напр., Евсевія [1]), еще предъ гоненіемъ Діоклетіана значительно уклонялись отъ идеала. Еретиковъ и раскольниковъ было весьма немало уже и въ древнѣйшія времена, и они и тогда уже строго были осуждаемы церковію. На ряду съ этимъ, Арнольдъ явно въ преувеличенно мрачномъ видѣ изображаетъ послѣконстантиновскую эпоху.

Однако, если утвержденія Арнольда, объясняемыя его особой тенденціей, являются въ цѣломъ преувеличенными, несомнѣннымъ остается фактъ, что союзъ церкви съ государствомъ, каково бы ни было значеніе его для государства, для нея сопровождался далеко не одними лишь благопріятными слѣдствіями. Это признается и отмѣчается всѣми болѣе или менѣе объективными историками. Можно встрѣчать по этому поводу и въ новѣйшей литературѣ отрицательныя сужденія о дѣлѣ Константина, выраженныя въ рѣзкой формѣ [2]).

Государство, если брало церковь подъ свое покровительство и оказывало ей содѣйствіе, могло потребовать отъ нея за это и соотвѣтствующихъ услугъ, и явиться при случаѣ союзникомъ неудобнымъ и опаснымъ. На его сторонѣ была внѣшняя сила, и для него естественно было стремиться по-

---

Арнольдъ († 1714) еще ранѣе написалъ сочиненіе: Die erste Liebe zu Christo. Oder: Wahre Abbildung der ersten Christen nach ihrem lebendigen Glauben und heiligen Leben. 1696 (Stuttgart 1845).

[1]) h. e. VIII, 1, 8.

[2]) Ср., напр., *Th. Zahn*, Konstantin der Grosse und die Kirche. Hannover 1876. Перепечатано въ Skizzen aus dem Leben der Alten Kirche. Erlangen und Leipzig 1896, 241—266; ср. 262—266.

ставить церковь въ подчиненное отношеніе къ себѣ. Въ силу уже римскихъ традицій, императоры, въ качествѣ покровителей церкви, могли даже несознательно усвоить себѣ ту роль по отношенію къ христіанской церкви, какую имѣли они прежде по отношенію къ языческой религіи, какъ верховные первосвященники. Интересы церкви въ ихъ политикѣ легко могли уступать мѣсто государственнымъ соображеніямъ. При томъ же эти интересы, и при добромъ желаніи дѣйствовать на пользу церкви, могли быть неправильно понимаемы ими; въ эпоху догматическихъ споровъ они могли подпадать подъ вліяніе и неправославныхъ партій. Такъ было уже въ концѣ царствованія самого Константина и особенно при сынѣ его Константіи, когда руководящее значеніе при дворѣ пріобрѣла аріанская партія. Это повторялось не разъ и потомъ, въ исторіи дальнѣйшихъ богословскихъ споровъ; императоры иногда пытались рѣшать догматическіе вопросы непосредственно своею властію. Централизація церковной іерархической власти на востокѣ въ лицѣ константинопольскаго патріарха, независимо отъ значенія этого факта въ другихъ отношеніяхъ, во всякомъ случаѣ, давала въ руки императоровъ весьма удобное средство воздѣйствовать на церковь чрезъ ея столичнаго, облеченнаго верховнымъ авторитетомъ представителя. Отъ императора всецѣло зависѣлъ выборъ епископа на столичную каѳедру, онъ же могъ и удалить его съ каѳедры въ случаѣ недовольства имъ. Въ позднѣйшую эпоху византійской исторіи эти насильственныя низверженія патріарховъ сдѣлались чрезвычайно частымъ, почти обычнымъ явленіемъ; со временемъ позаботились лишь о томъ, чтобы придать этимъ фактамъ хотя бы по видимости законом'рную обстановку.

Кромѣ этого подчиненія церкви государству, союзъ ея съ послѣднимъ, несомнѣнно, отразился нѣкоторыми неблагопріятными слѣдствіями для религіозно-нравственной жизни христіанскаго общества. Покровительство самихъ государей христіанству, ихъ примѣръ и прямые призывы, привлекали въ лоно церкви людей, обращавшихся не по религіознымъ убѣжденіямъ, а изъ мірскихъ разсчетовъ, и не оставлявшихъ языческихъ привычекъ и въ христіанствѣ [1]). Привилегіи клиру

[1]) Ср. по этому поводу замѣчанія объ излишнемъ и сопровождавшемся вредными слѣдствіями довѣріи къ такимъ лицамъ уже со стороны Константина, даже у панегириста Евсевія, V. C. IV, 54.

побуждали—повидимому, нерѣдко—поступать въ клиръ лишь въ цѣляхъ освобожденія отъ разныхъ гражданскихъ повинностей. Въ рядахъ высшей іерархіи не замедлили выступить «придворные» епископы; примѣромъ ихъ уже при Константинѣ явился аріанинъ Евсевій никомидійскій.

Было бы безцѣльно отвергать или умалять значеніе указанныхъ отрицательныхъ явленій, обнаружившихся при начавшемся съ Константина порядкѣ вещей. Но, прежде всего, можно поставить вопросъ: было-ли наиболѣе обращающее на себя вниманіе явленіе новаго періода церковной исторіи, «цезаропапизмъ» восточной церкви или ея подчиненное положеніе въ отношеніи къ государственной власти, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ установленнаго тогда союза церкви съ государствомъ самого по себѣ, или же оно обусловливалось особыми привходящими обстоятельствами? Дѣйствовать въ качествѣ верховныхъ первосвященниковъ, распорядителей судьбами не только государства, но и церкви, могли побуждать императоровъ, какъ было замѣчено, прежнія традиціи римскаго государства. Но что̀ является въ данномъ случаѣ важнымъ, на встрѣчу этимъ властительнымъ тенденціямъ добровольно шли и сами греки, составлявшіе восточную церковь. Въ силу своихъ національныхъ особенностей и своей прежней политической исторіи, они не обнаруживали ни надлежащаго умѣнья, ни особаго желанія отстаивать независимость церкви на практикѣ. Пользуясь обычно содѣйствіемъ государственной власти въ церковныхъ дѣлахъ, представители восточной церкви выступали съ протестами противъ вмѣшательства этой власти въ церковную сферу и превышенія ею своей компетенціи обычно лишь тогда, когда императоры становились на сторону неправомыслящихъ и пытались ввести въ церковь ересь. Такимъ образомъ, утвердившійся въ греко-восточной церкви «цезаропапизмъ» являлся, въ значительной степени, результатомъ особаго отношенія къ вопросу о церковной свободѣ самихъ же представителей этой церкви — грековъ, въ общемъ слишкомъ мало дорожившихъ въ обычное время самостоятельностью церкви, въ сравненіи съ представителями латинскаго христіанскаго запада [1]).

Но при этомъ, не отрицая факта восточнаго «цезаропа-

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. Ш. Спб. 1913, 36—43, 87—90.

пизма», не слѣдуетъ придавать ему и недолжное значеніе. Правда, уже у самого Константина и у Евсевія прилагается—въ несобственномъ смыслѣ—лично къ Константину названіе ἐπίσκοπος τῶν ἐκτὸς и κοινὸς ἐπίσκοπος [1]), можно встрѣчаться и въ дальнѣйшее время съ неумѣстнымъ для императора титуломъ «первосвященника» (напр., на соборѣ 448 г.: τῷ ἀρχιερεῖ βασιλεῖ). Но въ принципѣ въ общемъ признавалось необходимымъ разграниченіе сферъ дѣйствованія церковной и гражданской властей, и высказывалась мысль о ихъ согласномъ взаимодѣйствіи (шестая новелла Юстиніана, титулы о царѣ и патріархѣ въ Эпанагогѣ IX в.). Исторія на дѣлѣ показывала постоянное нарушеніе этой теоріи со стороны государственной власти. Выступали иногда, въ позднѣйшее время, и нѣкоторые византійскіе канонисты на защиту іерархическаго достоинства и правъ императора (Вальсамонъ и особенно Димитрій Хоматинъ). Но вообще фактическому цезаропапизму на востокѣ не хотѣли—такъ сказать, оффиціально—придавать принципіальное значеніе, и возводить дѣйствительный порядокъ вещей въ норму.

Нужно, въ то же время, отмѣтить и то, что каковы бы ни были неблагопріятныя слѣдствія для церкви вмѣшательства въ ея дѣла гражданской власти, въ связи съ восточнымъ фактическимъ «цезаропапизмомъ» стоитъ и составляетъ въ большей или меньшей степени и его заслугу — хотя бы не намѣренную и своеобразную—то обстоятельство, что на востокѣ именно сохранилось правильное понятіе о догматической сущности церкви и ея чисто духовной миссіи въ мірѣ. На западѣ энергичное отстаиваніе церковію своихъ правъ сопровождалось de facto превращеніемъ самой римской церкви въ земное государство и искаженіемъ догматическаго о ней понятія въ борьбѣ ея съ имперіей въ средніе вѣка, и въ концѣ концовъ—къ неудачной попыткѣ реформировать ее въ протестантствѣ.

Въ общемъ, при оцѣнкѣ слѣдствій произведенной Константиномъ перемѣны, констатируя тѣ или иные факты отрицательнаго характера, не слѣдуетъ упускать изъ виду и положительныхъ ея результатовъ. Не ограничиваясь дарованіемъ

---

[1]) V. C. IV, 24; I, 44, 1. По вопросу о смыслѣ выраженія ἐπίσκοπος τῶν ἐκτὸς ср. *F. A. Heinichen*, Eusebii Scripta historica. III. Lipsiae 1870, 787—796.

христіанству лишь полной свободы и принявъ церковь подъ свое прямое покровительство, государство предоставило ей всѣ зависѣвшія отъ него необходимыя средства для распространенія и утвержденія ея вліянія въ мірѣ. Константинъ уже сразу по своемъ обращеніи заявилъ себя особою щедростью въ матеріальномъ пособіи церквамъ и освободилъ клиръ отъ разныхъ гражданскихъ повинностей, чтобы дать ему возможность безпрепятственно посвящать себя своему служенію. Могли быть въ этихъ случаяхъ и были и злоупотребленія. Но, очевидно, отъ представителей церкви зависѣло использовать это благоволеніе правительства въ цѣляхъ ея миссіи, и оно, несомнѣнно, чрезвычайно содѣйствовало ея успѣхамъ.

Открывая самый широкій просторъ и создавая удобныя условія для дѣятельности церкви, государство и само должно было подвергаться болѣе или менѣе воздѣйствію христіанскихъ началъ. Вліяніе христіанскихъ идей прежде всего на самихъ государей естественно должно было отражаться вообще въ законодательствѣ эпохи и могло сказываться какъ въ проведеніи въ жизнь специфически христіанскихъ установленій, такъ и въ скорѣйшемъ осуществленіи на практикѣ началъ гуманности, до которыхъ возвышалась и философская мысль античнаго міра, но которыя тамъ вовсе не находили сколько-нибудь широкаго практическаго примѣненія [1]). Еще Лактанцій въ

---

[1]) По вопросу о христіанскомъ вліяніи на римское право ср. *Ch. Bougaud,* La première Ébauche d'un Droit Chrétien dans le Droit Romain. Paris (19132), гдѣ дается очеркъ (55—72) современнаго состоянія этого вопроса, научная разработка котораго началась лишь весьма недавно. Авторъ указываетъ, что фактъ этого вліянія былъ отмѣченъ еще *Озанамомъ* (1837), но посвященный затѣмъ выясненію его очеркъ *Troplong*'а (De l'influence du christianisme sur le droit civil des Romains. Bruxelles 1844) оказался не совсѣмъ удачнымъ и подвергнутъ былъ суровой критикѣ итальянцемъ *Padelletti.* Въ послѣднее время вопросъ былъ снова выдвинутъ знаменитымъ итальянскимъ юристомъ *C. Ferrini* († 1902), который намѣтилъ путь къ его рѣшенію чрезъ детальное сравненіе римской юридической литературы и произведеній христіанскихъ писателей и самъ изслѣдовалъ съ этой стороны сочиненія Арнобія и Лактанція въ статьѣ: Die juristischen Kenntnisse des Arnobius und des Lactantius (въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung, 1894). Въ этомъ направленіи продолжали затѣмъ работу *F. Carusi,* Diritto Romano e Patristica, 1906 (съ замѣчаніями о Лактанціи), и *S. Riccobono* Cristianesimo e Diritto Privato. Milano 1911 (о законодательствѣ Юстиніана). Указывается также трактатъ *B. Kübler,* Die Einwirkung der älteren christlichen Kirche auf die Entwicklung des Rechts und der sozialen Begriffe 1909. Противъ Риккобоно выступилъ съ

своихъ Divinae institutiones, озаглавленныхъ такъ въ подражаніе Institutiones римскихъ юристовъ и посвященныхъ Константину, хочетъ указать какъ бы основы христіанскаго права, раскрывая (въ V книгѣ) понятіе о справедливости (justitia), какъ слагающейся изъ благочестія въ отношеніи къ Богу (pietas) и одинаковаго отношенія ко всѣмъ безъ различія людямъ (aequitas) [1]. Христіанское вліяніе и сказывается ясно въ законодательствѣ Константина [2]. Въ послѣдующее время, въ юстиніановскомъ Corpus juris civilis, какъ установлено это новѣйшими изслѣдованіями, мѣста изъ классическихъ юристовъ были дополняемы интерполяціями въ духѣ христіанской гу-

---

возраженіями *Baviera*, Concetto e Limiti dell' influenza del Cristianesimo sul Diritto Romano. Paris 1912, обѣщавъ дать въ будущемъ болѣе подробное обоснованіе своихъ отрицательныхъ тезисовъ. Самъ *Bugo*, признавая трудность точнаго рѣшенія проблемы и допуская преувеличенія со стороны Риккобоно, не соглашается, однако, съ его критикомъ (67). Онъ считаетъ не невѣроятнымъ, что вліяніе христіанскихъ идей до нѣкоторой степени могло отразиться даже на языческихъ юристахъ времени расцвѣта римской юриспруденціи при Северахъ, въ виду благосклоннаго отношенія къ христіанамъ Септимія Севера, въ первую половину его царствованія, и затѣмъ Александра Севера, — хотя прямое воздѣйствіе христіанства на право могло открыться лишь съ Константина. Результаты этого воздѣйствія онъ усматриваетъ въ измѣненіи частію самого понятія о правѣ (въ недозволеніи пользоваться своимъ правомъ во вредъ другимъ), въ новыхъ понятіяхъ объ обязанностяхъ государей, въ улучшеніи положенія рабовъ, въ законахъ о семьѣ, въ отношеніи къ богатству, въ измѣненіяхъ касательно наказаній за преступленія.

[1]) V, 14, 9 (Brandt, 445): iustitia quamuis omnes simul virtutes amplectatur, tamen duae sunt omnium principales quae ab ea divelli separarique non possunt, pietas et aequitas. Ср. *Bougaud*, 25—49, 36—40.

[2]) О законодательствѣ Константина въ отношеніи къ христіанству ср. *L. Seuffert*, Konstantins Gesetze und das Christentum. Würzburg 1891. Перечисленіе относящихся сюда указовъ и писемъ Константина даетъ *W. Hartmann*, Konstantin der Grosse als Christ und Philosoph in seinen Briefen und Erlassen. Fürstenwalde 1902, 6—11. Ср. также у *C. Santucci*, L'editto di Milano specialmente nei riguardi giuridici. Roma 1913, 20—23. Возможно, что вліяніе идей Лактанція отражается въ конституціи Константина о судахъ отъ 15 мая 314 г., въ Cod. Justin. III, 1, 8: Placuit in omnibus rebus praecipuam esse iustitiae aequitatisque quam stricti iuris rationem. Ср. *Bougaud*, 92. Осужденіемъ у Лактанція, Div. inst. VI, 20, 18—25, жестокаго обычая умерщвлять или выбрасывать на произволъ судьбы новорожденныхъ дѣтей въ случаѣ недостатка у родителей средствъ для ихъ воспитанія, вызвалъ, нужно думать, направленный противъ этого законъ Cod. Theod. XI, 27, отъ 13 мая 315 г.

манности. Вполнѣ христіанскимъ это выработанное и законченное еще въ языческія времена законодательство, разумѣется не могло сдѣлаться. Но высоко важное значеніе какъ законовъ самихъ христіанскихъ императоровъ, такъ и этой обработки древняго права, для христіанизаціи бывшаго ранѣе языческимъ греко-римскаго міра не можетъ быть отрицаемо.

То обстоятельство, что на сторону христіанской религіи стала государственная власть, должно было ускорить переходъ языческаго населенія имперіи въ христіанство независимо даже отъ всякихъ репрессій противъ язычества. Естественно, что при этомъ внѣшнимъ видимымъ успѣхамъ христіанства оказалась далеко не соотвѣтствующей внутренняя христіанизація языческаго прежде общества, и въ высшихъ и въ низшихъ его слояхъ. Неизбѣжное при такихъ условіяхъ пониженіе религіозно-нравственнаго уровня во всей массѣ вѣрующихъ, взятой въ цѣломъ, нахожденіе въ церкви лицъ съ полуязыческимъ еще образомъ мыслей и такими же нравами, оказывалось, конечно, отрицательнымъ явленіемъ, если сравнивать это положеніе дѣла съ общимъ уровнемъ церковной жизни прежнихъ временъ. Но должно имѣть въ виду, что было само по себѣ благомъ вообще широкое распространеніе вліянія христіанства, хотя бы оно еще и не успѣло сразу проникнуть въ глубину сознанія народныхъ массъ [1]). Задачею церкви являлось воспитаніе ихъ въ христіанскомъ духѣ, развитіе ея внутренней миссіи; государство готово было содѣйствовать ей въ выполненіи этой задачи зависѣвшими отъ него средствами.

Такимъ образомъ, надлежащая оцѣнка историческаго значенія союза церкви и государства можетъ быть дана только въ томъ случаѣ, когда слѣдствія его берутся въ полномъ объемѣ, а не выдвигаются лишь какія-либо отдѣльныя стороны. И если имѣются въ данномъ случаѣ и далеко не свѣтлыя воспоминанія изъ исторіи прошлаго, сумма тѣхъ положительныхъ слѣдствій, которыя имѣли своимъ источникомъ этотъ союзъ, въ цѣломъ такъ велика, что большаго или меньшаго положительнаго значенія его въ прошломъ не могутъ отрицать и тѣ, которые наиболѣе склонны указывать здѣсь темныя стороны.

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1913. 103. По вопросу о христіанизаціи народныхъ массъ ср. *A. Dufourcq*, La Christianisation des Foules. Étude sur la fin du Paganisme populaire et sur les origines du Culte des Saints. 3 éd. Paris 1907.

Для западнаго христіанскаго міра, въ виду, между прочимъ, особыхъ тенденцій римскаго католицизма, вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ съ давнихъ поръ уже сдѣлался особенно труднымъ. Новое, частію уже самое послѣднее время принесло тамъ въ разныхъ странахъ, протестантскихъ и католическихъ, отдѣленіе государства отъ церкви, проведенное по разнымъ мотивамъ и въ разныхъ видахъ, то съ рѣшительнымъ покровительствомъ христіанству вообще, но не какому-либо опредѣленному обществу (въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, съ 1787 г.), то съ нескрываемымъ непріязненнымъ отношеніемъ вообще къ христіанской религіи и прямыми стѣсненіями для церкви (во Франціи съ 1905 г.), то въ видѣ установленія одинаковаго отношенія къ разнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ (въ Ирландіи съ 1870 г., въ Швейцаріи—въ Женевѣ съ 1907 г., въ Базелѣ съ 1911 г.). Въ юбилейной литературѣ 1913 г. можно было слышать тамъ заявленія о своевременности вообще прекращенія теперь заключеннаго нѣкогда при Константинѣ союза [1]). Но и на запад мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя не хотятъ быть односторонними въ сужденіяхъ о данныхъ прошлаго историческаго опыта, склоняются обычно въ пользу сохраненія этого союза въ томъ или иномъ видѣ и надлежащаго лишь урегулированія его, разрывъ же между церковію и государствомъ разсматривается только какъ неизбѣжная, при извѣстныхъ условіяхъ, необходимость, а не какъ нормальное положеніе вещей [2]).

На востокѣ установившійся съ Константина строй существовалъ безъ особыхъ измѣненій во все послѣдующее время до конца византійской имперіи. Уже при Константинѣ отношенія между государствомъ и церковію начали слагаться далеко не идеальнымъ образомъ. Греки, вообще, какъ хорошіе лишь теоретики, оставили послѣ себя, на ряду съ догматическими формулами и канонами, только хорошую теорію «сим-

[1]) Ср. *H. Koch*, Konstantin der Grosse und das Christentum. München 1913, 43.

[2]) Ср. *H. von Schubert*, Staat und Kirche von Constantin bis Karl den Grossen. Kiel 1906. *A. Hauck*, Die Trennung von Kirche und Staat. Leipzig 1912. *A. C. Headlam*, The Emperor Constantin and the Edickt of Milan, въ The Church Quarterly Review, № 150, January 1914. При этомъ Hauck, 19, находитъ, что отъ союза государства и церкви выиграла болѣе церковь, Headlam, 281, — что реформа Константина была благодѣтельна для міра, церкви же приходилось потомъ всегда страдать отъ заключеннаго тогда союза съ государствомъ.

фоніи» или согласнаго дѣйствованія двухъ властей, церковной и свѣтской, безъ подавленія одной другою и безъ вторженія одной въ область другой; но, какъ было выше замѣчено, дѣйствительная жизнь у нихъ была далека отъ этого идеала. Въ русской церкви, унаслѣдовавшей завѣты греческой, дѣло не улучшилось съ этой стороны, но начиная съ Петра В., подъ особымъ вліяніемъ протестантства, пошло еще далѣе въ смыслѣ подчиненія государству церкви. Но очевидно, стремленіе ея къ свободѣ въ сферѣ дѣятельности, подлежащей лишь ея компетенціи, вовсе не ведетъ само по себѣ къ требованію отказа отъ союза и взаимодѣйствія ея съ государствомъ, и всѣ несовершенства наличнаго положенія дѣла не устраняютъ значенія основного, ведущаго со временъ Константина факта и его положительныхъ, засвидѣтельствованныхъ исторіей, слѣдствій. И какія бы трудности ни представляло всегда въ дѣйствительности установленіе нормъ для столь сложныхъ отношеній, каковыми являются отношенія между церковію и государствомъ, въ концѣ концовъ, поддержаніе и урегулированіе этого союза,—въ идеальномъ смыслѣ византійской «симфоніи», только безъ переходившихъ на востокѣ какъ бы даже въ обычное право фактическихъ нарушеній ея,—должно быть всегда задачей для представителей и христіанскаго государства, и церкви, чуждой сектантскихъ односторонностей и какихъ-либо несогласныхъ съ ея истиннымъ существомъ и назначеніемъ притязаній.

Но какъ бы ни рѣшались при этомъ разные частнѣйшіе вопросы, какія бы конкретныя формы ни принималъ этотъ союзъ, необходимымъ условіемъ возможности благихъ слѣдствій отъ него всегда будетъ оставаться требованіе, чтобы не только представители церкви руководились всегда въ своихъ дѣйствіяхъ лишь тѣмъ, что повелѣваетъ религія, не уклоняясь къ постороннимъ цѣлямъ, но чтобы вѣра въ христіанство, какъ высшій идеалъ и высшую силу, была всегда основнымъ руководящимъ принципомъ и для носителей власти въ христіанскомъ государствѣ.

Восточная церковь потому и ставитъ высоко память перваго христіанскаго императора [1]), что видитъ въ немъ примѣръ

[1]) Память Константина В., какъ святого, почитается лишь въ греко-восточной православной и другихъ восточныхъ церквахъ, но его имени нѣтъ въ римско-католическомъ календарѣ; но въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквахъ Константинъ былъ прежде почитаемъ и на западѣ. Въ латин-

этой вѣры, побудившей его дать явное торжество въ мірѣ религіи креста и направлять затѣмъ свою дѣятельность на служеніе ей.

ской церкви почитается нынѣ лишь Елена (18 августа, день смерти). Хотя Константинъ скончался, по Евсевію (V. C. IV, 64), въ 337 году въ день пятидесятницы—22 мая, но память его у грековъ отмѣчается 21 мая, вмѣстѣ съ памятью Елены. Ср. архіеп. *Сергій*, Полный Мѣсяцесловъ востока. 2 изд. Владиміръ 1901. II, 1, 151; II, 2, 190. Подъ 22 мая имя его и Елены стоитъ въ Πίναξ ἐν ἐπιτόμῳ συναξαρίου въ [Bb =] cod. Paris. 1589, s. XII. Ср. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Ed. *H. Delehaye*. Bruxelles 1902, 699$_{68}$. Къ 22 мая „память великаго царя Константина" отнесена въ древнемъ типиконѣ іерусалимской церкви, грузинскій переводъ котораго издалъ прот. *К. С. Кекелидзе*, Іерусалимскій канонарь VII вѣка. (Грузинская версія). Тифлисъ 1912, 114. По вопросу о почитаніи Константина см. *F. Nève*, Constantin et Théodose devant les églises orientales. I. Mémoire de Constantin le Grand dans l'église grecque et dans l'église arménienne, въ его L'Arménie chrétienne et sa littérature. Louvain 1886, 155—177 (изъ Revue catholique, 1857). На русскомъ языкѣ — переводная статья *греческаго автора*, Святой Константинъ равноапостольный предъ судомъ римской церкви, въ Духовной Бесѣдѣ, 1862, № 23, 540—552 (изъ греческаго журнала Πανδώρα, по поводу сужденій о Константинѣ католика Брольи, была помѣщена въ французскомъ переводѣ въ L'Union chrétienne и оттуда переведена на русскій языкъ). *C. Pellegrini*, Il Culto a Costantino Magno, въ La Scuola Cattolica, 1913, Maggio e Giugno, 253—7. О чествованіи Константина, какъ святого, въ Константинополѣ, см. *Д. Бѣляевъ*, Евктиріи св. Константина при порфировой колоннѣ на форѣ Константина и совершавшіеся тамъ обряды, въ Лѣтописи историко-филологич. общества при Новороссійскомъ университетѣ. IX (1894) Визант. отдѣлъ. II, 1—22. Греческія церковныя пѣснопѣнія въ честь Константина и Елены въ новѣйшее время изданы въ Roma e l'Oriente, № 31, 1913, (56—62 предисловіе), 63—85: Innologia greca in onore dei SS. Costantino ed Elena. О почитаніи памяти Константина въ прежнее время у сирійцевъ — несторіанъ и монофиситовъ, ср. *A. Baumstark*, Konstantiniana aus syrischer Kunst und Liturgie, въ сборникѣ Konstantin der Grosse und seine Zeit, herausgeg. von F. J. Dölger. Fr. i. Br. 1913, 217—254. Между прочимъ, по мнѣнію Баумштарка, названіе „равноапостольный", ἰσαπόστολος, прилагаемое Константину въ богослужебныхъ книгахъ восточной церкви, появилось первоначально не для выраженія заслугъ Константина и не потому, что его гробъ положенъ былъ въ церкви апостоловъ наряду съ ихъ гробницами, но могло возникнуть изъ сопоставленія его обращенія съ обращеніемъ апостола Павла (252—4).

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬНОТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Поправки и дополненія.

Стр. 5, строка 16 снизу. Вмѣсто „№ 31“, должно быть № „31, 35—6“; вмѣсто „maio“ — „maggio“. Въ журналѣ Scuola cattolica должна быть отмѣчена весьма подробная библіографія о Константинѣ (274—294). Здѣсь же, въ приложеніи къ статьѣ *S. Scaglia*, Il labaro di Costantino, даны изображенія разныхъ формъ лабарума на константиновскихъ монетахъ и рисунки, представляющіе опыты реконструкціи лабарума на основаніи сообщенія о немъ Евсевія (32—33). Библіографію можно найти также въ статьѣ *H. Leclercq*, „Constantin“, въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, III, 2 (fasc. 32, 1914), c. 2622—2695, c. 2689—2695.

Стр. 8, строка 2 снизу. Должно быть вычеркнуто „(о Галеріи)“.

Стр. 13, строка 6 сверху. Вмѣсто „Chaussepié“ (какъ у Carbone), должно быть „Chaufepié“.

Стр. 13, строки 20 и 22 сверху. „Boissier (1891)“ и „Keim (1862)“ нужно переставить одно на мѣсто другого.

Стр. 28, строка 1 снизу. Ср. уже *D. Papebrochius* въ Acta Sanctorum, Maii t. V (1685), p. 18F: — — apparuisse Crucem, dum munitiones Rhenanas lustrans Imperator de loco in locum sedulus discurrit, non cum exercitu, sed cum expedita praetorianorum cohorte.

Стр. 40, строки 6—8 сверху. Вмѣсто „пусть просятъ соотвѣтствующаго вознагражденія“, нужно перевести: „пусть обратятся съ просьбою къ викарію“ (ср. стр. 159—162, прим.).

Стр. 43, строка 12 снизу. Вмѣсто „но далѣе встрѣчается“, должно быть: „но предъ этимъ говорится: „Primum, edicta pro libertate Christianae religionis, etiam antequam Licinium oppressisset, multa tulit — quemadmodum exempla constitutionum subiecta declarant, quae commemorat Eusebius libro decimo capite quinto“; далѣе встрѣчается“.

Стр. 88, строка 13 снизу. День смерти св. Петра александрійскаго не 24 ноября 311 г. какъ полагаетъ *E. Schwartz*, Zur Gesch. des Athanasius, IV, 529₃, но (какъ обратилъ на это вниманіе Д. А. Лебедевъ въ письменномъ сообщеніи) или 25 ноября 312, или, что признаетъ возможнымъ В. В. Болотовъ, 26 ноября 311 г. Ср. *В. В. Болотовъ*, Изъ исторіи церкви сиро-персидской, въ Христ. Чт. 1900, I, 442—3 (отд. отт. 114—5), примѣч.

Стр. 164, прим. 2, 165, прим. 2. *O. Seeck*, Die Zeitfolge der Gesetze Konstantins, въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung, X, romanist. Abteilung, 225, считаетъ Cod. Theod. IX, 16, 1 и 2, частями одного закона, относящагося не къ 319, но къ 320 г.; къ этому же году, вмѣсто 321, относится имъ и XVI, 10, 1. Законъ объ іудеяхъ, XVI, 8, 1, онъ относитъ (240) къ 329 г. вмѣсто 315. Ср. *L. Seuffert*, Konstantins Gesetze und das Christentum. Würzburg 1891, 12_1, 10_3.